

МИФ РОММЕЛЯ

ЛЕГЕНДА АФРИКАНСКОГО КОРПУСА

Морис Филип Реми

Морис Филип Реми

МИФ РОММЕЛЯ

ЛЕГЕНДА
АФРИКАНСКОГО
КОРПУСА

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 355/359 (430) "1940/45"

ББК 63.3(4Гем)

Р38

Maurice Philip Remy
MYTHOS ROMMEL

Перевод с немецкого Я. Зверева, С. Бойко

Компьютерный дизайн М. Хафизова

Печатается с разрешения издательства Ullstein Buchverlag GmbH
и литературного агентства Bettina Nibbe Literatur Agentur.

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 20.06.08.
Формат 84x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 4 000 экз. Заказ 2885.

Реми, М.Ф.

Р38 Миф Роммеля. Легенда Африканского корпуса / Морис Филип Реми; пер. с нем. Я. Зверева, С. Бойко. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА 2008. — 270, [2] с.: ил.

ISBN 978-5-17-045303-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-9162-3 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

На основе многочисленных материалов из архивов, частных собраний и фондов автором создан портрет «Лиса Пустыни», добившегося блестящих побед над британскими войсками в Северной Африке.

Текст снабжен большим количеством фотографий, картами, схемами и приложениями.

УДК 355/359 (430) "1940/45"

ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-985-16-6066-3 (ООО «Харвест»)

© Ullstein Heyne List GmbH & Co. KG, München, 2002

© Перевод. В. Гончаров, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Они пришли в 7 часов утра в понедельник 28 мая 2001 года.

«Под продолжительным дождем, но тайно и почти без повреждений, — писала на следующий день «Госларше цайтунг», — полдюжины рабочих исполнили задание, предыстория которого в прошедшие месяцы была предметом особого внимания общественности». [1]

Процедура продолжалась полчаса, после чего с фасада бывшего егерского казино в Госларе были сняты две старые мемориальные доски. Первая была посвящена фельдмаршалу Эрвину Роммелю, который с 1933 года в течение полутора лет был командиром батальона так называемых госларских егерей. Другая была посвящена «отцу танковых войск» генерал-полковнику Гейнцу Гудериану, [2] который во время Первой мировой войны был лейтенантом егерей, а затем короткое время — командиром роты. Это решение «красно-зеленое» большинство городского совета Гослара аргументировало тем, что *«доски имели почетный характер для представителей преступного режима и не могли служить в этом месте¹ ни к распространению исторических знаний, ни как образец для современной молодежи».* [3]

Это произошло 40 лет назад, 15 ноября 1961 года, но эхо тех событий звучит до сих пор. Во время установки памятной доски Эрвину Роммелю бывший генерал-инспектор бундесвера генерал Фридрих Фёрч при большом скопле-

нии людей заявил: *«Немецкий бундесвер чтит Роммеля как фельдмаршала, великопленного солдата и великого человека. Он всегда будет образцом и примером для молодых солдат».* [4]

Затем выступил с речью бывший генерал-полковник Герман Гот, генерал вермахта, который в 1948 году был осужден в Нюрнберге к 15 годам тюрьмы, но позднее досрочно освобожден. Гот, который в 1941 году в приказе войскам назвал «искоренение» (*Ausrottung*) евреев *«приказом о самосохранении»*, [5] спустя 20 лет при посвящении памятной доски в Госларе свидетельствовал, что Роммель был предан чести немецкого солдата: *«Причем он совершенно не касался, — отмечала «Госларше цайтунг», — роли Роммеля в движении Сопротивления и его самоубийства, которое в действительности было гибелью от рук диктатора».* [6]

Очевидно, у Гота имелись проблемы как с участием Роммеля в Сопротивлении, так и с собственным прошлым. Тогда это не было ни для кого удивительным, поскольку образ Роммеля еще нес на себе отпечаток потока воспоминаний ветеранов Африки, которые в основном соответствовали стереотипам, внедрявшимся во время войны пропагандой Геббельса. [7] Известнейшие книги выходили из-под пера бывших служащих «рот пропаганды» (*Propagandakompanie*), направленных в Африке Геббельсом. Их дополняли книги авторов, развивавших сложившийся в Англии во время войны миф о Роммеле, который добился столь блестящих побед над британскими генералами в Северной Африке и

¹ Здание бывшего егерского казино ныне используется в качестве школы. (Прим. авт.)

вошел в бессмертие, уступив славу величайшего полководца только своему победителю Монгомери.

Казалось, что Роммель должен служить для всех объектом интерпретации. Прежде всего — противнику, но и немцам — как тем, кто некритически объяснял прошлое, так и тем, кто относил себя к новому демократическому обществу и черпал немалую долю своей идентичности у мучеников 20 июля 1944 года. То, что не укладывалось в эту картину, просто умалчивалось. Не случайно издание рукописей Роммеля, вышедших в Германии под названием «Война без ненависти» (*Krieg ohne Hass*), [8] существенно отличалось от английского издания. Из немецкого издания были предусмотрительно изъяты обширные куски личных писем Роммеля к жене. Из них слишком однозначно явствовало, насколько тесной Роммель долгое время ощущал свою связь с режимом и его диктатором Адольфом Гитлером. Никакой диссонанс не должен был портить облик безупречного полководца. Или, как выразился в частном письме бывший генерал-лейтенант Генрих Кирхгайм, «Всякая публичная критика этой уже ставшей мистической личности повредила бы облику немецкого солдата». [9]

Смена парадигмы в немецкой историографии коснулась Роммеля с большим запозданием. Первым миф о «Лисе Пустыни» нарушил в 1977 году в своей фундированной биографии Роммеля крайне правый английский автор Дэвид Ирвинг. Основной тезис его книги состоит в том, что Роммель никогда не имел ничего общего с Сопротивлением, а оставался (по Ирвингу) до конца некритически верен Гитлеру. С этого момента свержение памятника Роммелю с постамента стало лишь вопросом времени. В 1994 году статья об Эрвине Роммеле исчезла из нового издания «20 июля — портреты Сопротивления», [10] в «Словаре Сопротивления 1933–1945» [11] того же года издания он также не упоминается. Такие явления как «дебаты Гольдхагена» и выставка «Вермахт» послужили катализаторами окончательного свержения Роммеля и предания его ритуальному проклятию.

Так, гамбургский публицист Ральф Джордано объявляет Роммеля военным преступником, ответственным за то, что «половина Италии... лежала головешками и пеплом», [12] и даже после 20 июля 1944 года откровенно желавшим, чтобы умерли еще миллионы немцев. С этими резкими обвинениями, которые были вновь обобщены в новейшей работе «Традиционная ложь» (*Die Traditionslüge*), Джордано в недавние годы атаковал одного за другим министров обороны, требуя наконец снять имя Роммеля с четырех казарм бундесвера, которые еще носили его. В рецензии на книги Джордано историк Винфрид Хайнеманн раздраженно констатировал «*полное одичание исторического дискурса у немецкой общественности*». «Примем „anything goes“², — отмечает Хайнеманн — теперь невозбранно действует и в исторических книгах». [13]

«Anything goes» я вспомнил в связи со свеженазначенным тогда государственным министром по делам культуры Михаэлем Науманном, который в феврале 1999 года на Берлиналле объяснил английским журналистам, что британцы имеют ложное представление о германских вооруженных силах во Второй мировой войне. В качестве примера Науманн привел «Лиса Пустыни» Эрвина Роммеля, которого в Англии изображают героическим галантным офицером. В действительности же, сказал Науманн, вермахт был «машиной убийства», «передвижной бойней». [14] Настоящий Роммель и его генералы были страшно далеки от образа, который воплотил актер Джеймс Мейсон в снятом в 1951 году фильме «Лис Пустыни». В создании этого образа Роммеля Науманн обвинил журналистов.

«Битва за доски» в Госларе послужила поводом для дебатов о Роммеле в самом Бундестаге. Не из-за того, что доски в конечном счете были сняты, а из-за того, что много выдвинутых обвинений так и не было ни оспорено, ни опровергнуто. Например, в листовке организации «Юнгсоциалистен», распространяемой в их опорном

² Что-то происходит (англ.).

пункте, утверждалось, что нельзя отвечать за почитание двух генералов, которые «судя по всему, участвовали в убийстве тысяч людей во Второй мировой войне». [15] В письме в «Госларше цайтунг» одна 20-летняя юнгсоциалистка из Гослара выразилась еще сильнее и назвала Роммеля и Гудериана «преступниками, на совести которых, вероятно, убийство миллионов людей». [16]

Насколько необоснованна была глорификация солдата и человека Роммеля в послевоенное время, настолько же неумеренным представляется ставить его в один ряд с убийцами миллионов — такими, как Адольф Эйхман. Впервые высказанный еще Дэвидом Ирвингом и с тех пор цитируемый в различных вариантах вопрос «Был он [Роммель] убежденным национал-социалистом, которого следует презирать, или же героем Сопротивления и противником Гитлера?» [17] не имеет отношения к изучению истории в собственном смысле этого слова. Ответ будет столь же простым, сколь обескураживающим: Роммель был и тем, и другим.

Захватывающую и во многом новую историю его эволюции эта книга описывает, если не касаться ходячих клише, прежде всего на основе оригинальных источников и устной традиции. Будучи фактически вторым высокопоставленным военным Гитлера, Эрвин Роммель оставил много письменных распоряжений. Его почти полностью сохранившаяся частная корреспонденция, собственноручные ежедневные донесения, приказы и записки делают возможным реконструировать его военную карьеру практически без лакун. Неисчерпаемое дополнение эти источники получают в свидетельствах непосредственного окружения Роммеля: дневники, письма, воспоминания и настоящий поток мемуаров рисуют нам отчетливую картину практически каждого периода жизни известнейшего немецкого генерала Второй мировой войны.

Многолетняя интенсивная работа в архивах, частных собраниях и фондах позволила собрать большое количество неопубликован-

ных или оставшихся незамеченными документов, которые дали иногда ошеломляющие ответы на долгое время неясные вопросы. Одновременно с этой книгой вышел трехсерийный документальный фильм «ARD». Интервью со 150 свидетелями и тысячи метров киноплёнки и фотодокументов излагали сухие факты и таким образом завершали работу. В критическом взаимодействии этой массы информации при сотрудничестве историков был создан образ Роммеля, который своей многогранностью и сложностью весьма отличается от всех прежних представлений.

Мы должны, писал Тильман Краузе в «Вельт» по поводу недавно появившегося «Тайного доклада» Карла Цукмайера, *«не изменить наши представления, а скорректировать их на основе подробностей, которые позволяют добиться лучшего понимания»*. [18] Именно это является целью данной книги об Эрвине Роммеле. Она не будет героической одой «Лису Пустыни», но также и не станет окончательным расчетом с ним. Это исследование биографии и личности фельдмаршала, основанное на множестве достоверных источников и следующее основному принципу: понимание — не осуждение.

Морис Филип Реми,
Мюнхен, август 2002 года

«Он не только близок к идеям национал-социализма, но и сам является национал-социалистом».
Гитлер и Роммель. Берлин,
1 октября 1942 года

Часть первая ВПЕРЕД!

«Я родился 15 ноября 1891 года в Хайденхайме на Бренце, став вторым сыном тамошнего профессора Эрвина Роммеля и его жены фрау Хелен, урожденной Луц. Оба моих родителя были евангелического исповедания. Мои первые годы прошли, насколько я помню, особенно приятно, поскольку я мог днями оставаться один во дворе и прилегающем к нему саду». [1]

Этими словами начинается автобиография 18-летнего ученика выпускного класса Эрвина Ойгена Роммеля, которую он приложил в марте 1910 года к заявлению № 124 о приеме в 6-й Вюртембергский Королевский пехотный полк «Король Вильгельм I» в Вайнгартене. [2]

Собственно, он хотел стать инженером — авиационным инженером. «В воздухе опоры нет», — возразил его отец и предложил сыну выбор между профессией учителя, как он сам, и офицерской службой. Эрвин Роммель выбрал меньшее в его глазах зло. Для молодого человека без выдающихся способностей из верхнего среднего класса военная служба была многообещающим выбором.

Отец, ректор прогимназии в Аалене, был почетным гражданином города. В свободное время он с педантичной строгостью проверял знания своих детей. Любовь они находили прежде всего у матери, за что платили ей нежной и глубокой любовью. Средний брат Карл впоследствии стал успешным стоматологом, младший, Герхард — менее известным оперным певцом. Сестра Хелен, к которой Роммель был особенно привязан, лично знала основателя

антропософии доктора Рудольфа Штайнера и участвовала в антропософском движении. Она была учителем искусства и рукоделия в вальдорфской школе в Штутгарте.

Во время обучения в военной школе в Данциге Эрвин Роммель познакомился в марте 1911 года на балу с 17-летней Луцией Марией Моллин. Хотя она происходила из строгой католической семьи — отец был ректором школы в Диршау в Восточной Пруссии, — между «Люси» и фенрихом-протестантом начался роман. В ноябре Роммель должен был вернуться в свой полк в Вайнгартене. Спустя два месяца он был произведен в лейтенанты и в последующие годы должен был обучать молодых рекрутов.

Скоро он вновь влюбился — в 20-летнюю Вальбургу Штеммер из Вайнгартена. Ее мать была, по выражению Роммеля, «богатая некогда дочь управляющего именем», которая «из-за своего мужа потеряла состояние». [3] Не идеальные условия для молодого лейтенанта: офицер в это время должен был при женитьбе внести залог в 10 000 золотых марок как доказательство способности вести самостоятельное хозяйство. Это была сумма, которая намного превышала возможности Эрвина Роммеля.

Когда отец в июле 1913 года узнал об этой связи, он потребовал от сына немедленного разрыва. Однако Роммель-младший отказался. Его отец не знал, что Вальбурга Штеммер была к этому моменту на пятом месяце беременности. [4] Ему было не суждено это узнать: 5 декабря того же года Эрвин Роммель-старший скончался.

С педантичной строгостью.
Родители Хелен и Эрвин Роммель

Долгое время Роммель колебался, не стоит ли ему оставить армию и жениться на Вальбурге. Он писал своей «маленькой маме», размышляя об их будущем: «Наше гнездышко должно быть идеальным. Как я рад!». Друзья-офицеры уговаривали Роммеля не оставлять профессию. Во всяком случае, выбор был сделан в пользу армии, а не Вальбурги, хотя он всегда заботился о ней и своей дочери. Вальбурга никогда не выдавала тайны отцовства. [5]

3 августа 1914 года, когда Германия объявила войну Франции, Роммель сообщил своей сестре Хелен о незаконной дочери. Под вечер полк выступил к люксембургской границе. Роммель, который оставался в гарнизоне, чтобы принять пополнение, должен был последовать за ним через два дня. В преддверии войны он просил сестру о помощи:

«Если мне предстоит... погибнуть, у меня есть только одно желание, знать, что о бедной Трудель и Вальбурге позаботились. 10 000 марок моей страховки должны быть перечислены Вальбурге Штеммер на воспитание Трудель. Далее, я прошу ежемесячно поддерживать Вальбургу 50 марками, пока она не сможет найти себе место, на котором без заботы сможет

прокормить и растить Трудель, столь долго, сколько потребуется нужным для моей несчастной сироты.

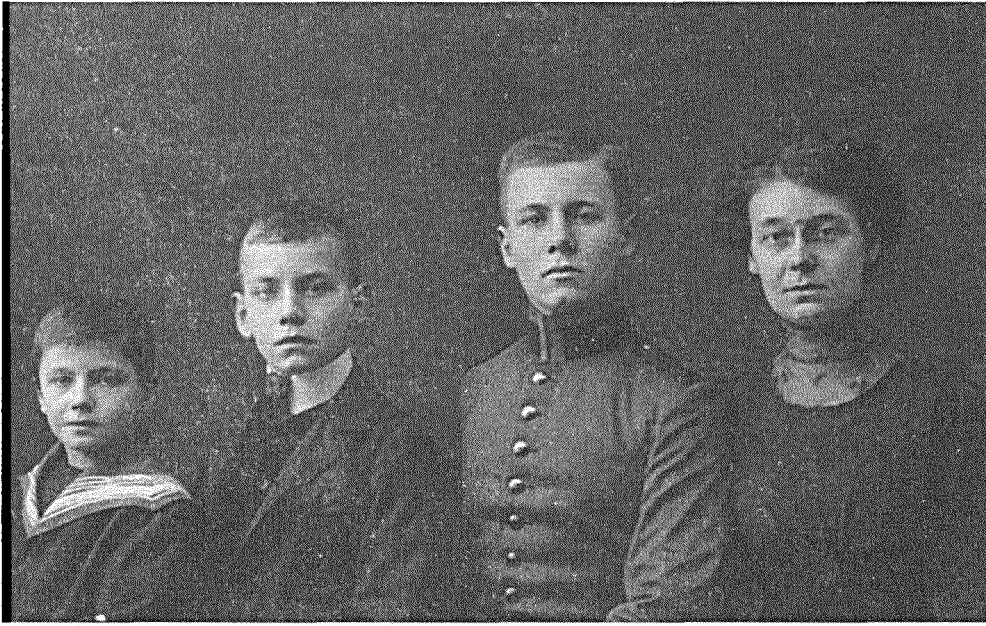
Надеюсь, мать и ты будете настолько любезны, чтобы выполнить мое последнее желание. Если же мне посчастливится вернуться здоровым, то моим единственным желанием будет дать хорошее воспитание моему единственному ребенку, Трудель, и помочь словом и делом Вальбурге не оказаться в бедности. Я до сих пор приготовил слишком мало средств и с радостью приму любое предложение, если смогу сделать им что-то хорошее, я люблю их больше, чем самого себя. Я хочу исправить то, что сделал неправильно».

В этом необычном письме от 3 августа 1914 года есть еще один характеризующий Роммеля пассаж. «Вчера вечером мой полк отбыл, — писал в заключение 22-летний лейтенант своей сестре. — Я, конечно, пришел на вокзал со своей любимой 7-й ротой. Люди так ужасно любили меня, что готовы были дать себя изрубить на куски. От фельдфебеля и унтер-офицера до рекрута. Это так приятно». [6]

Роммель распространял свою необычную магнетическую силу на подразделение. «Между ним и ими, — писал спустя десятилетия его начальник штаба в Африке Зигфрид Вестфаль, — существовал тот не поддающийся анализу флюид, который для всякого военачальника бывает подарком судьбы столь редко, и — возможно, потому — производит такое сильное действие». [7] Начальник штаба Роммеля во Франции в 1944 году Ганс Шпайдель также не находил этому феномену объяснения: «У него была харизма вождя, дар вести за собой войска, который оказывал на солдат не объяснимое разумом действие». [8]

Это воздействие стало фундаментом мифа о Роммеле.

Во время Первой мировой войны Роммель воевал на Маасе, а также западнее Вердена, в Аргоннах, Верхних Вогезах, в Румынии и в Италии. Он был дважды тяжело ранен, произведен

Без выдающихся дарований. Фанен-юнкер (третий слева), 1910 год

в обер-лейтенанты и отмечен Железным крестом 2-го и 1-го классов. Штурм горы Матажур в Юлийских Альпах в октябре 1917 года стал вершиной его военной карьеры. В этой операции против итальянских войск как в призме отразился подход Роммеля к ведению войны.

В августе 1917 года итальянцам впервые удался глубокий прорыв из долины Изонцо в глубину австрийской обороны, который поставил под серьезную угрозу весь австрийский фронт. Германия вынуждена была прийти на помощь союзнику и перебросила на фронт Изонцо 7 дивизий.

Целью запланированного контрнаступления 14-й армии генерала Отто фон Белова был выход к Венецианскому заливу. При этом необходимо было преодолеть три линии хорошо подготовленных оборонительных позиций итальянцев на Изонцо. Третья, считавшаяся наиболее значимой, линия проходила по гребню горы Коловрат до горы Кук и далее к горе Матажур. На высотах и горных вершинах оборонялись десятки тысяч итальянских солдат в хорошо выстроенных укреплениях, которые господствовали над лежащими ниже склонами.

Для штурма этих позиций Белов выделил германский Альпийский корпус. Правое, атакующее его крыло составляли королевский Баварский пехотный лейб-полк и Вюртембергский горный батальон, в котором Эрвин Роммель опосредованно представлял свою родину.

Между баварцами и вюртембержцами существовала известная конкуренция, которую генерал Белов еще перед началом сражения подогрел, пообещав тому, кто возьмет гору Матажур, высшую прусскую награду за храбрость — орден «Pour le Merite». [9]

24 октября в 2:00 под барабанный грохот артиллерии началось большое наступление на итальянские позиции. С наступлением дня части начали под проливным дождем выдвигаться из своих исходных районов. Роммель, бывший командиром 1-й роты, вел за собой примерно 500 солдат — три горные роты и одна пулеметная рота образовали так называемое «подразделение Роммеля» (Abteilung Rommel). Уже вскоре первая итальянская позиция была прорвана, и ударные подразделения начали подъем.

Подразделение Роммеля по возможности скрытно и беззвучно прокладывало себе путь

через кустарник и завалы деревьев. Роммель не знал, что итальянцы уже обнаружили его авангард и только ждали, когда он подойдет под стволы их пулеметов. Внезапность противнику удалась — прицельным огнем были ранены пять вюртембергских горных стрелков. Прорыв казался невозможным, даже по мнению Роммеля. Он приказал авангарду, находящемуся перед итальянским пулеметным гнездом, отойти в укрытие, и неожиданно сам отошел назад со своим подразделением. Затем под прикрытием кустарника он начал головоломное восхождение в обход итальянской оборонительной линии.

Через полчаса Роммель вышел на замаскированную дорогу итальянцев и примерно в 60 метрах от себя увидел итальянские позиции. Он приказал своему подразделению скрытно изготовиться к атаке. Итальянский гарнизон еще ничего не подозревал, но лобовая атака все равно была смертельно опасным предприятием. И тогда Роммелю пришла в голову блестящая идея. Разведывательный отряд должен был совершенно открыто двигаться по замаскированной итальянской дороге и вести себя при этом так, будто это группа итальянцев отходит с выдвинутого поста.

Смелая военная хитрость удалась. Без единого выстрела группе всего из восьми горных стрелков удалось ворваться на позиции совершенно потрясенных итальянцев и захватить их гарнизон. Так Роммель прорвал вторую оборонительную линию. Он немедленно продолжил наступление, но при этом оказался не единственным: в 11:00 в отдалении были замечены части Баварского королевского лейб-полка. Обер-лейтенант со своим подразделением примкнул к «лейбам» и к 17:00 достиг скального гребня прямо под так называемой высотой 1114. [10]

Активное продвижение вюртембержцев определенно не понравилось командиру Баварского лейб-полка графу Макс фон Ботмеру — в 19:00 он вызвал Роммеля к себе и категорически запретил ему любое продвижение на высоту 1114 или гору Матажур. Но он скрыл от Роммеля, что часом раньше 12-я рота его полка

под командованием лейтенанта Фердинанда Шёрнера³ совершила прорыв итальянских позиций на вершине горы Матажур. Позднее Шёрнер за это был награжден орденом «Pour le Merite». [11]

При первых утренних лучах командир Роммеля майор Теодор Шпрёссер отменил приказ Ботмера, поднял подразделение Роммеля и с большими предосторожностями двинулся на запад, параллельно итальянским позициям. Более чем через час Роммелю удалось вновь захватить итальянских солдат на их позициях врасплох. Он молниеносно провел свое подразделение через заграждения на итальянскую оборонительную линию. Позиция на горе Колловрат была прорвана. И пока с высоты 1114 доносился шум боя, горные стрелки Роммеля ошеломили сотни итальянских солдат, внезапно появившись у них за спиной.

Только через четверть часа удар Роммеля был замечен другими итальянскими частями. Последовавший контрудар Роммель в последний момент смог обернуть к своей пользе. Начался легендарный штурм горы Матажур. В 11:15 подразделение Роммеля уже было на восточном склоне горы Кук. Не задерживаясь для чреватой большими потерями борьбы за вершину горы, горные стрелки продвинулись еще на 3 километра вглубь, по направлению к следующей горе — Крагонцо. При этом основные силы подразделения потеряли контакт с авангардом Роммеля, который со 150 стрелками уже был далеко в тылу неприятеля.

В 15:30 Роммель вновь собрал свое подразделение — достаточно далеко в глубине обороны противника, чтобы отважиться на атаку горы Крагонцо. Штурм итальянских горных позиций начался 26 октября в 5:00. Меньше чем за два часа тяжелого боя итальянский гарнизон был разбит. От Крагонцо Роммель повел своих людей к следующей горе — Мрзли Врх.

³ Впоследствии — фельдмаршал и военный преступник, последний командующий группой армий «Центр». Осужден на 25 лет в СССР, отсидел десять из них и был передан ФРГ, где получил еще 4,5 года за массовые расстрелы без суда собственных солдат. (Прим. ред.)

Но пока подразделение изготавливалось к атаке, к Роммелю пришел приказ майора Теодора Шпрёссера: «Вюртембергскому горному батальону — возвращаться». Командир полка был так изумлен количеством пленных — подразделение Роммеля за 24 часа обезоружило 3200 итальянских солдат — что счел сопротивление итальянцев на горном массиве Матажур окончательно сломленным. Роммель же совершенно не собирался возвращаться. Он отправил назад большинство горных стрелков, но сам продолжил продвижение всего с сотней солдат. [12]

Действиям Роммеля способствовало то обстоятельство, что итальянские солдаты были совершенно деморализованы еще перед началом его частного наступления и многие из них сдавались добровольно. Последняя крупная итальянская группировка на Мрзли Врх, 2-й полк бригады «Салерно», без сопротивления сложила оружие в 11:00. Роммель один выбежал навстречу итальянским солдатам, утираясь карманным платком. Его отделяло от цели 1500 метров. Словно в тумане он поднялся со своими солдатами на гребень горы Матажур. Когда итальянский гарнизон обнаружил на вершине горных стрелков, он тоже сложил оружие. Гора была захвачена.

«В 11:40 26 октября 1917 года, — писал Роммель в своих воспоминаниях, — три зеленые и одна белая ракеты оповестили, что массив Матажур пал. Я организовал своему подразделению часовой отдых на вершине. Они это заслужили». [13]

Для Роммеля это была выдающаяся победа. «Уже взятием горы Матажур, — писал впоследствии его друг и коллега по Дрезденской пехотной школе Курт Хессе, — он должен был получить признание. По существу он всегда оставался тем самым лейтенантом, в своем умении быстро оценить ситуацию и в последующей молниеносной реакции». [14]

Тактика Роммеля была столь же простой, сколь действенной: «внезапность места и времени определяет положение». Идеи Роммеля стали определяющими для многих поколений офицеров в Германии и за ее пределами.

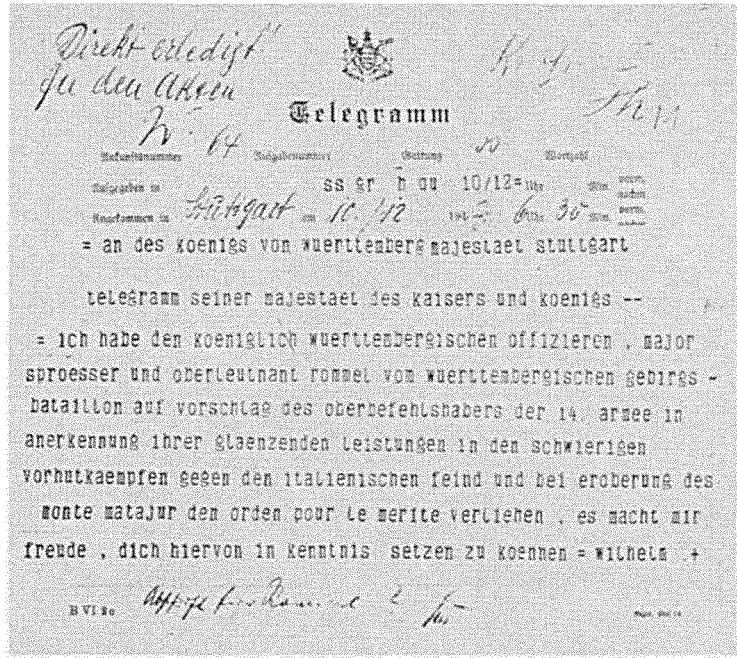
Тактика Роммеля имела и оборотные стороны. Не раз во время штурма горы Матажур он уходил вперед настолько, что терял связь с основными силами своего подразделения и оказывался под угрозой уничтожения. В такой ситуации это было ничем иным, как чрезмерно опасной игрой ва-банк — хотя необычные способы Роммеля вести бой, несомненно, имели своей целью сберечь жизни доверенных ему солдат. При этом молодой «лейтенант» действовал на грани физических возможностей своих людей. «Пролить пот вместо крови» — было его вечным принципом. [15] «Он был невыразимо суров, — писал впоследствии о Роммеле Хессе, — но не только к другим, но прежде всего к самому себе». [16] Молодой офицер Второй мировой войны назвал Роммеля «современным Ганнибалом, которого война приводит в безумие, как течка приводит в безумие животных». [17]

После горы Матажур Роммель преследовал отступающих итальянцев по пятам. Его подразделение находилось на острие наступления Альпийского корпуса и всей 14-й армии. Победный марш Роммеля должен был привести его к Пьяве и Лонгароне. Однако в начале ноября его постигло жестокое разочарование. Во фронтовой газете Роммель обнаружил сообщение № 63 о награждении орденом «Pour le Merite» лейтенанта Вальтера Шнибера из 4-й роты 4-го королевского прусского Верхне-Силезского пехотного полка. [18] Кайзер Вильгельм II при своем посещении фронта 27 октября лично повесил на шею молодого командира роты почетный восьмиугольный орден синей эмали. Когда Роммель прочитал, за что Шнибер получил отличие за храбрость, он не поверил своим глазам. Силезский лейтенант «своим энергичным самостоятельным решением и примерным активным руководством в безоглядной атаке, преодолевая ожесточенное сопротивление превосходящего противника, захватом всей господствующей горы Матажур оказал решающее влияние на дальнейшее продвижение армии». [19]

Что же произошло? 25 октября 4-я рота Верхне-Силезского пехотного полка заняла верши-

Шокирующая новость о «Pour le Merite». 1917 год

В ответ на жалобу пришла поздравительная телеграмма кайзера Вильгельма II

Штутгарт, 10/12 1917

6 часов 30 минут

Его Величеству королю Вюртембергскому
телеграмма Его Величества Кайзера и Короля

По представлению командующего 14-й армией и в знак признания их блестящих успехов в тяжелых авангардных боях против итальянского врага и взятии горы Матажур я пожаловал королевско-вюртембергским офицерам майору Шпрёссеру и обер-лейтенанту Роммелю из Вюртембергского горного батальона орден Pour le Merite. Рад известить тебя. Вильгельм.

ну горы Колонна, которая упиралась в небо непосредственно за горой Матажур. Ротный командир лейтенант Шнибер доложил о взятии вершины по радио непосредственно в штаб своей дивизии, а там захват горы Колонна истолковали как взятие горы Матажур. [20]

Борьба за почетный орден, как и борьба за высоту 1114, была кровопролитной. Командующий 14-й армии фон Белов уже 25 октября, в соответствии со своим обещанием, запросил «Pour le Merite», который был вручен лейтенанту Шниберу спустя два дня. [21]

Роммель тут же обратился к своему полковому командиру с протестом против несправедливости. Шпрёссер поддержал его. Тогда Ром-

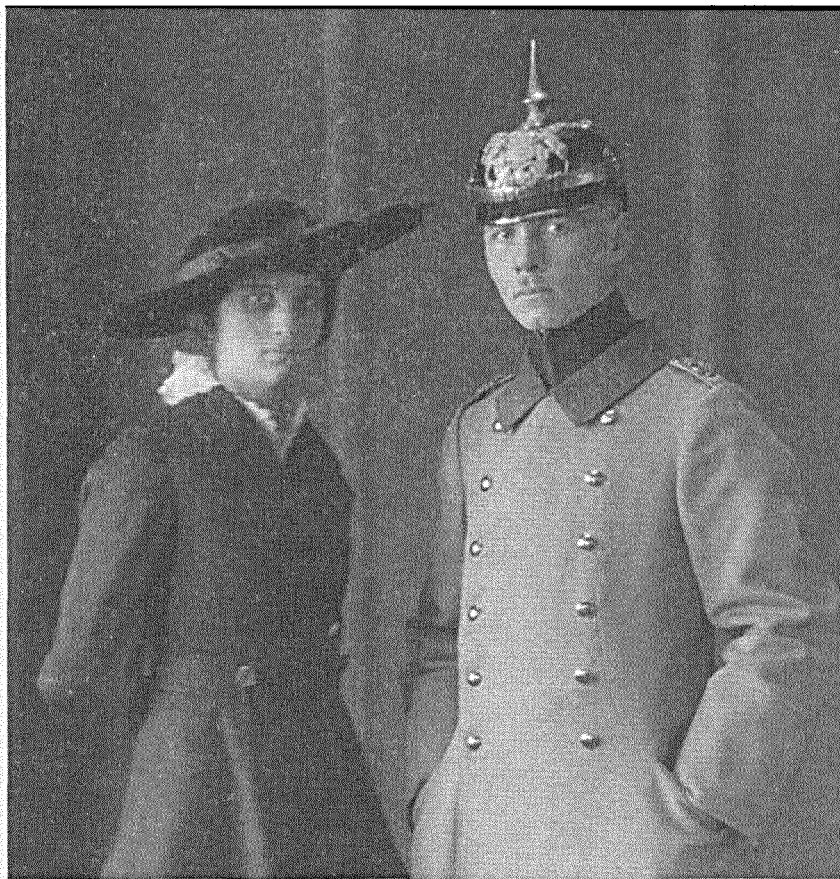
мель направил письменную жалобу. Ситуация грозила скандалом. Начальник генерального штаба 14-й армии Конрад Краффт фон Делльмензинген принял Шпрёссера и Роммеля 3 ноября и в тот же день записал в своем дневнике: «Я обещаю, что, если доклад [Шпрёссера и Роммеля] подтвердится, я позабочусь о том, чтобы, несмотря на невозможность отзыва представления на лейтенанта Шнибера, горный батальон не должен остаться в ущербе». [22] Увы, против «Pour le Merite», который вручал сам кайзер, сделать было уже ничего нельзя.

Жалоба Роммеля дошла до Военного Кабинета самого его величества кайзера. Делльмензинген записал в своем дневнике 26 ноября:

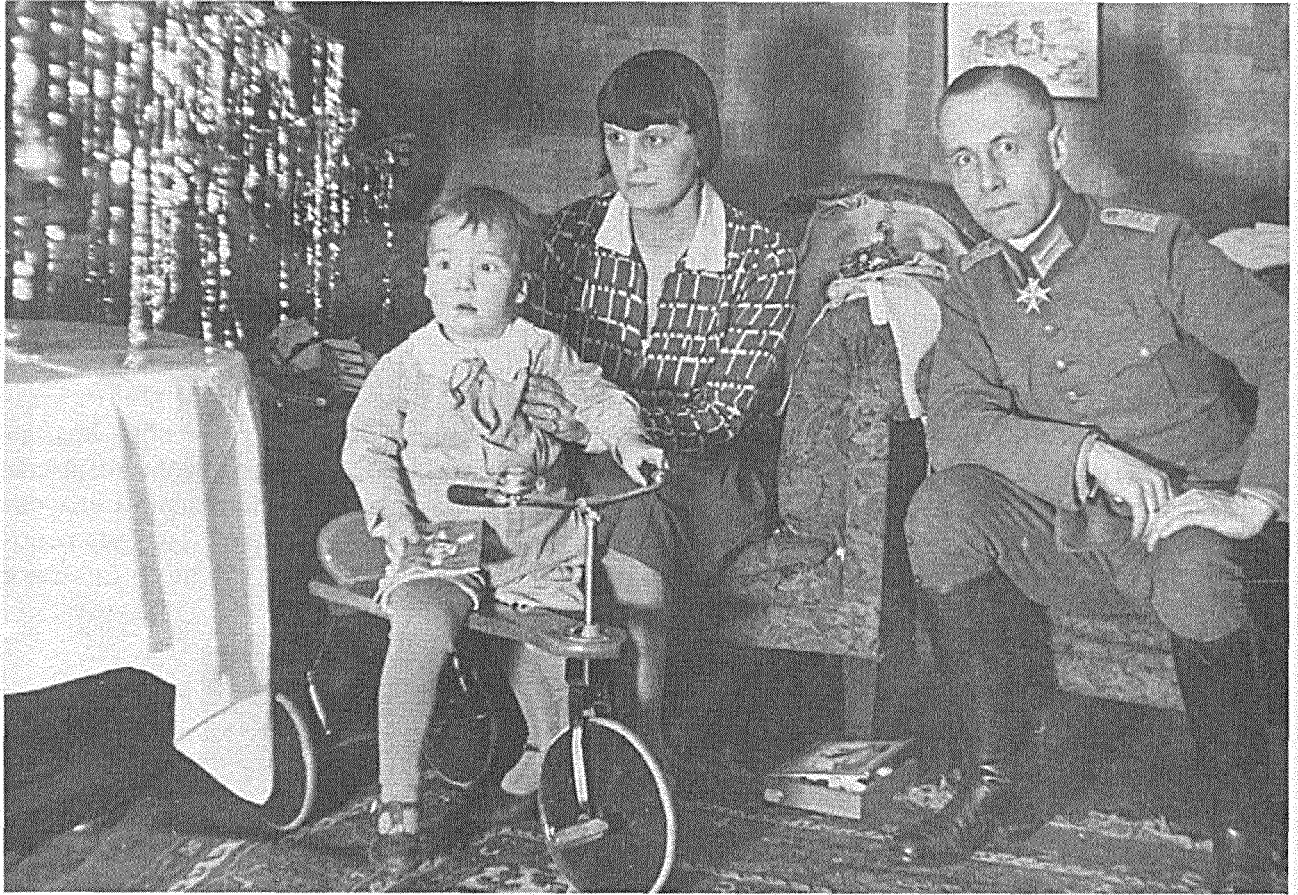
«Доклад [12-й] дивизии представляет дело так, будто заслуга Шнибера состояла в том, что он захватил [оборонительные позиции] на Матажуре и тем самым соответственно заслужил орден. Это очень изобретательное толкование, которое можно трактовать в предположительном смысле, чтобы не пришлось говорить, что [12-я] дивизия доложила не вполне верно». [23] Это было осторожное признание откровенной фальсификации. Во всяком случае, Шпрёссер и Роммель были наконец также представлены к «Pour le Merite».

Это было жестоким уроком и травмирующим опытом для Роммеля. Он, без сомнения добившийся на фронте Изонцо наибольших успехов в боях за горные позиции, должен был бороться за признание своих заслуг с помо-

щью жалоб. Обиду Роммеля, видимо, усиливало его предубеждение против известных порядков в офицерском корпусе. Уже в военной школе, как рассказывал он позднее своему начальнику штаба в Африке Зигфриду Вестфалу, робкий, стеснительный шваб часто «испытывал обиду, которая укоренялась в нем». [24] Короткое прикомандирование в январе 1918 года к «Генеральному командованию особого назначения № 64», то есть с фронта к высокому штабу, еще более углубило предубеждение Роммеля. [25] Он отказался после войны от получения образования Генерального штаба — весьма необычный шаг для отмеченного высокой наградой и одаренного военного. При тогдашней системе отношений он отказывался от входного билета в

В доме верного мужа.
С Люси Роммель (урожденной Моллин), Данциг, 1916 год

Возвращение к частной жизни. Дрезден, 1932 год

круг генералов. Роммель хотел оставаться тем, кем он был — строевым командиром.

18 октября, незадолго до окончательного исхода, Роммель был произведен в капитаны. Три недели спустя война закончилась. После бескровного подавления восстания «красных Советов» в Линдау 18 октября 1919 года, [26] Роммель принес присягу новой республике. После столь же бескровной обороны ратуши Швабиш Гмюнда, которую собирались штурмовать в марте 1920 года взбудораженные рабочие, протестующие против Капповского путча, [27] капитан Роммель стал в декабре 1921 года командиром пулеметной роты в Штутгарте. Здесь ему предстояло пустить корни на ближайших 8 лет.

Веймарская республика, безусловно, не была государством, обещавшим своим солдатам хорошие перспективы. Прежде всего, Версальский договор ограничивал размер армии побежденной страны всего сотней тысяч солдат. Это вело к бесконечной задержке производства в чинах. Роммель тоже 14 лет оставался простым капитаном — вплоть до апреля 1932 года. Кроме того, поражение 1918 года нанесло тяжелую травму самосознанию военных.

Вне зависимости от агитации праворадикальных противников республики, офицерский корпус пережил глубокий шок. Бывший командир Вюртембергских горных стрелков Теодор Шпрёссер писал:

«Чем больше... враждебный нам мир показы-

вает стремление подавить наше народное самосознание, нашу справедливую гордость и наше великое прошлое, наш дух и наши дела во всех областях, тем более мы вправе и обязаны для наших детей и внуков всю жизнь писать и воспитывать, подчеркивать и укреплять огромную гордость за немецкого солдата в мировой войне!» [28]

Роммель не был политически мыслящим человеком. То смутное чувство, которое попытка выразить его бывший командир Шпрёс-

сер, охватило и его. Реакция Роммеля была типичной для большинства офицеров его времени. За войной и вихрями революции последовало возвращение к казармам и частной жизни.

Уже в ноябре 1926 года Роммель, будучи в коротком отпуске на родину, женился в Данциге на своей юношеской любви — Люси Моллин. Это решение далось ему нелегко. Люси должна была признать, что у ее мужа есть незаконно-рожденная дочь, и выйти из католической церкви, поскольку они венчались по протестант-

Наконец-то ребенок! Сын Манфред, Дрезден, 1931 год

скому обряду. Тем счастливее оказался брак. Часто резкий с виду Роммель дома был любящим супругом, а Люси оставалась самым близким и доверенным человеком всю его жизнь.

В декабре 1928 года после двух бездетных лет у них наконец родился сын Манфред. На это радостное событие легла тень: двумя месяцами раньше в Вайнгартене от воспаления легких умерла мать дочери Роммеля Вальбурга Штеммер. Эрвин Роммель был ее большой любовью. До самой смерти она не теряла надежды, что он вернется к ней. Весть о беременности Люси Роммель она перенесла тяжело. Может быть, именно из-за нее она утратила волю к жизни? После смерти Вальбурги Эрвин Роммель и его жена Люси заботились о маленькой Гертруде, которая росла у бабушки. На людях и для Манфреда она долгое время оставалась «кузиной», и Роммель неизменно завершал свои письма к ней словами: *«твой дядя Эрвин»*. [29]

В сентябре 1929 года Роммель был назначен начальником инспекции пехотной школы в Дрездене. Это звучало громче, чем было на самом деле: Роммель занимался практической пехотной подготовкой молодых кандидатов в офицеры. По большей части он утром уезжал в школу на велосипеде, пристегнув шпагу к раме с помощью пары бельевых прищепок, чтобы преподать фанен-юнкерам и фенрихам практическую сторону военного ремесла.

Если он не выходил со своими подопечными на местность, то использовал в учебной аудитории передовые по тому времени средства. С помощью диаскопа он показывал на стене простые собственноручные наброски и разъяснял ученикам различные боевые ситуации. Материал Роммель брал из своего опыта в Первой мировой войне. Кульминацией был рассказ о штурме горы Матажур. Он заслужил уважение фанен-юнкеров и фенрихов — и не только орденом *«Pour le Mérite»*, который неизменно носил на шее. Но для личного контакта с ним изъявления уважения было совершенно недостаточно. Если другие преподаватели возбужденно общались с учениками в переры-

вах между занятиями, то Роммель всегда отстранялся.

А если в принципе доходило до личного разговора, то Роммель выбирал всегда две темы: война и математика, к которым он питал особую склонность. [30] Сам он, как пишет Курт Хессе, обучавшийся в той же военной школе, *«не был большим мыслителем»*. [31]

Хайденхайм, Аален, Вайнгартен, Ульм, Фридрихсхафен, Штутгарт — а вот теперь Дрезден. Провинциальная жизнь угнетала Эрвина Роммеля. Он был, по выражению Хессе, *«простым человеком с самостоятельно сформировавшимся мировоззрением»*. [32] Простым, однако необразованным и неинтеллигентным, местами даже склонным к грубому юмору. В его простоте, той самой *«природности»*, о которой позднее говорил Эрнст Юнгер, может таиться ключ к последующей карьере Эрвина Роммеля в Третьем Рейхе. [33]

Смену власти в Берлине 30 января 1933 года произведенный наконец-то в майоры Роммель встретил в Дрездене. Он, как и большинство офицеров, воспринял ее скорее как наблюдатель, чем как участник. Рейхсвер сознательно держал 100 000 человек вне политики. Политические заявления, деятельность и простое участие в выборах были строго запрещены — военный, будто в условиях диктатуры, должен был отказаться от любой попытки самостоятельно заниматься политикой в сотрясаемой кризисом демократии.

В октябре 1933 года Роммель был переведен в Гослар и назначен командиром богатого традициями III батальона 17-го пехотного полка так называемых *«госларских егерей»*. При вступлении в должность Роммель обратился к своему батальону с коротким выступлением, в котором отчетливо упомянул *«выдающиеся достижения нашего имперского канцлера Адольфа Гитлера»*. [34] Под конец построения было провозглашено троекратное *«ура»* имперскому президенту Гинденбургу и имперскому канцлеру Гитлеру.

Слова о новом правительстве не демонстрируют Роммеля ни как особого сторонника Гит-

Альберт Шнец, фенрих в военной школе в Дрездене:

«Роммель всегда давал на занятиях практический пример. Например, из Французского похода. Там была высота, а на ней дом, в котором сидел взвод французов, стрелявших из всех стволов. Роммель должен был занять высоту, но сказал себе, что если атакует, то понесет большие потери. И тут же он спросил нас:

— Ну, а что бы вы сделали?

И мы, естественно, открывали огонь,

и т. д. и т. д.

— А как это сделали вы? — спрашивали мы. И он отвечал:

— Я подполз с сигнальным пистолетом и выстрелил в сено. Оно загорелось, французы побежали и мы вошли внутрь».

лера, ни как убежденного национал-социалиста. Программные пункты нового правительства — довооружение и увеличение армии для восстановления обороноспособности страны — автоматически встречали единодушное одобрение офицеров Рейхсвера. [35]

Перевод в Гослар на первых порах скорее имел своим результатом отдаление Роммеля от нового режима. Причиной была роль штурмовых отрядов партии, так называемых СА, в Госларе. В этом небольшом городке, как и во всех малых германских общинах, собралась, как выразился историк доктор Петер Шига, «обычная толпа мелкобуржуазных и люмпен-пролетарских драчунов и дебоширов». [36] Коричневая орда неприкрытым насилием терроризировала местных евреев и инакомыслящих граждан Гослара. 5 мая 1933 года, за полгода до приезда Роммеля, вооруженные члены СА приковали немолодого функционера СДПГ Вильгельма Зёфге и владельца маленького магазина еврея Зельмара Хохберга к телеге мясника. С обеих сторон повозки были прикреплены плакаты

«Только для свиней», на людей были повешены таблички с надписями «Я — спекулянт Зёфге» и «Я — еврей Хохберг». [37] Под звуки барабанов и флейт двух людей возили по городу на телеге. Некоторые граждане Гослара с улюлюканьем шли в процессии, некоторые плевали беззащитным людям на телеге в лицо, другие закрывали ставни и были возмущены бесчеловечностью действия. Вмешаться они не могли — члены СА были вооружены.

Роммель после прибытия в Гослар стал начальником гарнизона и оказался в конфликте с коричневыми хулиганами. Члены СА неоднократно провоцировали ссоры с солдатами его батальона. [38] Они оскорбляли проживавшего в Госларе отставного генерала Эрнста фон Офена, который не присоединился к бойкоту еврейских торговцев, и угрожали ему. Роммель, как передает устная легенда, поставил пулеметный пост в доме фон Офена и пригрозил, что при необходимости воспрепятствует любому нападению силой оружия. [39] Во всяком случае, очевидно, что Роммель ос-

Гитлер с визитом в Госларе, 30 сентября 1934 года. Рядом с ним — Роммель

тро реагировал на покрываемый партией разгул насилия. [40]

Местные проблемы Роммеля с СА в Госларе нашли в 1934 году свое продолжение на национальном уровне в споре руководства Рейхсвера с почетным фюрером штаба СА Эрнстом Рёмом. Последний все настойчивее требовал легализовать свои коричневые орды как вторую армию Германии. Это диаметрально противоречило представлениям Рейхсвера, который ревниво относился к своему монопольному положению в государстве. В июне 1934 года конфликт дошел до высшей точки. Распространились слухи о подготавливаемом СА путче, начальник управления войск приказал командующим округами незаметно сконцентрировать силы. Эта мера касалась и командира Госларских егерей Эрвина Роммеля. Во всяком случае, 30 июня его батальон находился на полигоне Альтенграбов в Магдебурге. В этот день Гитлер решил проблему на свой лад: 84 фюрера СА и противника режима были убиты по его приказу.

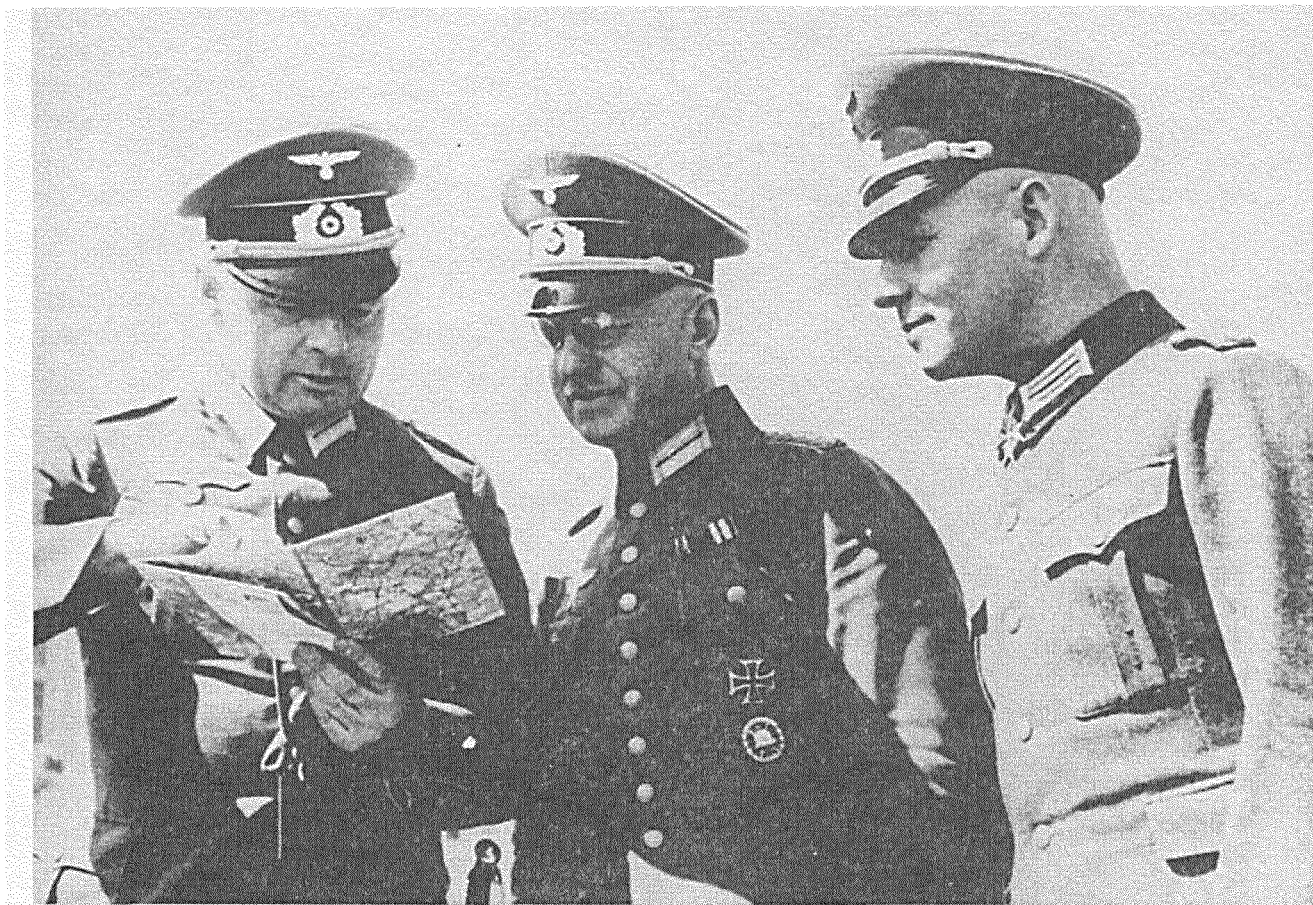
Общественности эта бойня была представлена как разгром запланированного путча. Офицерами Рейхсвера действия Гитлера расценивались исключительно позитивно.

26-летний обер-лейтенант граф Клаус Шенк фон Штауффенберг говорил, что устранение руководства СА было подобно очистке гнойника, которая должна была установить наконец ясные отношения режима с народом. [41] И генерал-майор Эрвин фон Вицлебен, второй (наряду с Роммелем) фельдмаршал, убитый в 1944 году за причастность к Сопротивлению, ожидал даже, что при отстранении с членами СА ничего не произойдет. [42] Подполковник Эрвин Роммель, который еще 30 июня быстрым маршем привел свой батальон обратно в Гослар, приветствовал «Ночь длинных ножей». «Этой мерой, — говорил он, — наконец-то покончили со всей бандой». [43]

«Путч Рёма» Роммель осудил вместе с новым режимом. Это событие стало еще одним поводом, подтолкнувшим Роммеля к Гитлеру и национал-социализму. [44] После смерти им-

перского президента Пауля фон Гинденбурга 2 августа 1934 года вооруженные силы присягнули «фюреру и имперскому канцлеру». В сентябре Гитлер лично посетил Гослар с большим пропагандистским сопровождением: Лени Рифеншталь даже снимала происходящее на цветную пленку. В «имперском крестьянском городе» в День урожая демонстрировалась связь национал-социалистического движения с крестьянским сословием. Роммель выстроил роту почетного караула на Кайзерплатц и несколько минут следовал за Гитлером при обходе строя. Затем Гитлер принял в Кайзеровском зале «Присягу крестьянства». [45] Роммель за ним не последовал.

Тем не менее, отныне Роммель, который в марте 1935 года был произведен в подполковники, был открытым последователем Гитлера. В День памяти героев 17 марта он произнес торжественную речь на праздничном построении перед казармами. Накануне Гитлер вновь ввел всеобщую воинскую обязанность и приказал довести численность вооруженных сил до 12 корпусов и 36 дивизий. Воодушевленный Роммель говорил о «фронтовом солдате Адольфе Гитлере» как «пролагателе пути из настоящего в будущее». В частности, «благодаря гениальным мероприятиям фюрера» была побеждена безработица и оказана помощь социально слабым. В стране вновь господствовал оптимизм,

Преподаватель тактики. С командиром Военной школы (Роммель справа), Потсдам, 1938 год

а вне ее «активная внешняя политика фюрера вновь вернула нам уважение». С восстановлением всеобщей воинской обязанности и увеличением вооруженных сил была «мужественно разорвана позорная для немецкого народа часть Версальского договора». Роммель завершил речь словами: «Немецкий народ не хочет реванша. Он хочет мира для себя и для всех — но мира чести и права». [46]

Однако в Госларе Роммель узнал и теневые стороны режима. Как и многие другие, он ошибочно верил, что эти проявления будут устранены с разгромом путча Рёма. Но среди 23 000 жителей города были еще 50 евреев. [47] Их отграничение и лишение прав, особые вывески на их предприятиях, ограничивающие их жизнь законы и угрожающая ей травля — все это в те годы было повседневностью в Госларе, как и в остальной Германии. И хотя в частном кругу Роммель, по утверждению его сына Манфреда, порицал антисемитизм правительства, [48] в судьбу своих преследуемых сограждан-госларцев он не вмешивался.

Уже в январе 1935 года Роммель, который год за годом имел выдающиеся характеристики, [49] получил предложение о назначении начальником учебного цикла в военной школе в Потсдаме. [50] 15 октября того же года назначение состоялось. Роммель вновь занялся преподаванием уже в Потсдаме, теперь уже в роли преподавателя тактики. Как и в Дрездене, его взгляды и подход были необычными, а несомненной кульминацией каждый раз становился рассказ о штурме горы Матажур.

В 1937 году его жизнь снова пришла в движение. [51] Сначала Роммель опубликовал свои воспоминания о Первой мировой войне под названием «Пехота атакует». Книга стала бестселлером не только в военных кругах. Кроме того, 25 февраля Роммель получил особое поручение — он стал офицером связи вермахта с Имперским руководством молодежи. Это означало, что Роммель должен был поддерживать контакт с функционерами молодежных организаций и, как удостоенный высоких наград ветеран Первой мировой войны, рассказывать восторжен-

ным подросткам из «Гитлерюгенда» о штурме Матажура. В действительности Роммель имел от Имперского военного министерства и тайную миссию — поставить организацию под контроль вермахта. [52] Еще во времена рейхсвера военные предпринимали попытки завладеть Гитлерюгендом, чтобы самостоятельно заниматься военным обучением молодежи. Однако в 1935 году они натолкнулись на сопротивление рейхсфюрера немецкой молодежи Бальдура фон Шираха. Теперь счастья должен был попытаться Роммель.

Уже первая встреча между ними прошла не под счастливой звездой. Роммель посетил рейхсфюрера молодежи в его загородном доме в Кохельзее. К несчастью, жена фон Шираха Генриетта попыталась произвести на офицера-шваба из Потсдама впечатление красотой Баварских Альп. «Сама того не зная, — с иронией пишет в своих воспоминаниях Ширах, — Генриетта дала нашему гостю точку опоры». [53] Горы! Роммель начал двухчасовой доклад о штурме горы Матажур.

В мае 1938 года ситуация сложилась серьезнее. [54] Во время проведения «Лагеря имперского фюрера» в Веймаре, своеобразных палаточных сборов более 3000 фюреров «Гитлерюгенда», уже произведенный в полковники Роммель представил представителю рейхсфюрера молодежи Хартману Лаутербахеру тезисы доклада. Лаутербахер категорически отказался: «По смыслу такого доклада мы оказываемся уже не подразделением НСДАП, а армейской организацией». [55] После яростной борьбы удалось прийти к компромиссному решению, которое должен был утвердить Бальдур фон Ширах. [56] Согласно воспоминаниям Лаутербахера, Роммель в тот же день передал рейхсфюреру немецкой молодежи на подпись первоначальную версию, и Ширах поставил подпись под документом без достигнутых компромиссных формулировок. [57]

Вскоре после этого Ширах все же отозвал свою подпись и объявил происшедшее недопустимым. Кроме того, молодежный рейхсфюрер обратился непосредственно к Гитлеру, чтобы

«Нельзя рассматривать как нациста». Потсдам, 1938 год

защититься от напора вермахта и избавиться от Роммеля. Обратился с успехом — «Гитлер-югенд» и впредь остался партийной организацией, а Роммель в августе 1938 года был без шума отозван со своего поста. Мнение Шираха было твердым: «Роммеля, — говорил он Мартину Борману, — нельзя рассматривать как нациста». [58] Опытный национал-социалист был прав: Роммель был ослеплен видимыми успехами режима, но в течение всей своей жизни оставался чужд его идеологии.

По-видимому, Роммель не понес какого-либо ущерба. С 1 по 9 октября 1938 года он был комендантом Главной квартиры фюрера во время вторжения в Судеты. В военном отношении задача не требовала ничего особенного. В первую очередь Роммель должен был заботиться о безопасности Гитлера. Это назначение катапультировало скромного полковника и преподавателя в высшие властные сферы Германии. Впрочем, у Роммеля имелись влиятельные покровители. Одним из них был адъютант Люфтваффе при Гитлере Николаус фон Белов, в прошлом — фанен-юнкер в военной школе в Дрездене, где преподавал Роммель. [59] Другой, шеф-адъютант вермахта при Гитлере Рудольф Шмидт, предложил кандидатуру Роммеля в коменданты. Между Роммелем и Шмидтом установились дружеские отношения. До самой своей гибели в результате покушения 20 июля 1944 года Шмидт оставался приятелем Роммеля и его собеседником в Главной квартире фюрера.

10 ноября 1938 года Роммель стал начальником знаменитой Военной академии Марии-Терезии в Вене (район Винер-Нойштадт). Вскоре после этого он в третий раз посетил так называемые национально-политические курсы для старших офицеров в Берлине. [60] В конце мероприятия выступил лично Адольф Гитлер. Находившийся под впечатлением Роммель писал своей жене Люси: «Вчера фюрер сказал: *сегодняшний солдат должен быть политическим, ибо он должен быть постоянно готовым для действий в новой политике. Германский вермахт — это меч немецкого мировоззрения*». [61]

В определенной степени развитие Роммеля до этого момента было отражением взаимодействия диктатуры и рейхсвера, а позднее — вермахта. Последние в своем ошибочном убеждении, будто являются главной силой в стране, все глубже попадали в зависимость от Гитлера. Девиз «Фюреру — да! Партии — нет!» [62] помогал отмежеваться от очевидных преступлений режима. Это удавалось и Роммелю.

В конце 1938 года Роммель был приглашен в Швейцарию. Его книга «Пехота атакует» была здесь принята особенно положительно и нашла применение при обучении швейцарских кандидатов в офицеры. Автор должен был лично сделать доклады в Базеле, Цюрихе, Шаффхаузене и Ольтене перед швейцарскими офицерами о своем опыте в Первой мировой войне. Серия докладов имела и неприятный отзвук. Роммель как обычно описывал штурм горы Матажур и весьма пластически передал реакцию деморализованных итальянских солдат. Итальянский военный атташе в Швейцарии подал жалобу в германское посольство в Берн, и к нему прислушались. Роммель должен был воздержаться в своих лекциях от описания итальянских солдат. Это не было незначительным инцидентом: Италия с 1936 года считалась союзником Германии по Оси, а дуче Бенито Муссолини — личным другом фюрера. Роммель должен был исправиться. [63]

В двухстраничном письме в Главное командование Сухопутных войск Роммель заверял: *«Я строго придерживаюсь исторических событий, всякое уничижительное замечание об итальянских солдатах и их боевой ценности устранено»*. [64] В последнем абзаце письма Роммель дал краткое описание своей поездки и отметил среди прочего: *«...в особенности молодые [швейцарские] офицеры выражали симпатию к новой Германии. Также по еврейскому вопросу отдельные господа высказывались с правильным пониманием»*.

Видимо, при лекциях во время поездки Роммеля по Швейцарии обсуждалось и обращение с евреями — ведь так называемая «Хрустальная ночь» состоялась всего месяц назад, 9 ноября

Всегда во втором ряду. Польша, Главная квартира, сентябрь 1939 года

1938 года. Инсценированные нацистами погромы вызвали за границей слишком неприязненную реакцию. Манфред Роммель даже пытался посмотреть на руины сожженной синагоги в Винер-Нойштадте, но был по распоряжению полиции отведен домой. [65]

Что означало в данном контексте «с правильным пониманием»? Отдельные швейцарские офицеры одобрительно высказались о погромах? Это представляется невероятным. Или они приветствовали лишение евреев прав и их преследование в Германии, пока происходили «организованные гонения», в то же время осудив «спонтанные» погромы коричневой толпы? Та-

кая позиция была в то время в Германии широко распространена. Или же швейцарские офицеры приветствовали «новую Германию» несмотря на преследование евреев и события 9 ноября? Это также возможно. В любом случае, Роммель не был антисемитом и рассматривал «весь еврейский вопрос», как выразился его сын Манфред (тогда ему было 10 лет) «скорее как нечто негативное». [67] У нас нет других источников, на основании которых можно было бы сделать вывод о враждебности Роммеля к евреям.

В марте 1939 года Роммель вновь на две недели стал комендантом Главной квартиры фюрера во время вторжения в Чехословакию и

оккупации Мемеля. Если он раньше при всем своем признании Гитлера не отходил от национал-консервативной позиции немецкого офицерства, то теперь началась фаза личного приближения к диктатору. Оно вылилось в личные взаимоотношения, которые Роммель не смог разорвать до конца жизни. Начало им положила личная встреча с Гитлером на чехословацкой границе.

Гитлер, который еще не встретил свою конвойную команду СС, не мог войти в Прагу. *«Но тут рядом оказался я, — гордо рассказывал потом Роммель своему другу Курту Хессе, — и предложил Гитлеру ехать дальше под моей ох-*

раной — прямо в Град. Я сказал ему: „У вас нет выбора. Для вас, мой фюрер, есть только одна дорога — в сердце страны, в столицу, в замок Праги“. В определенной степени я вынудил его ехать со мной. Он поверил мне и не забыл, что я дал ему этот совет». [68]

Полгода спустя, 1 августа 1939 года, Роммель был вне очереди произведен в генерал-майоры. Если бы после Первой мировой войны он стал офицером Генерального штаба, то, как кавалер «Pour le Merite», получил бы этот чин еще несколько лет назад. Но только теперь, в 48 лет, он получил доступ на высшие ступени офицерской карьеры.

23 августа Роммель вновь был прикомандирован к Главной квартире фюрера. Развязанный Гитлером кризис вокруг Польши вступил в свою высшую фазу. Все признаки говорили о войне. Только Роммель не хотел в нее верить. Прощаясь с Люси в Винер-Нойштадте, он говорил с твердокаменной убежденностью: «Ты можешь быть уверена, пока живо поколение участников Первой мировой войны, Вторая мировая не начнется». [69] Еще 31 августа, за день до нападения на Польшу, Роммель писал Люси: «Что может произойти в этом положении? Я верю, что все же обойдется без тяжелых военных последствий». [70]

Это был неоправданный оптимизм. Франция и Великобритания грозили в случае вооруженного конфликта встать на сторону Польши. Безмятежный Роммель выдал ординарцу Гитлера Хайнцу Линге свой прогноз: через 14 дней все будет позади! [71]

В ночь на 1 сентября бойцы зондеркоманды СС в польской униформе напали на 3 расположенных рядом с польской границей германских сооружения, в том числе радиопередатчик в Гляйвице. Эти инсценированные пограничные инциденты послужили Гитлеру поводом для нападения на Польшу. Следующим утром в 10 часов диктатор обратился к Рейхстагу и немецкому народу в берлинской Кроль-Опере.

Его речь изобиловала ложью: *«Сегодня ночью польские регулярные войска впервые откры-*

ли огонь по нашей территории. С 5:45 открыт ответный огонь. Отныне мы будем отвечать бомбой на бомбу». [72] Воодушевленный Роммель писал Люси: «Что ты скажешь о событиях 1-го [сентября] (речь фюрера)? Все-таки замечательно, что у нас есть такой человек». [73] Роммель все еще не понимал, какому господину служит.

Инсценированный пограничный инцидент был началом преступлений в Польше. Для умиротворения оккупированной страны айнзатц-группы СС чисто «профилактически» убивали польскую интеллигенцию, знать и клир, профессоров и врачей. Но прежде всего — тысячами ставились к стенке евреи. Роммель ничего не знал об этой бойне, но впоследствии неосторожно связался с адъютантом рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера, чтобы узнать о судьбе своего польского родственника. Дядя Люси, католический священник Эдмунд Рожиняльский бесследно исчез вскоре после вторжения германских войск. Позднее Роммель получил на свой запрос безынформативный ответ из Главного управления имперской безопасности: «Можно только предполагать, что он [Рожиняльский] пал жертвой превратностей войны или погодных условий». [74]

Как в «дикой охоте Лютцова», по выражению одного офицера, [75] его можно было видеть в первые недели сентября в Польше на легком броневом автомобиле во главе конвоя фюрера. С 16 офицерами и 274 солдатами он обеспечивал охрану Гитлера в его многочисленных визитах в войска. [76] В еженедельных киножурналах «Дойче вохеншау», которые широко освещали эти его вылазки, можно сразу заметить Роммеля. Он всегда находился во втором ряду, беспокойный и какой-то потерянный. В высшем круге национал-социалистического государства, который теперь собрался в главной квартире фюрера, он явно чувствовал себя не очень хорошо. [77]

Тем искуснее Гитлер пытался маленькими жестами улучшить его настроение. Хайнц Линге писал в своих воспоминаниях: «Гитлер обязал его участвовать в обсуждениях положения,

приглашал к столу, сообщал ему информацию, которая представлялась ему особенно важной. Он объяснял ему взаимодействие танков, штурмовых частей и пикирующих бомбардировщиков и разъяснял, что быстрые победы должны помешать врагу распознать его, Гитлера, стратегию и тактику. У меня было впечатление, что Роммель жадно впитывает каждое слово». [78]

Удивительно, что отдельные этапы этой «вербовки» можно шаг за шагом проследить в письмах Роммеля к его жене. Так, 9 сентября он писал: «Я много времени провожу с фюрером, часто в интимнейшем обсуждении. Это доверие для меня величайшая радость, куда большая, чем генеральское звание...» [79] День спустя он говорит: «Вечером опять долгое обсуждение положения, причем я могу присутствовать и высказать мнение. Замечательно, если в проблеме есть ясность». [80] 12 сентября Роммель пишет: «Фюрер — это самый лучший настрой. Часто стоит с ним только поговорить, это совершенно личное». [81] И наконец, 23 сентября: «Фюрер — это настрой. Я сижу за его столом дважды в день, вчера вечером я мог сидеть рядом с ним. Солдат снова в цене». [82]

В эти недели состоялось окончательное превращение Роммеля в убежденного последователя лично Гитлера, относившегося к своему господину с почитанием. Гитлер со своей стороны казался очарованным решительным швабом с «Pour le Merite». В глазах Гитлера восхищение Роммеля существенно отличалось от «недостаточной готовности армии и в особенности Генерального штаба сухопутных сил верить ему и идти за ним...» [83]

Через четыре с половиной месяца после победы над Польшей Роммель получил командование над 7-й танковой дивизией в Бад-Годесберге. Этим необычным для пехотинца назначением он был обязан своему новому покровителю.

Роммелю посчастливилось лично получить при отъезде из Главной квартиры книгу «Моя борьба» с автографом Гитлера. Диктатор написал на книге: «Господину генералу Роммелю на дружескую память... 3.2.1940». [84]

В особом конвое фюрера. Польша, сентябрь 1939 года

Роммель более не сомневался в Гитлере. Офицеры его нового дивизионного штаба с удивлением увидели, как он при встрече поприветствовал их вскинутой правой рукой и словами «Хайль Гитлер». [85] Когда в начале марта 1940 года к его штабу был прикомандирован лейтенант Карл Ханке, который в гражданской жизни был статс-секретарем Министерства пропаганды, Роммель написал жене: *«Меня это не огорчает, мне не нужно держать язык за зубами, но прочим придется быть поосторожнее. Национал-социализм для многих все еще чуждое дело»*. [86] На публике Роммель держал себя

как ярко выраженный национал-социалист. Во всяком случае, среди других генералов это поведение принесло Роммелю прозвище генерала-нациста.

Как бы оправдывая доверие, которое оказал ему Гитлер, назначив командиром 7-й танковой дивизии, 10 мая Роммель начал наступление во Франции. [87] Спустя 3 дня он во главе своей дивизии переправился через Маас. 16 мая его танковая дивизия достигла легендарной линии Мажино. Хотя главнокомандующий 4-й армии генерал-полковник фон Клюге отчетливо приказал: «Никакого прорыва», Роммель не смог

устоять. Как и в Первой мировой войне, он стремился ошеломить французского противника. В 18:30 Роммель выдвинул вперед авангард. План Роммеля удался. Защитники в своих бетонных бункерах за минными полями и колючей проволокой не рассчитывали на появление его танков. В 23:00 прорыв был завершён. Теперь преград не было, и Роммель решил превратить внезапный успех в прорыв в глубину вражеской территории.

Роммель рвался вперед и вперед. Напрасно командиры пытались остановить его. Роммель просто не отвечал на их радиogramмы. Иногда подразделения дивизии Роммеля теряли и связь с собственным авангардом. Совершенно изолированный, как остров в море, Роммель с несколькими танками ехал по чужой стране. Все было как в Первую мировую войну. «Те же уловки, финты и внезапность, только в большем масштабе», — вспоминал лейтенант 7-й танковой дивизии. [88]

«Путь нашего наступления открывал невиданную никогда ранее картину, — писал Курт Хессе, который был во Франции военным корреспондентом. — На протяжении 8–10 кило-

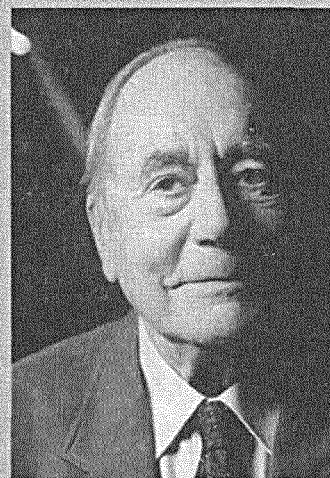
метров стояли многие сотни автомобилей, некоторые в придорожных канавах, некоторые сгоревшие, некоторые с убитыми и ранеными на сиденьях. Тут и там из отдельных укрытий и леса выходили французы с поднятыми руками и признаками глубокого ужаса от пережитого, но спереди доносились короткие быстрые выстрелы танка, на котором часто лично восседал Роммель с фуражкой на голове, причем в его командирской машине находились всего два офицера сопровождения. Он внушал священный ужас, не было никакого сопротивления, ни со стороны врага, ни от окружения. Тот, кто не мог двигаться дальше, просто останавливался и ложился, в итоге устья Соммы достиг только он с тремя танками!» [89]

Успех был впечатляющим. Французский II корпус был охвачен паникой, его танковая дивизия оказалась перемолота, а вместе с ней — еще дюжина более мелких соединений. Было захвачено более 10 000 французских пленных. Прорыв принес дивизии Роммеля прозвище «дивизия-призрак». «Элемент психологического шока стал эффективным оружием», — писал историк Карл-Хайнц Фризер. [90]

Хайнц Плюмахер, солдат во Французском походе:

«Я тоже был в 4-й армии, и мы однажды слышали, нам рассказывал наш вахмистр, да, есть командир дивизии, который просто идет вперед без прикрытия слева и справа, и несмотря ни на что добивается успеха. Ее называли «дивизия-призрак»; потом мы узнали, что это был Роммель».

Исполненный безграничной гордости. Парад победы, Париж. 20 июня 1940 года

Когда 22 июня 1940 года в Компьенском лесу было подписано перемирие с Францией, Роммель мог быть доволен. За свой гусарский рейд через линию Мажино он был отмечен «Рыцарским Крестом». И все равно он позаботился о том, чтобы его боевые успехи не оказались в забвении. Роммель регулярно отправлял Рудольфу Шмундту в Главную квартиру фюрера боевые донесения с просьбой передавать их Гитлеру. С ним более никогда не должна была повториться история с горой Матажур. [91] Тем досаднее стало Роммелю, когда он узнал, что двое «генштабистов» его обошли и были произведены в генерал-лейтенанты. «*Это просто жестоко, — писал он 27 августа Люси, — когда не обращают внимания на успехи последних месяцев. Как обычно, „фронтовик готов к смерти“.*» [92]

Возможно, Роммель переоценил свое значение для Гитлера. В сочельник 1940 года он с гордостью дал своему офицеру для поручений Карлу Ханке переплетенный в красную кожу собственноручно составленный сборник всех боевых донесений своей дивизии для передачи в Главную квартиру. Гитлер поблагодарил Роммеля и написал ему 20 декабря: «*Дорогой гене-*

рал Роммель, я благодарю вас за переданное собрание сражений вашей 7-й танковой дивизии в Западном походе. Этим вы дали мне возможность еще раз пережить поход Вашей дивизии. Вы можете быть гордым за совершенное. Желаю в будущем году вам и вашей дивизии самого лучшего. С немецким приветствием, ваш Адольф Гитлер.» [93]

Шмидт добавил еще одну записку, которая особенно порадовала Роммеля: «*Можете себе представить, — писал он, — с какой радостью фюрер изучал ее.*» [94] Счастливый Роммель писал Люси: «*...То, что фюрер при всей его занятости нашел время заняться моей историей танковой дивизии и написать мне, наполняет меня бесконечной гордостью...*» [95]

Возможно, Роммель подумал бы о письме иначе, если бы знал, как за его спиной опишет эту историю его офицер для поручений Ханке: «*Гитлер пролистал дневник, ни разу не задержавшись на тексте, отложил том и приказал адъютанту написать обычное письмо.*» [96]

Диктатор был далек от мыслей о Роммеле. 18 декабря он подписал секретную директиву № 21. Под кодовым обозначением «*Барбароса*» началась подготовка к нападению на СССР.

Часть вторая

МАЯТНИК

Первыми начали британцы. В 1882 году они изгнали турецкого наместника из Египта и оккупировали эту страну — прежде всего для того, чтобы защитить только что открытый Суэцкий канал. Тридцать лет спустя итальянцы захватили у турок провинции Триполитания и Киренаика, которые были в 1934 году объединены с Фессаном в итальянскую колонию Ливия. Спустя год войска итальянского диктатора Бенито Муссолини вошли в Абиссинию и заняли 5 мая 1936 года ее столицу Аддис-Абебу. Дуче провозгласил возрождение новой Римской империи (*Imperium Romanum*). [1]

10 июня 1940 года воодушевленная успехами германского наступления на Западе Италия объявила войну Великобритании и Франции. Решение было принято торопливо и без всякого планирования войны. Но уже спустя 12 дней в Компьене было подписано перемирие.

В противоположность Германии, которая годами вооружалась Гитлером для войны, итальянская армия в значительной степени находилась на уровне Первой мировой войны. Несмотря на это, Муссолини надеялся на легкую добычу под крылом своего партнера по Оси. Объектом его вождения был Египет. Как и Римская империя цезарей, Муссолини хотел господствовать на Средиземном море, которое в Италии именовали не иначе, как *mare nostrum* — наше море.

Независимо от интересов Муссолини, в Главном командовании вермахта (ОКВ) и Главном командовании сухопутных войск (ОКХ) с июня думали над тем, как поддержать возмож-

ный итальянский удар из Ливии на Суэцкий канал. В связи с запланированным нападением на Англию изучались возможности ударить по Великобритании в ее колониях. Во вспомогательных войнах с немецкой поддержкой дружественные фашистские режимы должны были поразить Британскую мировую империю в ахиллесову пяту: Испания — возвращением Гибралтара, Италия — наступательной операцией против Суэцкого канала. [2]

Однако испанский каудильо Франсиско Франко отказался, а Муссолини предпочел напасть на Египет самостоятельно. Уже в августе германское «высадочное предприятие „Морской лев“» на Британские острова было отложено на неопределенный срок. Обсуждавшаяся всеми воздушная битва над Англией также не дала желанного результата.

Новое предприятие Гитлера отодвинуло многие задуманные планы. С июня диктатор размышлял над нападением на Советский Союз. В основе решения лежали «борьба за жизненное пространство на Востоке» и стремление уничтожить идеологического противника. С быстрой победой над Россией Великобритания потеряла бы последнего потенциального союзника на континенте, а затем была бы «раздавлена ее последняя надежда», — комментировал начальник Генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер иллюзорные калькуляции диктатора. [3, 4]

В ранние утренние часы 13 сентября 1940 года итальянские войска без консультации с

Североафриканский ТВД. Карта 1950 года

союзником по Оси перешли границу между колонией Ливия и Египтом. Спустя 5 дней, после легких пограничных боев с британцами, они подошли к Сиди-Баррани и остановились в 90 км от границы. Снабжение более не работало, и войска стали ограниченно боеспособными. Только через 3 месяца по планам итальянского Генерального штаба можно было возобновить наступление.

Так в первый раз качнулся маятник войны в Северной Африке. За последующие два года пять раз он в совершал смертоносный взмах по Киренаике. Поле битвы простиралось более чем на 1000 км — от пустынного форта Эль-Агейла на западе до порта Соллум на востоке, и от Средиземного моря на севере до песчаной пустыни на юге. Борьба шла на прибрежной полосе в 100 км шириной — среди осыпей, каменистых степей и карстовых равнин. В борь-

бе в этой пустыне, как и в морской войне, главной задачей было обнаружить врага и ударить по нему. Предварительный захват местности был здесь бессмысленным и даже вредным, поскольку ничто не имело в пустыне большего значения, чем снабжение. Топливо, боеприпасы, оружие и воду необходимо было перевозить на грузовиках за сотни километров. Отступающий сокращал плечо подвоза и оказывался ближе к своим базам снабжения. При ненарушенном подвозе по морю потерпевший поражение парадоксальным образом оказывался в конце наступления в лучшем положении, чем победитель.

В декабре 1940 года маятник неожиданно качнулся назад. По приказу генерал-лейтенанта Ричарда О'Коннора началось британское наступление против итальянских позиций у Сиди-Баррани. Успех превзошел все ожидания.

Еще через 8 недель О'Коннор изгнал итальянцев из Киренаики и с авангардом подошел к Эль-Агейле. 130 000 итальянских солдат были взяты в плен, захвачено 400 танков и 3000 орудий. [5] Остатки итальянских войск в Северной Африке в панике бежали на 800 км от расположенного на западе Триполи.

Хотя полная британская победа в Ливии была совсем рядом, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль распорядился 12 февраля 1941 года остановить наступление и перебросить значительную часть британских войск из Африки в Грецию, [6] в которую вторглись итальянские войска — также без согласования с союзником по Оси. Если бы О'Коннор мог продолжить наступление, итальянское сопротивление в Ливии было бы сломлено в течение пары недель. А так война в Северной Африке затянулась еще на два года.

Ирония истории состояла в том, что как раз 12 февраля Эрвин Роммель в первый раз ступил на африканскую землю в аэропорту Триполи. [7] За 6 дней до этого Гитлер лично принял его в Имперской канцелярии в Берлине и передал командование над германским «Заградительным соединением», которое должно было остановить британское продвижение в Северной Африке. Гитлер опасался, что потеря Ливии доставит его итальянскому другу Бенито Муссолини большие политические трудности и будет угрожать Оси Берлин—Рим. Для диктатора и его военных советников Ливия была лишь второстепенным театром военных действий. Гитлер искал решения «своей» войны на Востоке.

Во время пребывания Роммеля в Берлине на столе Гитлера вновь оказался первоначальный план прорыва к Суэцкому каналу. Во всяком случае, он поручил Роммелю действовать решительно, в полном соответствии с тем, что он написал Муссолини о действиях немецких войск в Северной Африке:

«...я уверен, что чисто оборонительное удержание позиции не может помешать дальнейшему продвижению англичан... Оборона должна быть наступательной». [8]

Указания главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича и его начальника Генерального штаба Гальдера звучали совершенно иначе. [9] На основе точных расчетов возможностей снабжения и с учетом прежде всего предстоящего вторжения в Россию (о котором Роммель не был информирован) оба генерала с самого начала придерживались мнения, что «Заградительное соединение» не следует снабжать так, чтобы оно было способно в обозримый срок к большому наступлению с ожидаемым успехом. Роммель должен был остановить дальнейший отход итальянских войск в направлении Триполи и перейти к оборонительным действиям на так называемой линии «Сирт».

Генеральный штаб Роммеля останавливал, Гитлер ободрил и дал свободу действий. Это противоречие было выражением длительного конфликта, который тлел между диктатором и военным руководством еще со времен вторжения в Польшу.

«Можешь представить, — писал Роммель в этой ситуации жене, — как у меня гудит голова от всех новостей. И как выйти из положения?» [10] Но не было вопроса, в котором Роммель опустил бы руки. Юному лейтенанту он доверил свой замысел в Ливии: «Мы прорвемся до Нила, повернем направо [в Восточную Африку] и отвоюем ее обратно». [11]

Роммель явно торопился. Не зная, что Черчилль остановил наступление, он предполагал перед собой значительно превосходящие британские войска, удар которых на Триполи ожидался со дня на день. Помимо нескольких соединений Люфтваффе, которые находились в Ливии с января, 12 февраля 1941 года на африканской земле не было никаких германских войск, за исключением полевого лазарета, двух водовозных колонн и автомастерской. Через два дня, когда вечером 14 февраля в порту Триполи начали выгружаться первые германские пехотинцы, свежепроизведенный генерал-лейтенант Роммель стоял на пристани и лично подгонял портовых рабочих и войска. Он требовал разгрузиться до утра.

Уже следующим утром в 11:00 Роммель мог встречать перед старой турецкой крепостью Триполи 3-й разведывательный батальон и 39-й противотанковый дивизион. Под звуки военного оркестра и ликование итальянских обывателей солдаты проехали на своих автомобилях мимо своего командующего и итальянских военных. С парада они без промежуточных остановок покатали через арабский квартал Триполи дальше на восток.

26 февраля, через 26 часов после высадки, немецкие авангарды достигли передовой линии итальянцев у Сирта, на краю пустыни. Роммель на легком самолете Физелер «Шторьх» поспешил туда же. Довольный, он радировал в Главную квартиру фюрера: *«Первые германские части только что прибыли на фронт в Африке»*. [12]

Два дня спустя «Заградительное соединение» Роммеля получило официальное название — Германский Африканский корпус (Deutsches Afrika-Korps). Роммель гордо сообщил жене, что *«фюрер очень рад тому изменению положения, которое произошло с моим приездом и вмешательством. Он во всех отношениях одобряет мои меры»*. [13]

Роммель еще не располагал тяжелыми танками, да и большая часть предназначенных для него соединений еще не прибыла в Африку. С точки зрения Роммеля, сейчас требовалось обмануть противника в отношении своей силы или слабости. В мастерских южнее Триполи механики в эти дни начали сооружать муляжи танков из картона, а по пустыне рыскали небольшие группы легких автомобилей со связками фашин или тентами, поднимающие для вражеской авиаразведки столько пыли, сколько может поднять целый танковый батальон. Лишь 11 марта 1941 года в Триполи были выгружены первые танки, но Роммель придумал способ создать впечатление многочисленности войск. Он приказал механикам танков после торжественного проезда на площади сворачивать в ближайший переулок, огибать квартал и опять выезжать на парад, чтобы вновь показаться под трибунами.

Если Роммель собирался добиться этими

обманными маневрами какого-то успеха, то надо признать, что они оказались бесполезными. У британцев не было намерения наступать. Напротив, Роммель видел слабость своей позиции и был вынужден предупредить противника и ударить в направлении Киренаики. Под лозунгом «наступление есть лучшая оборона» он приказал двигаться на восток, в направлении Эль-Агейлы.

Сам Роммель вылетел 19 марта в Германию, чтобы лично доложить Гитлеру в Имперской канцелярии. В знак приветствия диктатор пожаловал генерал-лейтенанту как признание его *«особых достижений»* во Французском походе Дубовые листья к Рыцарскому кресту.

Роммель излучал оптимизм. [14] Он говорил, что не видит в Африке трудностей, и надеялся выступить после скорого прибытия 15-й танковой дивизии со всем корпусом на восток, в направлении Киренаики. Гитлер после визита был «полон восхищения этим генералом и видел развитие ситуации в Африке весьма позитивным». [15]

Последующее обсуждение в Главном командовании сухопутных войск прошло не так гармонично. Как писал после войны начальник Генерального штаба Франц Гальдер, Роммель самоуверенно заявил, что «скоро завоюет Египет и Суэцкий канал».

«Затем он говорил о... Восточной Африке, — записал Гальдер. — Я не смог ответить ничем кроме иронической улыбки и спросил, какую цель он этим преследует. Он [Роммель] считал, что ему нужны еще два танковых корпуса. Я спросил его: „Собственно, если вы этого хотите, как вы собираетесь их обеспечивать и снабжать?“ На это последовал классический ответ: „Мне это совершенно безразлично. Это ваше дело!“». [16]

Между тем, Африканский корпус продвинулся с позиции Сирт на 280 км на восток, не встретив серьезного сопротивления. В ночь на 24 марта дозорному подразделению удалось занять пустынный форт Эль-Агейла. До борьбы с британцами не дошло — форт был оставлен на ночь. Только утром приехал британский гарнизон, встреченный ошеломляющим отпо-

Отвоевать Германскую Восточную Африку! Триполи, 12 марта 1941 года (Роммель — втор)

ром. Еженедельный киножурнал использовал ситуацию и показал эпизоды драматического сражения за Эль-Агейлу, которого в действительности не было. Генерал-лейтенант Эрвин Роммель единственный на этой жаре в униформе цвета фельдграу и высоких сапогах, с Рыцарским Крестом и Дубовыми листьями поверх «Pour le Merite» на шее «руководит атакой в первых рядах», как восторженно сообщал киножурнал «Дойче вохеншау». [17] В действительности «Шторх» прилетел уже утром после захвата Эль-Агейлы. Это не означало, что

Роммель избегал передовой — но пока он умел подать себя общественности было повинно не столько его тщеславие, сколько печальный опыт Первой мировой: клялся себе, что никогда больше не поедет другим «таскать масло с хлеба». Горьки горы Матажур все еще действовал.

«Фюрером твердо решено, — успокоил писал ему адъютант вермахта при полковнике Рудольф Шмундт, — что история с заочными заслугами более не повторится». [18] А его спутник Курт Хессе, который поднялся

ста начальника прессы сухопутных войск, с самого начала прислал по просьбе Роммеля [19] в дополнение к обычному контингенту роты пропаганды трех корреспондентов, которые еще в гражданской жизни сделали впечатляющие карьеры. Это были оператор Ганс Эртль, который стал известен фильмом о Гималаях и сотрудничеством с Лени Рифеншталь в съемках «Олимпии», звездный фотограф из «Берлинер иллюстрирте» Эрик Борхерт и топ-автор барон Ханнс Герт фон Эзбек.

Таким образом, три звезды были прикомандированы к штабу Роммеля и постоянно находились поблизости. Никто не должен был упустить тот факт, что именно он держит поводья в Африке. [20] Наряду со впечатляющими сюжетами из Ливийской пустыни, экзотической флорой и фауной Роммель стал существенной составной частью репортажей. Камень в основание мифа был заложен.

Конечно, этому помогало и личное обаяние Роммеля, под которое попал прикомандирован-

ный к штабу Роммеля 36-летний обер-лейтенант доктор Ингемар Берндт. В гражданской жизни Берндт был министриальдиректором в Министерстве пропаганды. В Африку он попал, как и его предшественник Ханке — во Францию: Геббельс любил, когда его сотрудники проходили проверку на фронте.

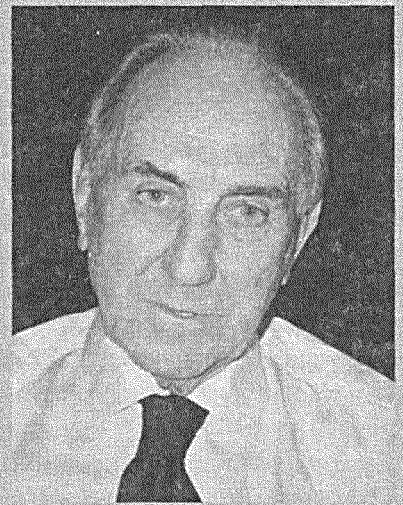
Ничто не говорит о том, чтобы министр пропаганды проявлял внимание к Роммелю до Африканского похода. В обширных дневниковых записях Геббельса Роммель впервые упоминается 22 февраля 1941 года: «Генерал Роммель прибыл в Триполи», — сухо отметил министр пропаганды. [21] Только когда Геббельс впервые сам увидел командира Африканского корпуса в Имперской канцелярии, тон описаний в его дневнике изменился. «Генерал Роммель получил Дубовые листья», — записал он 21 марта. — *Замечательный офицер*. [22] Впоследствии Геббельс уже не выпускал этого «замечательного офицера» из виду.

Вопреки всем приказам Роммель решил на свой страх и риск двигаться дальше из Эль-Агей-

Хайнц-Вернер Шмидт, офицер для поручений при Роммеле:

«Роммель ничего не имел против того, чтобы быть как можно больше представленным общественности. Он также не был против оператора с камерой или фотографирования, и всегда принимал нужную позу. Если он замечал, что оператор хочет увидеть его в профиль, то выпячивал свой энергичный подбородок и замирал так на несколько секунд, чтобы было удобнее снимать».

«Общественно-полезный труд». Пропагандистское фото, 1941 год

лы в Киренаику. Это был явный акт неповиновения Главному командованию сухопутных войск. Интуитивно Роммель полагался на поддержку Гитлера. Своей жене Люси Роммель писал: «С 313 мы наступаем с роскошным успехом. Начальство в Триполи, Риме и, возможно, в Берлине хватается за голову. Я пошел против указаний и приказов, поскольку представились выгодные обстоятельства. Потом все это успокоится, и в моем положении так поступил бы каждый». [23]

3 апреля Роммель получил однозначную радиограмму из Берлина. Фюрер решил: «Главной задачей Германского Африканского корпуса остается, во-первых, защитить достигнутые позиции и по возможности связать английские силы в Северной Африке... Также после прибытия 15-й танковой дивизии... большое наступление с целью взятия Тобрука первое время не предусматривать». [24] Вечером в Триполи приехал и итальянский генерал Итало Гарибольди. [25] Итальянский главнокомандующий в Ливии, которому Роммель формально подчинялся, был раздражен и требовал немедленной остановки наступления.

Положение спасла новая телеграмма из Берлина. Как и предполагал Роммель, Гитлер при виде первых успехов вновь переменял мнение. Он благословил Роммеля на «неожиданные успехи», как написал генерал-лейтенант в письме к жене, и указал новые «руководящие направления, которые полностью соответствуют моим воззрениям». [26]

Маятник пошел обратно с ошеломительной скоростью. Только 14 дней потребовалось Африканскому корпусу Роммеля, чтобы преодолеть 1000 километров от Эль-Агейлы до Соллума. О'Коннору для таких же успехов против итальянцев потребовалось 8 недель. Роммелю было на руку и то, что после перевозки массы британских войск в Грецию на позициях остались очевидно недостаточные силы. Кроме того, главнокомандующий британскими войсками на Среднем Востоке⁴ генерал Арчибальд

Уэйвелл поверил перехваченным немецким радиограммам, в которых утверждалось, что задачей наступления Африканского корпуса является только стабилизация фронта на «линии Сирт». Уэйвелл не мог принять во внимание собственные замыслы командующего Германским Африканским корпусом.

Ошеломление было полное, и во многих местах британскому гарнизону не оставалось ничего, кроме срочного отступления. Наряду с тысячами солдат в плен попали британские генералы — и среди них мастер пустынной войны генерал Ричард О'Коннор. Он был единственным, кто с самого начала понимал опасность Роммеля.

В противоположность О'Коннору, которому на рубеже 1940–1941 годов удалось нанести итальянской армии решительное поражение, Роммель избегал столкновения с основными британскими силами. Ему оставался только простой захват местности. Невозможным оказалось лишь обойти крепость Тобрук. Она была как шило за спиной. На первый взгляд наступление Роммеля было триумфальным — в действительности же борьба за Тобрук могла означать конец его карьеры.

Уже 9 апреля 1941 года передовые части Африканского корпуса находились в 30 км от городских окраин. Пока ударный клин широко обходил Тобрук и двигался к египетской границе, Роммель предполагал с оставшимися войсками быстро захватить этот портовый город. Не разведав местность и оборону британцев, не узнав у итальянских союзников об оборонительных сооружениях, Роммель назначил на 10 апреля первый штурм. [27] Он твердо рассчитывал на внезапность и надеялся ворваться в город на плечах отступающих британских войск.

Роммель не знал, что Тобрук был выстроен итальянцами как сухопутная и морская крепость, окруженная протянувшейся на 46 км системой из 126 хорошо замаскированных бун-

⁴ Англичане обычно не выделяют Ближний Восток, объединяя его со Средним. (Прим. ред.)

Собственными силами. Киренаика, апрель 1941 год

Кровавая осада. Тобрук, апрель 1941 года

керов, густых проволочных заграждений и минных полей, а также глубоким противотанковым рвом. Взять Тобрук мановением руки было невозможно.

В распоряжении Роммеля 10 апреля имелось только 4 боевых соединения, а солдаты были вымотаны девятидневным маршем через пустыню. Жара, жажда и «джибли» — обжигающе горячий песчаный ветер — внесли свой вклад в усталость войск.

В это утро Роммель бросил в бой всех свободных людей, вне зависимости от ранга и срока службы. Вновь прибывшему командиру 15-й танковой дивизии генерал-майору Хайнриху фон Притвицу унд Гаффрону, танки которого еще не были доставлены в Северную Африку, он поручил создание подходящей артиллерийской позиции на прибрежной дороге, так называемой Виа Бальбиа. «До отметки 13 километров вы можете ехать без опаски, — заявил Роммель совершенно не знакомому с Северной Африкой Притвицу, — потому что там, по свежим донесениям, уже стоит итальянское охранение». [28]

Роммель ошибался. Напрасно немецкие солдаты пытались остановить несущийся по Виа Бальбиа с большой скоростью по направлению к Тобруку «кюбельваген». Напрасно они махали руками и кричали, пытаясь привлечь внимание водителя. Но пассажир, высокопоставленный офицер, крикнул им: «Давай, враг отходит!» [29] Этим офицером был генерал-майор Притвиц. За так называемым «Белым домом», зданием у 14-го километра по Виа Бальбиа, он въехал прямо под огонь англичан. 51-летний командир дивизии был убит наповал.

С мрачным юмором английские солдаты повесили у Белого Дома рекламный щит, на нем было изображено свежее пиво и надпись по-английски: «*Keep Going — Fill up in town a good drink but bloody hard to get*», [30] что можно перевести так: «*Добро пожаловать — в городе есть хорошее пиво, но его чертовски тяжело добыть*». Смерть Притвица была предзнаменована кровавой осадой Тобрука.

Первый день наступления закончился, и ни в одном месте прорвать кольцо обороны не удалось. Эффект внезапности был потерян. Несмотря на это, Роммель назначил продолжение на Страстную пятницу 11 апреля. Во второй раз атаковали солдаты 8-го пулеметного батальона совместно с танками 5-й легкой дивизии. «*Через 2 километра, — говорится в военном дневнике батальона, — мы внезапно наткнулись на шквальный [артиллерийский] огонь... Танки попятнулись и отвернули... В этот короткий промежуток времени все вокруг спасалось, залегало и продолжало атаку. Когда стена огня вновь обрушилась на нас, продвижение стало невозможным. Теперь мы получили еще и противотанковый и пулеметный огонь. Руками, ногами и всем, что имелось под руками, мы закапывались в землю*». [31]

Когда стемнело, огонь наконец прекратился. Напрасно солдаты надеялись, что теперь самоубийственная атака будет прекращена. Роммель назначил на следующий день новую атаку. В 11:00 бессмысленное представление возобновилось. Танковое соединение на высокой скорости двинулось к невидимым позициям, следом за ним шел пулеметный батальон. Вновь обрушился мощный заградительный огонь, вновь танки должны были повернуть назад, натолкнувшись на невидимый ранее непроходимый ров и расстреляв все боеприпасы.

Солдатам не оставалось ничего иного, как, вжимаясь в землю, надеяться на наступление темноты. «*Только острая необходимость, — говорится в военном дневнике батальона, — заставила нас залечь*». В итоге солдаты оказались так близко от противника, что ночью им не удалось даже доставить пищу. Но Роммель был тверд: «*Пулеметный батальон должен удерживать достигнутый рубеж*».

В Пасху военный дневник констатирует: «*...все близки к истощению — телесному, душевному и нервному. Они [солдаты] считают, что предоставлены самим себе — батальон против сильной крепости!*»

В 17:00 поступил новый приказ Роммеля: командующий вновь приказал атаковать Тоб-

рук! Вновь солдаты бросались на вражеский огонь. Это было бесполезно. Атака закончилась так же, как и в предыдущие дни.

Ночью командир пулеметного батальона на свой страх предпринял сомнительную попытку. Под прикрытием темноты в 2:00 наконец удалось преодолеть в одном месте проволочное заграждение и образовать маленький плацдарм внутри укрепленного кольца обороны. Три часа спустя на помощь пулеметчикам пришли 12 танков 5-й легкой дивизии. Но одолеть вражеское превосходство им не удалось: в рассветных сумерках жестоким вражеским огнем 11 танков были расстреляны. Последний отошел назад.

14 апреля в 11:30 бой пулеметного батальона закончился. *«Поднялись, шатаясь, 60 грязных солдат, — сообщает военный дневник. — Мы были подавлены. У некоторых по впалым щекам текли слезы. Не так представляли мы себе конец».* Почти 700 из 900 солдат пулеметного батальона погибли, были ранены или попали в плен с момента начала наступления 31 марта, [32] большинство из них — под Тобруком.

Роммелю не оставалось ничего иного, как отменить наступление на крепость. Вздвигнутый, он прибыл на командный пункт 5-й легкой дивизии, куда были вызваны командиры пулеметного батальона и танкового полка. В штабной машине командира дивизии генерал-майора Йоханнеса Штрайха Роммель отменил любые возражения. В присутствии офицеров штаба он несколько минут выговаривал Штрайху. Присутствовавший офицер для поручений Роммеля вспоминал, как ему было стыдно «за то, что немецкий генерал должен выслушивать такие слова». [33] Запись этого совещания недостаточно передает его атмосферу. Во всяком случае, Роммель объявил Штрайху, что *«причиной неудачи было неправильное руководство. Нельзя было прорываться через узкий пролом, а надо было сначала атаковать с двух сторон...»* [34] На замечание, что для такого предприятия было недостаточно солдат, Роммель немедленно возразил: «Об этом должна была позаботиться дивизия». Несколько недель спустя Штрайх и его командир танкового полка полковник Герберт

Ольбрих уже были на пути в Германию — Роммель отослал их.

На прощание он сказал Штрайху: «Я не оспариваю Вашу компетенцию дивизионного командира. Но Вы слишком далеко заходите в своей заботе о войсках!» [35] Но не слишком ли сам Роммель со своей стороны пренебрег заботой о войсках перед Тобруком? Трижды он бросал солдат на крепость Тобрук, отменив наступление только 4 мая. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Гальдер отметил в своем «Военном дневнике»: *«Африканский корпус сообщает о наступательных боях под Тобруком. Потери — 53 офицера и 1187 нижних чина. Очень много!»* [36]

«Не вешайте голову, — сказал Роммель офицерам в штабе Штрайха после гибели пулеметного батальона. — Это судьба солдата — принести жертвы». [37] Ясно, что 49-летний генерал-лейтенант допустил под Тобруком тяжелейшие ошибки. Он не провел предварительной разведки местности, не подождал, пока будет собрано достаточно сил и не будет обеспечена поддержка артиллерии и авиации, чтобы нанести координированный и сконцентрированный удар.

Роммель пришел в Африку не «Лисом Пустыни»; под Тобруком ему пришлось заплатить за урок жизнями своих солдат. Очевидно, в первые месяцы он только входил в новую для себя роль командующего. Вдобавок на него явно подействовал первоначальный ошеломительный успех.

В последующие недели Главное командование сухопутных войск выдвинуло больше дюжины устных и письменных упреков, касавшихся стиля командования Роммеля в Африке. Окончательный вывод выглядел так: *«Главными признаками мне представляются, — писал о Роммеле генерал Бодевин Кейтель⁵, начальник*

⁵ Бодевин Кейтель оказался на этой должности в феврале 1938 года благодаря усилиям своего старшего брата, руководителя ОКВ Вильгельма Кейтеля. Очевидно, что его назначение следует рассматривать как попытку поставить структуры ОКХ под более полный контроль ОКВ. Поэтому мнение Кейтеля-младшего в данном случае вполне может быть следствием борьбы в германском военном руководстве, а не отражать реального положения дел. (Прим. ред.)

управления личного состава ОКХ, — следующие особенности. При всем признании выдающейся личной храбрости и твердости в решениях, в ряде случаев, по-видимому, отсутствует осмотрительность. Вследствие этого отдаются приказы, которые в скором времени приходится отменять как непродуманные и неисполнимые...

Второй и еще более важный пункт состоит в жестком и резком, задевающим честь офицеров способе обращения со старыми и до сих пор заслуживавшими доверия командирами. Нередки такие высказывания, как „Я вынужден отстранить вас от должности“, или особые ходатайства с просьбой о немедленном отстранении от должности и назначении военно-судебного расследования по обвинению в трусости». [38]

Не только в Берлине, но и в Северной Африке Роммель теперь встретился с серьезными трудностями. Его пути сообщения были перерастянуты, а начавшаяся охота британских Королевских ВВС за морскими транспортом еще более усложнила снабжение. 16 апреля английские самолеты потопили конвой из 5 транспортов для Африканского корпуса [39] — людей и материалы, в которых так нуждался Роммель.

В окруженном Тобруке и на границах Египта стояли хорошо снабжаемые британские войска. Поэтому Роммель был вынужден разбросать свои численно уступающие силы на два фронта. О большом наступлении думать не приходилось. Напротив, Роммель должен был опасаться вражеского контрнаступления. Только внешне он выглядел уверенным в себе. Так, 19 апреля он разъяснял на карте ситуацию для прилетевшего генерал-фельдмаршала Эрхарда Мильха: «Смотрите, Мильх, это Тобрук! Я его возьму! Это и это — перевалы! Я их возьму тоже! А это Каир, я его тоже возьму!» [40] Как для него в действительности выглядела ситуация, видно из письма к жене: «Редко когда у меня было столько военных забот, как в эти дни!» [41]

При этом происходило именно то, чего с самого начала опасался начальник Генерального штаба Гальдер: «Он [Роммель] сообщает, что его сил недостаточно, чтобы использовать бес-

примерно выгодное положение. Это впечатление сложилось у нас тут уже давно». [42] Гальдер забил тревогу и отправил в Африку своего представителя генерал-лейтенанта Фридриха Паулюса, [43] чтобы получить достаточное представление о ситуации и «обуздать этого зарвавшегося солдафона своим [Паулюса] личным влиянием». [44]

Паулюс докладывал в Берлин: «Положение в Северной Африке безотрадное. Роммель нарушением приказа создал ситуацию, при которой возможности снабжения недостаточны. Роммель еще не дорос до дела». [45]

Гальдер услышал достаточно. В беседе с главнокомандующим сухопутными войсками фон Браухичем он планировал лишить Роммеля верховной власти в Северной Африке, поставив над ним новую командную инстанцию — командующего германскими войсками в Северной Африке. [46] Эти расчеты делались без Гитлера. 19 мая Паулюс предложил свой план начальнику оперативного штаба вермахта генерал-полковнику Альфреду Йодлю и поучил однозначный отказ: «Фюрер, — рассказывал Паулюс о своем разговоре с Йодлем, — исходит из того, что Роммель не должен быть стеснен руководящими инстанциями». [47] Положение Роммеля упрочилось, и он смог сконцентрировать силы на театре. [48]

После поражения в Греции в конце апреля 1941 года британские вооруженные силы в Египте начали непрерывно усиливаться. Цель усиления сформулировал главнокомандующий Уэйвелл в Каире: «решительная победа в Северной Африке и уничтожение войск Оси». Уже 15 мая Роммель отразил небольшое британское наступление под кодовым именем «Бревити». Теперь поворот должна была принести операция «Бэттликс». 14 июня 1941 года 300 британских танков двинулись на запад к ливийской границе. Германский Африканский корпус мог в этот момент противопоставить противнику только около 80 танков.

Однако Роммелю повезло. Британский командующий генерал сэр Александер Каннингхэм [49] не был мастером современной войны.

Вместо нанесения решающего удара он вводил свои танки в сражение последовательно, тем самым упустив имевшееся преимущество.

Роммель остался хозяином поля боя. Он как всегда оказался оригинален, используя для борьбы с вражескими танками 88-мм зенитные орудия. Действие их было убийственным. Британские моторизованные части, ничего не подозревая, въезжали прямо под смертельный огонь. Вытянутая в одну линию дюжина 88-мм зениток выбивала английские танки один за другим. Уже на второй день сражения Роммель твердо контролировал ситуацию, лично возглавил войска и повел их в прорыв. Однако окружить противника ему не удалось: 17 июня британский штаб в Каире вовремя отдал приказ об отступлении.

Роммель успешно отразил второе контрнаступление, но не разгромил англичан. Арчи-

балд Уэйвелл расплатился за неудачное наступление своим постом: через четыре дня его перевели в Индию.

Как и во главе ударного отряда на горе Матажур, Роммель в Африке находился впереди всех. Только среди солдат, прямо на фронте, как считал Роммель, он мог проявить свое чутье и представить себе ход битвы, а также воодушевить войска. Стихией Роммеля была маневренная война. В противоположность позиционной борьбе — в которой генерал потерпел поражение под Тобруком — здесь он мог ухватить ход событий. Уже во Французском походе довольный Роммель заявил: «Вернулись времена Зейдлица и Цитена». Как и последний командир кавалерии Фридриха Великого, Роммель считал, что *«мы должны... вести современную войну по-кавалерийски, вести танковые части как эскадроны, отдавать приказы из движущегося*

Хайнц Гюнтер Хальм, наводчик в Африканском походе:

«Я сам увидел его, когда подбил свои первые два танка. За нами, в 500 метрах от нашего орудия, проехал, а потом вернулся автомобиль, из него высунулся Роммель и сказал: „Ребята, смотрите, они идут в тыл. Смотрите, не пропустите их мне!“ Потом он отъехал метров на сто за наше орудие, вылез и спустился в укрытие. Мы подбили оба первых танка, а остальные повернули назад. Тут вновь подъехал разведывательный броневладелец, и кто же в нем сидел? Роммель! „Ребята, вы это

отлично сделали!“ — и поехал к подбитым английским танкам, чтобы посмотреть, что там осталось. Это было знакомство в бою».

танка, как раньше с седла». [50] И действительно, нередко Роммель на своем «кюбельвагене» въезжал прямо под огонь, останавливался среди стоящих танков, забирался на башню и стучал гаечным ключом в башенный люк. «Внутри раздавался стук, и становилась ясно: ага, это фельдмаршал дает нам новые указания» — вспоминал Вольф-Дитрих Вагнер-Манслау, в то время обер-лейтенант 5-го танкового полка. [51]

Роммель долгое время внешне соответствовал небрежному стилю «африканского бойца». В распахнутом кожаном пальто, с намотанным на шею шарфом, который ему связала дочь Гертруда, с легендарными английскими пылезащитными очками на фуражке — все это производило впечатление на войска. Вряд ли был солдат Африканского корпуса, который ни разу не видел Роммеля в боевых условиях.

При этом Роммель был «бескомпромиссной, жесткой, в основе своей неиндивидуалистичной натурой», — писал его начальник штаба Альфред Гаузе. — *Он оценивал людей только по их достижениям и не заботился о личном удобстве ни своих начальников, ни своих подчиненных. При всей заботе о войсках он презирал любые средства оказаться их „любимцем“.* [52] И действительно, солдаты, которые соприкасались с Роммелем ежедневно, не слишком его любили.

Некоторые офицеры воспринимали вызов в штаб Роммеля как наказание. Тот же, кто встречал Роммеля только на поле боя, сохранял впечатление о нем как о суровом, молчаливом и замкнутом человеке. Прежде всего потому, что солдаты ежедневно видели его там, где рисковали жизнью — на передовой линии. «Никто не чувствовал себя брошенным», — говорил Альфред Гаузе [53] о том «не поддающемся определению флюиде», который уже при жизни сделал Роммеля легендой среди солдат.

Во всяком случае, Йозеф Геббельс мог удовлетворенно записать в своем дневнике: «Самого Роммеля сказочно любят как в немецких, так и в итальянских войсках. Он стал почти мифическим образом». [54] Но это был не подлинный Роммель, а тот сказочный образ сердечного

полководца, который Геббельс демонстрировал немцам в еженедельных киножурналах.

Однако он предпринял попытку создать из Роммеля «народного героя» [55] — и добился оглушительного успеха. Ежедневно в Африку шел поток почты с родины. Охотники за автографами, почитательницы и старые товарищи изъявляли Роммелю свое восхищение.

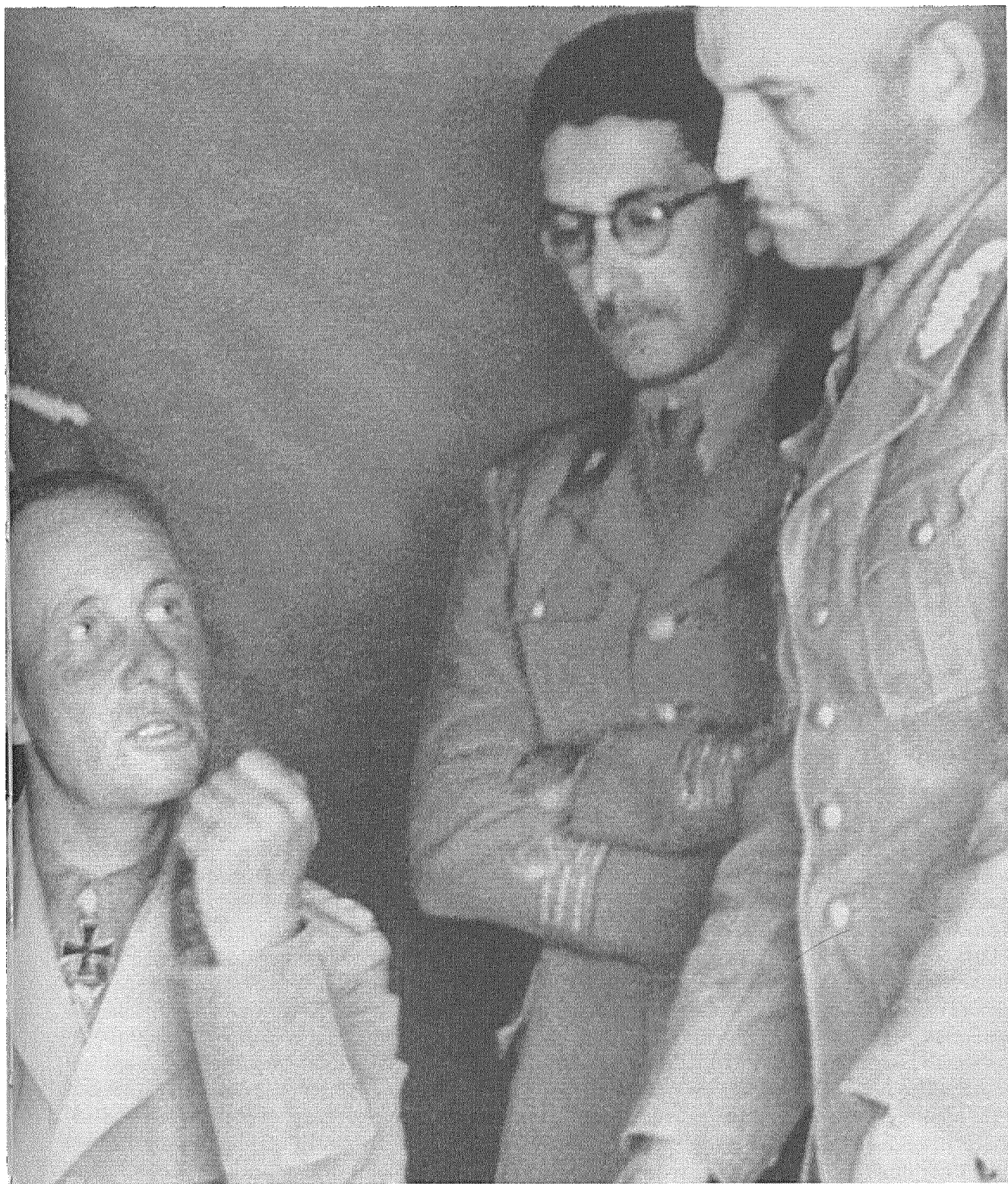
«Дорогой генерал Роммель! — начиналось письмо 10-летней девочки из Аугсбурга, отправленное 21 июня 1941 года, за день до нападения на СССР. — Я горжусь, дорогой генерал Роммель, я всегда восхищаюсь тобой, в киножурнале или в газете. Уже давно я думала, что должна написать письмо генералу Роммелю, но всегда боялась этого. Но в последнем киножурнале, который я видела вчера, я набралась смелости. Я не должна думать, что ты воспримешь это так же холодно, как другие. С тобой, генерал Роммель, я могу говорить от самого сердца. Я почитаю тебя и твой Африканский корпус и надеюсь, что ты и твой Африканский корпус сможете одержать победу». [56]

22 июня Роммель инспектировал немецкие позиции под Тобруком, когда внезапно посты облетела волнующая новость: «Вермахт вторгся в Россию». [57] Роммелю сразу стало ясно, почему он так скупно получал войска и поставки. Теперь же он мог надеяться на улучшение — в преддверии кампании на Востоке мегаломанский план Гитлера приобрел первые очертания с изданием «Указания фюрера № 32» от 11 июня 1941 года. После победы над Россией предполагалось посредством «концентрического наступления... из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию, а при [соответствующих] обстоятельствах — из Закавказья через Иран» [58] разгромить британские позиции в Средиземноморье и во всей Передней Азии.

В знак расширения своих задач Роммель получил распоряжение о создании танковой группы. В связи с этим следует рассматривать и его производство в чин генерала танковых войск, состоявшееся 1 июля 1941 года. Это было первое производство, которое он получил явно вне очереди — очевидный сигнал Гитлера Бра-

Вдохновение. Итальянские и немецкие офицеры вокруг Роммеля. Ноябрь 1941 года

Пограничный забор между Ливией и Египтом

ухичу и Гальдеру. *«Как я теперь узнал, — гордо сообщал новоиспеченный танковый генерал своей жене Люси семь дней спустя, — я обязан моим новым званием только фюреру. Его признание моего труда и деятельности — высшее, чего я только мог пожелать».* [59]

Гальдер должен был признать поражение и безнадежно записал в дневнике: *«Характерные ошибки Роммеля представляют его как особенно безрадостное явление — но с ним никто не хочет вступить в конфликт из-за его brutальных методов и поддержки в высших инстанциях».* [60]

По иронии судьбы именно попытка Гальдера сместить Роммеля породила инструмент, который стал причиной новых успехов. Для нового «Главного командования в Северной Африке» был сформирован штаб высокого уровня

под управлением генерал-майора Альфреда Гаузе. Этот штаб, который первоначально создавался, чтобы ограничить самоуправство Роммеля, был подчинен ему 30 июля 1941 года. Таким образом Роммель совершенно неожиданно получил в свое распоряжение высокопрофессиональный руководящий орган. Его новых подчиненных — 46-летнего выходца из Восточной Пруссии Гаузе, 39-летнего подполковника Зигфрида Вестфала и 37-летнего майора Фридриха Вильгельма фон Меллентина — объединяло одно: они были первоклассно образованными офицерами Генерального штаба с многолетним опытом службы в высших штабах и обладали большими дарованиями в своем деле.

Для строевика Роммеля они были подарком небес. Когда штаб Гаузе снял с него вопросы

координации войск, снабжения и обнаружения врага, «солист» Роммель почувствовал себя еще более свободным. С августа 1941 года он начал интенсивно готовиться к решающему штурму Тобрука. Уже скоро новый штаб стал для него незаменимым помощником.

Пока Роммель планировал наступление на крепость, в Каире сменивший Уэйвелла генерал сэр Клод Окинлек готовил новое наступление против танковой группы «Африка». В этот раз успех почти улыбнулся британцам. В операции «Крусейдер» Окинлек сделал все для достижения численного превосходства. Соотношение было два к одному в пользу английских войск. Однако Роммель с яростным упрямством отбрасывал сообщения о концентрации войск на египетской границе — считая их всего

лишь свидетельством попыток англичан сорвать подготавливаемый им штурм крепости Тобрук. Он оптимистично назначил 20 ноября датой атаки на крепость.

На рассвете 18 ноября 1941 года части недавно сформированной 8-й британской армии вторглись в Ливию. Роммель, который в это время совещался с начальником итальянского Главного командования маршалом Уго Кавальеро, вернулся в Северную Африку только 19 ноября. Вечером следующего дня он наконец разобрался в серьезности положения и отреагировал. Он приказал новому командующему Африканским корпусом генерал-лейтенанту Людвигу Крювелю с первыми лучами рассвета двумя танковыми дивизиями атаковать Сиди-Резег к югу от Тобрука.

приказ исходит от проклятого Вестфаля; если так, то я отправлю его под трибунал». [63]

Через день Роммель вновь вернулся на свой главный командный пункт. Его неподготовленное контрнаступление окончилось безрезультатно. Хотя первый удар был ошеломительным, британцы успели перегруппироваться. Роммель недооценил силы противника и переоценил свои. В «Сражении Поминального воскресенья» танковая группа «Африка» понесла очень большие потери. Не сказав ни слова, Роммель вошел в штабной автобус. [64] Он никого не поприветствовал, и никто не приветствовал его. Он запросил все сообщения, которые отправляли ему за время отсутствия, внимательно просмотрел их, молча встал и покинул машину, чтобы лечь спать. Он больше никогда не обсуждал этот провал.

Роммель впустую растратил силы танковой группы, и в итоге должен был уступить превосходящему противнику. 7 декабря 1941 года началось отступление танковой группы «Африка». У Роммеля осталось всего 70 танков, и на подкрепления рассчитывать не приходилось — накануне началось контрнаступление Сталина под Москвой, ожидаемое еще с октября. Немецкое наступление утонуло в грязи и снегу бесконечных просторов России. Чуть позже Гитлер объявил войну еще и Соединенным Штатам Америки. От внимательного наблюдателя нельзя было скрыть факт: Гитлер уже был не в состоянии победить в войне. На немецкую общественность после победных сообщений прошлых лет впервые дохнуло холодом.

К началу 1942 года Роммель вновь вернулся туда, откуда начал свое самовольное наступление 31 марта 1941 года — в Эль-Агейлу. Он выполнил свою первоначальную задачу сделать шах британским войскам и выиграть время. Как войсковой командир он добился необычного — точно так же, как добился этого во время Первой мировой и в Западном походе. Однако достижения Роммеля как главнокомандующего войсками на театре были не так очевидны. Первоначально наступление в Киренаику было произведено им вопреки приказу. Успех впо-

следствии принес ему оправдание. Хотя победа была легкой, она оставалась половинчатой. К своей цели — овладению Суэцким каналом — Роммель так и не приблизился.

Было ли более выгодно упорно обороняться на позиции Сирта, как первоначально требовало Главное командование сухопутных войск, вопрос спорный. На сначала предполагавшейся, а потом действительной оборонительной позиции Роммель искал спасения от слабости в наступлении. Первые же его успехи приводили к автоматической реакции начальства. Если Роммель, несмотря на свое невыгодное положение, «имел успех», то, как писал военный историк Райнхард Штумпф, «*высшее руководство верило, что он и дальше обойдется без удовлетворения своих постоянных требований: больше танков, оружия и снаряжения, сможет и дальше действовать с прежним минимумом сил*». [65] Для стиля руководства Гитлера было характерно ставить Роммелю далеко идущие цели, но не обеспечивать достаточными для этого средствами. Поэтому предприятие с самого начала было обречено на крушение.

Эта ситуация определенно не находилась в сфере ответственности Роммеля. Результат первого удара Роммеля в 1941 году можно сравнить с примером, который был показан, но не закреплен. Не раз ему мстило за себя и отсутствие подготовки офицера Генерального штаба. Только большой тактический талант позволял Роммелю раз за разом вырывать руль. Одностороннее объяснение его военного искусства — часть «мифа Роммеля».

Позиция Марса-эль-Брега, на которую Роммель отвел танковую группу в начале 1942 года, находилась западнее пустынного форта Эль-Агейла. Она была едва прикрыта германскими и итальянскими войсками. Но, как вспоминал позднее Вестфаль, «этими группками» нельзя было отразить новое большое британское наступление. [66] 5 января 1942 года после долгого перерыва в гавань Триполи вошли 6 транспортов.

Наряду с топливом, снаряжением и припасами танковая группа «Африка» получила в

«Наш Роммель». «Волчь логово», 18 марта 1942 года

высшей степени нужно подкрепление — 54 танка. С долей сомнения полковник Вестфаль разработал совершенно необычный план, с которым Роммель после короткого раздумья согласился. Прежде, чем британские соединения смогли бы пойти в последнее наступление, им нужно было нанести превентивный удар. План основывался на «абсолютной внезапности»;

[67] делалось все, чтобы обмануть противника. Из предосторожности Роммель ни разу даже не проинформировал о предстоящей операции итальянское руководство и провел приготовления к ней в строжайшей секретности.

«Положение развивается благоприятно, — писал он своей жене Люси 17 января, — и моя голова полна планов, которые я не могу доверить

даже моему окружению. Они считают меня помешанным. Но я не таков, просто я вижу дальше, чем они. Ну, ты меня знаешь. В начале каждого дня зреют новые планы. Как часто они за последний год и во Франции приводили к успеху за считанные часы». [68]

За день до наступления Гитлер наградил его за «оборонительную войну», [69] то есть за продолжавшийся отход, Мечами к Рыцарскому Кресту с Дубовыми листьями. Утром 21 января 1942 года в 8:30 танковая группа «Африка» начала наступление. Этого никто не мог предвидеть, германо-итальянская армия считалась разгромленной, а теперь предприняла успешное наступление. Маятник снова качнулся обратно.

Для Гитлера авантюрный успех в Северной Африке на фоне катастрофы под Москвой был последней соломинкой, на которую он мог опереться. В благодарность он 24 января, всего через 7 месяцев после последнего производства и через 4 дня после награждения Мечами к Рыцарскому Кресту, произвел Роммеля в генерал-полковники. [70] Танковая группа «Африка» была переименована в танковую армию «Африка», а Роммель стал ее главнокомандующим.

Сам английский премьер-министр Уинстон Черчилль продемонстрировал уважение к Роммелю. В речи перед Нижней палатой 27 января 1942 года он сделал ее членам исчерпывающее сообщение о положении на фронтах и сказал в том числе и о Киренаике: «Я не могу сказать вам, каково в настоящий момент положение на Западном фронте в Киренаике. Против нас действует очень смелый и изощренный оппонент, и, если я могу сказать это при столь опустошительной войне, великий генерал». [71] Американская и даже английская пресса теперь прославляла Роммеля как героя. И британские солдаты в Северной Африке больше не называли немцев «джерри» — противник теперь почтительно именовался «Роммель». [72] Это восхищение Роммелем не было таким уж совсем альтруистическим. Раздувая военный гений Роммеля до невероятных масштабов, Черчилль тем самым объяснял слабые успехи своих генера-

лов, как писал британский историк сэр Майкл Ховард. [73]

Однако такая стратегия была обоюдоострой. Гитлер мог довольно рассуждать, «как опасно перевозносить компетентность противника, как это сделал Черчилль по отношению к Роммелю. Имя в таком случае внезапно начинает приобретать значение, которое можно оценить в несколько дивизий». [74] Действительно, британский главнокомандующий в Северной Африке Окинлек издал приказ, требующий противодействовать этому феномену: «Существует острая опасность, что наш друг Роммель станет пугалом для наших частей только потому, что о нем так много говорят. Он ни в коем случае не сверхчеловек, как бы энергичен и деятелен он ни был. Собственно, если бы мы имели дело со сверхчеловеком, было бы очень нежелательно, если бы наши солдаты приписывали ему сверхъестественные силы». Окинлек завершил свой приказ странным постскриптумом: «PS. Я вовсе не ревную к Роммелю». [75]

Малозначащий в военном отношении захват Бенгази 29 января 1942 года стал высшей точкой этого вынужденно предпринятого наступления. «Весь немецкий народ восхищается Роммелем, как персонажем сказания», — записывает Геббельс 30 января в своем дневнике. [76] С завоеванием Бенгази «родился народный герой», считает министр пропаганды. Вечером того же дня Гитлер, как всегда, произносит ежегодную речь в берлинском Дворце спорта по случаю «Годовщины взятия власти». Диктатор искусно использует в своем докладе прошедшее в особом радиовыпуске сообщение о взятии Бенгази, чтобы отвлечь от положения под Москвой. «Мы стоим твердо, и там, где мы стоим, мы не отдадим ни одного шага без борьбы! — кричит Гитлер в зал. — А если же мы отступим на шаг, то потом снова сделаем шаг обратно». [77]

Теперь Гитлер мог предъявить Роммеля. «И мы счастливы узнать, что вчера наш генерал-полковник Роммель, — дальше диктатор сделал паузу, спонтанная дрожь перехватила его, и 21 секунду он должен был подождать, прежде чем

продолжить, — со своими храбрыми итальянскими и немецкими танковыми соединениями обрушился и отбросил врага обратно в момент, когда все были уверены, что он разбит».

Счастливая Люси писала своему мужу в Африку: «Мы все ужасно горды тобой, дорогой Эврин, и с нами весь народ, как показал взрыв аплодисментов, когда фюрер вчера упомянул в своей большой речи твое имя и сказал про генерал-полковника Роммеля». [78] Роммель находился на пути к пику популярности. Его воодушевленные приверженцы осыпали Люси Роммель цветами, обложки иллюстрированных журналов были украшены портретами Роммеля, по радио звучала музыка Россини, Орффа, Моцарта, Маршалека, Эгга и Легара — начальные буквы фамилий этих композиторов складывались в «имя нашего любимого героя генерал-полковника Роммеля». [79]

5 февраля 1942 года в целом завершился новый бросок Роммеля в Киренаику. Британская 8-я армия отошла за линию Газала между прибрежным пунктом Айн-эль-Газала и оазисом Бир-Хакейм. За стремительным наступлением последовала 4-месячная пауза, во время которой противники «переводили дух». [80] Сам Роммель 15 февраля отправился в Германию — к семье в Винер-Нойштадт. В программе было посещение ставки Гитлера в Раценбург в Восточной Пруссии. 18 марта 1942 года Роммель прибыл в так называемое «Волчье логово» и получил из рук Гитлера пожалованные в январе Мечи к Рыцарскому Кресту с Дубовыми листьями.

Диктатор имел все основания быть благодарным своему генерал-полковнику. До предела разрекламированный геббельсовской пропагандой, Роммель давал народу надежду и отвлекал от зимнего кризиса под Москвой. «Лис Пустыни» стал твердой опорой Третьего Рейха — его миф теперь подпирал систему.

Со своей стороны, Роммель многим был обязан Гитлеру. В 1938 году казалось, что Роммель завершит свою карьеру в учебных классах какой-нибудь военной школы. Во всяком случае, верхом возможностей для него было

командование пехотной дивизией. Гитлер был тем, кто доверил ему командование 7-й танковой дивизией во Франции — первый и решительный шаг на пути к вершинам карьеры. Для Африки Роммель подготовил себя сам своим отважным поведением на Западе, но без Гитлера безуспешный штурм Тобрука ему бы даром не прошел.

Во второй раз диктатор оказал ему бесценную услугу. И все-таки почитание Роммелем Гитлера было большим, чем благодарность за карьеру. Внешне сухой, замкнутый и непроницаемый Роммель относился к фюреру с глубокой привязанностью, в доверии диктатора он находил мотивацию и силы. «Неудивительно, — писал он жене после производства в генерал-полковники — что я... имею возможность связать себя с фюрером, народом и новой идеей». [81]

К тому же генерал-полковник имел к тому много возможностей. 26 мая 1942 года он начал операцию «Тезеус». Наступление против британцев на «линии Газала» началось. Все было спланировано по минутам. В течение всего 4 дней Роммель намеревался уничтожить британскую 8-ю армию на ее позициях от Бир-Хакейма на юге до Айн-эль-Газала и взять наконец крепость Тобрук. Предпосылки к тому имелись хорошие: танковая армия «Африка» обладала небольшим преимуществом в материалах и личном составе, а вдобавок ей удавалось до последнего момента вводить противника в заблуждение относительно запланированного наступления.

Войска Роммеля обошли позицию Газала с юга и зашли британцам в тыл. Но первый штурм солдаты 8-й армии с крайним напряжением сил смогли отразить. Теперь последствия маневра обернулись против войск Роммеля. За спиной была вражеская территория, впереди — вражеские позиции, таким образом танковая армия была практически окружена. Вестфаль позднее вспоминал, что «наступление... почти окончательно рассматривалось как провалившееся». [82] Дневной доклад Роммеля утверждает: «Наш план объехать британские войска за линией Газала не осуществился». [83]

Наступление сорвалось. С Зигфридом Вестфалем на позиции Газала, май 1942 года

Провалилось не только наступление — вся танковая армия «Африка» оказалась под угрозой полной гибели. Соединенный удар 8-й армии означал для нее конец. Но Роммель был счастливым. Как и год назад, противник применял свои танковые силы нескоординированно. Английский военный историк Барри Питт справедливо отмечает этот момент как «абсолютный провал британского генералитета во время всего похода в пустыне». [84]

Для танковой армии «Африка» необходимо было вновь собрать свои части, чтобы возобновить наступление. Внутренне обеспокоенный Роммель сдерживал нервы и успокаивал свое окружение, излучая уверенность. [85] Большими личными усилиями ему удалось к 29 мая добиться перелома и взять последние бастионы на шатающейся линии Газала. Ост-

рота кризиса спала. 1 июня началось наступление на Бир-Хакейм, южный «угловой столб» британской оборонительной линии. То, что сначала выглядело как дело нескольких дней, растянулось под конец на 10 кровавых дней. «Очень редко, — писал Роммель позднее, — мне выпадал на Африканском театре столь жестокий бой». [86]

Две старые цистерны посреди пустыни дали название этому месту. Бир — «колодец» — Хакейм.⁶ Теперь здесь находились 3600 солдат из почти 15 стран под флагом «Свободной Франции». Под командованием эльзасца генерала Мари-Пьера Кенига сражались солдаты из Сенегала, Индокитая и с Таити, французы из ко-

⁶ «Бир-Хакейм» в переводе с арабского означает «Собачий колодец». (Прим. ред.)

лоний, а прежде всего — два батальона Иностранного легиона. [87] Среди легионеров было много австрийцев и несколько немцев, которые бежали с родины при нацистах.

Много тысяч раз германские Люфтваффе бомбили этот клочок пустыни. День и ночь продолжался концентрированный огонь артиллерии по окопавшимся солдатам, и вновь Роммель лично возглавлял атаки на «крепость» Бир-Хакейм. Трижды он посылал парламентаря, однажды даже собственноручно написал предложение о капитуляции: *«Войскам в Бир-Хакейм! Дальнейшее сопротивление означает напрасное кровопролитие... Мы прекратим бой, если вы поднимете белый флаг. Роммель, генерал-полковник»*. [88]

Генерал Кениг, который позднее иронизировал в своих воспоминаниях над тем, что Роммель обращался не к нему, а к его войскам, отклонил предложение. [89] Он и его солдаты были высоко мотивированы, они сражались в тот момент, когда часть страны была оккупирована немцами, а часть — занята коллаборационистами. Они дрались за свободную Францию. [90]

Сообщения о боях за Бир-Хакейм доходили и до ставки фюрера. 9 июня Гитлер сообщил своему министру пропаганды о защитниках пустынного форта. *«В замкнутом котле находится, — писал в своем дневнике Йозеф Геббельс, — ...целый ряд немецких и итальянских коммунистов, которые встали на сторону врага и поступили в его армию... немецкие коммунисты будут после пленения схвачены, чтобы из них можно было еще что-то выжать, а потом без исключения расстреляны»*. [91] В тот же день 9 июня 1942 года Роммель получил в своей Главной квартире соответствующий приказ Гитлера: *«Фюрер распорядился, чтобы с этими [немецкими политическими беженцами] поступили с крайней остротой. Поэтому они должны быть все беспощадно перебиты в бою»*. [92] Это был первый раз за всю войну, когда Роммель прямо вступил в конфронтацию с преступным приказом фюрера.

Когда 11 июля после двухнедельного героического сопротивления 1-й бригады «Свобод-

ной Франции» немецкие солдаты наконец захватили развалины пустынной крепости Бир-Хакейм, они пережили потрясение. В крепости находилось только около 500 бойцов «Свободной Франции», в основном раненых. 2619 человек во главе с генералом Кенигом предыдущей ночью пошли на прорыв к английским линиям. [93]

На вопрос представителей прессы нейтральных стран в Берлине о судьбе пленных Германское информационное бюро (Deutsche Nachrichten Büro) тремя дням позже — в соответствии с заключенным 22 июня 1940 года германо-французским соглашением о перемирии [94] — ответило, что «свободные французы» могут рассматриваться как «свободные разбойники», а «обращение со свободными разбойниками общеизвестно». [95] Это означало казнь выживших в Бир-Хакейме. Однако в действительности со «свободными французами» обошлись так же, как с британскими пленными — они были переданы под охрану итальянского союзника.

Приказ Гитлера о казни германских эмигрантов, сражавшихся в составе Иностранного легиона, также, насколько известно, не был исполнен. [96] Согласно Зигфриду Вестфалю, который уже 1 июня выбыл из строя в связи с тяжелым ранением, приказ сожгли. [97] При этом он сообщает, что 4 месяца спустя с таким же приказом об убийстве обошлись аналогично. 18 октября 1942 года Гитлер распорядился *«уничтожить в бою или при бегстве до последнего человека»* участников так называемых «операций командос» — преимущественно британских солдат, которые выполняли особые задания в немецком тылу. Вестфаль информировал Роммеля о поступлении противоречащего международному праву приказа и предложил «точно так же сжечь его». [98] «Роммель кивнул», — сообщает первый офицер штаба в своих мемуарах. Вестфаль поджег радиogramму.

В отличие от оккупированных территорий Советского Союза, где уже год шла истребительная война, преступившая все ранее существовавшие ограничения, в Северной Африке

Роммель перед Бир-Хакеймом. Июнь 1942 года

военные преступления были редкостью. Конечно, свою роль играли и внешние факторы. Прежде всего, в войне за Северную Африку отсутствовал идеологический компонент. С Англией не вели «войну мировоззрений». Пленные британцы подвергались обращению в полном соответствии с правилами Женевской конвенции.

Точно так же все говорит о том, что в обращении с военнопленными «расовая» точка зрения не применялась. В 8-й армии воевали британские, а также многочисленные эмигрировавшие из Германии и Австрии евреи, которые ради собственной безопасности носили англоязычные имена, а также еврейский Палестинский батальон, солдаты которого отчетливо опознавались по повязке на рукаве. Случаи расправ над еврейскими солдатами 8-й армии неизвестны. Охрану пленных в Северной Африке осуществляли итальянские союзники. Но и в том случае, если пленных захватывали немецкие солдаты, до их передачи итальянцам, насколько известно, нарушений не было.

Напротив, Айзек Леви, полевой раввин 8-й британской армии, своего рода духовник солдат еврейского вероисповедания, испытывал необычное почтение к войскам Роммеля. *«Факт, который я должен подчеркнуть, — говорил он в одном из интервью, — и я скажу это с большим уважением и большим сознанием ответственности... Среди того немногого, что я видел в Африканском корпусе, не было признаков или каких-нибудь намеков на то, что солдаты были антиеврейски настроены».* [99]

Естественно, в танковой армии «Африка» был определенный процент антисемитов. Как и весь вермахт, она была зеркалом немецкого общества. «Полные отвращения», некоторые солдаты после увольнительной в Триполи отмечали, что итальянский Закон о евреях 1938 года, и прежде всего его исполнение, разрешают ливийским евреям «беспрепятственно делать свои тихие гешефты и стоять заговоры против фашистского государства». [100] О злоупотреблениях, однако, неизвестно, и 26 000 ливийских евреев избежали худшего. [101]

Арабское гражданское население также оставалось в основном не затронутым войной. С одной стороны, причиной этого было то обстоятельство, что основные боевые действия происходили в безлюдной пустыне. С другой стороны, Роммель в полном согласии с итальянским командованием «по большей части игнорировал обычные злоупотребления арабских племен». В своих записках 1943 года он совершенно прагматично писал: *«Возможно, исключительно важно не производить репрессалий к заложникам при первых проявлениях партизанской деятельности, так как иначе чувство местности породит и усилия франтиреров. Лучше оставить вылазку без реакции, чем покарать невиновных».* [102]

Ряд обстоятельств способствовал тому, что североафриканский театр военных действий остался относительно свободным от военных преступлений. Много говорит за то, что и лично Роммель оказал влияние на это обстоятельство. При всем восхищении фюрером, он все же не допускал соучастия в преступлениях Гитлера. То, что он служил системе, которая требовала от него выполнения таких приказов и была открыто преступной, он все еще не понимал. Однако к убийствам простой шваб не желал иметь отношения, это противоречило его мироощущению.

О величайшем преступлении режима — массовых убийствах евреев — он тоже ничего не узнал, хотя в его штабе слушали сводки Би-Би-Си и обсуждали сообщения о массовых убийствах на Востоке. Но офицеры, которых переводили с Восточного фронта, уверяли, как писал в воспоминаниях Вестфаль, что «эти сообщения следует расценивать как вражескую пропаганду». [103] Это звучало убедительно, и можно было вернуться к ежедневным делам и посвятить себя собственным делам.

11 июня 1942 года Бир-Хакейм наконец пал. 3 дня продолжалась борьба за «линию Газала». Затем британская 8-я армия начала отступление. Битва была выиграна, и следующей целью Роммеля стал Тобрук. Роммель начал самым удачным маневром в своей жизни. «Лис Пус-

Северная Африка
Радиограмма
9.6.1942
Секретно. Только для командования
Передавать только через офицера

Рассылка:

1. Танковой армии «Африка» через германско-го генерала при главнокомандующем вооруженными силами Италии, Рим;

копии:

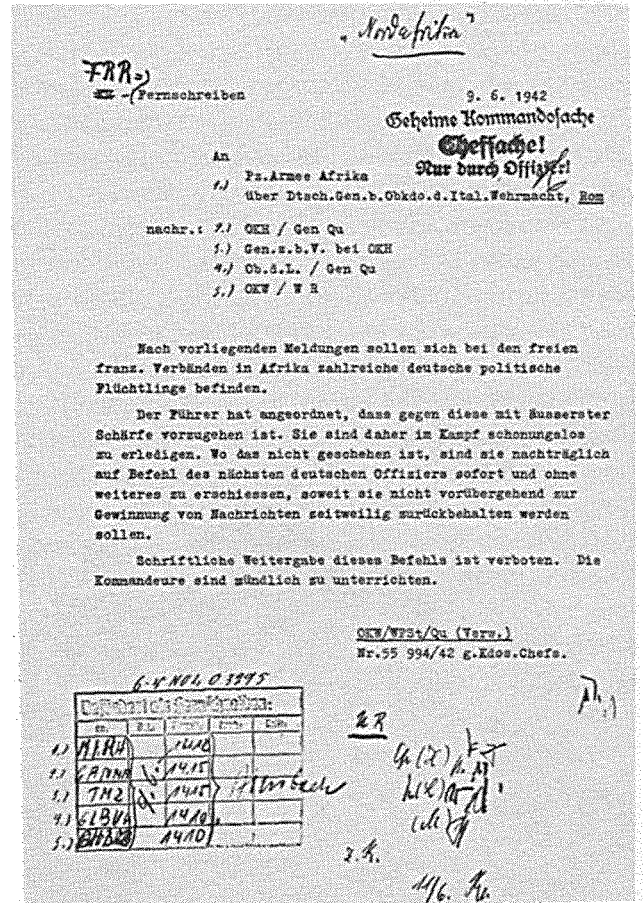
2. Главное командование сухопутных сил — генерал-квартирмейстер;
3. Генералу для особых поручений при Главном командовании сухопутных сил;
4. Главное командование Люфтваффе — генерал-квартирмейстер;
5. Главное командование вермахта.

По имеющимся сообщениям, среди французских вольных соединений в Африке находятся многочисленные германские политические беженцы.

Фюрер распорядился, чтобы с ними обошлись крайне строго. Поэтому в бою с ними следует поступать безжалостно. Если это еще не произошло, они должны быть немедленно расстреляны по приказу первого же германского офицера, тотчас и без оговорок, не запрашивая в дальнейшем особого распоряжения.

Письменная передача приказа запрещена. Командиров проинструктировать устно.

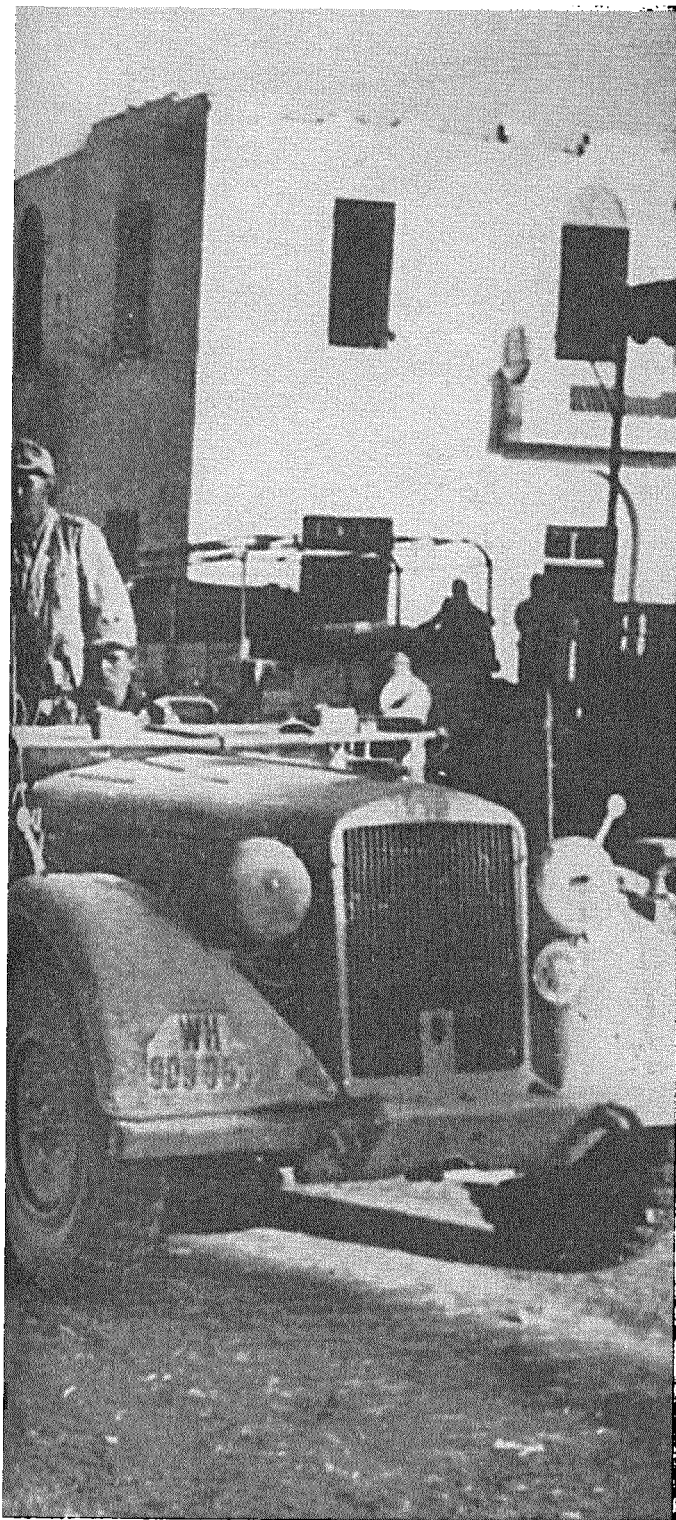
Главное командование Сухопутных войск / Войсковой штаб / Квартирмейстер
№ 55 994/42/сс

«Точно так же сжечь!» Приказ Гитлера
об убийстве пленных, 9 июня 1942 года

«Несмотря ни на что, война продолжается». Тобрук, 21 июня 1942 года. Роммель стоит в автомобиле

тыни» отправил свою танковую армию в бросок на Восток, к египетской границе. Он вновь оставил Тобрук за спиной, не взяв его. Южноафриканские и индийские защитники крепости спокойно занимали свои позиции, считая, что Роммель уже находится в Египте. Но они обманулись — «Лис Пустыни» внезапно вернулся. Ранним утром 20 июня 1942 года солдаты Роммеля после мощных авианалетов захватили наружные укрепления крепости. На следующий день гарнизон Тобрука сдался.⁷

Вечером 22 июня германское радио сообщило в вечернем выпуске новостей о производстве Роммеля в генерал-фельдмаршалы. *«В знак благодарной оценки вашего руководства, — ликующим голосом зачитывал диктор телеграмму Гитлера к Роммелю, — и вашего личного командования, а также в признание героических достижений сражающихся под вашим командованием войск на африканском театре военных действий я с сегодняшнего дня произвожу вас в генерал-фельдмаршалы. Адольф Гитлер».* [104]

Водитель Роммеля Гельмут фон Ляйпциг и его офицер для поручений Герберт Гюнтер зажав дыхание слушали новость по радио в Тобруке. Сам Роммель давно был в постели. Ляйпциг и Гюнтер решились разбудить фельдмаршала, чтобы поздравить его. Роммель встретил новость спокойно. Он поблагодарил, повернулся со словами «Между тем, война продолжается» и заснул снова. [105] Победа над Тобруком превратила миф о Роммеле в достояние вечности. Между тем, Роммель проиграл войну в Северной Африке в тот самый день, когда крепость пала.

⁷ В Тобруке было захвачено 35 тысяч пленных (19 000 англичан, 10 000 белых южноафриканцев, 3400 черных африканцев и 2500 индийцев), а также 1400 тонн топлива, около 2000 автомобилей (в основном неисправных) и 5000 тонн продовольствия. (Прим. ред.)

Произведен в фельдмаршалы. Тобрук, 22 июня 1942

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГОНКА

Американский президент Франклин Делано Рузвельт безмолвно передал только что прибывшую телеграмму Уинстону Черчиллю. Британский премьер молча пробежал взглядом по строчкам. «Это был первый раз в моей жизни, — писал начальник штаба, Гастинг Лайонел Исмей, — когда я видел премьер-министра вздрогнувшим». [1]

Черчилль получил сообщение о капитуляции крепости Тобрук. «Это был один из самых тяжелых ударов, которые остались в моих воспоминаниях из всего военного времени», писал он несколькими годами позже в своих мемуарах о 21 июня 1942. [2] Рузвельт среагировал немедленно и предложил в качестве помощи обширные поставки оружия. [3] Уже через десять дней первые быстроходные конвои покинули Америку. На борту транспортов находились истребители, тяжелые и средние бомбардировщики, а также 300 танков «Шерман» и 100 артиллерийских орудий.⁸

⁸ Американская техника начала поступать в Африку уже с начала 1942 года, поэтому нет никаких оснований увязывать ее появление с падением Тобрука. Черчилль в письме Рузвельту от 12 сентября 1942 года действительно говорит о прибытии в Египет 317 танков «Шерман» и 94 самоходных орудий, «которые вы с такой щедростью отдали мне в мрачный день падения Тобрука» — однако при этом уточняет, что в войска из этого количества пока было направлено только 82 танка. Производство танков М4 «Шерман» в июне 1942 года лишь разворачивалось, и до августа 1942 года в Африку направлялись только средние танки М3 «Генерал Грант» — в Советском Союзе прозванные «братской могилкой на семерых». (Прим. ред.)

Падение Тобрука каталитически подействовало на американские планы вторжения в Северную Африку. Четырьмя неделями позже в Лондоне приняли окончательное решение о проведении операции «Факел» — высадке союзников в Марокко, Алжире и Тунисе. [4] Тем самым судьба Роммеля в Северной Африке была предрешена.

Однако праздничное настроение ещё господствовало на немецкой стороне — и в Тобруке, и Берлине. 22 июня после ужина в Имперской канцелярии Гитлер и Геббельс внимательно слушали внеочередную радиотрансляцию о захвате крепости. У микрофона находился только что прилетевший из Северной Африки военный корреспондент Лутц Кох. Апогеем передачи были звукозаписи, которые Кох сделал перед Тобруком. В этой «радиопьесе» Роммель лично рассказывал о захвате крепости: «Мы стояли день и ночь вопреки самым тяжелым потерям и лишениям... Сегодня нас всех воодушевил дух победы... Один человек может проиграть, но победа всей нации неотвратима!» [5] В этот вечер Геббельс констатировал, что «едва ли есть генерал, более важный для успеха нашей пропаганды, чем Роммель». [6]

Дальнейший образ действий в Северной Африке не вызывал сомнений. 23 июня 1942 Роммель писал своей жене: «Теперь скорость решает всё». [7] В тот же самый день Гитлер в патетическом письме настраивал дуче против его командиров, которые медлили продолжать продвижение в направлении Египта. «Богиня

«Случай неповторим». Мерса-Матрух, июнь 1942 года

удачи, — писал Гитлер, — приходит к полководцу всего один раз. И к тому, кто не может поймать нужный момент, она больше никогда не придёт!» [8] Не дожидаясь решения итальянцев, танковая армия продвигалась в глубь Африки. Цель Роммеля, Суэцкий канал, сиял путеводной звездой. 27 июня Роммель возбужденно писал своей жене: «Мы неуклонно движемся вперед. Такой случай неповторим». [9] Двумя днями позже, после захвата Мерса-Матрух, он снова пишет Люси: «До Александрии всего 150 км!» [10] Британские штабы высокого ранга в Каире уже начинали сжигать документы. Большие военные корабли британского Средиземноморского флота покидали александрийскую гавань. Египет уже казался потерянным. 29 июня дуче предусмотрительно летит в Ливию,

чтобы успеть к параду победы. [11] В то же самое время немецкие войска в России успешно проводили операцию против Кавказа. План «больших клещей» снова витал в воздухе. От Египта через Палестину, Ирак и Иран до русской границы было не дальше, чем из Триполи до Каира. Объединение армий обоих театров военных действий стало близкой реальностью и для Верховного Главнокомандующего Адольфа Гитлера, и для его Генерального штаба, и для Роммеля.

«Маленькая железнодорожная станция, на сотни миль окруженная абсолютной пустотой — вот что такое Эль-Аламейн». [12] Так британский радиореporter Денис Джонстон описывал место, на котором должен был произойти коренной перелом войны в Северной

Африке. Главнокомандующий британских войск на Среднем Востоке, генерал Окинлек организовал последнюю линию обороны в 100 км к западу от Александрии и одновременно взял в свои руки командование 8-й армией. На самом узком участке длиной 64 км между морем и непроходимой для транспорта впадиной Каттара-Сенке неодолимой преградой встали последние английские резервы.

1 июля 1942 года ничего не подозревающие передовые отряды танковой армии «Африка» вышли на линию Эль-Аламейна. Но провести здесь пресловутый «обход Роммеля» оказалось невозможно из-за условий местности. Обескровленные, недостаточно снабжаемые после падения Тобрука, немецкие и итальянские войска пытались прорвать линию обороны противника в лоб. Ожесточенное сопротивление британских солдат погасило запал воодушевлённой быстрыми победами танковой армии, и уже через три дня Роммель писал домой своей жене: «Очень тяжелые сражения вокруг последних позиций перед Александрией». [13] Особенно

опустошительные результаты приносили британские воздушные атаки. Почти не обращая внимания на Люфтваффе, 18 британских бомбардировщиков летали над немецкими позициями и сбрасывали смертоносный груз на подразделения. Снова и снова попадал Роммель в ад внезапных бомбардировок. Ведение войны «в трёх измерениях» [14] в условиях вражеского превосходства в воздухе навсегда отчеканилось в памяти Роммеля и отныне существенно определяло его оперативные соображения.

Для солдат Роммеля положение перед Эль-Аламейном день ото дня становилось всё более критическим. Добавились трудности со снабжением — припасы подвозились за сотни километров, в то время как британцы находились в нескольких часах пути от своих складов. 18 июля Роммель в отчаянии пишет домой: «*Это не может продолжаться долго, иначе фронт рассылется. Сейчас я переживаю наиболее тяжёлые дни моей военной жизни... Ты знаешь, что я — неисправимый оптимист. Но бывают ситуации, в которых действительно нет выхода.*» [15]

Фридрих Хаубер, ординарец Вестфалья:

«Вестфаль сказал, что если мы не захватим Эль-Аламейн, то Африка будет потеряна. Я спросил на это: «Господин полковник, война проиграна?». Он отвёл меня в пустыню метров на 300, и спросил: «Кому еще ты это говорил?» Я ответил: «Никому». Тогда он сказал: «Ты не можешь говорить ничего подобного, иначе я не смогу тебя защитить. Можешь говорить об этом со мной с глазу на глаз, но никогда — с другими».

Вскоре ситуация несколько стабилизировалась и обе стороны получили передышку. Но было ясно — немецкое продвижение окончательно захлебнулось. Взятие Тобрука оказалось безрезультатным, и танковая армия вступила в позиционную войну.

Многие предвидели такое развитие событий, но остались неслышанными. Наиболее чётко высказывался главнокомандующий южной группой войск Альберт Кессельринг. 56-летний генерал-фельдмаршал военной авиации, с декабря 1941 координировавший из Рима немецкую деятельность в Средиземноморье, с самого начала понимал значение острова Мальта. Отсюда британские истребители и бомбардировщики снова и снова препятствовали снабжению немецко-итальянских войск в Африке. Атаки с Мальты отодвигали в недостижимую даль планы Роммеля после падения крепости Тобрук. «Отказ от этой операции, — писал Кессельринг после войны в своих мемуарах, — был смертельным ударом для всей кампании в Северной Африке». [16]

Кессельринг был прав лишь частично. Конечно, он справедливо клеймил ошибку итальянцев, не захвативших слабо защищённую Мальту еще в 1940 году, при подготовке к наступлению в Египте, тем самым нарушив основной принцип войны в Средиземноморье. Но с момента своего вступления в должность командующего Кессельринг имел возможность исправить эту ошибку. В начале мая 1942 он даже добился своего. После опустошительных воздушных налетов на остров Кессельринг сообщил Гитлеру, что бомбил Мальту для ее захвата.

21 мая Гитлер принял окончательное решение о проведении операции по захвату Мальты под кодовым названием «Геркулес». [17] Однако он медлил, так как боялся повторения больших потерь, как это случилось при высадке воздушного десанта на Крите в мае 1941 года. Кессельринг знал об этом изменении настроений в штаб-квартире командующего, и кривил душой, когда в своих мемуарах во всём винил только Роммеля.

Многое говорит о том, что Кессельринг — уже в конце мая 1942 [18] раздраженный нетрадиционным командным стилем Роммеля и смелой командующего танковой армией в Африке — использовал свои послевоенные мемуары для критики несравненно более популярного и отмеченного наградами Роммеля, который вдобавок был на пять лет моложе него. Но после войны Кессельринг также знал и то, что с началом американских поставок оружия и намерением США вмешаться в борьбу на Северо-Африканском театре военных действий остров Мальта в значительной мере потерял своё стратегическое значение.

Вместе с тем Роммель после падения Тобрука стоял перед выбором [19] — прекратить наступление или же продолжать преследовать откатывающуюся 8-ю армию в надежде захватить врасплох бегущего противника — то есть с оставшимися у него слабыми силами продолжить наступление до Суэцкого канала. Роммель не мог не считаться с решительным сопротивлением перед Эль-Аламейном. И здесь была прежде всего заслуга британского главнокомандующего Клода Окинлека, который своим дальновидным и решительным вмешательством предотвратил наступление Роммеля на Суэцкий канал.⁹

8 августа, чтобы навести порядок в британских вооруженных силах после падения Тобрука, в Египет прибыл сам Уинстон Черчилль. В решениях британского премьер-министра имелся определенный произвол — уволили только Окинлека, успешно державшего оборону при Эль-Аламейне¹⁰. Его преемником на посту главнокомандующего британскими войсками на Среднем Востоке стал генерал Гарольд

⁹ Не отрицая организационных способностей Окинлека, следует заметить, что остановить наступление противника, имея над ним двухкратное превосходство — не самое выдающееся достижение. (Прим. ред.)

¹⁰ Отставка Окинлека, безусловно, стала для него тяжким оскорблением. Однако вскоре Окинлек был назначен командующим Индийской армией, а в 1944 году получил чин фельдмаршала. После войны он ушел в отставку и всю оставшуюся жизнь демонстрировал оппозиционность правительству — например, отказался от титула лорда. (Прим. ред.)

Пример для подражания. Монтгомери (в центре) и Черчилль (слева) в пустыне, август 1942 года

Александр, а командование 8-й армией принял генерал-лейтенант Бернард Лоу Монтгомери.¹¹ [20]

55-летний англичанин Монтгомери должен был стать, как и Роммель, настоящей легендой. Разумеется, он не пришел как «спаситель» — его предшественник успешно справлялся с критической ситуацией в Египте. И он даже отдалённо не обладал ничем похожим на военную уда-

¹¹ Строго говоря, первоначально командующим 8-й армией на смену Окинлеку был назначен генерал Уильям Генри Эверт Готт. Однако во время перелета в Каир самолет Готта был сбит немецкими истребителями, а сам генерал погиб от обстрела с воздуха уже на земле. (Прим. ред.)

чу или полководческий талант Эрвина Роммеля. Генерал-лейтенант был скорее солидным и последовательным офицером, который прежде всего должен был извлечь пользу из непрерывно возрастающего британского превосходства в войсках, оружии и снабжении. Позже победа над Роммелем гарантировала ему часть легендарной славы его противника. Кроме того — и это имело наибольшее значение — он должен был дать последний чисто британский бой перед прибытием американских подразделений.

Определенная склонность к самолюбованиям придавала ему вид эксцентричного одионочки. От черного берета британских бронетан-

ковых войск до портрета Роммеля над письменным столом на командирской машине — Монтгомери расставлял такие акценты, которые должны были гарантировать ему внимание солдат и британской общественности. В своих послевоенных мемуарах он приписывал себе даже способности ясновидца. «Я предсказывал, — писал Монтгомери после войны, например, о битве при Алам-Хайфа, — что разгромлю Роммеля, и он потерпел поражение». [21] Только в семидесятые годы общественность узнала, как на самом деле английский генерал-лейтенант пришел к своим удачным прогнозам.

В книге «Операция „Ультра“» бывший сотрудник британской тайной полиции Фредерик Уинтерботем впервые открыл, пожалуй, наиболее тщательно оберегаемую британскую тайну Второй мировой войны. В поместье Блетчли-Парк в пригороде Лондона в 1941 году началась подготовительная работа по расшифровке кодов немецкой шифровальной машины «Энигма». В начале июня 1942 года шифровальщики достигли успеха. Вместо того, чтобы тратить на расшифровку сообщений несколько дней, как раньше, теперь стало возможным расшифровывать немецкие радиোগраммы за несколько часов. [22]

Монтгомери с самого начала ясно понимал значение этого оружия и первым из английских генералов организовал в своём штабе специальный отдел дешифровки. Таким образом, он уже 17 августа, через пять дней после принятия одного из самых важных решений в ходе войны в Северной Африке, имел на руках расшифрованную оперативную сводку от 15 августа, с планами Роммеля относительно наступления по линии Эль-Аламейн и приблизительной датой этого нападения. [23]

В то же время немцы потеряли два важнейших источника информации — собственную радиоразведку [24] и американского дипломата, который регулярно посылал сообщения из Каира на родину. [25] Теперь Роммель двигался в полной темноте.

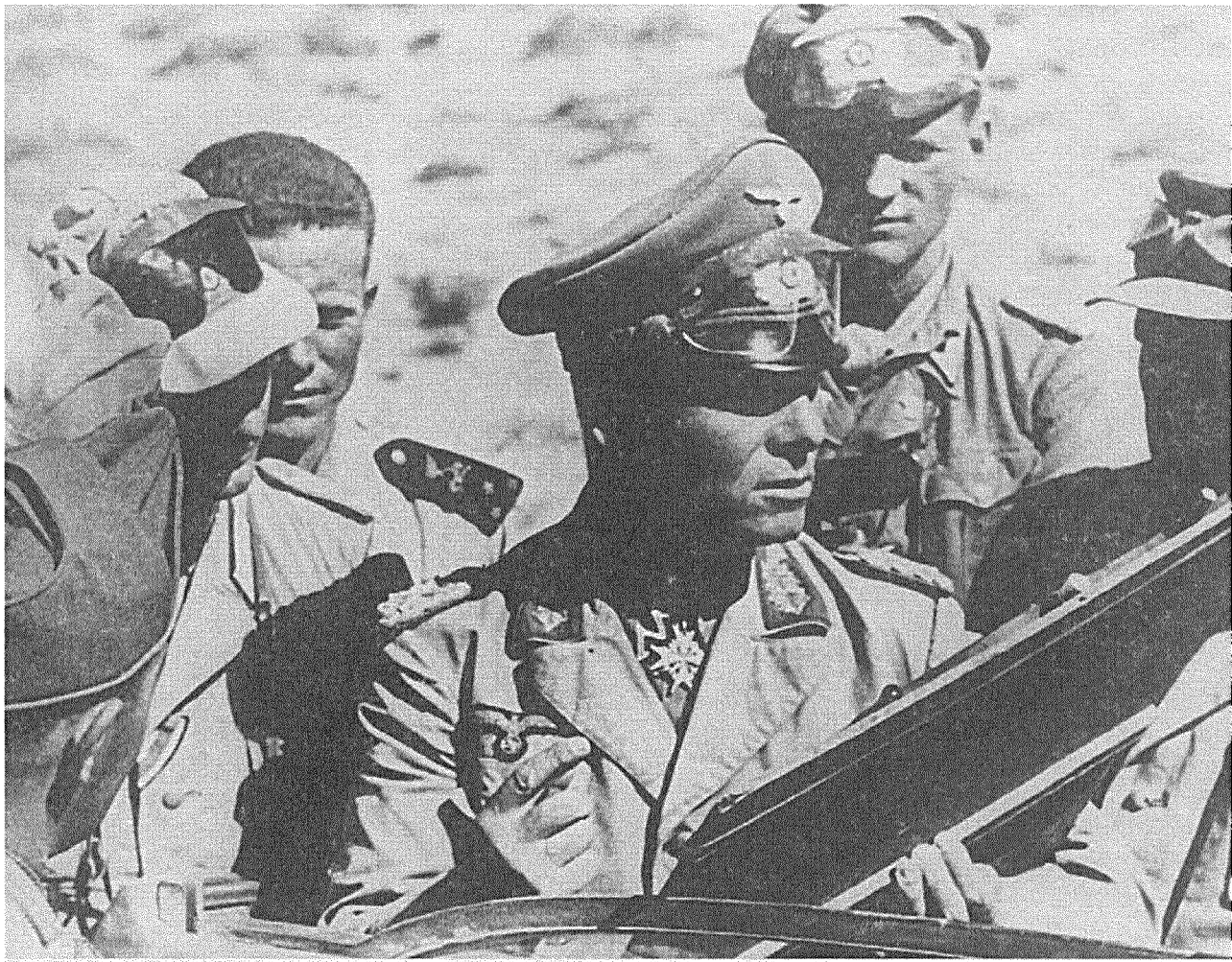
Медлить перед наступлением было смертельно опасно. Его подразделения частично

получили пополнение, однако его всё ещё было недостаточно. Но крупная операция была невозможна в первую очередь из-за нехватки горючего. Итальянское «Командо Супремо» специально организовало пять транспортных конвоев для снабжения войск в Северной Африке, которые должны были в течение двух недель доставить сюда 20 транспортов с соответствующим обеспечением [26]. Однако никто не мог предвидеть, что разведывательное управление в Блетчли-Парке за этот год расшифровало также и код С38m ВМФ Италии. [27] Отныне британцы могли получать точную и регулярную информацию о погрузке и порте назначения каждого отдельного транспорта.

Теперь генерал-лейтенант Монтгомери знал не только планы нового наступления Роммеля. Из расшифрованных радиোগрамм он мог также получить полную картину недостаточного снабжения танковой армии. А бомбардировщики Королевских военно-воздушных сил вместе с подводными лодками Королевского военно-морского флота работали над тем, чтобы существующее положение не менялось. Корабли гибли с такой регулярностью, что трудно было не заподозрить итальянцев в измене. Это неоправданное и несправедливое подозрение сохраняется у некоторых немецких ветеранов Африки до сегодняшних дней.

Роммель, назначивший атаку на ночь полнолуния 26 августа, становился всё более нервным день ото дня. Впоследствии он писал о своем положении: «Если рассматривать ... тот факт, что на современной войне исход битвы решает лучшее снабжение, то в отдалённом будущем мы отчётливо видели катастрофу нашей армии». [28]

Роммель находился в безвыходном положении. Гитлер и Муссолини настаивали на том, чтобы продолжать кампанию в Египте. Вместе с тем он знал, что значительное подкрепление и американские транспорты уже находились на пути в Африку, и к середине сентября британское превосходство стало бы очевидным. При этом он был вынужден ждать собственное пополнение и беспомощно смотреть, как транс-

Дифтерия носа. Алам-Хайфа, 30 августа

порты один за другим тонут в Средиземном море. Для Роммеля началась гонка со временем, которую он уже не мог выиграть.

В этой ситуации фельдмаршала настигает болезнь; уже в начале августа он жалуется в письме своей жене на лихорадку [29] и пишет: «Я очень устал и ослабел». [30] 19 августа переводчик с итальянского Вилфрид Армбрустер отмечает в журнале: «У главнокомандующего небольшой насморк и он совсем не появляется на позициях». [31] На следующий день Роммель чувствует себя настолько плохо, что должен отказаться от поездки с инспекцией и остаётся в кровати. [32] Личный врач-терапевт,

профессор Герман Хорстер, диагностирует «пониженное кровяное давление со склонностью к обморокам» вследствие «расстройства функции кишечника». [33] Нездоровье Роммеля, согласно Хорстеру, вызвано «повышенной физической и психической нагрузкой», а также «неблагоприятными климатическими условиями».

За год до этого Роммель перенес гепатит в тяжёлой форме, [34] но тогда ему и в голову не приходило просить о переводе. Теперь же Роммель решается на необычный шаг: 21 августа он передаёт «Медицинское заключение» по радио в штаб-квартиру главнокомандующего, закан-

чивая словами: «На основании вышеуказанного состояния я прошу о скорейшем замещении меня на должности командующего». [35] До 22 августа фельдмаршал находится в постели. Затем наступает легкое улучшение, и он проходит полное обследование в военном госпитале в Мерса-Матрух. [36] Профессор Горштер подозревает, что Роммель болен дифтерией носа. [37] И в самом деле, случаи этого крайне заразного инфекционного заболевания впервые с прошлого года были зафиксированы в августе.

Если бы Роммель в самом деле был болен дифтерией, он в любом случае должен был бы сдать командование. Медицинская сестра Роза Коллет, которая ухаживала за Роммелем в Мерса-Матрух, вспоминает, что Горштер энергично настаивал на своем диагнозе. «Я не заметила никаких следов дифтерии, — говорила в интервью Коллет, — и я никогда бы не подтвердила её наличие, но Роммель внезапно захотел домой». [38]

Поздним вечером 24 августа из штаб-квартиры фюрера пришла радиограмма. [39] Гитлер не ответил на предложение Роммеля прислать в Африку «отца танковых войск» генерал-полковника Гейнца Гудериана, и приказывал вместо этого назначить командиром африканского генерала Вальтера Неринга. Очевидно, это решение не сделало Роммеля счастливым. Во всяком случае, в течение следующих двух дней свершилось «чудесное исцеление». [40] 26 августа Роммель сообщил в штаб-квартиру командующего: *«...согласно медицинскому заключению моего терапевта, мое состояние здоровья улучшилось настолько, что я могу сохранять руководство армией во время наступательных операций при амбулаторной медицинской помощи»*. [41]

Роммель как будто захотел справиться с болезнью перед безнадёжным нападением 26 августа. Однако, проблемы на этом не закончились. До 27 августа британцами были потоплены 4 из 5 транспортов снабжения. В этот день фельдмаршал Кессельринг появляется в штабе Роммеля, оптимистично сообщает о приходе в Тобрук двух новых больших танкеров и настаивает на немедленном наступлении.

Роммель и присутствующий здесь началь-

ник штаба Вестфаль реагируют растерянно. В их глазах весьма неосторожно начинать наступление прежде, чем снабжение достигнет немецких позиций перед Эль-Аламейном. Вестфаль аргументированно заявляет, что иначе горючее у танковой армии закончится уже на третий день наступления. Кессельринг патетически обещает, что «в крайнем случае, ежедневно будем доставлять до 400 т бензина по воздуху». Но это выглядит слишком нереальным; Вестфаль упрямо доказывает, что для этого в день нужно 250 летчиков, которые должны были бы высаживаться в Северной Африке и расходовать большую часть привезенного горючего для обратного полета. Кессельринг сердится и требует продолжить беседу с Роммелем с глазу на глаз. «На расстоянии я видел, — пишет Вестфаль в своих мемуарах, — как спустя некоторое время оба фельдмаршала пожали руки, и Роммель утвердительно кивнул». Решение было принято. [42]

Утром 30 августа профессор Горштер встречал пациента перед его штабной машиной. Роммель приветствовал его озабоченным взглядом, со словами: «Господин профессор, решение атаковать сегодня является самым тяжелым в моей жизни. Либо нам удастся достигнуть Грозного в России и дойти до Суэцкого канала здесь, в Африке, либо...» [43] Роммель замолчал и, как вспоминал Горштер, «сделал пренебрежительное движение рукой».

Хотя горючее ещё не прибыло, Роммель начал наступление под Эль-Аламейном в 22:00, при бледном свете луны. Боевые группы танковой армии «Африка» шли в западню. 8-я армия Монтгомери встретила их убийственным огнем на суше и с воздуха. Уже спустя 12 часов Роммель задумался о том, чтобы прекратить наступление. Обещанные Кессельрингом транспорты были потоплены или запаздывали, обещанное воздушное снабжение оставалось недостаточным. Как и предсказывал Вестфаль, вскоре у танков закончилось горючее и проведение большой операции стало невозможным.

Тогда Роммель изменил цель и план нападения. Чтобы сократить путь, он бросил под-

Укрепление мировоззрения. Имперская канцелярия, Берлин, 1 октября 1942 года

разделения на север и приказал штурмовать склоны горы Алам-Хайфа, которые впоследствии дали имя этой битве. Он не знал, что здесь британцы с танками и артиллерией заняли почти неприступную позицию.

На склонах Алам-Хайфа атака окончательно захлебнулась. Окончательно доконало Роммеля сообщение о потоплении парохода «Аб-

руцци» британскими бомбардировщиками между Бенгази и Дерной. 2 сентября он наконец-то прекращает наступление. Это было верное решение. Фельдмаршал командовал отход подразделениям и переформировал их для обороны.

С самого начала Роммель предвидел, что наступление может потерпеть неудачу. Ошиб-

кой было вообще начинать его в этих обстоятельствах. Но эту ошибку Роммель совершил в надежде на обещания Кессельринга. Таким же судьбоносным было изменение направления удара в разгар атаки — решение, к которому Роммель пришёл вынужденно из-за нехватки горючего. Роммель никогда не простил Кессельрингу того, что тот не сдержал своего слова. О том, насколько велико было его ожесточение и разочарование, свидетельствует конфиденциальный разговор с немецким послом в Италии Рудольфом Раном годом позже: «Я даже не предполагаю, а знаю наверняка, — говорил Роммель, — что фельдмаршал Кессельринг из ревности к моим успехам при Эль-Аламейне осознанно и намеренно замедлил снабжение оружием, боеприпасами и, прежде всего, бензином». [44]

В этом обвинении Роммель зашёл, пожалуй, слишком далеко. Факт, что позже, при отходе из Эль-Аламейна, на складах Люфтваффе оставалось большое количество нетронутого горючего. [45] Кессельринг говорит о том же в своих мемуарах: *«Несмотря на мое обещание доставлять 500 м³ бензина по воздуху, вопрос горючего оставался затруднительным. По непонятным для меня причинам оно не доставлялось. Я признаю, что несу полную ответственность за это»*. [46] Непонятно, почему Кессельринг спорит с очевидными фактами: *«К поражению привели другие причины, в основном психологического характера. Я убеждён, что эта битва не была бы такой сложной для прежнего Роммеля, который никогда не оставил бы уже выполненный охват противника... Конечно, тяжело говорить, были ли достаточно успешными непрерывные атаки. Но следует заявить, что победа была близка»*.

Кессельринг прав лишь в одном: Роммель в самом деле уже не был прежним. Он сильно изменился за время, прошедшее от первого натиска на позиции у Эль-Аламейна до окончания битвы за Алам-Хайфа. Казалось, что горящее честолюбие командира дивизии из Франции и бесцеремонная энергия полководца в Киренаике сменились более глубоким и чело-

«Мы не отступим!» Перед представителями международной прессы. Берлин, 3 октября 1942 года

вечным отношением. [47] Лишь несколько недель оставалось ему находиться в Африке; это время он использовал, укрепив эль-аламейнские позиции против британцев с помощью хитроумной системы минных полей, так называемых «чертовых садов».

Роммель ожидал нападения 8-й армии в течение следующих 6–8 недель. Наконец 23 сентября он отправился в путь, чтобы приступить к лечению на родине. При отъезде он уверял сменившего его в Африке генерала танковых войск Георга Штумме: «Если начнется битва, я немедленно прекращаю лечение и сразу же возвращаюсь в Африку». [48]

29 сентября 1942 года Роммель должен был получать фельдмаршальский жезл в Берлине из рук Гитлера. Тогда же он попросил Йозефа Геббельса о квартире на время пребывания в столице. Это был единственный раз, когда Роммель таким образом вступал в личный контакт с одним из главных функционеров «Третьего рейха». Ни особенной близости, ни тем более дружбы из этого не возникло. Его мысли, как прежде, касались только войны. *«Мы засиделись далеко за полночь в самом тесном кругу, — записал Геббельс в своем дневнике в первый вечер. — Роммель немного отошел от своей обычной сдержанности и рассказывал о своих боевых операциях в Северной Африке с напряжением и блеском, которые достойны удивления»*. [49]

На следующее утро Гитлер принимал фельдмаршала в Имперской канцелярии. После вручения жезлов фельдмаршала — большого и тяжёлого для официальных случаев, и удобного для повседневного ношения — заговорили о положении на североафриканском театре военных действий. *«Роммель открыто говорил о своих сомнениях, заботах и желаниях, — писал в своих воспоминаниях присутствовавший на встрече адъютант Люфтваффе Николаус фон Белов. — Он опасался, что англичане начнут наступление с большим перевесом в силах, и создадут ему тем самым значительные „трудности“»*. [50]

Гитлер воспользовался случаем, чтобы снова обнадежить Роммеля. Во дворе Имперской

канцелярии были установлены образцы нового оружия, которые он и продемонстрировал фельдмаршалу. Это были внушительные боевые машины, такие как танк «Тигр» и реактивный миномёт «Небельверфер» — что-то вроде немецкого аналога «сталинских органов». Эта демонстрация высокотехнологического оружия не могла не произвести впечатления на Роммеля. Кроме того, диктатор обещал выделить для снабжения войск в Северной Африке транспорты с небольшой осадкой, которые могли бы избежать торпедных атак. Наконец, Гитлер на несколько секунд отвёл фельдмаршала в сторону и сделал таинственный намек на новое «чудесное оружие», способное разметать на мелкие кусочки все в радиусе 3 км. [51] Возможно, Гитлер намекал на планы создания атомной бомбы. Во всяком случае, Роммель покидал Имперскую канцелярию с новыми надеждами; он всё ещё верил обещаниям диктатора.

Затем Геббельс взял гостя с собой на открытие Гитлером организации «зимней помощи» в Берлинском спортивном дворце, старом месте собрания берлинских национал-социалистов. Фельдмаршала из Африки встречали всеобщим ликованием и долгими аплодисментами.

Роммель неуверенно и с некоторым недоверием смотрел в бушующую массу толпы. Не было никаких сомнений: он достиг абсолютного апогея своей карьеры. Ирония участи, что в эти мгновения славы наивысшая точка военных успехов Роммеля была уже пройдена.

3 октября Геббельс провел внеочередную встречу с представителями международной прессы. [52] Из присутствия Роммеля любой ценой следовало извлечь пользу. Фельдмаршал, пожалуй, был слегка не в своей тарелке. Он знал фактическое положение в Северной Африке и не забывал о возможности угрожающего поражения; однако, посетив Берлин, он получил новую надежду. Роммелю не оставалось ничего другого, кроме как разыграть оптимиста. «Сегодня мы стоим в 100 км перед Александрией и Каиром, — начал он свою короткую речь, — и держим в руке ключ к воротам Египта — а значит, мы будем действовать решитель-

но! Не для того мы продвинулись так далеко, чтобы позволить отбросить нас назад. Мы не отступим». [53]

Во второй половине дня Роммель вылетел в Вену, чтобы наконец-то провести несколько спокойных дней с женой и сыном. Геббельс мог быть доволен. Вручение маршальских жезлов, появление во Дворце спорта и, наконец, выход Роммеля перед прессой, — эти события просто просились в киножурналы, радиопередачи и газеты. Картины короткого пребывания на родине создавали тесную связь Роммеля с системой и несли славу «генерала-нациста» в отдаленные уголки страны.

«Он — национал-социалистский полковник, — писал Геббельс в своем дневнике после отъезда Роммеля 4 октября 1942, — такой, о котором можно только мечтать. Если бы у нас была дюжина таких, наши дела обстояли бы куда как лучше». [54]

Гитлер также высказался о фельдмаршале: *«Роммель произвел на нас глубокое впечатление, — цитировал фюрера в своем дневнике Геббельс. — Его мировоззрение твердо, он не только близок к идеям национал-социализма, но и сам является национал-социалистом. Он — командир с даром импровизации, отличается глубоким личным мужеством и чрезвычайно изобретателен. Роммель — это командующий наступательной армией».* [55]

Нет сомнения, что к этому времени Роммель был необъективен в своем некритическом уважении к Гитлеру. Был ли он тем «национал-социалистом», которого Гитлер и Геббельс хотели видеть в нем? В противоположность генералам на Восточном фронте, организовавшим истребительную войну, простой шваб в далекой Африке лишь делал свое дело. В его тылу не проводилось карательных операций, и о военных преступлениях он узнавал только из английского радио, особо ему не доверяя. В первую очередь он был солдатом, согласным с Гитлером, который заявлял, что «вермахт ни при каких обстоятельствах не должен вмешиваться во внутреннюю политику. Долг простых солдат — высоко нести свои мечи». [56]

Кое-что говорит о том, что Гитлер и Геббельс нашли больше прочности в мировоззрении генерала, чем сам Роммель был способен найти в себе. Во всяком случае, во многих сотнях его писем и записок нет ни одной строки, в которой он соглашался бы с идеями национал-социализма. В каком-то смысле он все еще был национал-консервативом, офицером рейхсвера образца 1935 года, волею злой судьбы связавшимся с Гитлером и безжалостно эксплуатируемым пропагандой, которая стилизовала его под свой образ идеального национал-социалистского героя. Однако день, когда сладкий сон должен был дать первую трещину, был уже не за горами.

Стоял поздний вечер 23 октября 1942 года. [57] Первые звезды уже сверкали в ночном небе пустыни Эль-Аламейн. Большинство солдат танковой армии «Африка» уже спали в своих окопах и укрытиях. Убийственный грохот разорвал тишину около 21:40. На протяжении 64 километров между побережьем моря и впадиной Каттара-Сенке открыли ураганный огонь 2359 британских орудий и минометов. Бомбардировщики Королевских ВВС обрушили смертоносный груз на немецкие позиции. Генерал-лейтенант Монтгомери начал самую массовую бомбардировку площадей со времен Первой мировой войны.

Через четверть часа над позициями снова наступила тишина. Но прежде чем улегся дым от разрывов, британские подразделения перешли в наступление — началась битва при Эль-Аламейне. Британская сторона выставила почти 200 000 солдат, более 1000 танков и 1500 самолетов. 8-я армия была почти в три раза сильнее, чем немцы и итальянцы вместе взятые.

Британские подразделения были свежи и воодушевлены, их снабжение с американской помощью осуществлялось безупречно, а оружие было наивысшего качества. Напротив, противник был обессилен. В немецких линиях перед Эль-Аламейном уже встречались случаи цинги. Более 70 % солдат страдали от дизентерии, не хватало боеприпасов, бензина, запасных частей. И не хватало сильного духа того, кто

привел их сюда — Эрвина Роммеля; он все еще находился в Европе в «отпуске для лечения». Исход битвы был предрешен ещё до ее начала.

Генерал Штумме, замещавший Роммеля в Африке, уже на следующее утро предпринял разведывательную поездку на позиции. Сопровождавшие его офицеры хотели удержать командующего от поездки, потому что у него отсутствовал опыт предшественника. Штумме не уступал. Через несколько километров машина попала под огонь австралийской батареи. Адъ-

ютант Штумме был смертельно ранен. Водитель в панике развернул машину и помчался назад. Только оказавшись в безопасности, он оглянулся и увидел, что генерала нет на месте. Вплоть до самого вечера его не могли найти. Затем поисковая команда наткнулась на разграбленный труп. Штумме настиг сердечный приступ, и он просто вывалился из машины.

Танковая армия «Африка» начала самую жестокую битву с тех пор, как ступила на землю Африки, — и оказалась без командующего.

Часть четвертая

ПОВИНОВЕНИЕ

Внебрачная дочь Роммеля Гертруда в октябре 1942 года на несколько дней посетила Винер-Нойштадт. [1] В то время ей было 27 лет, она была замужем, родила двоих детей и вместе с мужем занималась процветающей овощной оптовой торговлей в Кемптене. Все эти годы она поддерживала тесную связь со своим отцом. Теперь она была рада вновь видеть фельдмаршала, который не брал отпуск со времен повторного захвата Бенгази.

Во второй половине дня 24 октября около 15:00 настроение ее отца резко изменилось после звонка из Рима. На телефоне был Ингемар Берндт, офицер из Африки. Он сообщал фельдмаршалу о начале большого британского наступления под Эль-Аламейном. [2] Обеспокоенный Роммель узнал также, что его заместитель генерал Штумме не вернулся из утренней разведывательной поездки. Роммель понимал, что все это могло означать.

Немного позже на вилле Роммеля снова звонил телефон. На этот раз к аппарату подошла Гертруда. Сильный страх охватил её. На другом конце линии был Адольф Гитлер. Он требовал фельдмаршала Роммеля. Диктатор обсудил с Роммелем положение в Северной Африке и проинформировал его об исчезновении генерала Штумме. Роммель немедленно пожелал лететь в Эль-Аламейн. Но Гитлер медлил.

Роммель о многом не подозревал. Рейхсмаршал Герман Геринг, звезда которого слегка померкла, так как он не мог ничего противопоставить союзным бомбардировкам немецких го-

родов, искал новое поле для деятельности. Именно он, сделав широкий жест, предложил сформировать из персонала Люфтваффе двадцать авиационных дивизий. Теперь же он предлагал передать главное командование в Африке фельдмаршалу Кессельрингу. [3] При этом он, пожалуй, служил интересам самого Кессельринга, который не уставал рассказывать, что якобы подарил Роммелю победу при Алам-Хайфа. Теперь Гитлер стоял, как он позже говорил сам, «перед очень тяжелым вопросом — отдать ли командование Кессельрингу или... поручить задание Роммелю». [4]

В конечном счете, все решила радиограмма из Эль-Аламейна от полковника Вестфала, начальника штаба Роммеля. На запрос Гитлера он отвечал: *«Положение сложное. Ожидаются массированные вражеские бомбардировки. Генерал Штумме убит. Необходимо немедленное возвращение генерала-фельдмаршала Роммеля»*. [5] Поздно вечером диктатор снова передал Роммелю главное командование в Северной Африке и приказал «немедленно отправляться к армии».

25 октября около 17:00 Роммель после недолгого пребывания в Риме снова ступил на африканскую землю полевого аэропорта Квасаба. [6] На легком самолете Роммель ещё до наступления темноты прилетел в район Фука. Последние 120 км он проехал на машине. Около 20:00 он, наконец, прибыл на командный пункт. Тем же самым вечером Роммель передал радиограмму во все соединения: *«Я снова принял командование армией. Роммель»*. [7]

Дочь Гертруда во время своего визита к отцу. Вена, октябрь 1942 года

Британское наступление не достигло своей цели — прорыва немецко-итальянского фронта. «Чертовы сады» удалось обезвредить на ширине 10 км, но каждую атаку немцы успешно останавливали, хотя и с большими потерями. Ввиду британского перевеса в артиллерии и продолжительных воздушных бомбардировок прорыв фронта был всего лишь вопросом времени, и это хорошо понимали руководители «немецко-итальянской танковой армии». Именно так с 25 октября была названа танковая армия Роммеля, дабы подчеркнуть тесную связь двух союзников.

Еще более, нежели очевидное превосходство противника в живой силе и технике, Роммеля беспокоили собственные недостаточные резервы. Уже в Риме ему сообщили, что запа-

сов горючего хватит всего на три дня. [8] Таким образом, дальность действия моторизированных подразделений была ограничена настолько, что каждое тактическое передвижение новилось последним — для движения образца топлива уже не оставалось.

В Риме командующий итальянским флотом попытался восстановить снабжение. «Прозена» с 2500 т горючего и «Тергестеа» с 1000 т горючего и 1000 т боеприпасов уже покинули итальянские порты и находились в Средиземном море. Следующий танкер, «Луизиано» с 20 т горючего, стоял готовым к отправке. [9] В запланированном прибытии кораблей, как все сообщили в Северную Африку по радио. И шифровщики в Блетчли-Парке перехвати-

эту радиограмму. Уже 26 октября «Прозерпина» и «Тергестеа» были атакованы и потоплены английскими бомбардировщиками неподалеку от гавани Тобрук.

Урвав несколько часов сна, Роммель около пяти утра 26 октября отправился в поездку на боевые позиции. Его мозг отчаянно искал выход из безнадежного положения. К вечеру картина была ясна — 8-я британская армия сконцентрировала свои части к северу от Рувей-сат-Рюкенс для нанесения удара на участке между Эль-Даба и Сиди-абд-Эль-Рахман. Роммель спланировал что-то вроде отчаянного встречного удара, стянув в северную часть фронта из района Эль-Аккакир две наиболее сильных немецких и две итальянских танковых дивизии.

Контратака Роммеля началась во второй половине дня 27 октября с воздушных бомбовых ударов и массивной артподготовки. Вечером того же дня Роммель пишет своей жене: *«Никто не в силах представить, насколько сильный страх испытываем все мы. Все поставлено на карту»*. [10]

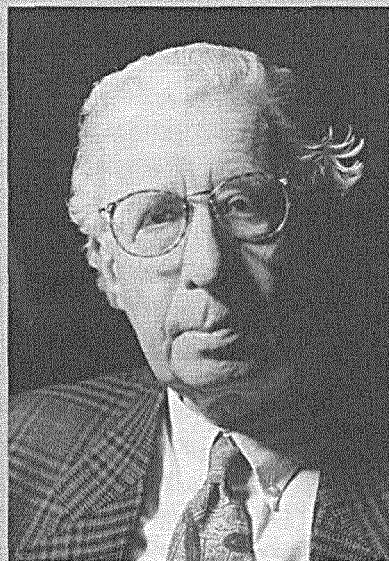
Ночью Роммель лежал на своей походной кровати с открытыми глазами и не мог уснуть от тяжелых размышлений. В своем следующем письме Люси, которое он написал ранним утром 28 октября, он впервые упоминает мысли о собственной смерти: *«Переживу ли я битву, если она станет поражением? Все в руках Господа... Если меня не будет в живых, то прими мою благодарность за всю любовь и радость, которую ты и наши мальчики принесли в мою жизнь»*. [11]

В течение дня ценою больших потерь удавалось отбивать каждую вражескую атаку. Однако собственное наступление захлебнулось в ураганном британском огне. Этому особенно способствовали британские бомбардировочные эскадрильи. Недостаток горючего и боеприпасов делали почти невозможным подвижное руководство боем. Роммель начал понимать, что битва за Северную Африку проиграна. Той же ночью он второй раз пишет своей жене: *«У меня больше не осталось надежды... С глубокой любовью вспоминаю тебя и Манфреда. Как все»*.

Герд Шмюкле, офицер во французском походе:

«Когда Роммель в 1941 году отправлялся из Франции в Африку, он принял меня у себя. В тот день я сказал ему: „Господин генерал, я слышал арабскую пословицу: в пустыне можно найти Бога, и можно встретить свою смерть“. Роммель ответил: „Вероятно, Шмюкле, я найду там и то, и другое“».

таки сказочно было дома... Мысль о том, что будет, если всё рухнет, мучает меня днем и ночью... Я не вижу выхода». [12]

В ночь на 29 октября Роммель снова не может уснуть. С 3:30 он вновь отправляется в путь, чтобы через 2,5 часа вернуться в расположение войск. [13] Новый день принес печальные вести. Около 11:30 пришло сообщение о том, что танкер «Луизиано» потоплен английскими самолетами через несколько часов после выхода из итальянской гавани Наварино. Вскоре после этого от захваченного в плен британского офицера стали известны детали плана операции «Сверхудар» (*Supercharge*) — решающего британского наступления. [14]

Роммель рассчитывал, что Монтгомери нанесет удар в ближайшую ночь. Под вечер итальянское Верховное командование сообщило, что по данным разведки, два британских соединения движутся маршем к впадине Каттара-Сенке, в 100 км к югу от Мерса-Матрух. Это означало окружение немецко-итальянской танковой армии и ее неизбежный разгром. Роммель обреченно заметил: «У нас больше нет выбора». [15]

И хотя генерал Монтгомери в конечном счете отложил свой «Сверхудар» на 48 часов, а сообщение итальянцев на следующее утро не подтвердилось, 29 октября Роммель подтвердил свое намерение начинать отход. Это решение вытекало из реалистической оценки положения, но оно не было легким. Роммель понимал, что поражение в Африке не входит в программу его непосредственных начальников. Тем осторожнее он принялся за обсуждение с своими офицерами отвода войск на 120 км до высоты Фука. [16]

Ожидаемое наступление британской армии началось около часа ночи 2 ноября с семичасового воздушного налета и трехчасового ураганного огня из более чем 300 орудий. Под прикрытием огневой завесы более 500 британских танков двинулись сквозь туман в северо-западном направлении — к прибрежной дороге при Эль-Даба. [17] Роммель снова бросил все имеющиеся в его распоряжении силы навстречу врагу. При поддержке полевой и зенитной ар-

тиллерии завязалась танковая битва, в которой противника снова удалось задержать — по крайней мере временно. [18] Но уже к полудню у Роммеля не оставалось сомнений, что разгрома избежать не удастся. «На многих участках фронта, — писал Роммель в своих записках, — господствовал абсолютный хаос... Британские эскадрильи и артиллерийские орудия сеяли смерть и разрушение. Около полудня в течение одного часа 18 британских бомбардировщиков семь раз отбомбились по нашим частям». [19]

Роммель, наблюдавший за ходом битвы с высоты холма, видел, что положение становится тяжелее с каждым часом. В немецком корпусе остались исправными только 35 боевых танков и 24 88-мм орудия. Боевая мощь немецких подразделений уменьшилась на треть. Части итальянских дивизий «Литторио» и «Триесте» остались без руководства и спасались бегством из этого ада. «После этого, — писал Роммель, — наше уничтожение стало неизбежным». [20]

Около 15:30 он увидел достаточно и немедленно отправился к армейскому командному пункту, чтобы начинать отход. [21] В своем сообщении командованию вермахта Роммель объяснял Генштабу положение под Эль-Аламейном: «Несмотря на сегодняшние успехи в обороне, силы армии исчерпаны после жесткой десятидневной борьбы против многократного британского перевеса на суше и в воздухе». Подробно описав ситуацию, Роммель заканчивал отчет драматическими словами: «При существующем положении дел, невзирая на героическое сопротивление и превосходный боевой дух подразделений, можно ожидать лишь постепенного уничтожения всей армии». [22]

Однако, на всякий случай, он не стал говорить о запланированном отходе. Вероятно, он надеялся, что Гитлер ввиду безнадежной ситуации придет к тем же самым выводам и самостоятельно прикажет скомандовать отход. Но эта недосказанность привела к тому, что в Генштабе лишь частично представляли себе масштабы катастрофы. Гитлер обманчиво успокаивал себя тем, что несколькими днями раньше

Командование принято. Эль-Аламейн, октябрь 1942 года (Роммель — справа)

фельдмаршал Кессельринг из Рима сообщал, что «кризис в сражении преодолен». [23]

Около 19:20 радиостанция Роммеля начала передавать приказы отдельным подразделениям. Указания были точны и недвусмысленны: «Армия должна постепенно отступать, продолжая сражаться». [24] Первыми получили приказ солдаты 19-й зенитной дивизии, последними — в 21:08 — солдаты бригады Рамке. Роммель запустил всеобщее отступление для спасения армии как хорошо смазанный маслом шестереночный механизм.

Для штаб-квартиры фюрера Роммель со своим начальником штаба Вестфалем составил наиболее безобидное из возможных окончательных сообщений. Под пунктом 2 там значилось: «Как упоминалось в промежуточном со-

общении № 2, армия больше не способна к предотвращению новой попытки прорыва. Поэтому войска подготовлены к тому, чтобы, начиная с 3 ноября, с боем отступить перед натиском превосходящих сил противника. Пехотные дивизии начнут отступление уже ночью с 2 на 3 ноября...» [25] Радиограмма была передана только после полуночи. Должна ли она была на следующее утро поставить Гитлера перед окончательным фактом, чтобы он не смог больше задерживать отход?

В любом случае, радиограмма из Африки пришла в Рим около двух часов ночи и была безотлагательно передана по телефону центральной телефонной станции в штаб-квартиру фюрера. [26] Около трех часов телефонист Альфонс Шульц постучал в дверь дежурного офи-

цера ОКВ майора доктора Вильгельма Борнера. [27] Заспанный Борнер просмотрел радиogramму из Африки и снова лег спать. Наверное, содержание показалось ему недостаточно важным, чтобы из-за него будить Гитлера. Но Роммель уже в этой радиogramме недвусмысленно указал на неизбежную трагическую участь своей армии.

Около 8:40 утра Роммель позволил информировать штаб-квартиру фюрера о первых шагах начатого отступления. *«В южной и средней части фронта, — гласило утреннее сообщение от 3 ноября, — проходит отступление 10-го и 21-го армейских корпусов, а также 1-й истребительной бригады Люфтваффе до линии Така-Куарет-эль-Абд-Дейр-эль-Мурра».* [28]

Из «Волчьего логова» до сих пор не было никакой реакции. Тем не менее, Роммель не был уверен, сделает ли военное руководство надлежащие выводы, даже с учетом однозначности всех оперативных сводок. Он предусмотрительно планировал послать своего штабного офицера Ингемара Берндта в штаб-квартиру фюрера, чтобы «однозначно разъяснить Гитлеру наше положение и намекнуть, что африканский театр военных действий, наверное, потерян». [29] Этим утром Роммель писал своей жене, какое отчаяние он испытывал в те дни: *«...Сделал попытку спасти хотя бы часть армии. Удастся ли это? Ночью лежу с открытыми глазами, и мой мозг мучается тем, что ищет выход из этого безвыходного для моей бедной армии положения. Мы, вероятно, испытываем самые тяжелые дни, которые только может вынести человек. Мертвецам хорошо — для них уже нет никакой разницы...»* [30]

Утро 3 ноября 1942 года начальник штаба Главного командования вермахта генерал Йодль как обычно начал со стандартного доклада о ситуации на фронтах, закончившегося около 11:00. [31] При этом Гитлеру были представлены ночные сводки и карты театров военных действий, на которых были отмечены последние перемещения войск. [32] Радиogramмы из Африки лежали сверху. После того, как было прочитано сообщение Роммеля об отступлении

танковой армии, Гитлер впал в бешенство. Первой его реакцией был немедленно продиктованный приказ Роммелю, который уже в 11:30 был передан через Рим в Африку. В нем Гитлер с патетическими словами требовал держаться любой ценой: *«Весь немецкий народ испытывает доверие к вашему таланту командира и к смелости подчиненных вам немецких и итальянских подразделений, ведущих героические оборонительные бои в Египте. В положении, в котором вы находитесь, не может быть другого выхода, чем стоять до последнего и бросать в битву каждого солдата, способного держать оружие... Вы можете вести армию лишь к победе или к смерти! Подпись: Адольф Гитлер».* [33]

Отступление Роммеля до глубины души потрясло фюрера. «Если бы меня разбудили, — гневно кричал диктатор, — я принял бы ответственность за действия Роммеля и приказал бы ему стоять до последнего патрона!» [34] Гитлер, находясь в своей ставке в лесах Восточной Пруссии, кажется, не понимал, что этот превосходный рецепт выхода из кризиса означал бы гибель танковой армии Роммеля, подобно разгрому немецких войск под Москвой зимой 1941 года. Ему повсюду чудилась измена. Может быть, штаб умышленно скрыл от него донесение Роммеля? Немного позже два человека в форме офицеров СС уже допрашивали ничего не понимающего Альфонса Шульца, который принял междугородний телефонный разговор из Рима. Одновременно посредством радиостанции установили срочную радиотелефонную связь со штабом в Риме. [35]

Наконец удалось отыскать виновного — майора доктора Вильгельма Борнера. [36] 50-летний офицер запаса, член правления химического концерна «Шеринг» спешно явился к Гитлеру. В бараке для оперативных совещаний на него обрушился диктатор: «Меньше чем через 60 минут вы будете расстреляны за саботаж!» [37]

Борнер побледнел как мел и попытался объяснить, почему он не передал сообщение из Африки немедленно. Последняя радиogramма Роммеля от 2 ноября и в самом деле не содер-

жала никаких решающих новостей по сравнению с предыдущими. Но Гитлера уже нельзя было успокоить. Через 10 минут он выгнал Борнера из помещения. Начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель отвел его в кабинет, поставил на стол бутылку коньяка и положил рядом пистолет: «Вы знаете, что вы должны делать». [38]

Борнер не доставил диктатору этого удовольствия. В тот же день без всякого трибунала он был разжалован до простого артиллериста. Заместитель начальника штаба Главного командования вермахта генерал Вальтер Варлимонт также лишился своей должности. Только благодаря посредничеству генерала Шмундта Варлимонт был восстановлен на ней спустя некоторое время. Всё, чего Шмундт смог добиться для Борнера — возвращения к его гражданской профессии после шестинедельной службы на «Атлантическом валу».

Этот эпизод ярко демонстрирует настроение, царившее в то время в ставке фюрера. Ситуация на фронте окончательно вышла из-под контроля. Эль-Аламейн был только началом в серии сокрушительных поражений. Но реакция Гитлера и многих его приближенных демонстрировала лишь стремление укрыться от реальности.

Роковой приказ главнокомандующего пришел в Африку в тот же день, около 13:30. [39] Возможно, шифровальная машина «Энигма» на узле связи в первой половине дня дала сбой, [40] и приказ пришлось посылать повторно. Роммель вместе со своим начальником штаба Вестфалем обедали в командирской машине, когда штабной офицер передал им радиogramму со словами: «Армия приговорена к смерти». [41] Роммель был поражен словно молнией. Позже он горько писал о своих чувствах: «Мы были совершенно разбиты этим сообщением, и я впервые за время Африканского похода не знал, что надо делать». [42]

Роммель стоял перед тяжелейшим выбором. Гитлер требовал от него снова послать обескровленную армию в бой. Для тысяч вверенных фельдмаршалу солдат это значило смерть. С другой стороны, Роммель «снова и снова тре-

бовал безоговорочного послушания» [43] от своих подчиненных. В конечном счете эта мысль победила. Фельдмаршал склонился перед волей высшего командования. Роммель приказал остановить отступление. Сообщая командованию о продолжении борьбы, в заключение он указывал: «Мы делаем все, что в наших силах, чтобы одержать победу». [44] Вскоре после этого в отчаянном призыве к подразделениям он потребовал «сотворить все, что только возможно, чтобы одержать победу и оставить поле битвы за нами». [45]

Роммель знал, что эти слова не стоили даже той бумаги, на которой были написаны. Впоследствии он писал об этом дне: «В нас поднималась огромная обида, когда мы писали о замечательном боевом духе армии, в то время как последний солдат знал, что ход битвы невозможно переломить даже нечеловеческими усилиями». [46]

Около 16:30 Роммель предпринял последнюю попытку — направил в восточную Пруссию старшего лейтенанта Берндта. Вероятно, он еще надеялся переубедить Гитлера. Времени уже не оставалось. Роммель смирился с неизбежным разгромом своей армии, ожидаемым в течение следующих трех дней. В огромной спешке он набросал письмо в несколько строк своей жене, которое передал Берндту вместе с 25 000 сэкономленных лир. Роммель знал, что это может быть его последним приветом, и закончил письмо словами: «Что с нами будет дальше, известно только Господу. Береги себя и мальчика». [47] Немного позже он еще раз взялся за бумагу и ручку, чтобы проститься с дочерью: «Ожидает ли смерть моих солдат и меня вместе с ними, знает только Бог. Посылаю тебе сердечный привет и желаю тебе и твоей семье счастливого будущего». [48]

Растерянные командиры подчиненных Роммелю частей ознакомились с приказом диктатора. Генерал Вильгельм Риттер фон Тома, главнокомандующий немецким корпусом «Африка», энергично запротестовал, убеждая фельдмаршала в том, что остановка отхода означает полное уничтожение. После долгих колебаний

3.11.42.
 Am: 4.11.42
 First World War.

Dear Lu!

The flight has been very
 in the immediate vicinity.
 On the other hand, the
 view of the sea is very
 pleasant. I hope you
 are all well. I love you
 all.

3.11.42

«Любимая Лу!

Битва все еще идет, и конца пока не видно. Я уже не могу верить в ее счастливый исход. Берндт летит к Гитлеру, чтобы передать мое сообщение. С ним я передаю 25 тысяч лир, которые смог здесь сэкономить.

Что с нами будет дальше, известно только Господу. Береги себя и мальчика. Целую вас обоих. Твой Эрвин.

Валютное поручение прилагается».

Dear 25 000 lire, I hope
 you will be
 safe in the hands
 of the bank.
 I love you
 all.

I hope you
 are all well. I love you
 all.

«Все в руках Божьих».

Прощальное письмо от 3 ноября 1942

Роммель разрешил продолжать отступление частям Тома, понимая при этом, что любые компромиссы означают лишь продолжение агонии. [49]

После захода солнца Роммель еще долго расхаживал туда-сюда по песку перед штабным автобусом. Вестфаль, наблюдавший за шефом, направил к нему в качестве психологической поддержки одного из офицеров штаба, майора Эльмара Варнинга, напутствовав его: «Пожалуйста, сопровождайте фельдмаршала, он нуждается в чьем-то обществе». [50]

Уже ничего не опасаясь, Роммель делился мыслями с офицером штаба. Перед его мысленным взором ясно вставали не только разгром танковой армии, но и его последствия. Поражение в Северной Африке означало бы конец военных амбиций Италии. Однако ещё больше Роммеля тревожила участь его солдат. Снова и снова он сбивался на приказ и необходимость послушания, пока, наконец, не выкрикнул: «Человеческая жизнь важнее!»

Варнинг ещё не мог понять, что имеет в виду Роммель. Тем более он удивился, когда фельдмаршал начал критиковать Гитлера. С глубоким ожесточением Роммель говорил о диктаторе: «То, что он делает, это абсолютное сумасшествие!»

«Приказ об остановке» коренным образом поколебал доверие Роммеля к Гитлеру. Этот день стал поворотным пунктом в его жизни. Несколькими месяцами позже Роммель отметил в своем дневнике: «3 ноября останется одним из самых памятных дней в истории. В этот день окончательно стало ясно, что военное счастье отвернулось от нашего знамени, и с этой же даты танковая армия больше не имела свободы в выборе решений, подчиняясь самым тяжелым приказам вышестоящего командования». [51]

На следующее утро около 9:00 фельдмаршал Кессельринг высадился из легкого самолета вблизи командного штаба Роммеля. Он покинул Рим накануне, чтобы влиять на Роммеля согласно приказу диктатора. Поломка мотора задержала его на острове Крит. По его

мнению, «Роммель и Вестфаль были сильно перенапряжены и нуждались в успокоительном». [52] Роммель с огромным трудом скрывал свою ярость, и по пути к автобусу только прошептал начальнику штаба, показывая на Кессельринга: «Это он все уничтожил». [53]

В начале обсуждения Роммель изложил беспощадную картину событий. Его настроение не допускало никаких возражений, и Кессельринг поневоле осознал, что ошибочно оценивал положение. Однако позже он писал в своих мемуарах, что также несёт «ответственность за приказ [Гитлера] вместе со своими подчинёнными», [54] и это не соответствует фактам. На это указывают сохранившиеся документы. Генерал-фельдмаршал Кессельринг умело оставил вину на генерал-фельдмаршале Роммеле. Как следует из этих документов, он предложил «рассматривать телеграмму командующего не в качестве безоговорочного приказа, а скорее как призыв». [55] «На вашем месте, — говорил Кессельринг, — я действовал бы так, как того требует положение».

В течение разговора Роммель еще раз возвратился к тому, что «телеграмма фюрера... подействовала на нас как удар грома». Кессельринг успокоил Роммеля: «Вы всё ещё пользуетесь безоговорочным доверием фюрера». Со своей стороны Кессельринг обещал, что сообщит о серьезности положения, и пожелал узнать, собирается ли Роммель продолжать отступление. Согласно протоколу совещания, Роммель в отчаянии отвечал на это: «Только если фюрер изменит свой приказ. Я не могу действовать вопреки распоряжению командующего».

Роммель окончил совещание заверениями в том, что «каждое подразделение, каждое оружие, каждый танк пойдут в бой и скорее сгорят в битве, чем уступят вражескому натиску». Когда Кессельринг покидал командный пункт, Роммель уже не выглядел таким опустошенным, как раньше.

Но уже следующий день наглядно показал Роммелю роковые последствия «приказа об остановке». В 11:00 он получил сообщение от

итальянского 21-го армейского корпуса о том, что дивизии «Тренто» и «Болонья» разгромлены и в беспорядке отступают на запад. Немного позже авиаразведка сообщила, что 10-й итальянский армейский корпус также разбит. Итальянская танковая дивизия «Ариете» находилась в агонии. Роммель со своего командного пункта мог видеть далеко на юго-востоке сильные облака пыли, поднимаемые маленькими итальянскими боевыми машинами в их безнадежном бою с более чем сотней превосходящих их по мощи британских танков. *«С гибелью „Ариете“, — писал Роммель с невыразимой печалью, — мы потеряли наших самых старых итальянских товарищей. Мы потребовали от них больше, чем, пожалуй, они были в состоянии выполнить со своей техникой».* [56]

После кровопролитных боев около полудня 4 ноября свежие британские силы в нескольких местах прорвали фронт танкового корпуса «Африка». При этом почти 150 танков оказались в окружении и были уничтожены. Генерал

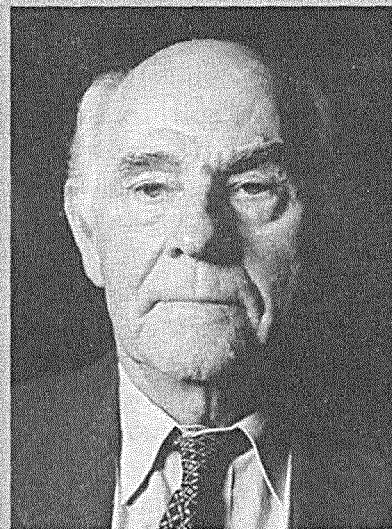
фон Тома, командовавший корпусом, не выдержал этой новости. Он снял ордена, назвал «приказ об остановке» «абсолютным безумием» [57] и направился в центр сражения к своим обреченным на смерть подразделениям. Часом позже офицер штаба Тома видел высокого худого генерала, стоявшего посреди сущего ада, в клубах дыма, окруженного обломками орудий и мертвыми телами солдат. Вскоре после этого он был захвачен в плен британскими солдатами.

К полудню Роммель открытым текстом передал в ставку фюрера сообщение о безнадежном положении своих войск и запросил разрешения отвести оставшиеся войска до «линии Фука». [58] Через два часа он отдает корпусу «Африка» необычный приказ: «Никаких остановок, никаких бесполезных жертв». [59] Около 15:00 стало абсолютно ясно: Монтгомери за 12 дней совершил окончательный прорыв фронта на «линии Эль-Аламейн». Полное окружение немецко-итальянской танковой армии было лишь вопросом времени.

Рольф Мюннингер, секретарь в штабе Роммеля:

«С началом отхода Роммель стал совсем другим человеком. Он впервые осознал, что Гитлер обрекает на смерть 200 000 человек, заставляя их сражаться в бесполезной, заведомо проигрышной битве. Это сильно изменило Роммеля. С тех пор он больше не был таким, как раньше. Он стал другим. Я каждый вечер видел его в нашем маленьком штабе. Если сначала он пытался выполнить приказ командования, то потом он говорил лишь об отступлении».

24 часа сработали против Роммеля. 24 часа с тех пор, как он получил роковой приказ. Теперь настало время действовать. Не дожидаясь ответа Гитлера, Роммель в одиночку принимает решение на отход. «Армия выходит из мешка и отходит на „линию Фука“» — говорилось в радиোগрамме, которая была передана во все подразделения. [60]

Роммель пошел на большой личный риск — пожалуй, это было самое тяжелое решение, которое он принимал в своей жизни. [61] Беседа с Кессельрингом в первой половине дня показала, какое значение для него все еще имело «доверие фюрера». Вопреки всем своим сомнениям, Роммель долго не мог отказаться от доверия к Гитлеру. Тем выше нужно оценивать то, что в этот час он поставил ответственность за жизни своих солдат выше покорности Гитлеру. Сам Роммель спустя несколько месяцев замечательно сказал об этом поступке: *«За всю мою жизнь я совершил только одну ошибку — не отказался от выполнения приказа „победа или смерть“ двадцатью четырьмя часами раньше»*. [62]

4 ноября около 15:45 эмиссар Роммеля старший лейтенант Берндт прибыл в ставку фюрера. Большую роль при отправке Берндта сыграла его гражданская профессия — бывшего сотрудника Рейхсминистерства пропаганды и старого члена партии ожидал хороший прием у Гитлера. Прибытие Берндта подействовало на диктатора успокаивающе. Гитлер завел разговор о том, что следует немедленно организовать в Африке новый оборонительный рубеж. В присутствии Берндта он приказал: «немедленно... предоставить самое современное оружие, самые надежные линии снабжения и дополнительные части Африканскому корпусу». [63] Но дополнительные поставки не могли быть такими грандиозными, как обещал фюрер, и потому оставались каплей воды на раскаленном камне. Берндту все же удалось повлиять на Гитлера, и тот смог смириться с отступлением Роммеля. В 20:50 он кратко пишет Роммелю: «Так как положение очень сложное, я соглашаюсь с вашим решением». [64]

Но Берндт не смог переубедить диктатора, и Гитлер остался при своем мнении, что отход Роммеля был тяжелой ошибкой. «Он должен был продолжать наступление, — писал Гитлер в 1944, — это была единственная возможность спасти все». [65]

Маятник качнулся в последний раз. С наступлением темноты начался отход остатков немецко-итальянской танковой армии. За прошедшие 24 часа погибло несколько сотен солдат. Десять тысяч человек попало в плен. И все же Роммелю удалось вывести из эль-аламейнского ада более 70 000 немецких [66] и примерно 30 000 итальянских солдат.¹²

Британцы окончательно выиграли битву. Главнокомандующий британскими вооруженными силами на Среднем Востоке, генерал Гарольд Александер, 6 ноября радостно писал английскому премьер-министру: «Позвольте звонить в колокола!» [67] Сначала Черчилль отказывался от звона — колокола молчали с 1940, чтобы иметь возможность предупредить население в случае немецкого вторжения. Несколькими днями позже Черчилль в речи в Мэншн-Хаусе в Лондоне призывал воздержаться от преувеличенного оптимизма: «Это не конец. Это даже не начало конца. Вероятно, это лишь конец начала». [68] В своих мемуарах он говорит о том же. Битва при Эль-Аламейне была лишь поворотным пунктом. «Можно сказать, — пишет Черчилль, — что до Эль-Аламейна мы ни разу не одерживали победы. После Эль-Аламейна мы не потерпели ни одного поражения». [69]

Британский историк сэр Майкл Говард с полным основанием указывал на «важную английскую перспективу». [70] Фактически, по-

¹² Всего англичанами было захвачено в плен 7802 немца и 22 071 итальянец, а также около 400 артиллерийских орудий и несколько тысяч автомашин. Немцы потеряли подбитыми и поврежденными 214 танков из 249, имевшихся перед сражением. Потери английских войск составили 4610 человек убитыми и пропавшими без вести и 8950 ранеными, было потеряно 77 самолетов и около 500 танков — из последних большинство поврежденными. См.: М. Говард. Большая стратегия, август 1942 — сентябрь 1943. М.: Воениздат, 1980, стр. 62–63. (Прим. ред.)

На поле битвы. Ливия, ноябрь 1942 года

воротный пункт войны на этом фронте наступил вскоре после этого, в ночь с 7 на 8 ноября 1942 года, в 3000 км к западу от Эль-Аламейна, когда американско-британский корпус численностью более чем в 100 000 солдат высадился на побережье Марокко и Алжира. [71] Гитлер сразу осознал серьезность положения: началась борьба за Южную Европу. Тунисский полуостров становился «трамплином» для вторжения в Италию. Если Тунис окажется в руках союзников, Средиземноморье, а с ним и Италия рано или поздно будут потеряны.

Эта французская колония приобрела огромную важность. Гитлер приказал любой ценой организовать надежную оборону Туниса. С 11 ноября немецкие и итальянские подразделения направлялись исключительно в Тунис, причем их снабжение, в первую очередь горючим, было приоритетной задачей. Решить ее можно было лишь за счет армии Роммеля.

Еще одно затруднение состояло в том, что ответственным за всю операцию снова был назначен фельдмаршал Кессельринг. Одновременно он отвечал за действия войск в Ливии и командовал снабжением армии Роммеля. Конфликт интересов был неизбежным.

Роммель, продолжая отступление, — его подразделения вскоре оставили и «линию Фука», — сразу понял это. Ценою невероятных усилий ему удалось провести организованный отход от позиций под Эль-Аламейном и одновременно не позволить солдатам упасть духом. По-прежнему немцам не хватало не только горючего, но также боеприпасов, запчастей и другого оборудования. Новые транспорты пали жертвой роковой согласованности между британской разведкой и действиями Королевских ВВС. Теперь каждая капля бензина доставлялась Роммелю по воздуху. О серьезном противодействии британцам больше не могло быть и речи. Вопреки всем приказам Муссолини и итальянского командования, менее всего заинтересованного в утрате колонии, отступление было единственным возможным выходом.

В этой ситуации даже случайности играли на руку Роммелю. Например, сильные дожди

снова и снова предотвращали налеты британской военной авиации и тормозили наступление 8-й армии. Впрочем, еще больше отходу немецких и итальянских подразделений способствовала стратегия Монтгомери. В эти дни противоположность обоих полевых командиров Североафриканского театра военных действий проявилась наиболее отчетливо. Пожалуй, можно согласиться, что британский генерал умело использовал современные средства ведения войны — танки и самолеты. Но у британского военачальника отсутствовали маневренность и быстрота Роммеля, рожденные из материальной слабости. Монтгомери знал, что выиграет эту войну — и не считал нужным топиться.

В конечном счете, именно благодаря неукротимому характеру Роммеля его солдаты смогли вырваться из окружения. Отход от Эль-Аламейна в Тунис — это одна из выдающихся военных заслуг Эрвина Роммеля. Фельдмаршал лучше всех понимал, что с высадкой союзников в Северной Африке возникла новая, смертельная опасность для его армии. Он не тешил себя никакими иллюзиями. Роммель объективно признавал, что материальное превосходство американцев, с оружием которых он столкнулся при Эль-Аламейне и Алам-Хайфе, положит конец войне в Африке. Будучи реалистом, он предвидел поражение немецко-итальянской танковой армии. А теперь его мучили сомнения даже в «окончательной победе». 14 ноября он озабоченно пишет своей жене: *«Что будет с этой войной, если мы потеряем Северную Африку? Как будет выглядеть окончание войны? Я безумно хочу избавиться от этих мыслей — но они мучают меня снова и снова»*. [72]

Роммель видел только один выход. Все говорило за то, что немецкие и итальянские войска должны эвакуироваться из Африки — подобно тому, как англичане в 1940 году покинули Дюнкерк. Сначала Роммель просил о безотлагательной беседе с Кессельрингом и Кавальеро. Но маршалы просто не появлялись. Затем он второй раз послал Берндта к Гитлеру. 12 но-

«Как может выглядеть конец войны?» Отступление, ноябрь 1942 года

ября диктатор снова принял эmissара Роммеля — на этот раз в Мюнхене, где он выступал перед старыми членами партии. В этот день подразделения Роммеля вынуждены были оставить Тобрук. Слезы наворачивались на глаза солдат армии «Африка» при воспоминании о многомесячной осаде в 1941 году и о триумфе в июне 1942 года.

Берндт ознакомил диктатора с планом Роммеля: *«занять оборонительную позицию в горах Киренаики и по ночам подводными лодками, маленькими кораблями и самолетами перевезти в Европу как можно больше кадровых военных, чтобы использовать их для нового наступления»*. [73] Это была полная противоположность стратегии Гитлера.

Фюрер был «очень и очень недоволен», сообщил Берндт после своего возвращения в день 51-летия Роммеля, 15 ноября 1942 года. [74]

«Фюрер передал мне, — писал Роммель, — что я не должен обращать внимания на ситуацию в Тунисе. Мне следует держать оборону в этом маленьком укреплении... И, хотя он уверяет, что испытывает безоговорочное доверие к моим действиям, в его словах отчетливо заметно расстройство». [75]

Роммель был разочарован. Почему никто не хочет смотреть правде в глаза? В этот день он пишет жене: *«Молю Всевышнего помочь мне вернуть доверие фюрера и народа. Пусть в новом году он помогает мне так же, как помогал в прошлом»*. [76]

Выход перед глазами. Ливия, ноябрь 1942 года

Часть пятая

ТРАВЛЯ

Ранним утром 19 ноября 1942 началось решительное советское наступление на Дону. Целью операции было окружение 6-й армии генерала Фридриха Паулюса под Сталинградом. Красной Армии понадобилось три дня, чтобы окружить 300 000 немецких и 10 000 румынских солдат. [1]

Гитлер недооценил опасность и не успел отдать приказ о прорыве из Сталинграда. Он намеревался снабжать 6-ю армию по воздуху, но эти слишком оптимистичные намерения были сразу поставлены под сомнение начальником штаба Люфтваффе, генералом авиации Гансом Йешоннеком. Кроме того, уже 20 ноября диктатор создал новую группу армий «Дон», во главе которой поставил, пожалуй, самого способного стратега вермахта, генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Первоначальной целью группы армий «Дон» было прорваться к окруженной армии и помочь ей выйти из окружения.

Поздно вечером 22 ноября генерал Паулюс окончательно понял, что снабжение по воздуху невозможно. Из-за недостатка в боеприпасах и горючем уничтожение окруженных подразделений превосходящими силами русских было всего лишь вопросом времени. Выход из угрожающего положения Паулюс видел в «движении на запад». [2] В тот же день в телеграмме командованию Паулюс обещает удержать Сталинград, однако в дополнительном сообщении он отмечает: *«Прошу предоставить мне свободу действий в случае, если не удастся орга-*

низовать оборону на юге. Положение может принудить к сдаче Сталинграда и отступлению на северном фронте, чтобы получить возможность разгромить противника на южном фронте между Доном и Волгой и получить возможность соединиться с 4-й румынской армией». [3] Между строк читалось только одно: бегство.

Командующий 51-м армейским корпусом генерал Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах убеждал Паулюса не докладывать Гитлеру о нынешнем положении вещей и не просить свободы действий, а поставить перед фактом — сообщить, что развитие положения делает необходимой сдачу Сталинграда. [4] Начальник штаба Паулюса генерал-лейтенант Артур Шмидт назвал это «мятежом» и категорически отказался от такого предложения. [5] Через 3 часа Паулюсу доставили телеграмму с ответом Гитлера: *«6-я армия временно окружена вражескими войсками. Я знаю 6-ю армию и ее главнокомандующего, и я знаю, что она будет стойко держаться в этом тяжелом положении».* [6] И хотя начальник Генерального штаба Главного командования сухопутных сил генерал Курт Цейтцлер настаивал на том, чтобы Гитлер дал приказ о выводе 6-й армии из котла, диктатор занял выжидательную позицию.

Паулюс приказал начать подготовку операции под кодовым названием «Перестройка». 23 ноября командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал Максимилиан фон Вайхс безоговорочно присоединился к мнению Паулюса и потребовал вывода 6-й армии из окру-

жения. Но Гитлер, который ввиду напряженной ситуации переехал из ставки Берхтесгадена в Растенбург, запретил отход. У него был собственный план: специально сформированная группа прорыва должна была снова пробить путь к 6-й армии. До тех пор снабжение окруженных войск должно было вестись по воздуху. При этом Гитлер полагался на цифры, которые ему предоставил главнокомандующий Люфтваффе, рейхсмаршал Герман Геринг. Геринг утверждал, что ежедневно сможет доставлять в котел 500 тонн боеприпасов, горючего и продовольствия.¹³

Несмотря на то, что генерал Зейдлиц оценил ежедневные нужды армии в 1500 тонн, это все равно была откровенная утопия. На самом деле военной авиации, вопреки несомненному мужеству летчиков, ни разу не удалось доставить в Сталинград больше 100 тонн груза.

Паулюс разрывался на части. С каждым часом ситуация для его армии ухудшалась. И все-таки он не мог изменить себе и начать действовать вопреки приказу Гитлера. Вечером 23 ноября он еще раз обратился к Гитлеру по радио: *«Мой фюрер! С момента прихода вашей радиogramмы от 22.11 события очень быстро сменяют друг друга... Армия будет уничтожена в ближайшее время, если только не удастся разгромить врага ударом всех сил с юга и запада. Требуется немедленно вывести войска из Сталинграда и затем прорываться в юго-западном направлении... Еще раз прошу на основе создавшегося положения предоставить полную свободу действий»*. [7]

На следующее утро Гитлер еще раз подтвердил, что его решение окончательно, и потребовал «обороняться до последнего патрона». [8] Паулюс безропотно принял смертный приговор

¹³ Эта цифра была рассчитана на основе опыта снабжения Демянского котла зимой 1941/42 года, и называть ее заниженной нет никаких оснований. Другое дело, что Люфтваффе не смогли выдержать даже ее — но в конце ноября 1942 года Геринг не предполагал, что активность советской авиации окажется столь высокой, а многие сухопутные аэродромы, с которых осуществлялось снабжение, вскоре окажутся утрачены. (Прим. ред.)

для своей армии. Подготовка к прорыву была остановлена.

Последней надеждой переубедить диктатора был Манштейн, который прибыл в расположение группы армий «Б», чтобы получить оперативную информацию о состоянии дел. Фельдмаршал Вайхс еще раз высказал мнение о том, что единственное спасение 6-й армии состоит в немедленном отходе. Но Манштейн преследовал собственные планы.¹⁴ Несмотря на слова главнокомандующего группы армий «Б», совершенно переоценивая возможности воздушного снабжения, он также рекомендовал выжидание. Паулюс получил его сообщение: *«26.11 принял командование группой армий „Дон“. Мы сделаем все, чтобы прорваться к вам и вывести вас из котла»*. [9] Паулюса успокоило это сообщение, поскольку он верил в военное мастерство Манштейна. Во всяком случае, Гитлер остался доволен. Окруженным теперь не оставалось ничего, кроме как надеяться на прорыв, а до тех пор — на достаточное снабжение с воздуха.

25 ноября генерал Зейдлиц еще раз пишет Паулюсу. С надеждой и отчаянием он умоляет: *«...во имя всего святого... примите своей властью решение не подчиниться приказу, действуйте самостоятельно...»* [10] Наиболее резко на это сообщение отреагировал генерал-лейтенант Шмидт: *«Мы не должны обманывать фюрера, и генерал Зейдлиц — не командующий»*. [11]

Вечером в штаб-квартире фюрера генерал Цейтцлер предпринимает последнюю попытку переубедить Гитлера. На оперативном совещании он еще раз просит диктатора разрешить отход 6-й армии. [12] Ему решительно возражает Геринг. Начальник Генерального штаба сухопутных сил уже знал от нескольких генералов авиации, что возможности авиаснабже-

¹⁴ Манштейн не был заинтересован в прорыве, так как прекрасно понимал: войска 6-й армии выйдут к его позициям обессиленными и малобоеспособными, лишившись большей части техники и тяжелого вооружения. В то же время появление вслед за ними войск блокирующей советской группировки резко изменило бы соотношение боеспособных войск не в его пользу. (Прим. ред.)

ния явно завышены. Но Геринг, патетически вскинув руку в нацистском приветствии, уверял фюрера, что сможет гарантировать снабжение 6-й армии. При этом он иронически поинтересовался, знает ли Цейтцлер, в каком количестве грузов армия нуждается ежедневно. Геринг бил наверняка. Не зная точных цифр, Цейтцлер сыграл ему на руку, назвав слишком низкое число в 300 тонн. Впрочем, и этот тоннаж сильно превосходил возможности Люфтваффе. Тем не менее, Геринг воспользовался возможностью и торжественно заявил: «Мы можем обеспечить это!» Цейтцлер возмущенно воскликнул: «Мой фюрер, он лжет!» Однако было слишком поздно. Гитлер больше ничего не хотел слушать. С огромным удовлетворением он начал речь о своих старых боевых товарищах, что «там, где командуют мои друзья, нет малодушия, как в других армейских штабах». Геринг достиг своей цели. Его положение осталось непоколебимым, хотя и за счет 6-й армии.

26 ноября было уже поздно что-то менять: запасы боеприпасов и горючего настолько уменьшились, что попытка прорыва стала невозможной. Имевшийся шанс на спасение сотен тысяч солдат был истрачен зря. Лишь одно соображение могло хоть как-то оправдать выживание в Сталинграде: больше 90 крупных советских соединений были привязаны к котлу¹⁵, а в случае отхода 6-й армии они высвободились бы для удара по группам армий «Б» и «Дон», и могли бы отрезать группу армий «А» на Кавказе.

Но в промежутке с 19 по 26 ноября этот ар-

¹⁵ В действительности на 15 декабря в составе Донского фронта, обеспечивавшего внутреннее кольцо блокады вокруг 6-й армии, насчитывалось всего 28 соединений дивизионного уровня — 25 стрелковых дивизий и 3 танковых корпуса в четырех армиях (21-й, 24-й, 65-й и 66-й). На 20 ноября эти четыре армии насчитывали в общей сложности 298 тысяч человек в 29 дивизиях — то есть к декабрю с учетом потерь и переданных другим армиям сил их численность даже с частями фронтового подчинения (90 тысяч на 20 ноября) не намного превышала численность окруженной немецкой группировки. Другое дело, что силы Донского фронта были вполне способны к маневренным действиям, а войска 6-й немецкой армии в Сталинграде — уже нет. (Прим. ред.)

гумент не играл никакой роли. Самостоятельное отступление представляло собой огромный риск. Уже 19 ноября положение со снабжением 6-й армии было весьма напряженным — имевшегося по докладам горючего хватило бы лишь на продвижение всей армии приблизительно на 100 км. При самостоятельном прорыве, без согласования действий с группой армий «Б», отход из Сталинграда даже на такое небольшое расстояние мог бы обернуться катастрофой. Тем более весомым в этой ситуации было появление на сцене Манштейна, которое давало окруженным новую надежду.

К ужасу командования 6-й армии, его первая оценка ситуации лишь способствовала ухудшению ее положения. И тем не менее, за 300 000 солдат в котле Сталинграда нес ответственность генерал Фридрих Паулюс. Отмена решения на прорыв — независимо от приказов Гитлера и риска подвергнуться затем наказанию — пожалуй, стала самым тяжелым решением в его жизни. Он чувствовал невероятную тяжесть этой ответственности. И все же «неторопливый Паулюс», как его прозвали еще в военной академии, не смог не подчиниться фюреру. Послушание стало важнее жизней его солдат. [13]

26 ноября фельдмаршал Манштейн еще раз убеждал его в правильности такого поступка: «*Вы не несете ответственности за то, что произойдет, если армия будет сражаться до последнего патрона, выполняя приказ фюрера*». [14] На следующий день Гитлер составляет призыв к окруженным солдатам в сталинградском котле, в котором пылкими словами требует «стойко держаться». Начальник штаба Паулюса делает вывод из зажигательной речи диктатора: «Фюрер освободит нас». [15]

Гитлер мог быть доволен. Кризисы в Эль-Аламейне, во французских колониях в Северной Африке и под Сталинградом казались преодолимыми. Обманчивое спокойствие царило в ставке фюрера. Оно рухнуло 28 ноября около 12:00, когда пришло сообщение, что Роммель находится на пути в ставку командования. [16] Фельдмаршал передал командование в Ливии

генералу «Африканского корпуса» Густаву Фенну [17] и оставил свои войска, чтобы лично представить свой доклад Гитлеру.

Роммель был весьма обеспокоен. В некотором смысле, он боролся в Северной Африке с теми же трудностями, что и Паулюс в Сталинграде. Он был отрезан британской блокадой почти от любого снабжения по морю. Оставалось только снабжение по воздуху, которое ему обещал Кессельринг. Однако на деле лишь небольшая часть горючего и боеприпасов достигала итальянско-немецкой танковой армии. Роммель в сердцах жаловался генералу авиации Гансу Зайдеманну, заместителю Кессельринга: «Он потчевал нас совершенно ложными цифрами... Нам нужно горючее и больше никаких пустых обещаний». [18]

Кроме того, дуче и фюрер приказали ему создать новый оборонительный рубеж у Марса-эль-Брега, недалеко от Эль-Агейлы. Этот едва укрепленный рубеж был более чем в два раза шире позиции при Эль-Аламейне, и его

нужно было удерживать без горючего и боеприпасов, с армией, составлявшей всего треть от первоначальной боевой силы, сражаясь против очевидно превосходящих сил противника — однако диктаторы требовали от фельдмаршала именно этого.

В этой ситуации Роммель решил на необычный шаг — без предупреждения вылетел в штаб-квартиру фюрера, чтобы ознакомить Гитлера с фактами. В присутствии рейхсмаршала Германа Геринга Роммель начал свой доклад около 17:00. Гитлер с трудом сдерживал раздражение. Когда Роммель в конце своей беспощадно откровенной речи потребовал «очистки африканского театра военных действий» [19] как выхода из безнадежного положения, Гитлер позволил своей маске упасть. В присутствии офицеров штаба и генералов он заорал на Роммеля: *«Вы предлагаете то же самое, что и генералы прошлой зимой в России! Там я тоже должен был отступить к немецкой границе. Я не сделал этого — и оказался прав. Здесь я тоже*

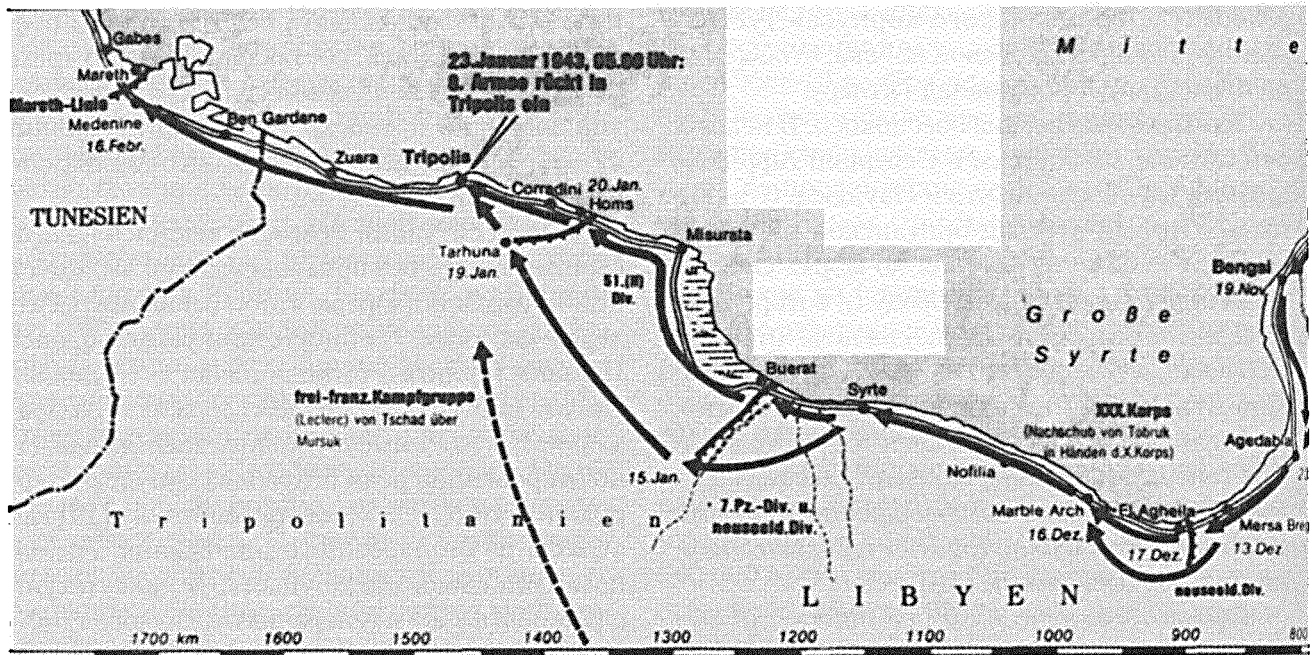
Филипп фон Боселагер, офицер в русском походе:

чем командир батальона. И платит совсем иную цену, как говорили тогда на войне».

Ни один человек не мог понять решения Паулюса. Выполнять приказ, конечно, гораздо проще. Это мы понимали. Но ведь он нес ответственность за 300 000 солдат. Выполнять приказ в таких условиях было невозможно, невозможно! Он должен был дать приказ на прорыв, как советовали ему его генералы. Паулюс должен был сделать это, даже если бы это стоило ему головы. Я всегда говорил, что фельдмаршал несет иную ответственность,

Выдающийся военный успех.

этого не сделаю. Нужно учитывать политические последствия!» [20]

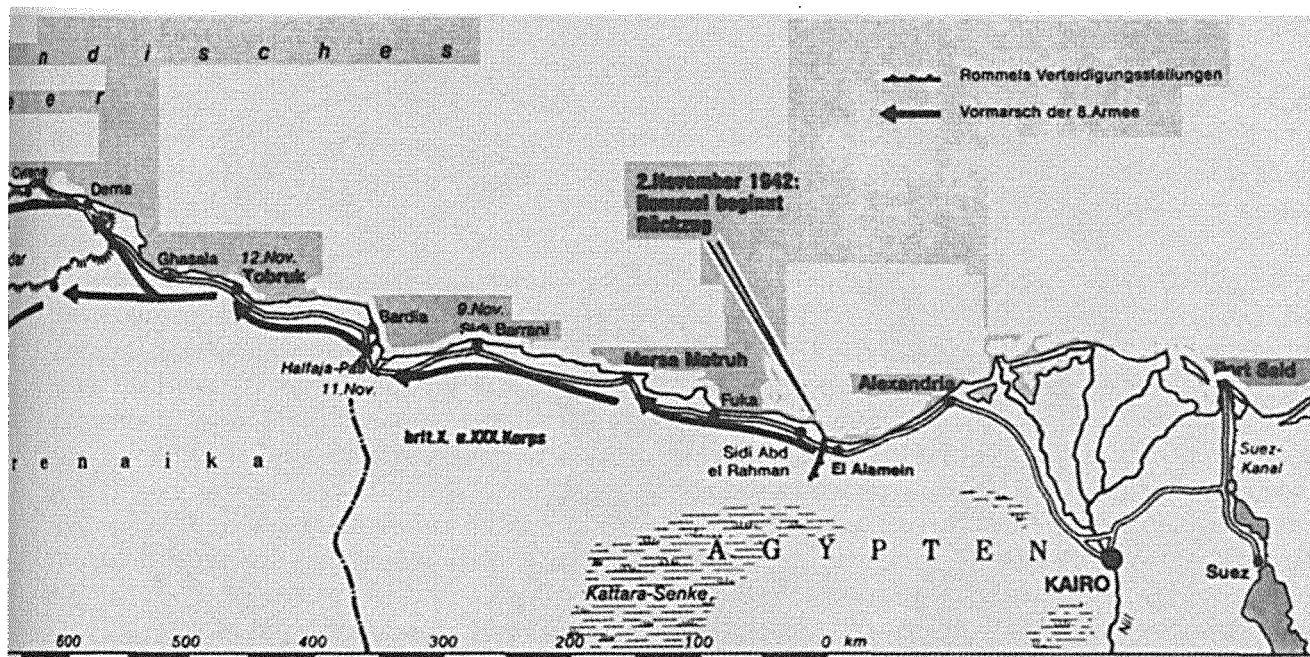
Роммель оставался при своем мнении. Ввиду материального превосходства противника уничтожение армии в Северной Африке было вопросом времени. Он даже попробовал поднять этот вопрос в ходе беседы: «...если союзникам удастся закрепиться на [Африканском] континенте, — писал Роммель, — нам придется отступить — как и любой другой армии». [21] Это была прямая и очень реалистичная оценка возможного развития военных действий. Но Гитлер абсолютно не был заинтересован в «благоразумном обсуждении». [22] Возбужденный, он спросил, сколько немецких солдат еще находится в распоряжении Роммеля. «Семьдесят тысяч», — отвечал фельдмаршал. [23]

Но все решило не число солдат, а их вооружение. Из 70 88-мм зенитных пушек после разгрома под Эль-Аламейном у Роммеля осталось только 50. Не хватало также от 15 000 до 20 000 винтовок. Одним из своих любимых жестов Гитлер приказал немедленно послать в Африку 6000 винтовок. Но и это не могло переубе-

дить Роммеля. Он сердито посоветовал Гитлеру самому приехать в Африку и показать ему, как с винтовкой можно победить танк. [24] Этим Роммель окончательно перегнул палку. Взорвавшись, диктатор прогнал его с оперативного совещания.

«Как мокрый пудель, — вспоминал этот эпизод Хайнц Линге, — Роммель покинул помещение». [25] Гитлер, почувствовавший, что зашел слишком далеко, лично бросился за Роммелем и пробормотал, извиняясь: «Пожалуй, у нас у всех чересчур сдали нервы». [26]

Пригласив фельдмаршала обратно в помещение, диктатор еще раз попытался переубедить его. Он приказывал «использовать все средства, чтобы обеспечить быструю доставку оружия и боеприпасов». [27] Кроме того, Гитлер обещал, что пошлет первые же 20 штук новых 88-мм орудий непосредственно в армию Роммеля. Затем он продиктовал радиogramму Муссолини и сообщил в Рим о прибытии имперского маршала Роммеля. Геринг по поручению Гитлера должен был придать вопросам снабжения необходимую энергию. Таким обра-

Отход Роммеля от Эль-Аламейна в Тунис

зом диктатор, наконец, смог освободиться от надоедливого Роммеля, которого, очевидно, нельзя было пронять ни запугиванием, ни обещаниями. На прощание Гитлер уверял фельдмаршала «в своем особенном доверии». [28] О переброске подразделений из Африки, разумеется, «не могло быть и речи... нужно держаться, чего бы это ни стоило...» [29]

Через три часа, около 20:00, Роммель с Герингом покинули ставку командования, чтобы отправиться в Рим «особым поездом». Фельдмаршал был объят ужасом. Не только из-за того, что видел нежелание смотреть правде в глаза, но и, прежде всего, из-за слов Гитлера. Роммель был убежден, что немецкие и итальянские подразделения в Северной Африке обречены на гибель. Он сомневался в том, сможет ли сам еще раз увидеть Европу. Его жена провожала его на вокзале в Мюнхене. После войны Люси Роммель вспоминала о том дне: «Мой муж был потрясен. Он говорил: „Вы не видите опасности, и они также не хотят видеть ее. Но она идет к нам гигантскими шагами. Эта опасность называется крахом“». [30] То, что он ясно

предвидел поворот событий уже в 1942 году, показывает его желание, чтобы Люси и Манфред переселились из Винер-Нойштадта в Бюртемберг, подальше от русских. [31] Роммель окончательно перестал верить в «неминуемую победу».

И все же фельдмаршал не переставал искать выход для своих солдат. Еще в Африке он составил план отхода войск до Туниса на заранее подготовленную «линию Габес». Правда, этот план предполагал оставление всей Ливии — но зато давал реальный шанс на передышку и реформирование войск. Находясь в пути в роскошном особом поезде Геринга, Роммель попросил Берндта показать «Габес-план» рейхсмаршалу. Геринг пообещал вступить за этот план перед итальянцами. [32]

Однако уже при первом обсуждении, после прибытия в Рим 30 ноября, Кессельринг отменил это благоразумное решение. По его утверждению, этот отход поставил бы войска под удар вражеской авиации. [33] На самом деле любая цель в Тунисе и так уже находилась в пределах дальности действия британских и американских

Не играет с открытыми картами. Кессельринг (справа), ноябрь 1942 года

ких воздушных сил с Мальты и из Алжира. В процессе обсуждения стало ясно, что Кессельринг не открыл всех своих карт. [34] Когда Роммель упомянул 20 новых зенитных орудий, обещанные Гитлером двумя днями раньше, оказалось, что два из них уже доставлены в Тунис и еще четыре находятся на пути туда. Наконец, отмечает протокол совещания, пароход «Гуальди», на котором находились горючее и боеприпасы для немецко-итальянской танковой армии, по приказу Кессельринга тоже был направлен в Тунис. [35] Это был уже не первый раз, когда жизненно необходимое снабжение для Ливии посреди пути перенаправлялось в Тунис. За счет танковой армии Роммеля Кессельринг укреплял свою собственную позицию в Северной Африке.

Роммель был разочарован. Переживания прошедших недель, положение его армии, пребывание в штаб-квартире фюрера, а вот теперь поведение Геринга и Кессельринга — все это совершенно выбило его из колеи. После очередной встречи с рейхсмаршалом 1 декабря в отеле «Эксельсиор» в Риме он сорвался. Присутствовавший при этом фельдмаршал Люфтваффе Эрхард Мильх писал в своих мемуарах: *«Во время общего обеда Геринг непринужденно разговаривал с Роммелем. После этого я несколько часов находился в его [Роммеля] комнате и пытался успокоить его; он был настолько расстроен, что долгое время плакал и с трудом понимал мои утешительные слова. Он не мог перестать думать о том, что Гитлер потерял доверие к его умению командовать»*. [36]

Роммель даже не предполагал, что семена этого недоверия были посеяны Герингом и Кессельрингом. После срыва Роммеля Геринг с явным ликованием сообщил в ставку фюрера: *«Нервы Роммеля окончательно расшатаны»*. [37]

Коварный план Кессельринга, который родился уже после битвы при Алам-Хайфа, наконец принес плоды — Роммель теперь выглядел не «победителем», а «пессимистом». [38] Это была вода на мельницу Адольфа Гитлера. Теперь он даже приветствовал недостаток горю-

чего, так как это препятствовало дальнейшему отходу Роммеля. [39] На оперативном совещании 12 декабря диктатор подтверждает слова Геринга и Кессельринга: *«Вероятно, было бы правильнее вернуть Роммеля обратно и заменить его другим, более стойким командиром...»* [40]

Глубоко подавленный, Роммель 2 декабря возвращается в Африку. Начальник штаба Вестфаль заметил, что фельдмаршал сильно переменялся. Отныне он открыто говорит о том, что Германия проиграет войну «с фанфарами и литаврами». [41] По словам Вестфаля, Роммель ясно видел возможность «немецкой гражданской войны». Его мысли отвернулись от Гитлера. В то же время он начал понимать, что должен предпринять хоть что-то, чтобы скорее окончить безнадежную войну... В одном из писем Роммель просит свою жену прислать «англо-немецкий карманный словарь». [42] Он пишет: *«Возможно, он понадобится мне уже в ближайшем будущем»*. В своем письме от 8 декабря он серьезно обращается к сыну и говорит о его будущем: *«Серьезно относись к своим занятиям, сынок. Ты учишься не для школы, а для себя. Тебе следует как можно быстрее стать на ноги, Манфред. Времена для всех нас могут стать очень и очень тяжелыми»*. [43]

И все-таки Роммель за время пребывания в Риме смог получить разрешение на дальнейшее перенесение оборонительных позиций на 380 км. Впрочем, новая оборонительная «линия Буэрат» к востоку от Триполи не принесла существенного облегчения. Вряд ли она могла стать серьезным препятствием для Монтгомери и его подразделений. Как и несколькими неделями раньше, Муссолини приказал *«держаться, стоять до последнего солдата!»* [44] На карту теперь была поставлена не только столица Ливии, но и судьба всей итальянской колонии.

По словам министра иностранных дел Италии и своего зятя, графа Галеаццо Чиано, дуче 5 января 1943 говорил о том, что Триполи нужно защищать *«до последнего, сражаться за каждую улицу, за каждый дом, как в Сталинграде»*.

«Держаться до последнего солдата». Солдатское кладбище в Ливии

[45] Страдая болезнью желудка, уставший Муссолини уже почти не имел надежды на счастливый исход. Чиано пишет в дневнике: «Он очень плохо отзывался о Роммеле, который только и думает, как бы поскорее перебраться в Тунис».

Муссолини считал фельдмаршала виновным во всем. Эта позиция была поддержана Кессельрингом на встрече с главой итальянского Верховного командования маршалом Уго Кавальеро, состоявшейся 8 января 1943 года.

[46] После войны Кессельринг писал в своих мемуарах: *«Я не хочу обсуждать здесь, были ли самостоятельные действия Роммеля политическим подвигом или роковым нарушением субординации. Наверное, было ошибкой оставлять фельдмаршала в его тогдашнем положении, так как это не могло устранить существующих проблем, и военные операции неминуемо должны были пострадать от этого»*. [47]

10 января 1943 Роммель узнает, что Кессельринг назначен командующим всех военных сил в Средиземноморье, [48] и ему теперь фактически подчиняется немецко-итальянская танковая армия. Фельдмаршал предпринимает последнюю попытку изменить ситуацию. Он еще раз посылает штабного офицера Ингемара Берндта в ставку фюрера, чтобы рассказать о трудностях с Кессельрингом и настоять на выводе войск в Тунис.

Но Кессельринг успел раньше Роммеля. 12 января около 12:00 он неожиданно прибыл в ставку командования. Берндт, приехавший ранним утром, был вынужден ждать — Гитлер сообщил, что примет его только после полудня. [49]

Кессельринг, как всегда, был оптимистичен. Этот оптимизм не имел под собой реальных оснований, но зато встретил полное одобрение Гитлера. Кессельринг упорно противился перемещению армии Роммеля в Тунис, снова и сно-

ва приводя один и тот же аргумент — «это противоречит основной идее обороны Туниса». [50] По словам Кессельринга, *«Роммель даже не пытается сражаться, а только стремится поскорее попасть в Тунис. У меня есть подозрения, и я должен открыто их высказать, что Роммелю следовало бы более жестко вести оборону при Эль-Аламейне. Возможно, ему не стоит командовать армией «Африка».* [51]

Когда Кессельринг спустя час покидал штаб-квартиру командующего, он мог быть доволен. Доклад Берндта теперь был всего лишь формальностью, хотя Гитлер и выслушивал его в течение трех часов. Диктатор снова и снова говорил о снабжении: «Африка должна получать только самое лучшее», [52] а в остальном отговаривался пустыми общими фразами. Он не осознавал огромных трудностей, которые испытывал Роммель в новых условиях и с новым командованием. Наконец, Гитлер еще раз подчеркнул, что хочет передать командование в Тунисе Роммелю [53] — но с интересной оговоркой: «...если он [Роммель] с медицинской точки зрения будет в состоянии принять эту ношу».

На самом деле Роммель со времени сражения при Эль-Аламейне страдал от тяжелых головных болей и нарушений кровообращения, из-за чего неоднократно терял сознание. [54] Почти два года тотальной войны, и прежде всего события прошедших недель, не прошли бесследно для 50-летнего мужчины. Физическое и психическое состояние Роммеля, вероятно, могло быть подсознательной реакцией на безвыходное положение. Но ни состояние здоровья, ни психическая подавленность до сих пор не препятствовали его командованию, и он по-прежнему принимал удачные решения, иногда даже против воли высших командиров. Что же имел в виду Гитлер, когда упомянул здоровье Роммеля в разговоре с Берндтом 12 января?

Судя по всему, это являлось прямым следствием разговора Кессельринга с диктатором в тот же самый день. Кессельринг пересказал слова маршала Уго Кавальеро: Муссолини требует голову Роммеля. Это поставило Гитлера в

тупик. В течение всех этих месяцев военных неудач он особенно полагался на Италию, подразделения которой сражались за немецкие идеалы в России, на Балканах и в Тунисе. С другой стороны, диктатор был наслышан о том эффекте, который производило само имя фельдмаршала на британского противника и немецкую общественность. Освобождение Роммеля от должности могло иметь непредвиденные последствия. Возможно, апелляция к здоровью Роммеля могла стать в этой ситуации соломоновым решением.

Берндт, как офицер штаба, был одним из немногих, которые находились достаточно близко к фельдмаршалу, чтобы разбираться в его состоянии. Во всяком случае, после возвращения Берндта Роммель подвергся немедленному медицинскому осмотру профессором Германом Горштером. [55] Здоровье фельдмаршала не вызывало нареканий. Однако Гитлер, очевидно, больше не нуждался в медицинских аргументах. Нужно было торопиться.

После визита Берндта в ставку фюрера итальянское «Командо Супремо» сделало формальное предложение руководству вермахта: «использовать Роммеля в другом месте». [56] В боевом дневнике начальника штаба вермахта есть запись: «Фюрер по политическим причинам решает принять предложение». [57] Однако вместо того, чтобы сообщить об этом Роммелю, командование вермахта еще раз осведомляется о состоянии его здоровья — в состоянии ли он руководить армией? [58] В тот же самый день в ставку командования приходит отчет профессора Горштера. Диагноз однозначен: силы Роммеля исчерпаны. 26 января «в связи с необходимостью восстановить здоровье» [59] Роммелю рекомендуется сдать командование.

В течение последующих дней немецко-итальянская армия оставляет Триполи и перемещается в Тунис за линию Марет. Ливия, арена двухлетней борьбы Роммеля, свидетель его грандиозных побед, была потеряна. *«Я настолько подавлен, — пишет Роммель своей жене 25 января, — что едва могу делать свою работу. Вероятно, другие находят положение более бла-*

гоприятным, и даже могут попробовать что-то сделать. Кессельринг, например, излучает полнейший оптимизм и, вероятно, видит лишь во мне причину бегства армии». [60]

Роммель дошел до самой нижней точки. Начиная ли он теперь сомневаться в себе самом? Во всяком случае, Берндт в своем письме уверяет Люси Роммель: «Состояние маршала обусловлено депрессией, из-за чего он видит все более мрачным... Я пишу вам эти строки... чтобы успокоить вас...» [61]

В Тунисе тем временем находилось уже 210 000 солдат и 1300 танков союзников. Немцы и итальянцы могли выставить против них лишь 120 000 солдат и 150 танков. [62] При абсолютном американско-британском превосходстве в воздухе и неограниченных возможностях снабжения вопрос крушения «карточного домика» в Тунисе был всего лишь вопросом времени. [63] Но отнюдь не болезнь Роммеля и не его «пессимизм» были причиной этому. Лишь безответственное поведение Гитлера, Геринга и Кессельринга сделало опытного и реалистически мыслящего военного больным и депрессивным стариком.

30 января Роммель в своем штабе стал свидетелем того, как завершилась еще одна глава в тусклой немецкой военной истории. Из радиоприемника доносилась речь рейхсмаршала Германа Геринга. [64] Он говорил об «агонии под Сталинградом». Намекая на жертву царя Леонида и его 300 спартанцев, павших в сражении против персов при Фермопилах, искушенный Геринг придавал более высокий смысл жертве немецких солдат под Сталинградом.

«Путник, ты прибыл в Спарту, — гласит эпитафия Леонида, — и видишь нас, павших здесь во имя высшей справедливости». «Ты прибываешь в Германию, — стальным голосом вещал Геринг, — и ты видишь нас, погибших под Сталинградом ради спасения немецкого народа!» [65]

Более 50 000 немецких солдат пали в сражениях под Сталинградом с 19 ноября. Четверть миллиона попали в русский плен. И лишь немногие вернулись домой.

**«Подобно старой кавалерийской лошади, услышавшей звук боевой трубы».
На пути к перевалу Кассерин, Тунис, февраль 1942 года**

Время пребывания Роммеля в Африке истекло. Но он все еще медлит покидать континент, и упрямо пишет 8 февраля своей жене: *«Я оставлю свою армию только по прямому приказу. Ввиду создавшегося положения хочу выдержать до конца, даже если врач отговаривает меня от этого. Ты поймешь мою точку зрения»*. [66]

В то время как Роммель неуклонно укреплял оборону «линии Марет», немецкое командование провело наступательную операцию под кодовым обозначением «Весенний ветер». [67] 14 февраля немецкие войска нанесли американцам неожиданный удар из Туниса. Под командованием генерал-полковника Ганса-Юргена фон Арнима, который в декабре принял командование над 5-й танковой армией в Тунисе¹⁶, немецким танковым соединениям удалось уже в первый день наступления захватить Сиди-боу-Зид и обратить американцев в бегство. Когда на следующий день была успешно отражена контратака противника, американская пехота впала в панику и отступила на значительное расстояние по всему фронту. При этом расположенный далее к югу оазис Гафса также был оставлен без боя. Уже во второй половине дня итальянская дивизия «Чентауро», входившая в состав немецко-итальянской танковой армии, была переброшена в оазис Гафса с «линии Марет». Таким образом, Роммель, который и без того планировал захватить этот пункт, оказался втянут в операцию «Весенний ветер».

Утром 16 февраля фельдмаршал отправился в путь, чтобы проинспектировать захваченный город. В последний раз Роммель жадно вдыхал утренний воздух. Противник отступал, другого случая могло не представиться. Фельдмаршал нетерпеливо потребовал от командования 5-й армии продолжать наступление, чтобы этой же ночью взять город Сбайтла. Но генерал фон Арним не был намерен позволять Роммелю вмешиваться в его операцию. Лишь

на следующее утро он повел солдат в наступление.

Роммель со своей стороны нанес удар в северо-восточном направлении от Гафсы. После этого, по его планам, войска немецко-итальянской танковой армии и 5-й танковой армии могли с двух сторон двигаться на перевалы Тебесса и Кассерин — два стратегически важных прохода в горах Туниса. Но когда Роммель около 16:00 достиг Кассерина, он с удивлением узнал, что подразделения 5-й танковой армии повернули на север. Генерал-полковник фон Арним, действовавший в тесном контакте с Кессельрингом в Риме, решил сначала занять районы Сбиба и Тала.

Роммель был растерян. Драгоценное время утекало сквозь пальцы, а враг мог использовать передышку, чтобы провести реформирование. 18 февраля Роммель берет инициативу в свои руки. В его полевом дневнике появляется запись: «Около 12:30 принял решение пойти на риск и ударить всеми силами на Тебессу». [68]

Это был смелый план. Всеми имеющимися в его распоряжении силами Роммель решил нанести удар в спину американско-британским войскам. Успех этой операции сулил сокрушительное поражение вооруженным силам союзников в Тунисе. Роммель никогда не согласился бы «сыграть ва-банк», как отмечено в его дневнике. Но положение было таково, что стоило «набраться решимости, чтобы повернуть ситуацию в нашу пользу».

Роммель немедленно сообщил о своих намерениях генералу фон Арниму и потребовал передать под его командование две танковых дивизии 5-й армии. Но Арним снова возражает против планов фельдмаршала. Тогда Роммель по радио обращается непосредственно к Кессельрингу и «Командо Супремо» в Риме. К вечеру приходит ответ. Кессельринг сообщает, что хочет вступить за план Роммеля перед Муссолини. На самом деле за спиной Роммеля ведутся переговоры с Арнимом, который высказывается против удара на Тебессу. По его мнению, удар нужно

¹⁶ Была создана 8 декабря 1942 года на базе 90-го армейского корпуса. (Прим. ред.)

наносить на 150 километров южнее, на Ле-Кеф.

Этим вечером на командном пункте Роммеля господствовало праздничное настроение. Фельдмаршал вскрыл бутылку шампанского, сказав при этом: «Я чувствую себя подобно старой кавалерийской лошади, которая снова услышала звук боевой трубы». [69] Но хорошему настроению Роммеля не суждено было продлиться долго. Уже на следующее утро «Командо Супремо» утвердило новый план боевых действий. Целью наступления был указан Ле-Кеф.

Роммель был объят ужасом; вместо планируемого окружения предполагался удар прямо в центр сосредоточения вражеских резервов. То, что чиновники из Рима вмешивались теперь даже в оперативное планирование, означало ухудшение и без того непрочного положения.

Роммель еще не мог знать, что время, напрасно потраченное генералом фон Арнимом, позволило союзникам провести реформирование и подготовиться к новому наступлению. Битва при Кассерине была проиграна Роммелем еще до того, как он ее начал.

19 февраля в 7:30 немецкие и итальянские подразделения начали наступление. Поначалу все шло успешно, но уже через три дня Роммель понял, что наступление терпит неудачу. Дополнительные трудности создавало то, что британская 8-я армия именно в этот момент начала наступательные действия на «линии Марет». То, что Роммель по предложению Кессельринга 23 февраля был назначен командующим группой армий «Африка», было чистой формальностью. На самом деле за спиной Роммеля Кессельринг тайно давал Арниму указания о дальнейших боевых действиях в Тунисе. Когда Роммель случайно узнал об этой грязной игре, он был возмущен. [70] Но все его протесты оставались неслышанными — как в ставке Кессельринга, так и в штаб-квартире фюрера.

4 марта Роммель вынужден был принять командование войсками на линии Марет, где разворачивалась наступательная операция 8-й

британской армии. Попытка контрнаступления против Монтгомери захлебнулось кровью в огне британской артиллерии. К тому же Роммелю не удалось осуществить свои оперативные планы из-за сопротивления итальянских генералов. Впрочем, это уже никак не повлияло бы на ход всей битвы. Генерал Монтгомери с помощью расшифрованных радиogramм «Энигмы» был заранее проинформирован о немецком нападении, вплоть до мельчайших подробностей. Когда при допросе британских пленников выяснилось, что противник знал немецкий план нападения, Роммель окончательно уверился в своем давнем, но ошибочном подозрении: итальянские офицеры занимают-ся изменой общему делу.

Последний раз в этой катастрофической ситуации Роммель обращается к Гитлеру. 4 марта в подробной радиogramме он предлагает сократить линию фронта и отступить за линию укреплений вокруг Туниса. Это предложение Роммель сделал, принимая во внимание необходимую эвакуацию подразделений из Африки. «Дальнейшее пребывание группы армий на африканском континенте, — писал Роммель позже в своих заметках, — равносильно самоубийству». [71]

Гитлер был раздражен Роммелем. [72] Забыл ли он его визит 28 ноября прошедшего года? Похоже, что нет. Начальнику штаба ОКВ Альфреду Йодлю после получения радиogramмы из Африки диктатор заявил: «То, что он [Роммель] предлагает сделать — невозможно!». [73] Министр вооружений Альберт Шпеер стал свидетелем, как Гитлер «изо дня в день» [74] ругал «гнилых», «ленивых» и «бездарных» генералов, виноватых в поражении под Сталинградом, в поражениях в Африке и грандиозных потерях той ужасной зимы в холоде бескрайних русских снегов.

7 марта Роммель получил радиogramму из штаб-квартиры фюрера, в которой его предложение было категорически отвергнуто. «Перемещение обеих армий в тесные укрепления Туниса и Бизерты, — говорилось в письме, — означало бы начало нашего конца». [75] 14 дней

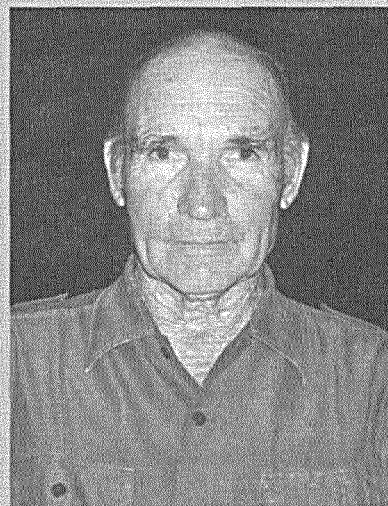
Роммель был главнокомандующим группы армий «Африка». Теперь с него было довольно. Утром 7 марта, прочитав резкие строки письма Гитлера, Роммель «решился приступить к лечению». [76] То, что Арним, который должен был стать его преемником, не мог лично принять дела, потому что имел в это время секретную встречу с Кессельрингом, [77] Роммеля уже не волновало. Травля прошедших месяцев заканчивалась.

9 марта 1943 года на полевом аэропорту фельдмаршала ждал самолет, который должен был увезти его на родину. Не произнося ни слова и не оглядываясь по сторонам, Роммель сел в самолет. Африка оставалась за спиной. Несколькими днями раньше он писал своей жене в одном из последних писем домой: «Вокруг весна, цветущие деревья и луга, солнце. Мир мог бы быть таким прекрасным. Почему же нельзя сделать всех людей счастливыми...» [78]

Хельмут фон Ляйпциг, шофер Роммеля:

«Я считал его образцом для подражания в течение всего пребывания в Северной Африке, и продолжал воспринимать так до самого его отъезда. Нам было жаль, что его замещает Арним. Он попросил меня — и я был несказанно рад этому, — чтобы именно я отвез его к аэродрому. Я должен сказать, что это не было счастливым расставанием. Мы все это понимали. Он уходил с чувством близкого конца — здесь, в Северной Африке. И, наверное, он ощущал, что успеха уже не будет».

Травля завершилась. Перед взлетом, 9 марта 1943 года

Часть шестая

ИНТЕРМЕЦЦО

Когда Роммель 10 марта 1943 года в 15:15 высаживался на аэродроме Калиновка возле ставки фюрера «Вервольф» под Винницей на Украине, [1] он уже раскаялся в своем решении покинуть Африку. Он был твердо настроен еще раз объяснить Гитлеру безнадежное положение немецких и итальянских солдат в Тунисе и затем вернуться обратно, к театру военных действий.

Около 18:30 диктатор принял фельдмаршала за чаем. «Гитлер, — писал Роммель позже об этой беседе с глазу на глаз, — кажется, был очень потрясен катастрофой под Сталинградом». [2] Он отвергал каждый аргумент Роммеля и предостерегал его от того, чтобы «пасть духом после тяжелых потерь, видеть все в мрачном свете и делать ложные выводы». [3] Решение Гитлера было однозначным. Роммелю следовало приступить к лечению. После выздоровления он мог бы «принять командование и вести боевые операции под Касабланкой». Очевидно, диктатор абсолютно не принимал в расчет события в Тунисе.

Роммель был разочарован. По крайней мере, он просил Гитлера позволить ему вернуться в Африку уже на следующей неделе, чтобы противостоять наступлению американцев. [4] Но Гитлер оставался непоколебим. В качестве утешения для несчастного фельдмаршала, на следующий день ему неожиданно [5] были вручены высшие военные награды — Железный крест с Дубовыми листьями и Рыцарский крест с бриллиантами. Этот жест словно должен был

сказать Роммелю, что он свое уже отслужил. В письме от 14 марта, в котором Гитлер сообщает Муссолини об «отпуске» Роммеля, диктатор несколько строк уподобляет некрологу: «Будущее поколение не забудет фельдмаршала Роммеля, — пишет Гитлер, — он останется для него, и прежде всего для немецких солдат, служивших под его началом, заботливым и чутким командиром. А для противников он навсегда останется грозным, внушающим страх противником». [6]

Роммель больше не тешил себя иллюзиями по поводу отношения Гитлера к нему. После своего возвращения он говорил сыну, что «попал в немилость, и в ближайшее время нечего рассчитывать на важное и ответственное задание». [7] Своему преемнику в Тунисе генерал-полковнику Гансу-Юргену фон Арниму в конце последней сводки с оценкой обстановки он пишет грустные слова: «Мои мысли и заботы по-прежнему в Африке, и я страстно желаю, чтобы вы могли держаться вопреки всем трудностям...» [8]

Насколько Роммель отделился от Гитлера и его режима, свидетельствуют его записки об Африканском походе, которые он диктовал своей жене в течение нескольких последующих недель. В них сквозит явное разочарование в командовании вермахта, прежде всего — в Геринге: «На важных постах находятся люди, у которых не только нет ума, чтобы быть в курсе фактической ситуации, но и мужества, чтобы трезво взглянуть на вещи и делать выводы из

В немилости. Винер-Нойштадт, апрель 1943 года

реальных условий. Они занимаются страусиной политикой, живут чем-то вроде военного опиумного бреда и ищут козлов отпущения, находя их в командующих фронтами». [9] Даже для Гитлера Роммель нашел необычайно откровенные слова: «Мне окончательно стало ясно, что Адольф Гитлер не хочет видеть реальной обстановки и упорно защищается от того, что ему должен шептать рассудок». [10]

До 31 марта, [11] как и было запланировано, он отдыхал на вилле в Земмеринге. Затем Роммель вернулся в свой дом, расположенный в Винер-Нойштадте на территории военной академии. По желанию Гитлера, официально

фельдмаршал все еще числился при группе армий «Африка», хотя для маскировки Роммелю было предписано носить штатский костюм и запрещено покидать территорию академии.

Таким образом, Роммель проводил дни и вечера, полностью отрешившись от внешнего мира. Новости из Туниса приходилось узнавать из газет и радио. Тем больше он радовался, когда получал весточки из Африки. Затаив дыхание, он перечитывал письма солдат, которые были посланы в отпуск или на лечение в Германию. Сердцем он все еще был в своей армии и бесконечно страдал от того, что обречен на бездеятельность в Винер-Нойштадте, в то вре-

«Нельзя просто так создать...» Роммель перед гитлеровской молодежью в Винер-Нойштадте, май 1.

«...и просто так разрушить». Геббельс о Роммеле

мя как его войско в Тунисе двигалось навстречу своей гибели.

Больше всего, говорил он одному из посетителей, его мучили многочисленные письма матерей и жен его солдат, которые доходили до него по старому номеру полевой почты. [12] Ошибочно полагая, что фельдмаршал все еще воюет в Африке, они писали ему, что спокойны за своих близких до тех пор, пока он находится рядом с ними.

Как и предвидел Роммель, положение в Тунисе за эти дни только усложнилось. 19 апреля началось последнее наступление союзников. У группы армий «Африка» к этому времени осталось только 48 танков и 300 орудий. [13] Немецкие и итальянские подразделения вели безнадежную борьбу, сопротивляясь из последних сил. 7 мая передовые клинья британских танковых подразделений достигли побережья Туниса, во второй половине того же дня американские войска вступили в Бизерту. Окончательное поражение было лишь вопросом дней.

Из-за печального развития событий в Африке фельдмаршал снова попал в поле зрения диктатора. *«Роммель оказывается в чрезвычайно неприятной ситуации, — отметил 7 мая в своем дневнике министр пропаганды Геббельс после беседы с Гитлером. — Он награжден крестом с бриллиантами и крестом с дубовыми листьями, а народ не знает об этом; он уже несколько недель находится в Земмеринге, но никто не имеет об этом ни малейшего представления. Каждый думает, что он в Африке, и если катастрофа так близка, то нужно сказать народу правду».* [14]

Геббельс серьезно опасался за свое творение. *«В конце концов, имя Роммеля представляет огромную ценность для дальнейшего ведения войны, — писал он несколькими днями позже. — Нельзя своей волей создать военный авторитет, и точно так же разрушить его из-за глупой прихоти».* [15]

Время показало, что в Роммеле снова возникла нужда. 9 мая 1943 года фельдмаршала вызывают в Берлин. Гитлер, который уже не-

сколько дней находился в столице, принял его около 12:30 в Имперской канцелярии.

Недолгое время диктатор предполагал доверить Роммелю командование на Восточном фронте. [16] Но доверие к его способностям было подорвано после неудачи при Эль-Аламейне. Поэтому Гитлер решил направить фельдмаршала в более привычную среду. *«Он хочет приберечь его, — писал Геббельс, — для первого же большого и трудного задания, которое только появится, и собирается направить его в первую очередь туда, где возникнет нужда в ярком таланте командира-импровизатора».* [17]

При этом Гитлер, пожалуй, прежде всего думал о наступлении против союзных войск, вторжение которых на европейский континент после поражения в Африке можно было предсказать со стопроцентной уверенностью. В частности, слабость итальянской армии прямо таки провоцировала вражескую высадку в Италии и Греции. Немецкие солдаты, которых своевременно не удалось перебросить в Тунис, теперь сосредотачивались в портах Средиземного моря. Три новых дивизии в Южной Италии были переданы под командование фельдмаршала Кессельринга.

Кроме того, Гитлера тревожили сообщения итальянской тайной полиции. Дни Муссолини после утраты колонии в Ливии и постоянных поражений на всех фронтах были сочтены. Опозиция уже начинала планировать его свержение.

Немного разочарованно Роммель пишет в дневнике: *«Пока никаких особенных поручений. Генерал-фельдмаршал Кейтель намекает на возможность отправки в Италию к дуче, если положение там усложнится».* [18]

Во второй половине дня 9 мая Гитлер позволил опубликовать коммюнике, в котором состояние здоровья Роммеля было выдвинуто главной причиной отсутствия Роммеля в Африке. Сообщение заканчивалось словами: *«Здоровье генерала-фельдмаршала Роммеля в настоящее время улучшается. Фюрер доверит ему новое задание после его полного выздоровления».* [19]

Сам Роммель в этот день еще раз покинул свою виллу, бывшее здание югославского дипломатического представительства на Раухштрассе. В гражданском сером костюме, подтянутый и строгий, он совершал прогулку по Берлинскому зоопарку. Никто не обращал на него внимания. Только один раз какой-то пешеход обернулся и растерянно посмотрел ему вслед. Фельдмаршал целиком погрузился в мысли о своих солдатах в Африке, как это часто бывало в последние несколько недель. Угроза катастрофы разрывала ему сердце. Нужно было как-то отвлечься от этих мыслей. Вечером Ингемар Берндт, офицер его старого штаба, пригласил его на ужин. Шмундт также хотел его видеть, и даже Геббельс прислал приглашение на чай. И все же, как писал Роммель на следующее утро своей жене, «я был готов разрыдаться, как маленький мальчик, думая о положении в Тунисе». [20]

11 мая 1943 года в 19:21 генерал танковых войск Ганс Крамер из командного пункта возле Энфидавилля в Тунисе по радио передал Роммелю прощальное сообщение: «С огромным уважением нынешний и последний генерал-командующий германского корпуса „Африка“ приветствует создателя и первого командующего корпуса „Африка“». [21] Крамер закончил телеграмму старым приветствием немецких борцов за Африку времен Первой мировой войны: «*Heia Safari!*».

Через 5 часов, 12 мая, около 0:40, последовала последняя радиограмма Крамера Главному командованию вермахта: «Боеприпасы израсходованы. Оружие и боевая техника уничтожены. Немецкий корпус „Африка“ сражался до конца». [22] В тот же самый день главнокомандующий группой армий «Африка», генерал-полковник фон Арним, был взят в плен на аэродроме Санта-Мария к западу от Хаммамета индийскими подразделениями. В четверг 13 мая 1943 года последние разгромленные части легендарной 90-й дивизии капитулировали на мысе Бон.

Война в Африке завершилась. 130 000 немецких и 180 000 итальянских солдат попали в

плен к союзникам. [23]¹⁷ 18 594 немца, 13 748 итальянцев, 35 476 британцев и 16 500 американцев погибли с момента начала боевых действий в сентябре 1940. В целом бессмысленная война в Северной Африке стоила жизни более 100 000 людей.

После того, как сообщение о поражении достигло Роммеля, он на несколько дней погрузился в глубокую депрессию. Страдая от уединенности в старой ставке командующего в восточной Пруссии, в которую Гитлер со своим штабом возвратился 13 мая, он тосковал по своей семье. Новая должность «консультанта при штабе ОКХ» [24] занимала его мысли лишь в незначительной мере. Кроме того, генералы и офицеры штаба плохо воспринимали несговорчивого мыслителя со швабским диалектом. В большинстве случаев во время оперативного совещания Роммель безмолвно стоял и тосковал по своим подразделениям.

Развитие событий в Италии на короткое время вывело Роммеля из его агонии. Новые сообщения тайной полиции предупреждали о приближающемся крахе фашистской системы. На оперативном совещании 15 мая Гитлер рисовал тусклую картину ситуации: «*В Италии мы можем полагаться только на дуче. Его устранения нужно опасаться сильнее всего. Напротив, королевский дом, духовенство, евреи и чиновники враждебно воспринимают наши действия*». [25] В случае если Муссолини лишится власти, Гитлер твердо осознавал вероятность высадки подразделений союзников в Италии или Греции. Планировалось снять 8 танковых и 4 пехотных дивизии с Восточного фронта и перебросить их в Италию — в крайнем случае

¹⁷ Эти цифры сильно завышены. По английским данным, общее число пленных составило 238 243 человека. См.: М. Говард. Большая стратегия, август 1942 — сентябрь 1943. М.: Воениздат, 1980, стр. 250. Согласно данным Эйзенхауэра, из пленных 125 тысяч составляли немцы. Характерно, что при этом на 2 мая немецко-итальянская группа армий «Африка» числила в своем составе лишь 170–180 тысяч человек — см.: Б. Лиддел-Гарт. Вторая мировая война. М.: АСТ, 1999, стр. 468. Такое несоответствие цифр в первую очередь говорить об искажении немецкими отчетами численности собственных войск. (Прим. ред.)

Глубокая депрессия. На приеме у Гитлера. Фото Вальтера Френца, 1943 год

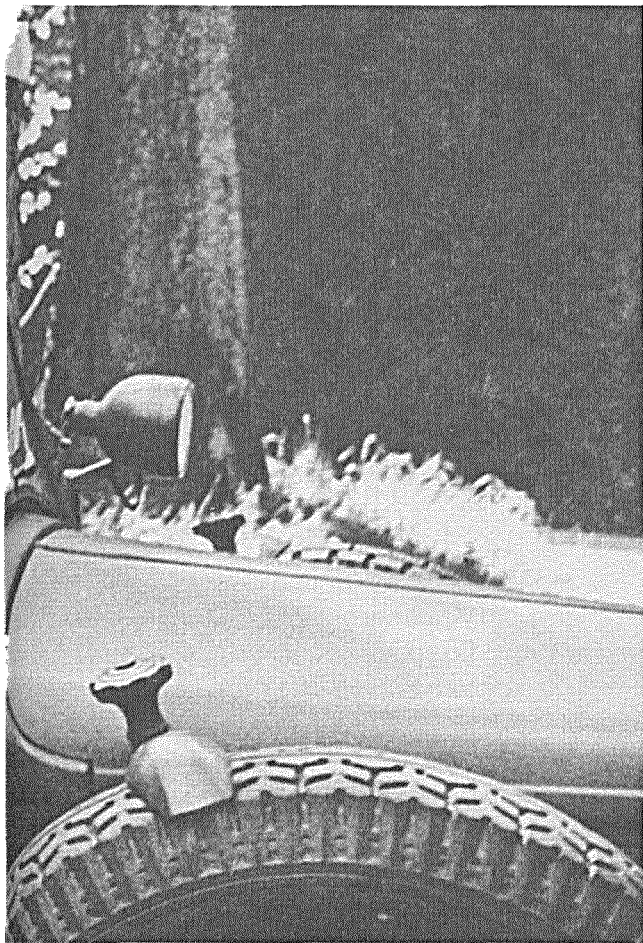
«Лечение горами и солнцем». Штаб-квартира фюрера, лето 1942 года

даже без согласия итальянского правительства. Попросту говоря, это означало подготовку к оккупации Италии.

Опыт Роммеля, работавшего с итальянскими союзниками, прямо-таки предназначал его для этого задания. Два дня позже Гитлер предписывал создание «особого штаба Роммеля»: «Планируется назначить фельдмаршала Роммеля начальником штаба при подготовке операции в Италии». [26] В обстановке строжайшей секретности Роммель теперь занимался планированием нападения на бывшего союзника. Кодовым названием для операции стало «Аларих» — по имени готского короля, который захватил и разграбил Рим в 410 году.

«Особый штаб» разместился в Винер-Нойштадте и безотлагательно принялся за работу. В своем докладе от 15 мая Гитлер сказал: «Критическими являются следующие 8–14 дней». [27] Однако на самом деле союзники тянули время, и обстановка в Италии все еще оставалась неожиданно спокойной.

Для Роммеля начались два бешеных месяца. Раз в неделю он летал в Винер-Нойштадт, а в остальное время практически неотлучно находился неподалеку от Гитлера. Возможно, диктатор хотел таким образом снова укрепить свое неровное со времен поражения при Эль-Аламейне отношение к фельдмаршалу. Во всяком случае, однажды на вопрос, что он, собственно,

делает в штаб-квартире фюрера, Роммель ответил: «Я лечусь горами и солнцем». На швабском диалекте хитрого Швейка это словно значило: «Я восстанавливаю доверие к себе». [28]

Но результаты лечения были слабыми. Возвращаясь домой в Винер-Нойштадт, Роммель рассказал жене и сыну о споре с диктатором и о своем потрясении. Он открыто изложил Гитлеру свой взгляд на сложившееся положение. Угроза разгрома Италии союзными войсками, материальное превосходство Британии и Америки, большие потери подводного флота — все эти факторы давали повод для сильного беспокойства. Гитлер слушал его с широко раскрытыми глазами. «Внезапно он взглянул вверх, — позже

рассказывал Роммель об этой встрече, — и ему также стало ясно, что имеется лишь очень небольшой шанс выиграть эту войну. Фюрер сказал, что Запад никогда не заключит мир с ним... и что он никогда не хотел войны с Западом. Но теперь Запад получит войну до победного конца». [29] Иногда, доверительно говорил Роммель фрау Люси, «у меня появляется чувство, что Гитлер не совсем нормален». [30]

10 июля 1943 года около 8:30 утра американские и британские войска высадились на южном побережье Сицилии. Вторжение союзников в Европу началось. В течение последующих дней было выгружено более 478 000 солдат. И это являлось только началом. Немецкие войска под командованием фельдмаршала Кессельринга в Южной Италии в конце июня были усилены дополнительными семью дивизиями — но этого было слишком мало, чтобы успешно оказывать сопротивление вместе с уставшими от войны итальянскими солдатами. Роммель предусмотрительно готовился к тому, чтобы 15 июля принять командование в Италии. [31] Но Гитлер медлил перебрасывать в страну дополнительные дивизии. Его советники раскололись на два лагеря. Главнокомандующий вермахтом Кейтель, начальник штаба вермахта Йодль и с ними Роммель предостерегали от дополнительной переброски подразделений из-за страха, что в случае переворота в Италии они могут оказаться отрезаны.

Кессельринг и немецкий посол в Италии советовали доверять союзнику. Личная беседа с дуче должна была окончательно убедить Гитлера. Было решено устроить краткую встречу 19 июля в верхнеитальянском Фельтре.

Геринг и специально приехавший немецкий посол в Италии Ганс фон Макензен рекомендовали диктатору к этой дате не торопиться поручать Роммелю новое задание — ведь за фельдмаршалом укрепилась слава «итальяноненавистника». [32] По крайней мере, Геринг получал подтверждение этому от фельдмаршала Альберта Кессельринга. Кессельринг, очевидно, не испытывал большого желания очутиться под командованием Роммеля.

Сначала все выглядело так, как будто интрига достигла цели. Роммель с огорчением писал в своем дневнике: *«Я узнал, что фюрера отговорили передать мне главное командование в Италии, так как я враждебно настроен к итальянцам. Думаю, ноги здесь растут от Люфтваффе. Из-за этого мое наступление в Италии отодвигается в невообразимую даль»*. [33]

Упреки в отношении Роммеля были справедливы лишь частично. Конечно, со времен Африки он имел глубоко укоренившуюся антипатию к итальянскому генералитету. В это несправедливое отношение вмешивались и те обиды, которые аутсайдер испытывал по отношению к немецким офицерам генерального штаба.

Дополнительным фактором было подозрение относительно измены итальянцев. Но в целом предубеждение или тем более ненависть к итальянцам были чужды Роммелю. Наоборот — в Африке простые итальянские солдаты вошли в его сердце так же, как и собственные немецкие подразделения. Симпатия основывалась на взаимности. Йодль с полным основанием оценивал Роммеля как «единственного командующего, которого бы многочисленные офицеры и солдаты в Италии встречали бы с радостью». [34]

Вечером 19 июля Гитлер вернулся из Фельтре в приподнятом настроении. Он был убежден, что «привел в норму» своего друга и союзника. [35] Но он ошибался. Муссолини покинул Фельтре глубоко подавленным. Итальянцы больше не хотели платить по немецким счетам.

Впрочем, внешне все пока выглядело гладко. Сицилия, как неоднократно уверяла пропаганда, защищалась «всеми средствами» и «до последнего солдата». [36] Будучи на положении обычной пешки, «Командо Супремо» в конце концов согласилось с давно необходимым подчинением немецкому командованию 11-й итальянской армии в Греции. Гитлер воспользовался случаем, чтобы отправить в Грецию Роммеля — который, по его мнению, уже не был нужен в Италии.

Вероятно, при принятии этого решения сыг-

рал свою роль давний страх фюрера перед вторжением на Балканы. Во всяком случае, даже со всеми своими способностями военного импровизатора, Роммель едва ли смог бы удержать оборону с одной итальянской армией и одной немецкой танковой дивизией. 23 июля фельдмаршал прибыл в Салоники как новый главнокомандующий группы армий «Греция».

Дуче после встречи с Гитлером в Фельтре продержался у власти только шесть дней. В воскресенье 25 июля 1943 года Большой фашистский совет после бурно прошедшего заседания выразил ему вотум недоверия, и во второй половине дня итальянский король согласно конституции сместил Муссолини со всех должностей.

Уже к полудню в ставку Гитлера «Волчье логово» поступили первые тревожные сообщения из Рима. Во время вечернего совещания Гитлер возбужденно потребовал немедленной оккупации Италии, ареста короля и нового правительства. Лишь один человек казался ему подходящим для этого. «Роммель уже уехал?» — спросил Гитлер у присутствующих. Генерал-полковник Йодль кивнул: «Да, Роммель уехал». Гитлер торопливо воскликнул: «Немедленно узнайте, где он сейчас находится!» [37]

Роммель, как и было приказано, в этот день прибыл в Салоники. В 23:15 вызов из далекого Растенбурга поднял его с постели. «Дуче в заключении под усиленной охраной, — записал Роммель в свой дневник после беседы с фюрером. — Приказано вернуться в ставку командования. Положение в Италии неясно». [38] На следующее утро, около 7 часов, самолет Роммеля поднялся с армейского аэропорта Салоники.

Вечером после ареста Муссолини новый глава итальянского государства маршал Пьетро Бадольо заявил, что продолжает войну на стороне Германии. Но величественные слова Бадольо не соответствовали его действиям. За кулисами король и маршал с самого начала преследовали только одну цель: мир для Италии. Страна была обескровлена, население измотано, а солдаты не хотели отдавать свои жизни

«Роммель уже уехал?» Салоники, 25 июля 1943 года

ради уже проигранной войны. То, что Бадольо теперь запускал щупальца к союзникам, чтобы выторговать у них перемирие, было единственным выходом из безнадежного положения, в котором находилась Италия.

Однако немецкому командованию такой реализм оставался чужд. Гитлер собирался вести немецкий народ либо к победе, либо к гибели. Но не только поэтому эгоистическая политика итальянцев вызывала у него возмущение. В конце концов, именно Муссолини в свое время спровоцировал войну в Северной Африке и на Балканах, а немецкие войска были вынужденно втянуты в нее. Это стоило Германии растраченных впустую важных резервов, необходимых для войны на Востоке, а также жиз-

ней десятков тысяч немецких солдат. Италия уже меняла союзников во время Первой мировой войны. Летом 1943 года в воздухе снова висели злые слова об «итальянской измене».

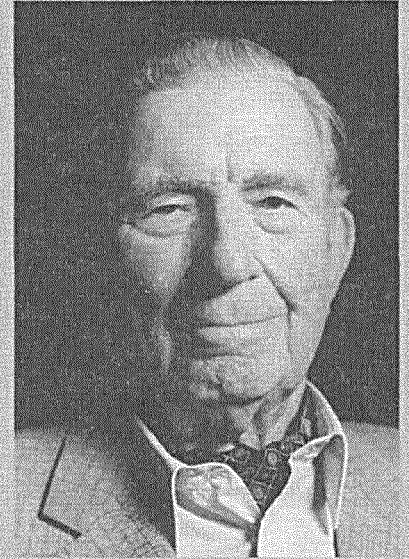
Реакция Гитлера была однозначной: 26 июля он приказал начать подготовку к операции «Аларих» [39] — разумеется, пока что тайную. Нужно было избежать любых провокаций, чтобы не испортить отношения с Италией раньше времени. Четыре дивизии, якобы предназначенные для усиления группировки войск в южной Италии, были приведены в боевую готовность. Дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» была переброшена в Италию с Восточного фронта. Еще три дивизии готовились нанести удар из южной Франции.

Вольф-Дитрих Вагнер-Манслау, офицер штаба Роммеля:

имел зуб и на Кейтеля, и на Йодля. Нельзя сказать, что непочтительно он отзывался исключительно о фюрере».

«В то время я работал в штабе фельдмаршала Роммеля, и поскольку он каждый день ездил в Оберзальцберг, я часто слышал, как неуважительно он отзывается о командовании. Ни одного слова признательности в адрес фюрера или его штаба. Фельдмаршал только злился и снова и снова повторял: «Что они там себе воображают?!» Но он всегда говорил во множественном числе, без выпадов в адрес лично Гитлера, так как

Все немецкие войска в Северной Италии были объединены под управлением командования группы армий «Б»¹⁸, руководство которым принял возвратившийся из Греции Роммель. Разумеется, это назначение тщательно скрывали. Штаб-квартира Роммеля разместились в Пуллахе в предместье Мюнхена под обозначением «I.A. OKW / Комплектационный штаб „Мюнхен“». [40] Фельдмаршалу и его штабу было строго запрещено нарушать южную границу империи. Под «домашним арестом», [41] как Роммель насмешливо называл это мероприятие, он готовил вторжение в Италию.

Гитлер медлил до 29 июля. Затем перехваченный радиотелефонный разговор между Черчиллем и Рузвельтом окончательно внес яс-

ность. Английский премьер-министр говорил с американским президентом о перемирии с Италией. «Вместе с тем, — отмечено в журнале боевых действий командования вермахта 29 июля, — получены безупречные доказательства того, что Англия и Америка ведут секретные переговоры с Италией». [42]

Началась операция «Аларих». План Роммеля предусматривал одновременное вступление всех немецких дивизий в Северную Италию. При этом особую роль играли захват и удержание альпийских перевалов. 30 июля около 20:10 головная маршевая группа 26-й панцергренадерской дивизии сообщила, что «только что без инцидентов перешла границу на перевале Бреннер». [43]

«Вы должны быть вежливы с итальянцами, — приказал Роммель командиру передового отряда перед выступлением. — Избегайте трений. Говорите итальянцам, что все хорошо.

¹⁸ Бывший штаб группы армий «Юг», в июле 1942 года переименованный в штаб группы армий «Б», а в феврале 1943 года выведенный с Восточного фронта. (Прим. ред.)

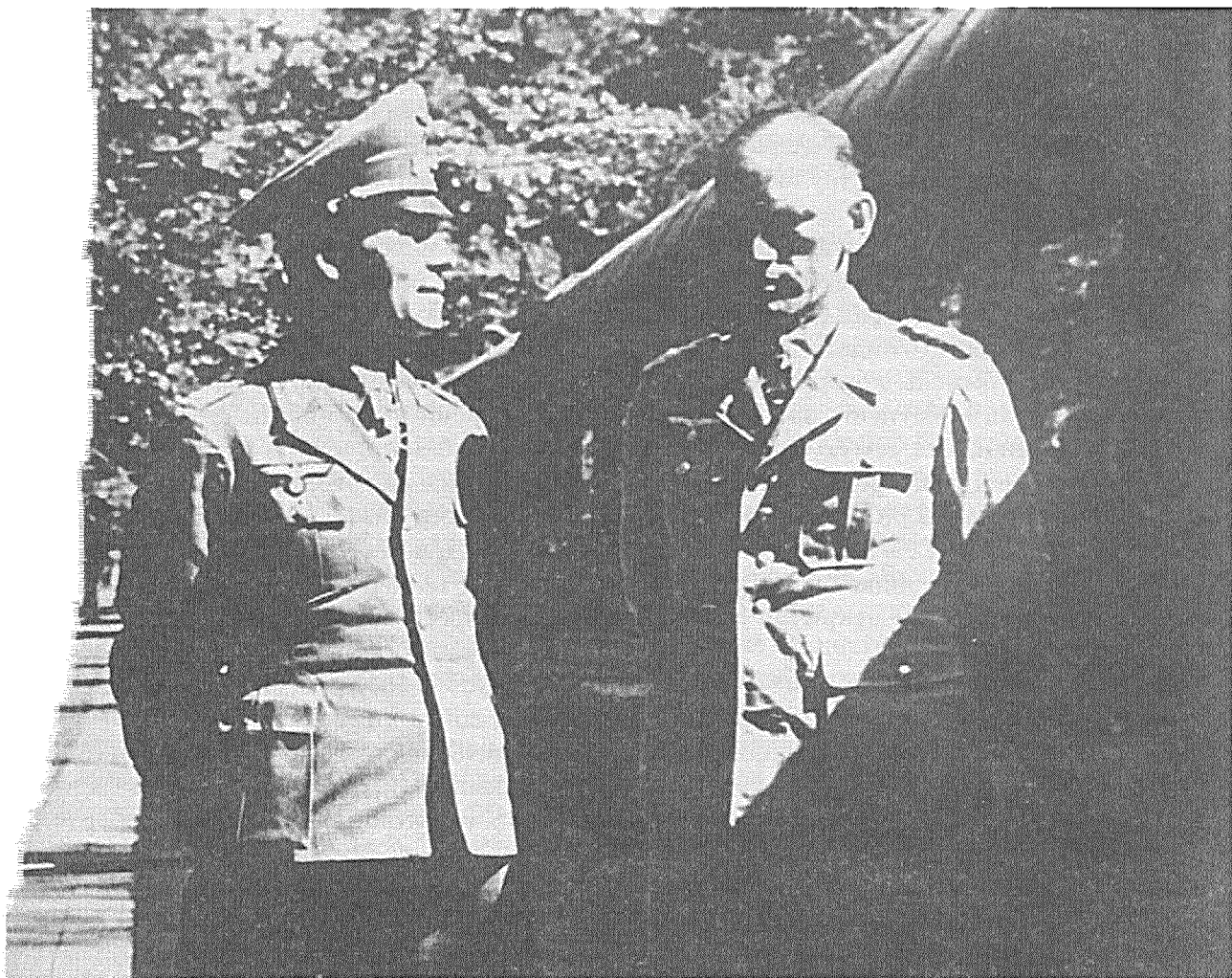
токе идут бои, русские несут огромные
Ваша задача — спешное продвижение
Италии». [44]

...дир спросил: «Что делать, если они
с сопротивление?» «Заговаривайте им
- ответил Роммель, — когда они устанут
шать, нанести удар будет гораздо легче».

удался. На следующий день почти
отивления вся 26-я танковая дивизия
ла итальянскую границу и установила
ль над перевалом Бреннер. 1 августа за
ледовала 44-я пехотная дивизия, а дву-
ми позже границу наконец пересекли

прибывшие с Востока солдаты дивизии «Лейб-
штандарт Адольф Гитлер».

Это было странное наступление, бескровно
проводимое под невидимым руководством
Роммеля. В то время как немецкие солдаты зах-
ватывали стратегически важные позиции в се-
верной Италии, немецкие и итальянские деле-
гаты еще трижды встречались за зеленым сто-
лом переговоров. [45] При этом и те, и другие
врали напраую. Немецкие дипломаты под-
черкивали, что вводимые в страну дивизии
предназначены для защиты от западных союз-
ников; итальянцы же со своей стороны не пе-

Под «домашним арестом». С начальником штаба Альфредом Гаузе. Пуллах, август 1942 года

реставали клясться в верности Германии — и параллельно продолжали тайные переговоры о перемирии. И обе стороны только и ждали, когда же, наконец, наступит перелом.

О том, насколько велико было взаимное недоверие, свидетельствует третья и последняя встреча на вилле Федерцони в Болонье 15 августа, в которой с немецкой стороны принимали участие Йодль и Роммель. [46] Речь, по сути, шла о том, объявят ли итальянцы о своем желании продолжать борьбу, как было обещано ранее. Гитлер предостерегал своих представителей от встречи, на которой их могли бы попытаться арестовать или отравить. Ставка фюрера предусмотрительно выделила в качестве сопровождения сотню эсэсовцев из дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Без предварительной договоренности солдаты взяли в кольцо место переговоров и выставили двойную охрану перед воротами виллы Федерцони. Эту демонстрацию военной силы трудно было переоценить.

Обсуждение, в котором с итальянской стороны участвовал начальник Генерального штаба итальянской армии генерал Марио Роатта, прошло, как и следовало ожидать, без конкретного результата. Роммель, который все время молчал, пока Йодль и Роатта играли друг с другом в кошки-мышки, был, тем не менее, весьма доволен. По крайней мере, время прятков в Пуллахе закончилось, и его роль командующего немецкими войсками в Северной Италии была заявлена открыто. В дневнике он пишет: «Наконец передо мной лежит открытая дорога». [47]

С самого начала не было никаких сомнений в том, что подписание итальянцами перемирия будет сопровождаться высадкой союзников. На этот случай в ставке фюрера с начала августа была запланирована операция «Ось». Полученное Роммелем задание предусматривало немедленное разоружение итальянских войск в Северной Италии и укрепление обороны вдоль побережья. Роммель считался и с вероятностью высадки союзников далеко на севере. Исходя из этого соображения, его стратегия предусмат-

ривала организацию широкой линии обороны через весь полуостров — от южного конца Апеннин до северного побережья Адриатики. Оставшиеся в Южной Италии немецкие войска должны были в несколько этапов передвинуться за «тыловой апеннинский рубеж» и оттуда отразить любой вражеский удар. Сразу после консолидации сил группа армий «Юг» фельдмаршала Кессельринга должна была быть расформирована и главное командование всеми немецкими подразделениями в Италии перешло бы к Роммелю.

К этому времени Гитлер полностью разделял военные планы Роммеля. В своем дневнике фельдмаршал удивляется этому ренессансу: «Я вновь чувствую расположение фюрера». [48] Возможно, это повлияло также и на его собственное отношение к Гитлеру. Однако в реалистичных представлениях Роммеля о предстоящих военных действиях не изменилось ничего. 22 августа, в воскресенье, он позволил себе частный визит к старому другу, землевладельцу доктору Оскару Фарни, в Вангене под Альгау. Роммель прилетел в Ванген из Пуллаха на маленьком самолете Физелер «Шторьх», приземлившись на поле прямо перед домом Фарни. Во время беседы Роммель перешел на военные темы, а затем спросил у Фарни, что он думает о ситуации, сложившейся на тот момент. После короткого размышления Оскар Фарни ответил: «Ничего хорошего я не думаю, раз уж фельдмаршалы летают по деревням и задают крестьянам такие вопросы». [49] Роммель сухо кивнул: «Да, вот так все и обстоит».

3 сентября 1943 года началась высадка британских войск к северу от Реджио-ди-Калабрия. В течение пяти дней итальянцам предлагалось капитулировать. Время позволяло подождать. 8 сентября около 17:00 сообщение о подписании перемирия было транслировано многочисленными иностранными радиопередатчиками. Немецкий посланник в Риме Рудольф Ран сразу же направился к итальянскому министру иностранных дел Раффаэле Гуаридья. Тот подтвердил, что сообщение истинно.

Италия официально объявила Германии о своем перемирии с союзниками. Ран был возмущен: «Значит, все же измена!» [50]

Немецкий посол тут же покинул кабинет министра иностранных дел, чтобы информировать ставку фюрера по телефону. В 20:00 генерал Йодль по приказу Гитлера начал операцию «Ось». [51] Той же ночью все политическое и военное руководство Италии во главе с маршалом Бадольо вместе с королевской семьей и придворными покинуло Рим. Миллион итальянских солдат был предоставлен собственной участи, без командиров и без приказов.

Утром следующего дня началась высадка 5-й американской армии в заливе Салерно. И хотя было очевидно, что союзники решили начать вторжение на крайнем юге, чтобы затем совершить долгий и чреватый большими потерями марш по территории Италии, Роммель по-прежнему не исключал предсказанную им высадку на севере.

По плану Роммеля, немецкие солдаты должны были быть готовы в случае необходимости совершить марш в северном направлении. Однако Кессельрингу удалось в ходе ожесточенных боев задержать продвижение союзников, а после нескольких коротких сражений с итальянскими частями взять под контроль ситуацию в Риме. Для Гитлера сладкой музыкой звучало сообщение Кессельринга от 11 сентября, в котором он утверждал, что «с небольшими силами сможет удерживать линию Салерно — Беневенто — Эболи до бесконечности». [52] Во всяком случае, на следующий день Гитлер приказал, чтобы предусмотренное прежде подчинение Кессельринга Роммелю теперь не входило в планы. [53]

Вероятно, Гитлер был так сильно озабочен созданием фронта в Южной Италии потому, что 12 сентября удалось освободить Муссолини из заключения в Гран-Сассо. Под его началом Гитлер хотел обеспечить возрождение обанкротившегося итальянского фашизма. Однако милость Гитлера не простиралась теперь дальше марионеточного правительства, разместившегося в городке Сало на озере Гарда.

Роммель с успехом провел свои первые операции. Северная Италия полностью оказалась под немецким контролем. В Милане и Турине вспыхнули стихийные восстания, которые тут же были жестоко подавлены. [54] Значительные по численности итальянские войска, находившиеся на этой территории — части 4-й, 5-й и 8-й армий, а также местное ополчение Болоньи и Милана — тем не менее не смогли противостоять стремительному натиску Роммеля. Лишь кое-где захватчики встретили сопротивление, но в общем и целом итальянская армия просто разбежалась. «Какой бесславный конец для армии!» — писал Роммель в эти дни своей жене. [55]

Уже 8 сентября из ставки фюрера прибыли точные указания об обращении с итальянскими солдатами. Сначала приказ уточнял различие между тремя категориями солдат, которые определялись следующими формулировками:

«1. Верные союзу итальянские солдаты, которые продолжают сражаться или выполняют вспомогательную работу.»

2. Итальянские солдаты, которые не хотят больше воевать.»

3. Солдаты, которые оказывают сопротивление или действуют заодно с врагом.» [56]

Приказ от 8 сентября предусматривал использовать надежных солдат «под незаметной охраной». Остальных солдат предлагалось «интернировать вплоть до решения об увольнении», как обтекаемо говорилось в приказе.

9 сентября, спустя некоторое время, поступил приказ о том, как нужно поступать с пленными. [57] Все «специалисты по вооружению» и бывшие фашисты должны были без исключения направляться «в распоряжение командующего строительством Восточного вала». [58] На практике это означало вывоз более 600 000 тысяч солдат и офицеров из Италии на принудительные работы в Польшу и оккупированные районы Советского Союза. Чуть больше половины от этого количества, примерно 310 000 человек, были размещены в районе действий группы армий «Б». [59] Для многих итальянских военнопленных, которые по приказу Гитлера от 20 сентября обозначались как «интер-

нированные военнослужащие», начался долгий и тернистый путь страданий. Более 45 000 итальянцев больше никогда не увидели родину.

Роммель не мог знать о жестоких условиях, которые ожидали интернированных военнослужащих. Их эвакуация в его глазах была вызвана чисто военными соображениями — большое количество итальянских солдат с трудом можно охранять в их собственной стране, и таким образом они представляют потенциальную угрозу безопасности немцев. Однако в Северной Италии, как и в Африке, Роммель отличался очевидной корректностью по отношению к противнику. 12 сентября, обсудив с Роммелем военные вопросы, руководитель службы содержания военнопленных генерал Иоахим Виттхофт особо проинструктировал подчиненных, указав на то, что *«при любых обстоятельствах с итальянскими пленниками следует хорошо обращаться, лечить их и обеспечивать достаточным продовольствием... Соответственно следует уведомить все подчиненные части и подразделения»*. [60] Впоследствии Виттхофт неоднократно приказывал «предоставлять военнопленным продовольственное снабжение сразу после немецкого гражданского населения». [61]

Это не означало, что конвои беспрекословно выполняли эти приказы. Например, в области размещения группы армий «Б» отношение к итальянским военнопленным было чудовищным. Жестокая реальность настигла пленных итальянских солдат самое позднее на второй или третий день их продвижения на восток, в закрытых вагонах для скота, где жара, голод и жажда были невыносимы. Только не стоит обвинять в этом Роммеля. Для фельдмаршала вторжение в Северную Италию было всего лишь очередной боевой операцией. Он уже давно готовился к оборонительному сражению в Апенниннах.

Через день после отдачи приказа об использовании итальянских военнопленных на принудительных работах, 10 сентября, Гитлер отдал более жестокий приказ об обращении с итальянскими солдатами. Видимо, это было вызвано

ожесточенным сопротивлением, которое оказывалось немецким войскам на Балканах и в Южной Италии. [62] Теперь диктатор требовал: *«Если итальянские военные формирования либо другие вооруженные отряды оказывают сопротивление, им нужно ставить краткосрочный ультиматум. При этом командиры, ответственные за сопротивление, будут расстреляны как партизаны, если в надлежащий срок не сложат оружие»*. [63]

Через 48 часов Гитлер добавил новые требования. *«По приказу фюрера, — гласил подписанный генерал-фельдмаршалом Кейтелем приказ от 12 сентября, — с итальянскими воинскими частями, примкнувшими к повстанцам либо передавшими им своё оружие, а также с самими повстанцами после взятия их в плен предписывается поступать следующим образом: 1) офицеров — расстреливать, 2) унтер-офицеров и рядовых отправлять на Восток на принудительные работы»*. [64]

Телеграммы от 10 и 12 сентября были отправлены главнокомандующим на Западе, Юге и Юго-Востоке, а также руководителям флота, Люфтваффе и группы армий «Б». «Этот приказ вызвал кровавые последствия, — пишет военный историк Герхард Шрайбер, много лет занимавшийся немецко-итальянскими связями, — и едва ли он мог вызвать понимание с итальянской стороны». [65] Однако в работе Шрайбера говорится, что *«наиболее тяжелые последствия приказ вызвал на Балканах, островах Восточного Средиземноморья и области командования генерала-фельдмаршала Кессельринга. Если внимательно исследовать источники, то создается впечатление, что группа армий „Б“ действовала с меньшей жестокостью»*. [66] Конечно, это во многом зависело и от того, что в области, в которой действовал Роммель, разоружение итальянских солдат шло чрезвычайно быстро само по себе, и поэтому больших вооруженных столкновений не возникало. Однако с другой стороны, вполне возможно, что Роммель, как и в Африке, просто не отдавал своим подразделениям соответствующего приказа.

15 сентября «Основная директива о разоружении итальянских вооруженных сил и отрядов милиции» [67] была еще раз передана в войска. Но этой директивы Роммель уже не получил. Накануне вечером, в штаб-квартире на вилле Каносса близ озера Гарда, его застиг приступ острой боли в животе. *«Боль не ослабевала, — писал Роммель позже своему сыну Манфреду, — и я понял, что придется делать операцию. Промучившись всю ночь, я попросил обезболивающее, а на следующий день меня прооперировали»*. [68] Врачи удалили Роммелю аппендикс. Следующие две недели фельдмаршал должен был находиться в военном госпитале.

23 сентября — операция прошла очень хорошо, и в этот день Роммель впервые совершил часовую прогулку на открытом воздухе в саду военного госпиталя, [69] — фельдмаршал передал в подразделения приказ, контекст которого в наше время увязывают с предшествующими приказами фюрера. [70] *«В отношении поддерживающих Бадольо бандитов, — гласил подписанный Роммелем документ, — одетых в военную форму нашего бывшего союзника, недопустима никакая жалость. Все те, кто оказывает сопротивление немецкой армии, утратили право на помилование. С ними нужно обращаться твердо, ибо все они — сброд, повернувший оружие против союзника. [Это разъяснение должно улучшить понимание германскими солдатами своих задач. Соответствующее предупреждение будет объявлено итальянцам по итальянскому радиопередатчику]»*.¹⁹ [71] На самом деле этот призыв, несмотря на агрессивность формулировки, не противоречил нормам международного права — в противоположность гитлеровским при-

¹⁹ В квадратных скобках — окончание приказа, приведенное автором в факсимиле документа, но отсутствующее в тексте. (Прим. ред.)

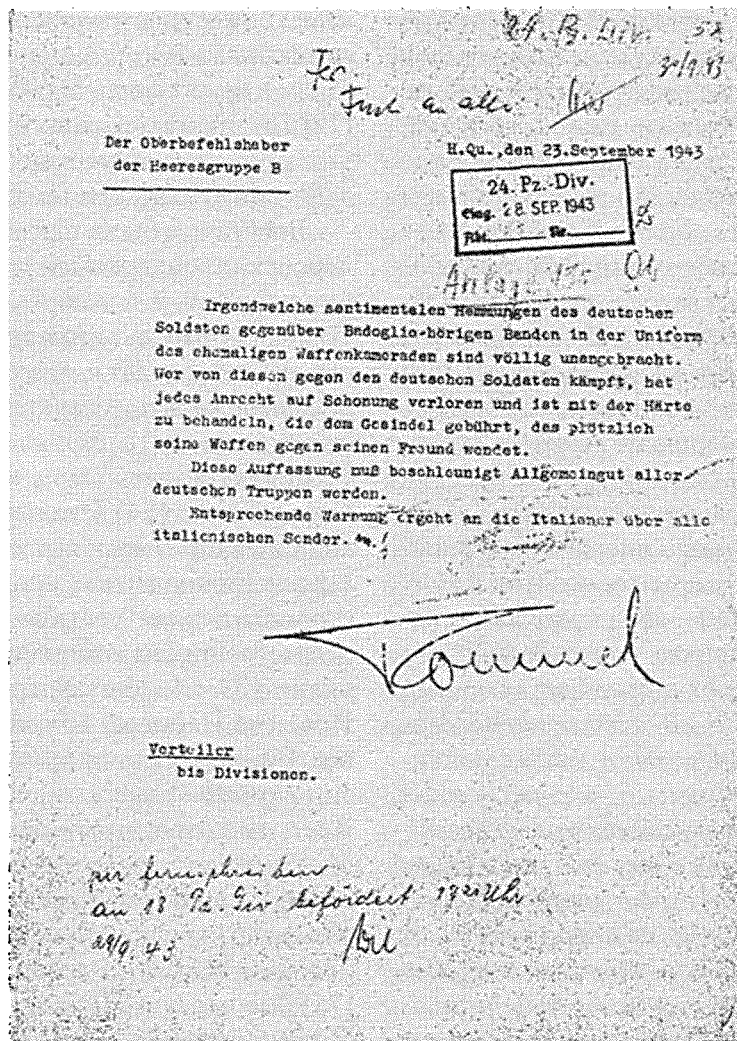
²⁰ Это утверждение автора может вызвать лишь недоумение. В приведенном приказе явным образом говорится про солдат, «одетых в военную форму нашего бывшего союзника» — то есть как с бандитами предписывалось обращаться даже не с партизанами (которые вообще-то имеют полное право на сопротивление оккупантам), а с солдатами регулярной армии, сохранившими верность легитимному правительству Бадольо. С другой стороны, в приказе ничего не говорится о конкретных мерах обращения с «бандитами». (Прим. ред.)

казам он распространялся лишь на тех итальянских солдат, которые присоединились к партизанам и продолжали борьбу за линией фронта.²⁰ [72] По мнению военного историка Шрайбера, этот приказ не вызвал волны бурного противодействия «разъяснениям с позиции силы». [73]

Восстания были следствием действий гитлеровских зондеркоманд, и в Северной Италии они начались уже давно.

К югу от Кунео, столицы Пьемонта, несколькими сотням солдат итальянской 4-й армии удалось избежать плена, укрывшись в горах. Наибольшая их часть расположилась в горах Монте-Бизальта, чуть выше маленького местечка Ортес Бовес. [74] Итальянское население находилось в тесном контакте с солдатами и оказывало им поддержку продуктами. С немецкой стороны данная местность находилась в зоне ответственности командира 3-го батальона дивизии СС «Лейбштандарт» штурмбанфюрера Иоахима Пайпера. 16 сентября, прибыв в Бовес, Пайпер огласил приказ, в котором он грозил самыми тяжелыми санкциями и самыми жесткими ответными мерами населению, если оно будет укрывать «партизанские отряды» и содействовать им. Кроме того, немецкий парламентар передал итальянским солдатам предложение сдаться и возвратиться в свои дома. [75] В этом случае Пайпер гарантировал им свободный выход из гор.

Тремя днями позже ему пришлось решать возникшую проблему своими средствами. 19 сентября двое солдат Пайпера, которые искали на брошенном итальянском армейском складе запасные части для своих машин, попали в руки итальянских солдат. К полудню итальянский полицейский пост в Бовесе сообщил о пленении на командный пункт 3-го батальона в районе Кунео. Сразу же была начата освободительная акция. Первый отряд СС вступил в бой с итальянскими солдатами к югу от Бовеса; при этом один эсэсовец был убит и еще несколько ранены. По радио затребовали подкрепление. Около 13:00 штурмбанфюрер Пайпер прибыл на место события вместе с 13-й мотострелковой ротой. Боевые действия про-

Разъяснение с позиции силы? Приказ от 23 сентября 1943 года

Главнокомандующий группой армий «Б»
Штаб, 23 сентября 1943
[Штамп: 24-я танковая дивизия, 8 сент. 1943]

Совершенно недопустима некоторая сентиментальная стеснительность немецких солдат по отношению к бандам Бадольо в униформе наших бывших товарищей по оружию. Тот из них, кто сражается против немецких солдат, теряет всякое право на пощаду, и с ним нужно обойтись с твердостью, которая покарает предателя, внезапно обратившего свое оружие против друзей. Это указание должно быть срочно доведено до всех германских частей. Соответствующее предостережение доводится до итальянцев через все итальянские радиопередатчики.

Роммель

должались, итальянцы понесли большие потери. В конце концов удалось освободить обоих пленных эсэсовцев. К этому времени почти все население городка укрылось от преследования, в домах остались только старики, больные и увечные.

Пайпер отдал приказ поджечь дома селения. Солдаты СС должны были без жалости стрелять в каждого, кто попытался бы спастись из пламени. 350 домов были разрушены. 23 мертвых местных жителя позже были откопаны в дымящихся руинах.

Уже в 3 часа ночи Пайпер сообщил, что «поначалу оказывавшие сопротивление воинские части покидают горы и сдают оружие». [76] Иоахим Пайпер до самой своей смерти не понимал шумихи, поднятой вокруг «бойни в Бовесе». Он делал то, что привык делать — сожжение деревень и убийства гражданского населения в качестве репрессивного воздействия и средства борьбы против партизан в 1943 году были обычным явлением на Восточном фронте, где он провел больше всего времени. «Дошадные последствия нашей акции в Бовесе, — писал Пайпер после войны в своих мемуарах, — тем не менее, не могут перекрыть собой тот факт, что благодаря ей мы избежали дальнейшего кровопролития с обеих сторон». [77]

Сообщение о «резне в Бовесе» пришло в штаб-квартиру Роммеля 21 сентября. *«Двое военнослужащих СС дивизии „Лейбштандарт Адольф Гитлер“ попали в плен к бандитам, — говорилось в утреннем донесении 2-го танкового корпуса СС. — Первая попытка освободить их потерпела неудачу из-за сильного вооруженного сопротивления. После прибытия подкрепления сопротивление в Бовесе и Каstellаре было сломлено, солдаты освобождены. Мужское население города, взяв с собой гранаты и ручное стрелковое оружие, укрылось в горах. Бандитские склады снабжения в Бовесе и Каstellаре сожжены. Почти во всех сгоревших домах найдены взорвавшиеся боеприпасы. Несколько бандитов были расстреляны».* [78]

Даже если усомниться в том, что Роммель не знал об этой бойне — хотя на этот момент он

еще находился в военном госпитале, — он все равно вряд ли мог понять из текста донесения истинное положение вещей. Но нет никакого сомнения, что он запретил бы эту акцию, как и любую другую, направленную против гражданского населения. Особенно отчетливо это видно на примере другого случая.

Ранним утром 23 сентября на берегу озера Лаго-Маджоре итальянский рыбак обнаружил два выброшенных волнами мужских трупа. [79] На их спинах и затылках были отчетливо видны следы пуль. В течение последующих дней озеро выбрасывало на берег все новые и новые тела. 28 сентября — еще одного мужчину, на следующий день — двух женщин, и до 5 октября — еще 7 мужчин. Все мертвецы были застрелены в спину одним и тем же способом. Выяснилось, что со времени обнаружения первого тела четыре взвода дивизии «Лейбштандарт» были выделены для патрулирования озера и обыска побережья. Вероятно, солдаты СС пытались по возможности незаметно прятать тела мертвецов. Но найденные трупы вызвали беспокойство местного населения. Теперь ужасную тайну Лаго-Маджоре больше нельзя было скрыть.

В середине сентября 1-й батальон «Лейбштандарт» занял территорию вокруг озера, при этом задержав более 50 евреев. Они происходили преимущественно из Милана и искали защиты здесь, в обманчивом спокойствии. Также на берегу Лаго-Маджоре нашли убежище старые еврейские супруги из Литвы, двое венгерских и несколько греческих евреев. Самым старым среди задержанных евреев был 75-летний Дино Фернандес, самые младшие были его внуками — 16-летний Джованни, 13-летний Роберто и 11-летняя Бьянка.

19 сентября участь евреев обсуждалась на совещании командиров рот в присутствии заместителя командира батальона штурмбанфюрера Ганса Ровера. Было принято решение об их незамедлительной ликвидации. Немецкие подразделения в Италии до этого не занимались еврейским вопросом, но Ровер и его командиры рот получили достаточный опыт в

Ребекка Бехар, дочь содержателя гостиницы в Майне, Италия:

«Ты слышала, Бекки? — спросил меня Джон. — Этой ночью они забрали наших родителей, а потом настанет наш черед, да? Так решило немецкое командование?» Тогда мне было тяжелее всего сказать своему другу детства, которому я многим была обязана: «Да, ты прав. Скоро ты поедешь к ним». Он доверчиво смотрел на меня, и я никогда не забуду его взгляд. А в озере уже плавали трупы наших родителей.

России, чтобы понять, что от них требуется. Через три дня после совещания первые евреи были собраны в «Гранд-отеле» в Мейна, где были заперты на третьем этаже. Под предлогом перемещения в лагерь, солдаты СС отвезли свои жертвы в горы. После приблизительно получаса поездки машина сворачивала на боковое шоссе. «Дружелюбным тоном, — как написано в протоколе допроса убийц судебным следователем в Оснабрюке в 1967 году, — им говорилось, что машина сбилась с пути, и всем предлагается выйти». После нескольких шагов евреев расстреливали в спину.

Более 50 человек, в том числе Дино Фернандес с тремя внуками, нашли смерть этой ночью. К трупам привязали камни и бросили их в Лаго-Маджоре. Если бы эсэсовцы выполнили свою работу не так бездарно, преступление, вероятно, никогда бы не было раскрыто. Но после ужасных находок на берегу озера слухи об убийстве евреев были у всех на устах. Роммель также узнал об этом. Он пришел в ужас. [80] По требованию фельдмаршала командир дивизии СС «Лейбштандарт» бригадефюрер СС Тео

Виш назначил в начале октября следственную комиссию. [81] Однако расследование не дало никаких результатов, поскольку уже 20 октября дивизия была направлена обратно на Восточный фронт.

Роммель впервые столкнулся с убийством евреев; даже если он считал, что убийство было совершено по инициативе отдельных лиц, шок все равно был глубоким. Когда его сын Манфред приехал к нему во время отпуска и сказал, что хочет добровольцем вступить в ряды СС, Роммель отреагировал необычайно остро и решительно. Без каких-либо объяснений он резко возразил против этого желания. [82] Никогда раньше Роммель не оказывался столь близко к преступлениям режима, которому он служил, как в течение этих месяцев в Италии.

30 сентября Гитлер приказал Роммелю и Кессельрингу явиться в свою штаб-квартиру. В беспокойном монологе фюрер инструктировал обоих фельдмаршалов, очерчивая планы на ближайшие месяцы. «Мы должны выиграть время, и решения следует принимать, исходя из этого, — говорил Гитлер. — У наших противни-

ков дела тоже идут не лучшим образом. Их человеческие и материальные ресурсы точно так же ограничены, как и у нас, и им еще предстоит понять, насколько они глупы. Нельзя пытаться выиграть войну к определенной дате. Они добиваются мира, а мы будем продолжать борьбу до тех пор, пока они не ослабнут». [83]

Гитлер, который до этого стоял, склонившись над письменным столом, выпрямился и повторил как заклинание: «Время, время, время!»

Роммелю тоже крепко досталось. Он принял стремительный марш-бросок до рубежа Апеннин. Здесь, примерно в 120 км севернее Рима, можно было отражать атаки союзников в стратегически благоприятном положении

в течение долгого времени. Но Гитлер имел другие планы. Несмотря на напряженное положение на всех фронтах, он хотел укрепить оборону на Балканах. Для этого линия обороны в Италии должна была протечь к югу от Рима — чтобы обеспечить контроль за Адриатикой и не дать союзникам высадиться на Балканах.

Кессельринг с привычным оптимизмом поддержал фюрера. [84] Он сразу сказал, что готов держать необходимую Гитлеру линию Гаэта — Ортона, примерно в 120 км к югу от Рима, до самой зимы. Роммель молчал. Вместо того, чтобы собрать силы и отправить их на восток, где к тому времени сражались части, укомплектованные лишь на 70 %, Гитлер в глазах Роммеля еще больше расплывал войска.

Банкрот. С Муссолини. Сало, октябрь 1943 года

Тем не менее, все выглядело так, как будто мнение Роммеля не играло никакой роли. 17 октября его снова вызвали в ставку фюрера. Главнокомандующий объявил о своем решении. [85] Кессельринг направлялся в Норвегию. От Роммеля требовалось удерживать ненавистную линию Гаэта — Ортона до зимы. Роммель был возмущен и отказался принимать должность «главнокомандующего в Италии», до тех пор пока не получит личное представление о возможностях организации обороны в Южной Италии. [86] И даже после этого, как позже вспоминал Гитлер мрачные прогнозы Роммеля, он сулил для Италии «очевидный и неминуемый крах». [87] Однако как только назначение было принято, фельдмаршал предложил предпринять «решительные меры относительно военного положения в Италии». [88]

То, что Роммель мог иметь в виду под этим странным заявлением, начальник его штаба полковник Ганс-Георг фон Темпельхофф узнал после его возвращения. «Господин фельдмаршал, — спросил офицер за ужином, — с какой стороны можно заключить мир? С востоком или с западом?» На последнюю реплику Роммель ответил: «Ну, мир с востоком в расчет не принимается». [89] Это первый случай, когда в источниках о Роммеле появляется указание на возможность мира с одним из противников как на выход из безнадежной ситуации, в которой оказалась Германия. Вероятно, Роммель обдумывал этот вариант и ранее. Похоже, что эта тема не оставляла его в покое.

В штаб-квартире фюрера больше не обсуждали с Роммелем военное положение. После обсуждений стонал даже надежный друг фельд-

маршала, адъютант вермахта при Гитлере Рудольф Шмундт: «С Роммелем уживаться все труднее». [90] Отовсюду сыпались жалобы. Жаловался, например, гауляйтер Тироля Андреас Хофер. Роммель, по его словам, *«пессимистично воспринимает развитие событий... и распространяет этот пессимизм в своем окружении, производя такое впечатление, будто наилучшим выходом для всех его войск будет отход на позиции у перевала Бреннер»*. [91]

Даже до Геббельса в далеком Берлине дошла весточка: «Роммель, к сожалению, несколько слаб в своих убеждениях и начинает колебаться». Министр пропаганды в те дни пишет в своем дневнике: *«Можно сказать, что он воспринимает войну с пораженческим настроением. Это очень огорчает меня. Создается впечатление, что ему не терпится скомандовать отступление»*. [92]

Последствия не заставили себя ждать. Около 12:20 19 октября 1943 года генерал Йодль подтвердил по телефону, что «назначение фельдмаршала командующим группой армий в Италии утверждено фюрером». [93] Однако затем Гитлер внезапно решил переиграть ситуацию. [94] Диктатор изменил свое решение относительно Роммеля. В 19:30 штаб фельдмаршала известил об этом Роммеля по телефону. [95]

Итальянское интермеццо Роммеля завершилось. 26 октября он задумчиво пишет своей жене: *«Вероятно, я не вызвал больших надежд из-за того, что хотел оставить позиции. Вероятно, мое промедление стало причиной изменения решения фюрера. Кессельринг остается вместо меня. Остается только смириться»*. [96]

Часть седьмая

ОГОНЬ В СОЛОМЕ

Когда Гитлер сопровождал фельдмаршала из бункера в своей штаб-квартире в Восточной Пруссии, дискуссия об Атлантическом вале еще не разгорелась. 5 ноября 1943 года Роммель получил новое назначение: инспектором оборонительных сооружений на Западе. Поездки, проверки, предложения — и никаких собственных войск. Роммель был разочарован. «Приветливо», но «дистанцированно» — так, по воспоминаниям министра вооружений Альберта Шпеера, который ожидал вызова для доклада перед бункером Гитлера, изложил Роммель свое кредо высшим военачальникам: *«Мы должны отразить противника уже в момент высадки... Если это не удастся, вторжение будет успешным, несмотря на существование Атлантического вала»*. [1]

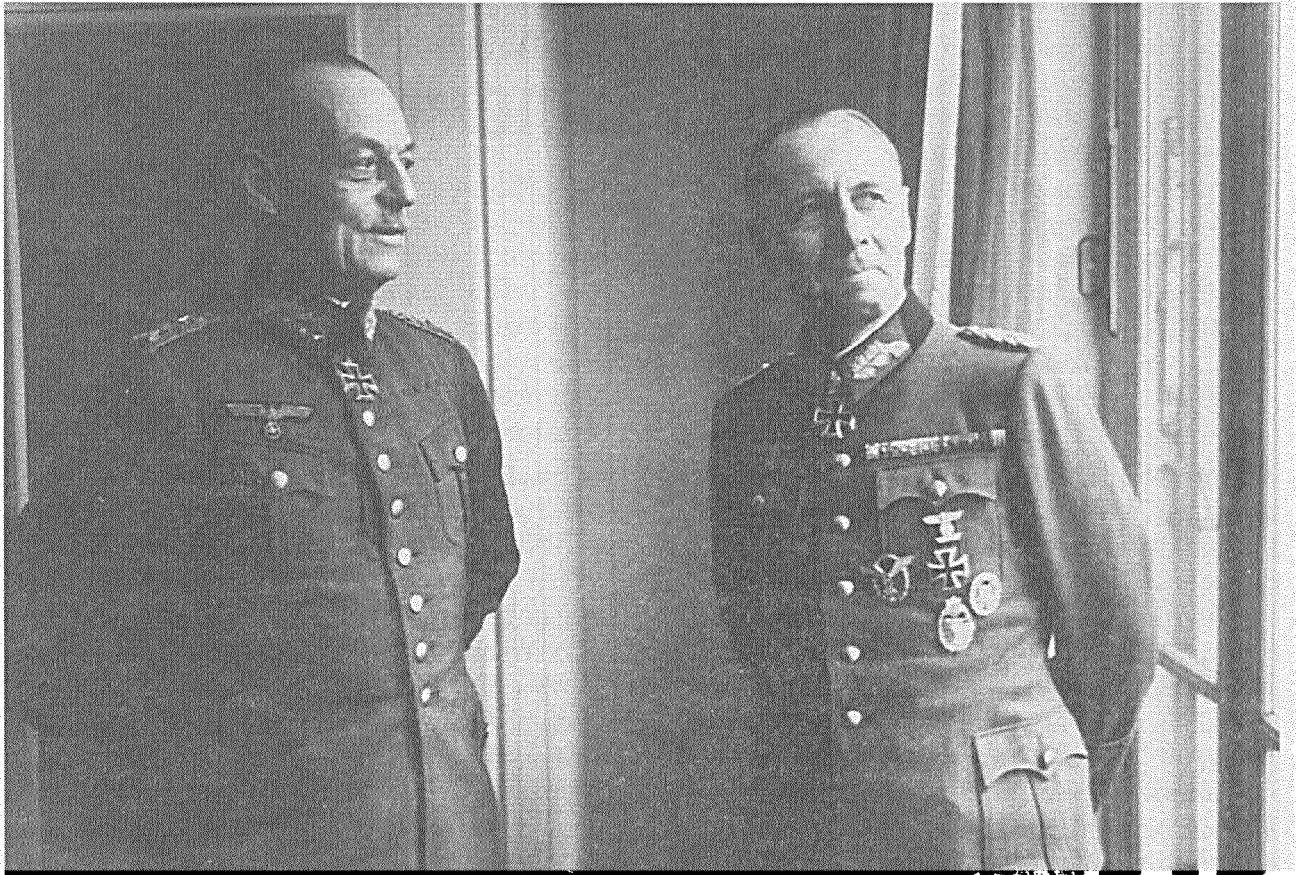
Роммель, испытавший в Северной Африке опустошительное воздействие британского превосходства в воздухе, был справедливо убежден, что прежнее свободное маневрирование под градом бомб с британских и американских самолетов будет неосуществимо. Гитлер, чье доверие к способностям своего ранее разрекламированного генерала после итальянского интермеццо не выросло, казалось, ждал этого аргумента. «Именно это, господин фельдмаршал, я и хотел вам сегодня показать». С этими словами он подвел Роммеля и Шпеера к новой бронированной самоходной установке с 88-мм зенитным орудием, которое должно было служить средством против вражеских бомбардировщиков. Гитлер довольно спросил у присут-

ствовавшего эксперта по вооружению Карла Заура: «Сколько вы их можете выпустить?»

Заур пообещал несколько сотен машин, и Гитлер довольно заявил: «Видите, эта бронированная зенитка может существенно снизить концентрацию бомб над нашими дивизиями». Если учесть, что только в первый день высадки союзная авиация совершила 14 674 самолетовылета, [2] становится понятным, насколько абсурдно было рассматривать пару сотен подвижных зенитных орудий, которые вдобавок так никогда и не попали на фронт, в качестве панацеи против этого подавляющего превосходства.

Роммель промолчал в ответ на реплику Гитлера. Когда Гитлер заметил, что его соображения не убеждают фельдмаршала, он коротко попрощался и вернулся в бункер для обсуждения ситуации со Шпеером.

Вернувшись в свой штаб в Италии, Роммель написал жене: *«Настроение подавленное. Непонятно, не будет ли новое назначение означать отстранение от всех дел. С некоторых сторон его следует расценивать именно так. Я стараюсь в это не верить. Фюрер говорил совсем иначе»*. [3] Действительно, Роммель был как Иоанн Безземельный — генерал-фельдмаршал со штабом группы армий, но без единого солдата в подчинении. В расчетах Гитлера Роммель был не более чем психологическим козырем, который он мог и на этот раз, как ранее в Италии, внезапно вынуть из рукава, сопровождая это действие пропагандистскими фотографиями

«Не более, чем командир дивизии». Рундштедт (слева) и Роммель, Париж, 1944 год

типа: «Роммель на берегу Канала» или «Роммель осматривает позиции». Главнокомандующий на Западе генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт находился в Париже в прямом подчинении Гитлера. Роммель, по словам начальника Главного командования вермахта Вильгельма Кейтеля, «никогда» не сменил бы его. Для более крупных стратегических операций он не был подготовлен. Самое большее, к чему был пригоден Роммель — по образцу одного из генералов Фридриха Великого, знаменитого своим безрассудством, — к атакам в стиле «Зейдлиц при Россбахе». [4]

Больше, чем неясность со своим собственным будущим, Роммеля в эти дни угнетало будущее Германии. Раньше и более реалистично, чем большинство германских офицеров, он по-

чувствовал предстоящее поражение. Когда Роммель вскоре после этого уезжал из Италии, он попрощался со своим переводчиком совершенно однозначными словами: *«Мне тяжело... желать Вам в будущем всего наилучшего, ибо война проиграна, и нам предстоят тяжелые времена. По доступным мне данным противник с каждым днем становится сильнее в людях и современных материалах, тогда как наша пропаганда о чудо-оружии до сих пор была ничем иным, как блефом. К сожалению, наверху мы имеем дело с людьми, фанатизм которых похож на безумие!»* [5]

И своему начальнику штаба в Африке Зигфриду Вестфалу, который возглавил штаб Кессельринга, при последней встрече в ноябре 1943 года Роммель с жестокой иронией сказал на

прощание: «Когда все рухнет, я приеду в Венгрию к вашей теще и буду работать у нее в коровнике». [6]

19 декабря Роммель явился в лучший парижский отель «Георг V» представиться Рундшtedту. Не могло быть большего противоречия. Рундшtedт презрительно именовал Роммеля «Буби» [7] и в узком кругу заявлял, что тот «не более, чем командир дивизии». [8] Со своей стороны, Роммель считал 69-летнего Рундшtedта «старым усталым человеком», [9] который смирился в судьбой ввиду безнадежности обороны берегов Франции от союзников. О перспективе отражения союзного вторжения на французское побережье Рундшtedт говорил: «Я вижу туман». [10]

Роммель, напротив, в тот же вечер написал жене: «Я намерен всеми силами взяться за новое задание и увидеть его успешное решение». [11]

В последний раз как берсерк Роммель набросился на работу, и в марте 1944 года у него на короткое время даже возникла иллюзия, что наступление союзников на Западе можно

отбить. Это вовсе не означало, что его взгляды на исход войны в корне изменились. После Эль-Аламейна Роммель больше не верил в «окончательную победу». Но теперь он, как и многие его современники, питал ложную надежду, что успешная оборона таит в себе ключ к приемлемому миру. [13] Эта мысль видится неверной с сегодняшней точки зрения, но в расчетах командующего союзными экспедиционными войсками генерала Дуайта Эйзенхауэра она также играла важную роль. В своих воспоминаниях он рисует сухую картину, могущую стать реальностью в случае провала операции вторжения: *«Такая катастрофа потребовала бы полной перегруппировки всех имеющихся в Великобритании американских сил и их переброски на другие театры военных действий, тогда как боевой дух и сплоченность союзников упали бы на неизмеримую величину. Наконец, такое поражение сильнейшим образом сказалось бы и на положении в России, и нельзя было не учитывать, что эта страна вполне могла бы подумать о сепаратном мире, если бы ее союзники оказались настолько бес-*

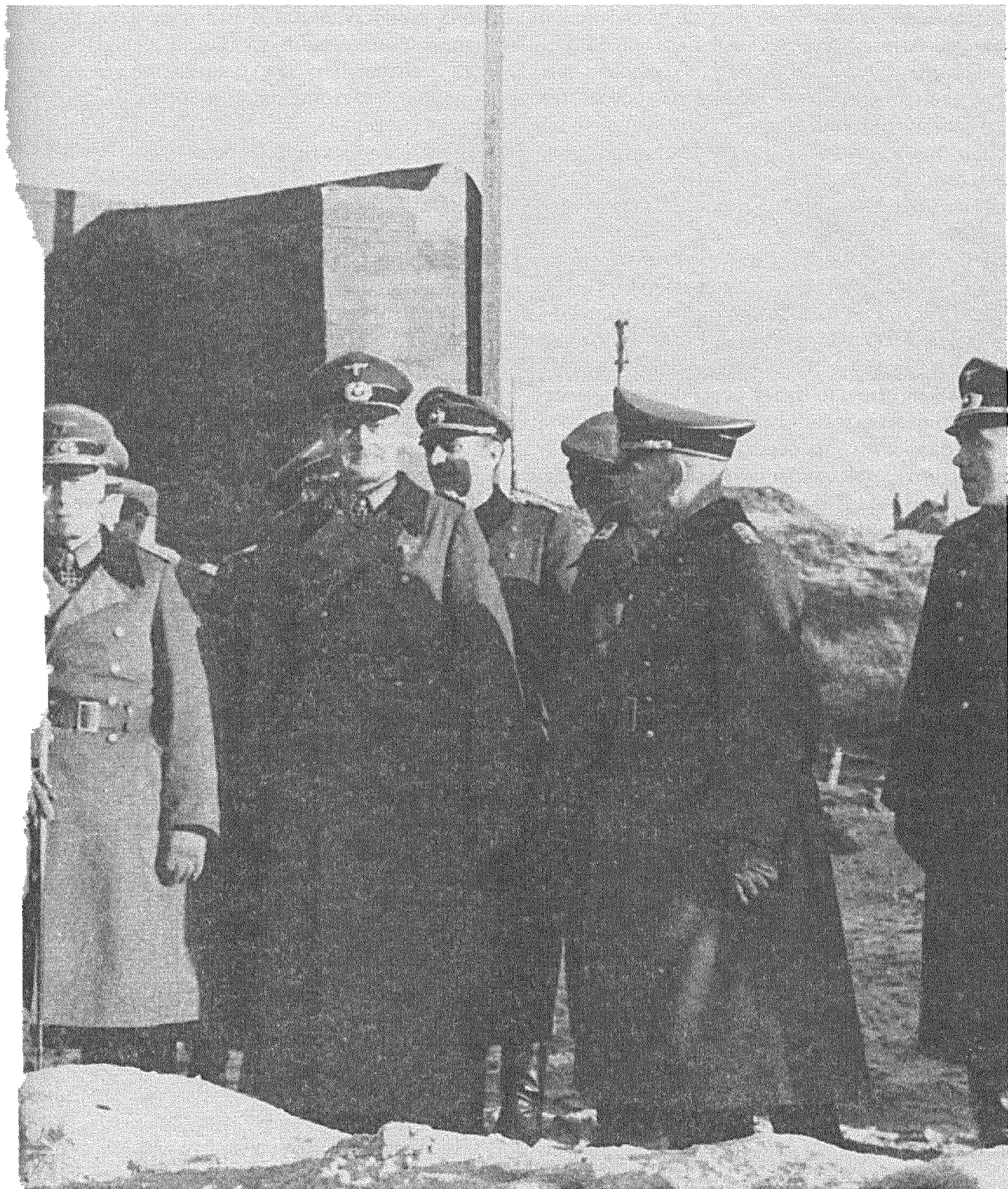
Граф Иоганн фон Кильманзегг, офицер Генерального штаба при Главном командовании сухопутных войск:

«Была надежда, и, я должен сказать, я и теперь вижу такую возможность, что при другом руководстве войной мы могли бы держаться настолько долго, что союзники сами предложили бы: „Ну тогда давайте договариваться“. Полной уверенности нет, но такую возможность я вижу до сих пор».

«Определенно, у нас все получится». Атлантический вал, январь 1944 года

полезными, увидев, что они не в состоянии начать большую операцию в Европе». [13]

Как заведенный, Роммель обследовал каждый дюйм подлежащего защите побережья, чтобы составить собственное представление о местности. На его соображения сильно влиял прошлый опыт. Еще во время первого наступления на Эль-Аламейн в Египте в июне 1942 года Роммель все время помнил, как английские летчики могли на целый день вынудить его части стоять на месте, буквально «пригвоздить их к земле». При организации обороны итальянского побережья осенью 1943 года Роммель уже исходил из того, что германские оперативные резервы невозможно будет перебросить к месту сражения издалека. Отсюда он сделал вывод: «Все разместить на берегу, не создавая резервов. Противник должен быть отражен возле уреза воды». [14] И при инспекционной поездке в Данию в начале декабря 1943 года при виде широких равнинных берегов острова Фано ему пришла мысль по причине описанных трудностей придать большую глубину оборонительной позиции.

Решение Роммеля при обороне берега было столь же простым, сколь однозначным: «Главная боевая линия — это берег». [15] Противник должен быть «разгромлен» в момент наибольшей слабости, когда он будет выходить из воды на берег. Но для этого Роммелю требовалось время и свобода действий. В первом же сообщении о своей инспекционной поездке, которое он отправил Гитлеру в канун 1944 года, Роммель потребовал себе командования над всеми войсками на побережье. Его жена успокаивающе пожелала ему: «Любови и всего хорошего в 1944-м! Пусть он принесет победу и долгий мир». [16]

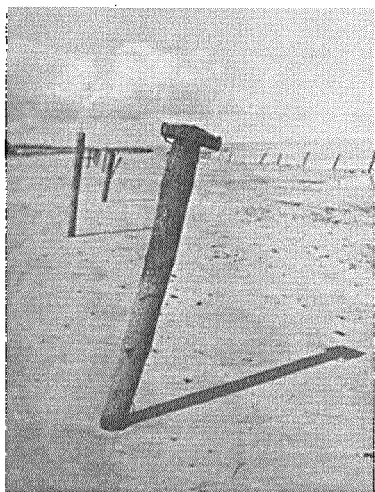
15 января Роммелю было передано командование над 7-й и 15-й армиями. Пошлый компромисс — в тылу, как и раньше, управляли военные командующие во Франции и Бельгии, параллельно с Роммелем действовало главное командование «Юго-Запад» и «Южная Франция», а также командование танковой группы. Флот и Люфтваффе также имели

своих командующих. И над всем этим стоял главнокомандующий на Западе фон Рундштедт — который, в свою очередь, не имел права использовать танковые дивизии без разрешения Гитлера.

Роммелю фактически оставалась береговая полоса глубиной 20 км от Зейдер-зее до устья Луары. [17] Не смутившись, он начал усеивать берег миллионами мин, стальных ферм и деревянных кольев. Оставшиеся со времен прежних походов противотанковые заграждения с экзотическими названиями «чешский еж» или «бельгийская тележка» сотнями тысяч перетаскивались к берегу, в песок вбивались деревянные сваи, которые на уровне водной поверхности увенчивались минами или стальными зубцами с острыми краями, так называемыми «консервными ножами». В глубине территории вырастали абстрактные ландшафты из глядящих в небо каменных пирамид. Они и искусственные леса на деревянных столбах, прозванные солдатами «спаржей Роммеля», должны были сделать невозможными вражеские воздушно-посадочные десанты. Между тем, активность Роммеля доходила до абсурда, когда он требовал «на всем береговом фронте... создать коралловый риф препятствий» или снабдить «каждую роту собственным бетонным заводом». [18]

Роммель неустанно размышлял о новых приспособлениях и оружии, способных еще более усложнить противнику высадку. Когда он во время обеда на занятой им вилле близ Сен-Мало обратил внимание на особенно изящную посуду из севрского фарфора, то спросил своего 1-го офицера Генерального штаба: «Мы не можем делать фарфоровые мины?» [19] Он писал своей жене, что днем и ночью ломает голову над новым заданием. И далее: «У меня есть неплохая надежда, что мы это сделаем. Должно произойти еще многое». [20]

Роммель мотивировал свои войска, как и в Африке, с помощью кнута и пряника. Быстро выполненные работы он премировал губными гармошками, на так называемых «тричле-

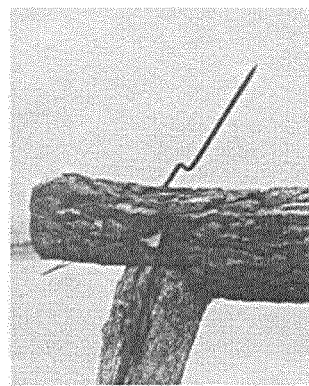
«Мины-тарелки»

«Щипцы для орехов»

«Чешские ежи»

«Консервные ножи»

Активность, доведенная до абсурда. Апрель 1944 года

«Мои находки пойдут в дело». Бетонный тетраэдр, март 1944 года

ров»²¹ — орал. На ранг и выслугу лет Роммель внимания не обращал. 4 февраля он появился на берегу Ла-Манша у командующего 15-й армией, генерал-полковника Ганса фон Зальмута. Когда последний попытался защитить своих командиров и войска от «свинского нажима», Роммель наорал на него в присутствии штаба: Зальмут «не имеет представления, и прежде всего желания, выполнять приказы. Более того, он саботирует распоряжения». [21] С багровым лицом Зальмут смотрел на фельд-

маршала, когда тот сел в свою машину и укатил в следующий этап своей инспекционной поездки. Роммель явно был доволен собой и, указав за спину большим пальцем, заявил сопровождавшему его офицеру: «Абсолютно грубый тип! С ним нужно обращаться именно так, каков есть он сам!» [22]

Командир 84-го армейского корпуса в Аррасе Эрих Маркс после подобного громкого явления Роммеля написал своему сыну: «*Это холерик, который часто взрывается, и командиры его боятся. Первый, кто утром перед ним отчитывается, получает хороший завтрак. Остальным легче, но они должны предъявить достижения*». [23]

²¹ Альфред Тричлер (Alfred Tritschler, 1905–1970) — немецкий фотограф, мастер цветной фотографии. Служил в роте пропаганды, в 1943 году фотографировал Атлантический вал. (Прим. перев.)

Напор Роммеля давал результат. Если фон Рундштедт в ноябре 1943 года жаловался на «разжижение частей», то после прибытия Роммеля отправка войск с Запада на Восточный фронт была остановлена. Подготовка солдат и их боевая готовность заметно выросли. Если пехотные дивизии в ноябре 1943 года рассматривались как «только условно пригодные к обороне», то к марту 1944 года они были по большей части «полностью пригодными». Личный состав в соответствии с требованиями Роммеля был доведен до 500 000 человек, количество танков выросло с 256 до 1299. [24]

Ирония истории в том, что видимая часть работы Роммеля, береговые и противодесантные препятствия, сыграли малую роль при вторжении. [25] Фельдмаршал исходил из вероятности высадки при приливе и укреплял берег соответственно. Только вслед за этим прибрежными препятствиями стали оснащать остальную береговую полосу. Работы были еще в начальной стадии, когда началась высадка.

Усилия Роммеля проявились в совершенно другой области. Не только на французском побережье, но и в Рейхе выросла уверенность. Так, в тайных докладах о положении Службы безопасности (СД), содержащих месячную информационную сводку для руководства РСХА, вскоре стало отмечаться: *«Убеждение, что в скором времени безусловно должен произойти поворот в войне в нашу пользу, основано на больших надеждах соотечественников на отражение вторжения. О нем говорят как о последней возможности перевернуть страницу. Страх перед вторжением почти не фиксируется»*. [26] Пешка, задвинутая на пропагандистской шахматной доске во Францию, оправдывала ожидания Гитлера.

Самоуверенность Роммеля также росла из месяца в месяц. Еще 6 февраля он заметил посетившему штаб-квартиру в Фонтенбло начальнику руководящего штаба Вооруженных сил генерал-лейтенанту Вальтеру Варлимонту, что не уверен в успехе предпринимаемых мер. [27] В примечательном письме к жене, которая по его настоянию переехала наконец из Винер-

Нойштадта в Херрлинген под Ульмом, Роммель писал: *«Если в наше столь тяжелое время нет смысла в новых начинаниях, надо все же радоваться и быть благодарным, что мы нашли прекрасное новое жилье»*. [28]

Уже в марте Роммель, посетивший Ла-Рош-Гюйон, родовой замок герцога Ларошфуко на Сене между Гавром и Парижем, впервые был «удовлетворен» оборонительными мероприятиями. [29] Они были тем более необходимы, что оборонительное сражение в случае высадки было необходимо выиграть безусловно — ведь здесь решалась судьба Германии и Европы на ближайшие 100 лет. Своему сыну Манфреду, который в феврале 1944 года был призван в зенитную артиллерию, он писал в казарму: *«Здесь много надо сделать. В этом отношении видны одни только успехи, и так мы приобретаем лучшую уверенность в грядущем великом, решающем войну столкновении»*. [30]

Многое говорит за то, что Роммель действительно мог поверить в возможность отражения вторжения. Однако последняя вспышка «священного огня» в солдатах оказалась лишь коротким пожаром соломы; конец иллюзий был уже близок. Он был связан с сугубо профессиональным конфликтом, который разгорелся с прибытием Роммеля во Францию и который вошел в историю как «танковый спор».

Барон Лео Гейр фон Швеппенбург был одним из интеллигентнейших генералов вермахта. Он происходил из старой рейнской знати, бегло говорил на восьми языках и сделал себе имя как командир 3-й танковой дивизии в Польше, а затем работой офицером Генерального штаба в России. Открытая и острая форма, в которой он выражал любое несогласие, создала ему в глазах Гитлера репутацию «пессимиста». Однако фюрер, не имея подходящей альтернативы, осенью 1943 года назначил Гейра руководителем танкового командования «Запад».

В согласии с Рундштедтом Гейр с самого начала разработал собственную стратегию обороны против вторжения. Он планировал опе-

Каменный путь обратно к правде. Клятва верности фельдмаршалов Гитлеру (Роммель второй слева), Берхтесгаден, 19 марта 1944 года

ризовать как можно более компактно сгруппированными танковыми соединениями, которые вплоть до момента вторжения должны были находиться в резерве в тылу. И только когда выявится ключевой участок вторжения, его «шверпункт», следовало перебросить эти резервы в угрожаемый район и ввести в бой на ключевом участке.

Гейр, план которого был диаметрально противоположен плану Роммеля, был смещен, и еще в 1961 году резко высказывался о фельдмаршале в американском военном журнале: *«При отсутствии у Роммеля стратегической подготовки и при его маниакальной идее прямо на берегу противопоставить натиску большей части мира третьеразрядные пехотные дивизии, прикрытые хлипкими заграждениями и с опасной роскошью усиленные раздерганными танковыми дивизиями, при последовавшей сумя-*

тице приказов, исход этого сражения был не только неизбежным, но и логичным». [31]

Гейр был, конечно же, прав, когда говорил «маниакальной идее» противостоять натиску «большой части мира». Но в его критике Роммеля это был лишь условный аргумент. Естественно, фон Швеппенбург не упоминает, что его собственная оперативная идея была обречена на крушение по тем же причинам. Тотальное господство в воздухе британских и американских истребителей и бомбардировщиков в первые недели вторжения исключали любую форму классического маневра танковыми частями.

Определенная ирония судьбы состоит в том, что вскоре после вторжения штаб Гейра сам стал жертвой авианалета, причем двое штабных офицеров заживо сгорели в штабном автобусе. В момент, когда Гейр с оставшимися в его подчинении танковыми силами получил возможность

доказать правильность своей концепции, он оказался неспособным к действиям. [32] Находясь под воздействием шока от пережитого, он отказался от своего тезиса и — совсем как джентльмен старой школы — написал письмо Роммелю, в котором в изысканных выражениях попросил у своего оппонента отставки: *«Сдавая сейчас командование, я прошу разрешить мне добавить к официальной отставке несколько слов. Сражения на более суровом и более требовательном театре военных действий, чем все, что я до сих пор пережил, произвели во мне и моем представлении о группе войск „Б“ и отношениях с вами внутренний переворот. Ваше солдатское дарование и опыт превратили характер моего подчинения в нечто большее, более высокое, чем могло до сих пор сделать напряженные воли»*. [33]

Первая встреча оппонентов 8 января 1944 года в Париже прошла под совершенно иным знаком. Противоположные воззрения Роммеля и Гейра столкнулись. Гейр не был готов противопоставить бесцеремонному швабу одну только учтивость. В последующие месяцы каждый бился на собственный манер: Гейр (его секундантами были фон Рундштедт и «отец танковых войск» генерал Гудериан) [34] — острием шпаги, Роммель — в своей обычной манере, широкими взмахами сабли. Когда Роммель понял, что ничего не может добиться своим обычным напором, он обратился к Гитлеру по короткой служебной цепочке — через Шмундта. В своем письме от 16 марта 1944 года он требовал переподчинить непосредственно себе танковые соединения Гейра. Письмо заканчивалось словами: *«Исход битвы решится на берегу»*. [35]

Спустя три дня Роммелю выпал шанс лично обратиться к Гитлеру. 19 марта 1944 года все фельдмаршалы вермахта были собраны в резиденции Бергхоф в Берхтесгадене для принесения почетной присяги на верность. [36]

Этот необычный акт изъявления преданности был вызван действиями группы высокопоставленных офицеров, которые в русском плену образовали «Союз немецких офицеров» во главе со сталинградским генералом Вальгером

фон Зейдлиц-Курцбахом. С 1943 года над немецкими позициями Восточного фронта с советской стороны разбрасывали листовки, в которых пленные офицеры призывали солдат перебежать к русским. Вскоре Союз начал обращаться к высшим офицерам вермахта с персональными письмами, которые передавались через нейтральные страны²², министр пропаганды Геббельс немедленно отреагировал.

Чтобы изгнать призрака, рейхсминистр пропаганды решил устроить совершенную особую инсценировку. В большом зале Бергхофа выстроились в ряд военные вожди Третьего Рейха. Первым стоял старший по выслуге фельдмаршал Герд фон Рундштедт. Появился Гитлер, и Рундштедт начал торжественно зачитывать подписанный всеми сочиненный Геббельсом удивительный текст. Он завершался заверением во «внутренней связи» и клятвой в «непоколебимой верности» фюреру и национал-социализму. Фельдмаршалы обязались сделать все, *«чтобы каждый солдат армии стал фанатичным борцом за национал-социалистическое будущее нашего народа»*. [37]

Восемь человек, все старше пятидесяти, из которых ранее никто не задумывался о грядущей гибели страны, присоединялись к гитлеровскому отрицанию реальности. Только один из них пройдет путь обратно к правде — Роммель. [38] В этот момент он, однако, еще был занят мыслью, как заполучить командование над десятью размещенными во Франции танковыми соединениями.

На следующий день Гитлер выступал перед прибывшими главнокомандующими и комендантами крепостей Запада: *«Само собой разумеется, высадка англо-американцев... состоится и должна состояться. Где и когда она произойдет, никто не знает. Так что никаких предположений об этом быть не может»*. [39]

Тем не менее, Гитлер знал о стратегическом значении Нормандии: *«Наиболее удобны и наи-*

²² Гораздо чаще это делалось через военнопленных, которые отпускались обратно за линию фронта, а также через агентуру на оккупированной территории с использованием немецкой полевой почты. (Прим. ред.)

более опасны оба полуострова на западе, которые дают наибольшую возможность для вторжения и образования плацдарма, который затем будет планомерно расширяться при масштабном использовании авиации и тяжелого вооружения всех видов». Тем самым Гитлер относительно точно предсказал предстоящую высадку союзников в Нормандии. Однако это знание не имело последствий. Сам Гитлер боялся рисковать и оголять участки французского побережья, чтобы усилить соответствующую часть Нормандии.

В последующие дни при отъезде Роммелю удалось наконец поговорить с Гитлером с глазу на глаз. Он напористо потребовал подчинить ему танковые силы на Западе и вновь подробно изложил свои аргументы. [40] Гитлер реагировал как обычно в таких случаях. С наигранной убежденностью он постарался поддержать дух Роммеля, ничем определенным себя не связывая. Здесь должно было сыграть особую роль новое чудо-оружие — «Фау-1», реактивный снаряд с большим зарядом взрывчатки. Вдобавок Гитлер вскользь упомянул о «тысяче молниеносных бомбардировщиков», которые появятся на небе в день вторжения [41] и заверил Роммеля в своей полной поддержке.

Эта суггестивная смесь высоких технологий, упований на чудо и явно необоснованного оптимизма в сочетании с бесспорно имевшимся у Гитлера даром убеждения не осталась для Роммеля безрезультатной. Пока еще нет. После возвращения во Францию он отметил в дневном донесении: *«Удовлетворен достигнутым. Фюрер полностью примкнул к взгляду главнокомандующего [т.е. Роммеля] об обороне побережья и изменении порядка командования».* [42]

В действительности же Гитлер не отходил всерьез от позиции фон Рундштедта и не присоединялся к взглядам Роммеля. [43] Что об этом в действительности думали в штаб-квартире фюрера, должен был хорошо знать новый начальник штаба Роммеля генерал-лейтенант Ганс Шпайдель. 30 марта он вылетел из Львова в Берхтесгаден в одном из «Кондоров» фюрера. По прибытии Шпайдель доложил в штаб

ОКВ, чтобы получить инструкции для нового задания. Начальник штаба Главного командования вермахта генерал Йодль не имел сомнений относительно оценки положения во Франции: Роммель — «пораженец» (*Defätist*). Задачей Шпайделя было в первую очередь подержать и направить фельдмаршала. [44]

Неделю спустя, 7 апреля 1944 года, точка зрения Гитлера была доведена и до Роммеля. Диктатор сохранял за собой определение момента, *«к которому все или часть подвижных соединений будут полностью подчинены группе армий „Б“.* До тех пор, согласно воле фюрера, право распоряжения этими соединениями оставалось у главнокомандующего на Западе [т.е. фон Рундштедта]». [45] Обозленный Роммель писал жене: *«Был сегодня у фон Рундштедта. Все оказалось совсем не так, как мне казалось, было решено 21.3. Кабинетный кризис здесь совершенно не нужен, и я должен вновь согнуться».* [46]

Унижение засело глубоко. Фридрих Руге, который был офицером связи военно-морских сил при штабе Роммеля, записал 16 апреля в своем дневнике, что Роммель «лично очень любезен», но при этом «очень серьезен». [47] При этом он добавлял: «Для Запада устные обещания Гитлера не подтверждены письменно, и частично отменены». [48]

Вновь подтверждалось то, о чем Роммель уже говорил в начале года своему саперному генералу доктору Вильгельму Майзе: фюрер — фантаст, *«который при разговоре с глазу на глаз доступен для разумных доводов, но затем вновь подпадает под воздействие Бормана и его свиты и прислушивается к их византийским утопиям».* [49]

Сомнение Роммеля в Гитлере росло. Это все еще не означало разрыва — ощущения фельдмаршала были двойственными. Как само собой разумеющееся, он говорил в узком кругу в день рождения Гитлера 20 апреля 1944 года «короткое серьезное слово о фюрере». [50] И когда Роммель в мае впервые за несколько месяцев звонил диктатору по телефону по военному вопросу, он удовлетворенно писал жене: *«Он был в хорошем настроении и не отказывает нам*

Наигранная убежденность. С генералом Майзелем, Нормандия, апрель 1944 года

в признании нашей работы на Западе. Я надеюсь добиться большего, чем раньше». [51] Какое-то время эта поза доверчивого удивления могла быть попыткой преодолеть все более усиливающееся сомнение в Гитлере. Тем более необычно выглядит запись, которую сделал офицер для поручений капитан Ланг от первого лица: «Я рад лично разобраться в здешних делах, после того как меня в некоторых кругах уже изображали больным. Но фюрер верит мне, и это мне тоже нравится». [52] По крайней мере после 7 апреля 1944 года об этом не могло быть и речи.

Несмотря ни на что, Роммель не отказывался от попыток взять танковые силы под свое командование. После того, как Гейра 13 апреля также вызвали для доклада к Гитлеру, Роммель уже 23 апреля вновь направил в штаб-квартиру фюрера убедительное письмо, которое завершалось словами: «Речь идет о решающей битве войны, о судьбе немецкого народа». [54]

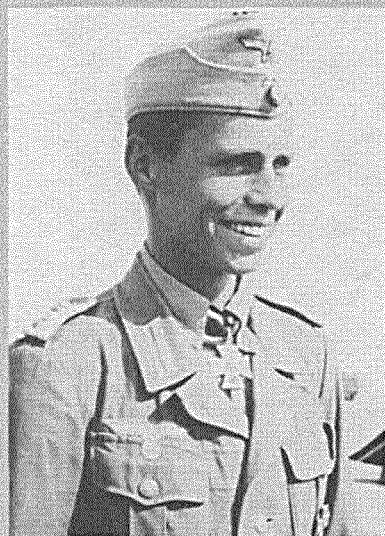
Призыв Роммеля спровоцировал наконец

решение, которое не могло удовлетворить ни одну из сторон спора. Как всегда при столкновении двух подчиненных, Гитлер не стал делать выбора в пользу кого-то одного из них. 26 апреля 1944 года диктатор приказал разделить резервы: три танковые дивизии были подчинены Роммелю, три танковые дивизии передавались во вновь образованную группу армий «Д» в Южной Франции, четыре подвижных соединения оставались под командованием фон Рундштедта.

Этот искусственный компромисс, который лишил смысла обе оборонительные стратегии, не мог удовлетворить Роммеля. Только внешне он продолжал оставаться уверенным. Так, 12 мая Роммель ободрял свою жену словами: «Изо дня в день мы становимся все сильнее. Мои находки идут в применение. Я иду в битву с полной убежденностью». [55]

В эти дни перед камерами еженедельного киножурнала Роммель в последний раз с уверенностью говорил своим неизменившимся

Винрих Бер, офицер штаба Роммеля:

«При различных поездках, в которых я сопровождал его, он очень открыто выражал свое мнение в простой швабской манере. Он не был изощренным философом или мыслителем и всегда изъяснялся очень просто. «Это мы не сделаем, и представьте себе, что люди скажут то-то и то-то, и посмотрите, здесь используется пехотная дивизия, и у нее почти нет орудий, и мы ставим всего одну батарею на 2 километра, и при этом мы хотим встречать англичан?»»

Положение очень серьезно.

В инспекционной поездке со Шпайделем, Руге и Лангом. Роммель первый справа, май 1944 года

жестким и четким языком о победе: *«При взгляде на наше прочное положение, на превосходный дух наших частей, на новое вооружение и боевые средства, которые даны нам в руки, мы можем с полным спокойствием встречать грядущие события и можем ни секунды не ломать голову, хорошо или плохо они пойдут. Все определено в порядке»*. [56] За фасадом наигранной убежденности все было иначе. Избранным слушателям Роммель беспощадно открывал реальную ситуацию. Так, германского посла в оккупированной вишистской Франции Отто Абетца, которого фельдмаршал 16 мая принял за ужином в Ла-Рош-Гюйон, [57] поразило его «остро оппозиционное настроение». Фельдмар-

шал весьма реалистично изложил взгляд на оборону от предстоящего вторжения.

«В Берлине, — писал Абетц в своих мемуарах, — вряд ли ожидали момента этой высадки, поскольку были уверены, что она будет победоносно отбита. Он [Роммель] не разделял этого оптимизма. Немецкие оборонительные позиции на побережье Канала и Атлантического океана были недостаточно эшелонированы в глубину и не имели достаточных препятствий для воздушно-десантных операций, а минирование подходящих для вражеской высадки прибрежных вод было подготовлено недостаточно. В противоположность Берлину, он хотел, чтобы англо-саксонское вторжение произошло как можно

Война проиграна

позже, и ему оставалось достаточное время, чтобы закрыть дыры в немецких оборонительных позициях. Если врагу удастся удержаться хоть в одном пункте побережья хотя бы на 2 дня, положение следует рассматривать как очень серьезное и рассчитывать на предстоящую потерю Франции». [58]

Столь же открыто высказывался Роммель [59] и 1 июня при посещении своего бывшего офицера для поручений в Африке, министра-аль-директора министерства пропаганды Ингемара Берндта: «Мы больше не можем выиграть войну». [60] Вскоре после этого Берндт делал в Берлине доклад Геббельсу и, восприняв мнение Роммеля, сказал в лицо министру, что более не верит в «окончательную победу». [61] Геббельс в раздражении записал в своем дневнике: «Хотя доклад в определенном отношении был весьма тревожным, я отношу это за счет того, что автор в известном смысле безумно преуве-

личивает. Берндт несерьезный докладчик. Я решил впредь не доверять ему значительных политических постов в министерстве». [62]

Однако Берндт просто слово в слово пересказал сухой взгляд Роммеля на ситуацию, не больше и не меньше. Йозеф Геббельс еще не хотел признать, что взгляд ему застилало некритическое восприятие собственной пропаганды. Но уже спустя менее чем два месяца он должен будет признать, что Роммель сделал гораздо больше, чем просто усомнился в окончательной победе. 3 августа Геббельс потрясенно записал в дневнике: «Но еще более поражает тот факт, что в путче против фюрера как посвященный соучастник был замешан не только генерал Штюльпнагель, но и Клюге, и даже, чего нельзя было предположить, Роммель. Можно всплеснуть руками: куда мы попали! Мы сейчас переживаем тяжелейший кризис нашего режима». [63]

Часть восьмая

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Карл Штрелин вступил в вюртембергское отделение НСДАП в октябре 1923 года. Десять лет спустя он был «в первый же час» назначен бургомистром Штутгарта и оставался им до конца войны. Штрелин без раздумий проводил антисемитскую политику Гитлера против еврейских граждан своего города. В начале декабря 1941 года первая тысяча евреев Штутгарта была депортирована в Ригу (Латвия). [1] В конце апреля 1942 года последовал второй транспорт в Избицу под Люблином в оккупированной Польше. [2]

Штрелин, имевший хорошие контакты, уже скоро узнал, что в действительности происходит с депортированными евреями. [3] После короткой остановки в Избиче они направлялись в газовые камеры лагеря Бельзец²³. [4] Если с отграничением прав евреев и их изгнанием он мог согласиться, то организованное государством массовое убийство решительно отвергал. [5]

И по многим другим вопросам Штрелин к этому времени уже не был согласен с руководством Рейха. [6] Он не одобрял преследований церкви и мужественно повел себя в истории с прошением о помиловании 13 приговоренных к смерти молодых эльзасцев. Таким образом Штрелин вступил в открытое противоречие с партией. После поражения под Москвой в де-

кабре 1941 года Штрелин уверился, что Гитлер более не сможет выиграть войну.

Однако Штрелин не критиковал национал-социализм — ему он оставался верен до своей смерти в 1963 году. [7] В глазах бывшего бургомистра Штутгарта Гитлер предал основы идеи. [8] В августе 1943 года он открыто обратился в Имперское министерство внутренних дел с памятной запиской, где потребовал «основополагающего изменения курса внутренней и внешней политики». Центральным пунктом письма, которое не сохранилось в оригинале, было, согласно Штрелину, «восстановление Имперского государства... исключение влияния партии на управление, отказ от преследования церкви и религии, полное прекращение бессмысленного обращения с еврейским населением, проверка состояния концентрационных лагерей», а также «изменение губительной политики в оккупированных областях». [9]

Соратника по духу Штрелин нашел в бывшем министре иностранных дел бароне Константине фон Нейрате. Штрелин знал вюртембергца (как, видимо, и Роммеля) еще со времен Первой мировой войны по «Генеральному командованию особого назначения № 64». [10] Нейрат стал министром иностранных дел в июне 1932 года, в кабинете фон Папена. После прихода Гитлера к власти он вплоть до 1938 года работал на своем посту. После оккупации Чехословакии он был назначен имперским протектором Богемии и Моравии и занимал эту должность вплоть до замены осенью 1941 года

²³ В Риге газовых камер не было — но там имелись борцы за свободу Латвии, готовые выполнять для нацистов самую грязную работу. (Прим. ред.)

Верен национал-социализму до самой смерти. Карл Штрелин (второй справа), 1938 год

Рейнгардом Гейдрихом. Фон Нейрат был осужден на процессе над военными преступниками в Нюрнберге и приговорен к 15 годам заключения. После смещения с поста главы внешнеполитического ведомства он оставался имперским министром без портфеля, членом партии и обергруппенфюрером СС. [11] Как и Штрелин, он в конце концов решительно порвал с Гитлером, осознав, что война проиграна. [12]

В заботе о будущем Германии согласившись с необходимостью смещения Гитлера, Штрелин и фон Нейрат во 2-й половине 1943 года искали пути выхода. [13] Хотя обоим было ясно, что «спасение Германии невозможно осуществить без полного уничтожения личности Гитлера», они в тот момент искали возможности «еще раз поговорить с Гитлером... и воздействовать на него в смысле окончания войны». [14] Похоже, что Штрелин и фон Нейрат одновременно при-

шли к одинаковому выводу: им требовался человек, который имел бы возможность говорить с диктатором с глазу на глаз и в силу своей профессии и статуса был бы подготовлен для этой задачи. Таким был Эрвин Роммель.

Нейрат при этом исходил из убеждения, «что Роммель по всему своему положению достаточно разбирается в вопросе, чтобы при необходимости заменить Гитлера». [15] В конце концов Штрелин и Нейрат решили войти в контакт с фельдмаршалом.

В то же время Штрелин неоднократно встречался со своим коллегой по службе, бывшим обер-бургомистром Лейпцига доктором Карлом Герделером. [16] Еще в ноябре 1936 года Герделер был смещен со своей должности, поскольку не выполнил требование партии о снятии памятника еврейскому композитору Феликсу Мендельсону-Бартольди возле лейпциг-

ского концертного зала «Гевандхаус»; позднее он стал одним из лидеров гражданского сопротивления Гитлеру.²⁴ Идею покушения на Гитлера Герделер решительно отвергал, поскольку диктатор не должен был стать мучеником. Герделер планировал арестовать Гитлера, чтобы затем доказать его преступления в ходе уголовного процесса.

Некоторое время Герделер надеялся привлечь на свою сторону Карла Штрелина. [17] Возможно даже, что Герделер делился со Штрелиным своими соображениями и планами. [18] Штрелин со своей стороны мог ввести в игру Роммеля. Согласно воспоминаниям Штрелина, который после войны стремился подать себя как борца Сопротивления, он договорился с Герделером после переворота провозгласить Роммеля главой государства. [19] Это представляется невероятным [20] — для военных заговорщиков в Берлине и в штабном руководстве Восточного фронта Роммель был ненадежным выскочкой. Так, Хеннинг фон Тресков, который совершенно не знал Роммеля лично, еще за полгода до того заявлял, что фельдмаршал «безнадежен». «У него нет ни духа, ни призвания». [21]

Штрелин, который все еще занимал свой пост, так и не определился окончательно со своей позицией. Герделер, во всяком случае, в конце концов отдалился от него и жаловался своему другу: «Со Штрелином тоже ничего нельзя начинать». [22] Штутгартский обер-бургомистр шел собственной дорогой. Швабское на-

правление продолжало считать Роммеля спасителем Рейха.

По стечению обстоятельств фельдмаршал летом 1943 года был вынужден вывезти свою семью из подвергавшейся постоянным бомбовым ударам Вены и наконец переселился в Вюртемберг. [23] В сентябре Роммель письменно обратился к обер-бургомистру Штутгарта с просьбой помочь ему с поисками жилья для жены и сына. [24] Наконец, в Херрлингене под Ульмом нашлось подходящее место. Первоначально это был детский сад еврейской общины, а потом величественное здание использовалось как еврейский дом престарелых — вплоть до 1942 года, когда последние евреи были депортированы оттуда на смерть. Короткое время спустя ульмский бургомистр заинтересовался неожиданными соседями. Наконец, после длительного обустройства, в январе 1944 года появился и сам Роммель. [25]

Пока новое жилье не было готово, Люси Роммель снимала квартиру в Херрлингене. Штрелин использовал соседство жены Роммеля для того, чтобы оживить старые контакты. Он приглашал ее в свою ложу в Штутгартском театре, предоставил в ее распоряжение свой служебный автомобиль и неоднократно принимал ее в своем кабинете в городской ратуше. [26] Штрелин все свободнее говорил о бесперспективном военном положении и невыносимых условиях в стране. [27] Наконец, в декабре 1943 года он вручил Люси Роммель записку с просьбой передать мужу. [28] Роммель, который с 14 по 18 декабря был в Херрлингене у своей семьи, [29] прочитал записку и узнал у своей жены о разговорах со Штрелином. Его сын Манфред вспоминал, что отец в эти дни говорил о «массовых расстрелах на Востоке». [30]

После слухов о резне в России, которые доходили до Роммеля еще в Африке, и преступления в Лаго-Маджоре, это был третий случай, когда Роммель сталкивался с убийством евреев. Вскоре после этого, 9 февраля 1944 года, [31] находясь в инспекционной поездке по побережью Юго-Западной Франции, он узнал новые

²⁴ Герделер был выразителем интересов правоконсервативных деловых кругов, связанных с крупной германской буржуазией. Он выступал за смягчение нацистского режима, прекращение конфликта с Англией и установление монархии, но не отвергал диктатуры и поддерживал внесудебное преследование оппозиции. Находился в плохих отношениях с разделявшей левые взгляды «группой Штауффенберга» (Ю. Лебер, Г. фон Мольтке и др.) После провала покушения 20 июля попытался уйти в подполье, но был арестован. Активно сотрудничал со следствием, выдавал заговорщиков, написал подробную справку обо всех известных ему участниках оппозиции. Уже приговоренный к казни, обратился к Гитлеру с униженным письмом, в котором изъявлял радость по поводу неудачи покушения. (Прим. ред.)

подробности нацистских преступлений. Во время встречи в Бордо с командующим 1-й армии генерал-полковником Йоханнесом Бласковицем Роммель проигнорировал его. Чувствуя себя несколько неловко, Бласковиц попытался объяснить, почему он столь долгое время находится на этом спокойном посту. [32] Во время Польского похода 57-летнему генералу от инфантерии сулили блестящее будущее, после победы он был 23 октября 1939 года назначен командующим немецкими войсками на Востоке — в оккупированной Польше.

В ходе многочисленных казней после начала войны с Польшей были уничтожены тысячи людей, преимущественно польских интеллигентов и евреев. Но Бласковиц не был готов молча принять варварскую оккупационную политику Гитлера. Он много раз протестовал против жестокостей СС и полиции. [33] Когда Гитлер узнал об этом, он отреагировал резким выпадом против «детских представлений в руководстве армии» — как выразился в своем дневнике адъютант сухопутных войск при Гитлере Герхард Энгель. «Методами Армии Спасения войну не ведут», — сказал фюрер. [34] Карьера Бласковица на этом завершилась, и после многочисленных перемещений осенью 1940 года он оказался в полуотставке на посту командующего 1-й армией в Южной Франции — который все еще продолжал занимать, когда Роммель прибыл к нему через три с половиной года.

После рассказов Бласковица Роммель понял наконец с ясностью судьбу пропавшего осенью 1939 года священника Эдмунда Рожиняльского. Дядя его жены был, как многие сотни польских священников, расстрелян немецкими командами.

В том же месяце Эрвин Роммель узнал всю правду. Во время его отпуска на родину между 22 февраля и 3 марта Карлу Штрелину удалось наконец при посредничестве Люси Роммель лично поговорить с фельдмаршалом. В широком кругу, включавшем Люси Роммель и жену начальника штаба Роммеля Альфреда Гаузе, сына Роммеля Манфреда и его адъютанта

Штрелин начал излагать свои соображения. Он открыто описывал безвыходность военного положения и преступный характер режима. Штрелин говорил об убийстве евреев из Штутгарта в газовых камерах на Востоке. [35]

Хотя Роммель, как и все его современники, не имел возможности представить себе полный масштаб преступлений, ясно, что сказанное его глубоко потрясло. В июне адмирал Руге записал в дневник следующие слова Роммеля, сказанные наедине: «Справедливость — неизбежная основа государства... Наверху, к сожалению, нечисто. Казни — большая вина». [36]

Несомненно, этический аспект стал главным фактором, который подвиг Роммеля примкнуть к Сопротивлению. Но военное положение еще оставалось неопределенным. К моменту встречи со Штрелиным Роммель в последний раз начал после долгого перерыва вновь питать надежды. Окрыленный успехом своих мер на Западе Роммель действительно верил, что сможет в грядущие недели отразить вторжение. Поэтому неудивительно, что он держался при рассказе Штрелина отстраненно. [37]

Как и было оговорено с фон Нейратом, Штрелин предложил в этот день следующий план: Роммель должен добиться личного разговора с Гитлером с глазу на глаз и убедить его закончить войну. Но Роммель был настроен скептически. Он знал, насколько мало на Гитлера можно повлиять. Возможно, Штрелин посвятил Роммеля и в планы Герделера.

Приблизился ли сам Роммель в процессе общения к такому решению, как это утверждал после войны Штрелин, [38] сомнительно.

Штрелин в своих воспоминаниях писал, что Роммель к концу разговора был убежден, что «должен использовать себя для спасения Рейха. Он должен доложить Гитлеру о необходимости срочного окончания войны на Западе и... действовать самостоятельно, если тот не вынесет рассудку». [39] В действительности же ценность разговора состояла в том, что Роммель впервые вообще был информирован о существовании в Германии Сопротивления. До сих

В полном разочаровании. С Люси в Херрлингене, февраль 1944

Манфред Роммель, 15 лет:

«Штрелин был с моим отцом и, поскольку я был дома — ведь я всегда получал отпуск, когда отец был здесь, — Штрелин в моем присутствии сказал отцу, что должен отметить важное обстоятельство: если Гитлер не будет устранен, то вся затея потеряет смысл. И мой отец ответил ему: „Я был бы очень признателен, если бы вы не делали подобных заявлений при моем сыне“».

пор он жил так же, как многие офицеры его времени. Его ремеслом была война, политику он оставлял для других. Разговор со Штрелином мог быть толчком, который побудил Роммеля выйти наконец из этих тесных рамок.

Во всяком случае, при следующем разговоре с Гитлером 21 марта 1941 года, три недели спустя после встречи со Штрелином, Роммель не требовал от диктатора завершить войну. Напротив, на этой встрече речь шла о руководстве танковыми дивизиями во Франции. Ошибочно решив, что цель достигнута, Роммель покинул Бергхоф в хорошем настроении. Спустя два дня он посетил в Брюсселе командующего силами вермахта в Северной Франции и Бельгии генерала Александра фон Фалькенгаузена.

Фалькенгаузен был выраженным противником режима и состоял в прямом контакте с военным Сопротивлением — что, впрочем, не помешало ему бездеятельно наблюдать за депортацией 25 000 евреев из Бельгии во время его командования.

Во время ужина с глазу на глаз Фалькенгаузен осторожно прозондировал, насколько

Роммель может оказаться близок к Сопротивлению. Остро отзываясь о Гитлере, он в вольном переводе процитировал Конфуция:²⁵ «Власть разлагает, абсолютная власть разлагает абсолютно!» [40] Роммель не отреагировал. «Тогда, — описывает разговор Фалькенгаузен, — у меня не было еще впечатления, что он готов действовать». [41]

В следующем месяце глава военного заговора генерал-полковник Людвиг Бек составил в Берлине записку, в которой еще раз набросал план переворота. В заботе о будущем Германии Бек стремился добиться от союзников ясности, насколько еще существует шанс заключить после удавшегося переворота сепаратный мир с западными державами. Страх перед коммунизмом и мезтью Советов сидел глубоко. План Бека предусматривал арест Гитлера и прекращение борьбы на Западном фронте против со-

²⁵ Вообще-то процитированный Фалькенгаузенем афоризм принадлежит Карлу Марксу — впрочем, записавший разговор Руге вполне мог этого не знать. (Прим. ред.)

юзников, чтобы продолжить борьбу против России на Востоке.

Бек среди прочего перечислил имена ряда генералов, вновь вовлеченных во фронду. От Фалькенгаузена Бек узнал, что на Роммеля с весьма высокой долей вероятности рассчитывать нельзя. В связи с предвидимой высадкой союзников на Западе Бек писал, что «будет очень тяжело, поскольку на Роммеля рассчитывать нельзя». [42]

4 мая курьер доставил записку из Берлина сотруднику абвера Гансу Бернду Гизевиусу, который ввиду грозящего ему ареста тайной государственной полицией был переведен в Цюрих. Здесь Гизевиус по поручению кружка Сопротивления Людвиг Бека вошел в контакт с резидентом американской разведки в Швейцарии Алленом Уэлшем Даллесом. [43] 16 мая Даллес шифровкой доложил в США содержание записки Бека. Дату этой депеши, в которой прямо отрицается принадлежность Роммеля к Сопротивлению, до сих пор приводят как время, после которого произошло его обращение. В действительности решающий момент, когда фельдмаршал начал сблизиться с Сопротивлением, надо отнести на четыре месяца раньше меморандума Даллеса.

Началом этого поворота послужило совершенно банальное событие — женская ссора. Берлинская квартира начальника штаба Роммеля Альфреда Гаузе была совершенно разрушена во время бомбежки в августе 1943 года. В поисках нового пристанища для его семьи Роммель предложил старому товарищу по Африке свой дом в качестве временного жилища, пока тот не найдет себе новую квартиру. Жена Гаузе со своей дочерью приехала в Херрлинген к Люси Роммель. Сначала две женщины отлично понимали друг друга, но когда Люси Роммель на одной свадьбе оказалась хуже одета, чем фрау Гаузе, [44] между ними разгорелась ненависть, которая дошла до того, что Роммель уступил настояниям своей супруги и сместил своего начальника штаба. 17 марта 1944 года он писал своей жене: *«Позволь нам подвести черту под всем этим... Я это сделаю. Вероятно, Га-*

узе должен будет искать другую должность. Это, конечно, тяжелое решение — сейчас, в это время, менять начальника». [45] Сам Роммель и далее сохранял благосклонность к Гаузе и просил штаб-квартиру фюрера [46] назначить его командиром первой же освободившейся танковой дивизии.

Единственным светлым лучом во всей этой абсурдной истории было назначение на должность начальника штаба Роммеля генерал-лейтенанта доктора Ганса Шпайделя. [47] Этот 46-летний выходец из Меца, шваб, как и Роммель, после Первой мировой войны изучал историю и закончил курс с оценкой «Великолепно с похвалой» (*Magna cum laude*). Шпайдель старался оставаться ученым в униформе и был знаком с известными современниками из мира искусства и культуры.

Как минимум с момента своего перевода во Францию Шпайдель был близок к Сопротивлению и настойчиво привлекал к нему Роммеля. После войны это дало ревизионистским кругам [48] повод утверждать, что он саботировал оборону против вторжения союзников. Однако куда тяжелее оказалось утверждение Дэвида Ирвинга, сделанное в его вышедшей в 1977 году биографии Роммеля, будто Шпайдель после провала заговора 20 июля 1944 года на допросах в гестапо выдал фельдмаршала «под нож». Сам Шпайдель при жизни молчал об истинных обстоятельствах этих допросов. [49] В 1946 году он поклялся «сделать из Роммеля героя всего немецкого народа». [50] Клятва Шпайделя оказалась медвежьей услугой, поскольку представленная им гладкая картина пути Роммеля в Сопротивление подменяет реальную историю обращения этого человека.

14 апреля 1944 года, за день до прибытия Шпайделя в штаб-квартиру Роммеля в Ларош-Гюйон [51] во Фройденштадте, в Вюртемберге состоялся праздничный прием в честь вручения ему Гитлером Рыцарского креста. Среди гостей был и Карл Штрелин, которого Шпайдель знал с Первой мировой войны. После праздника Штрелин рассказал о своей встрече с фельдмаршалом в феврале в Херрлингене.

Полное согласие. С Хансом Шпайделем (слева), май 1944 года

Штрелину было легко поведать о своих планах Шпайделю, который уже долгое время сомневался в режиме и Гитлере. Штрелин постоянно пытался устроить новую встречу между фельдмаршалом и фон Нейратом. [52] Так Шпайдель за день до того, как военная машина перевела его во Францию, получил задание окончательно склонить своего начальника к предложению Штрелина. Он не мог бы выбрать для своего замысла лучшего момента.

Долгий, мучительный путь Роммеля к Сопротивлению был отражением его переоценки военного положения и своих отношений с Гитлером. Уже летом 1942 года перед Эль-Аламейном Роммель начал сомневаться в окончательной победе. Бессмысленный приказ Гитлера держаться под Эль-Аламейном в ноябре того же года вызвал у Роммеля первое отчуждение от

своего прежнего кумира. В Италии в 1943 году и в начале своей работы во Франции Роммель был настроен пессимистично. Затем, в период между отпуском в конце февраля и приказом Гитлера от 7 апреля о разрешении «танкового спора» у фельдмаршала возникла ложная надежда, что удастся выиграть если не войну, то битву с силами вторжения. Но эту иллюзию ждало тотальное уничтожение.

Из внутренней связи Роммеля с Гитлером возникло состояние, которое писатель Эрнст Юнгер, служивший тогда в Париже командиром охранной роты, охарактеризовал как «любовь-ненависть». [53] Фельдмаршал был готов к перелому.

15 апреля Шпайдель прибыл в Ла-Рош-Гюйон. Роммель сердечно принял своего земляка. С самого начала между ними возникла

симпатия. В первый же вечер фельдмаршал пригласил Шпайделя для доверительного разговора в свой кабинет. Среди старинных искусно вытканых гобеленов стоял письменный стол эпохи Ренессанса, на котором в 1685 году военный министр Людовика XIV подписал отмену Нантского эдикта. У фельдмаршала будто спала повязка со рта, и он представил Шпайделю «в свойственной ему темпераментной манере» печальный обзор военного и политического положения страны. Шпайдель был потрясен, насколько далеко Роммель зашел в своей критике. С момента посещения Штрелина в феврале в нем происходили внутренние изменения, и Шпайдель мог удовлетворенно утверждать: «Мое первое обсуждение политических вопросов с Роммелем показало полное единодушие». [54]

Весть о присоединении Роммеля менее чем через 6 дней после приезда Шпайделя достигла Берлина, хотя и не дошла до генерал-полковника Бека. 22 апреля один из руководителей Сопротивления граф Ульрих Шверин фон Шваненфельд сообщил последнюю новость германскому атташе посольства в Лиссабоне Бото фон Вюсову перед его отъездом в Португалию. Роммель, популярный «наци-генерал», теперь «участвовал». [55]

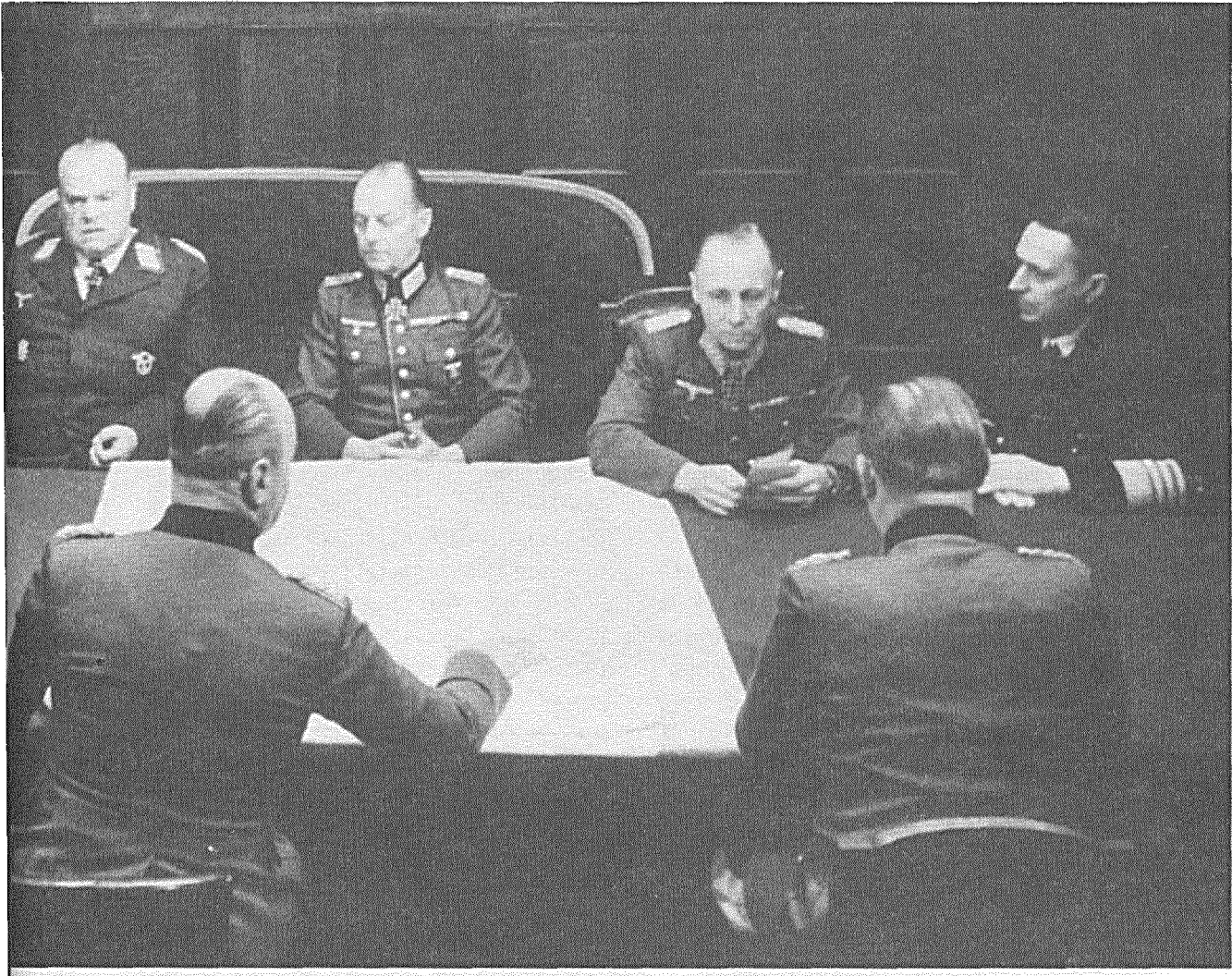
Это было все еще слишком оптимистичным заявлением. Роммель хотел лично попытаться воздействовать на Гитлера в духе предложения Штрелина с целью побудить его окончить войну. То, что этот план с самого начала был обречен на крушение из-за несговорчивости диктатора, Роммель должен был чувствовать — но всерьез еще не размышлял над альтернативой ему.

Тем больше были надежды, которые возлагались в Париже на прибывшего Шпайделя. Здесь в узкий круг заговорщиков входил военный командующий во Франции генерал-лейтенант Карл-Генрих фон Штюльпнагель, который через своего адъютанта доктора Цезаря фон Хофаккера, двоюродного брата фон Штауфенберга, вошел в прямой контакт с военным Сопротивлением в Берлине и на Восточном фрон-

те. На парижскую группу возлагалась немалая роль в будущем перевороте. После успешного покушения на Гитлера вооруженные силы на Западе должны были обеспечить союзным войскам высадку и вступление в оккупированные области.

Военный аспект этого плана ставил «загадку Роммеля», [56] как иронически именовали фельдмаршала заговорщики, в центр внимания. Никто не мог предсказать, какую позицию он в действительности занимает и как себя поведет. Было ясно только одно: без Роммеля ничего не выйдет. Шпайдель должен был оказать влияние

Без Роммеля не получится. Встреча у командующего в Париже, 6 мая 1944 года.
Слева направо: Гейр фон Швеппенбург, Бласковиц, Шперрле, Рундштедт, Роммель, Кранке

на Роммеля и любой ценой перетянуть его на сторону парижской группы Сопротивления. [57]

Находившийся в Париже правительственный советник доктор Макс Хорст, женатый на сестре жены Шпайделя, благодаря своим личным связям с новым начальником штаба Роммеля казался наиболее подходящим для контакта. Хорст, которого считали достойным доверия, был посвящен в заговор сам и готов был информировать Шпайделя о планах парижской группы Сопротивления.

В начале мая в отеле «Рафаэль» в Париже состоялась с напряжением ожидавшая встре-

ча. По словам Хорста, «Шпайдель воспринял сообщение о движении и планах переворота с глубоким удивлением и волнением и сразу согласился с заданием». [58] В последующие недели Шпайдель давил на все рычаги, чтобы привлечь Роммеля к планам парижской группы Сопротивления.

12 мая генерал-квартирмейстер Генерального штаба ОКХ генерал артиллерии Эдуард Вагнер посетил Роммеля в Ла-Рош-Гюйон, дабы обсудить с ним ряд насущных вопросов снабжения на Западе. Вагнер находился в тесном контакте с Сопротивлением; как и Шпайдель,

он воспользовался возможностью сообщить Роммелю об активных силах Сопротивления в Главном командовании сухопутных войск, «календарных» приготовлениях к восстанию, и прежде всего о прежних попытках покушения на Гитлера. [59] Реакция Роммеля была однозначной. Он категорически отклонил покушение. Шпайдель писал позднее, что Роммель излагал аргументацию Герделера и говорил, что «не хочет делать Гитлера мучеником». [60] Более вероятно, что такая мера, как убийство главы государства и верховного главнокомандующего вооруженными силами находилась для Роммеля в тот момент за пределами представлений о допустимом. Тем не менее, он выслушал Вагнера и сохранил в тайне его откровения. Начало было положено.

Через 3 дня после встречи с Вагнером, 15 мая, Роммель встретился с главой заговора на Западе генералом фон Штюльпнагелем. Повод был избран невинный — крещение сына полковника Карла-Рихарда Коссмана в его доме в Марей-Марли в предместье Парижа. Роммель и Штюльпнагель были крестными. Коссман, сам принадлежавший к кругу парижских заговорщиков, организовал после торжественной части встречу двух генералов с глазу на глаз. [61] Штюльпнагель вновь изложил свои аргументы и планы военной оппозиции. Хотя содержание разговора до нас не дошло, можно предположить, что позиция Роммеля не изменилась.

Как бы в подтверждение своей позиции, на Троицу Роммель послал своего начальника штаба на родину, чтобы встретиться со Штрелином и фон Нейратом. В доме Шпайделя во Фройденштадте 28—29 мая состоялось долгое обсуждение, в результате которого заговорщики пришли к решению обязательно действовать еще до грозящего вторжения. Хотя это и было правильно, но готовность и возможности Роммеля переоценивались. Более решительно и совершенно в духе Шпайделя звучало указание Штрелина на «центральную проблему личности Адольфа Гитлера... с которым за граница не пойдет ни на какие политические соглашения.

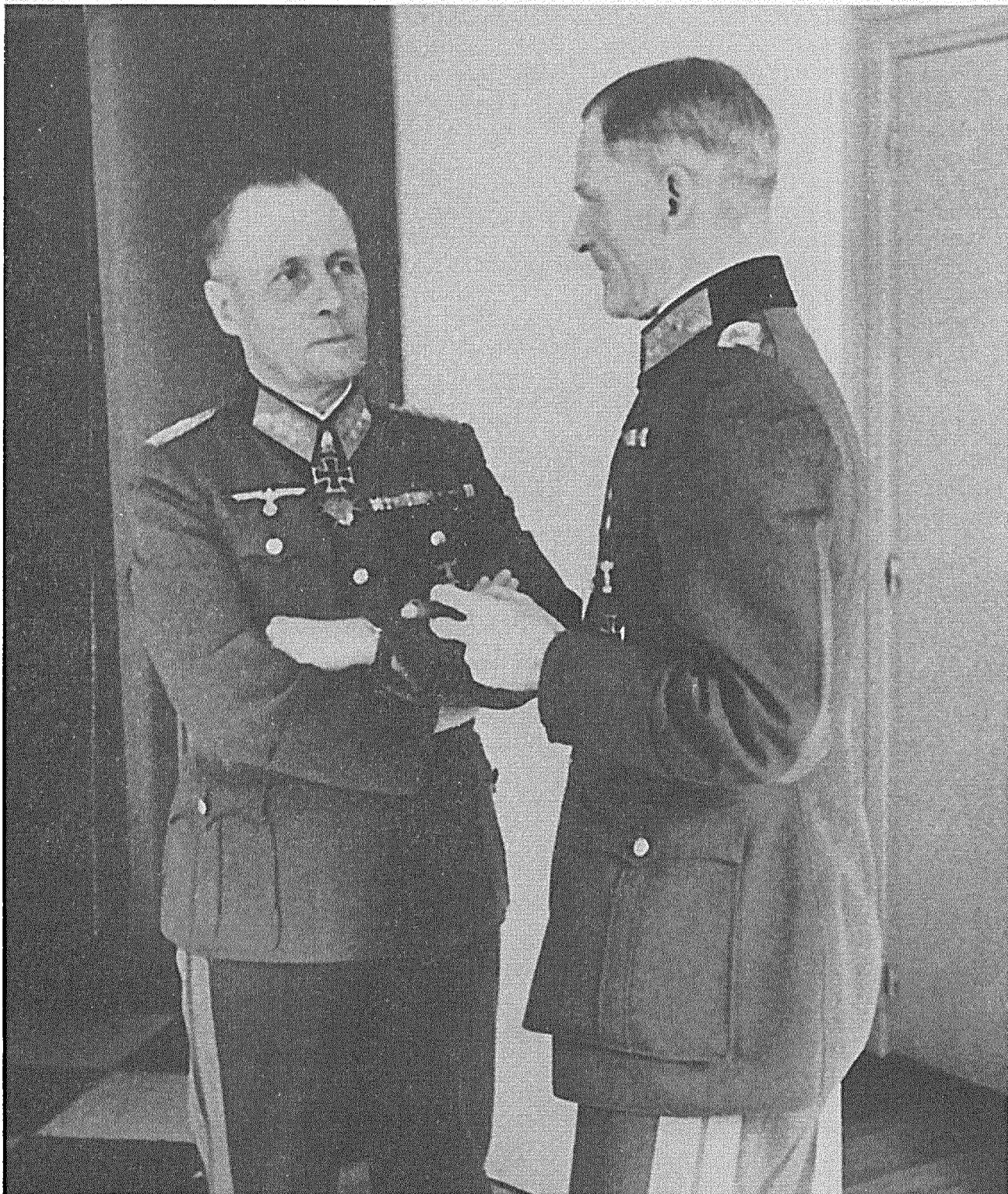
Только его устранение [в смысле ареста] делает возможным новую творческую политику». [62] Нейрат составил исчерпывающую памятную записку, в которой ярко описал внешнеполитическую изоляцию Германии. Роммель после возвращения Шпайделя как будто был убежден и просил передать Штрелину и фон Нейрату, что «готов ко всякому делу без всяких личных амбиций».

3 июля Роммель просил штаб-квартиру фюрера назначить ему время аудиенции у Гитлера. [63] В дневнике ставки Гитлера утверждается: «Прежде всего он [Роммель] предполагает лично разговаривать с фюрером в Оберзальцберге и доложить ему о различии между нами и противником в людских и материальных ресурсах в случае высадки». [64] Решился ли наконец Роммель, подстегнутый Штрелином и фон Нейратом, еще до вторжения объяснить диктатору бессмысленность войны и принудить его к переговорам? В дневниковой записи Роммель обосновывал свой шаг необходимостью «просить о выделении еще 2 танковых дивизий, 1 корпуса зенитной артиллерии и 1 бригады реактивных минометов».

Во всяком случае окружение Роммеля начало догадываться о том, что оставалось в тайне. Во время прогулки его офицер для поручений капитан Ланг, рассуждая о действиях прусского генерала времен наполеоновских войн, который в тайне от своего короля вступил в сговор с противником, открыто сказал: «Господин фельдмаршал, говорят, что вы скоро должны будете взять на себя роль Йорка!» [65]

Роммель испугался и сказал своему адъютанту по-швабски: «Ланг, заткнитесь! Это недопустимая болтовня!» [66]

Роммель хотел также использовать запланированную поездку, чтобы наконец вновь увидеть семью и порадовать жену, у которой 6 июня был день рождения. Время казалось подходящим, поскольку адмирал Руге обещал, что «условия в ближайшие дни очень неблагоприятны и не позволяют провести воздушную разведку каких-либо пунктов для непосредственно предстоящей высадки». [67] В 18 часов 4 июля Ром-

Позиция не изменилась. Со Штюльпнагелем. Марей-Марли, 15 мая 1944 года

мель выехал из Ла-Рош-Гюйон в Херрлинген. На следующий день было по телефону подтверждено назначенное на 8 июня время аудиенции в штаб-квартире фюрера. [68] Роммель провел понедельник в кругу семьи. В 7 часов утра [69] 6 июня 1944 года Роммель принял ванну, побрился и вышел в столовую в своем красном халате. На столе были любовно собраны подарки для жены на день рождения — пара изящных парижских туфель. То, что в итоге они не подошли Люси, оказалось в это утро самой мелкой проблемой.

В 7:30 в гостиной зазвонил телефон. Служанка подняла трубку и крикнула: «Господина фельдмаршала требуют к телефону». [70] На другом конце провода взволнованный Шпайдель докладывал, что ночью союзники высадили в Нормандии парашютный и планерный десант. С 5:30

вражеские корабли открыли артиллерийский огонь по германским береговым батареям. Еще через час войска союзников под прикрытием дымовой завесы высадились на побережье Кальвадоса и на полуострове Котантен.

Пока еще не было ясности, был это «широкомасштабный отвлекающий маневр» или «основная высадка». [71] Шпайдель обещал держать шефа в курсе всех изменений в обстановке. В дневниковой записи Роммель утверждал: «Идет ли речь о начале вторжения, еще неясно». [72] Неспokoйный Роммель каждую минуту ждал новостей. Около 10 часов он сам подошел к телефону, чтобы вызвать Ла-Рош-Гюйон.

Сомнений больше не было — вторжение началось. Роммель решил тотчас возвращаться во Францию. В 11 часов он вновь был в пути и с максимальной скоростью мчался на Запад.

Пара изящной парижской обуви. Херрлинген, 5 июня 1944 года

Готов к любым действиям. Июнь 1944 года

Часть девятая

МАГНЕТИЗМ

Личность генерала Эриха Маркса одиноко проступает из темноты истории. [1] Командир размещенного в Нормандии 84-го армейского корпуса предугадал место вторжения точнее, чем кто-либо другой. Уже в феврале 1944 года, во время командно-штабных учений в присутствии Роммеля, Маркс, который потерял ногу в России, прихрамывая, подошел к ломберному столу и постучал рукой по карте, указывая на Нормандию. Именно здесь, пророчески предрек он, должно было произойти вторжение.

Никто не обратил внимания на его слова. Ни Роммель, который к этому времени ожидал вторжения в Па-де-Кале, [2] ни кто-либо другой из штабных офицеров высокого ранга. Уже 12 мая 1944 года Маркс писал своей жене: «Я предчувствую, что что-то серьезное случится в районе моего дня рождения». [3] А ведь Маркс родился 6 июня! За четыре дня до своего дня рождения, в пятницу 2 июня 1944 года он с суховатым юмором иронизировал: *«Насколько я знаю англичан, в ближайшее воскресенье они еще раз сходят в церковь и придут сюда в понедельник. После вторника благоприятного прилива уже не будет... и хотя в штабе армии убеждены, что они явятся в Кале... мы сможем поприветствовать их здесь в понедельник»*. [4]

Действительно, Би-Би-Си еще с начала июня ежедневно передавала первые две строки из стихотворения французского поэта Поля Верлена: *«Les sanglots longs — violons de l'automne»*²⁶. Не-

мецкая разведка знала, что это был сигнал для французского движения Сопротивления с сообщением о предстоящем вторжении. Если две следующих строки четверостишия последовали бы в течение следующих 14 дней, то следовало ожидать вторжения на протяжении ближайших 48 часов. Однако, поскольку с января по май было перехвачено около двадцати таких «сигналов ко вторжению», немецкое командование едва ли придавало им большое значение.

Кроме того, метеорологи армии и флота на Западе, а также метеостанция в Па-де-Кале на 6 июня прогнозировали густую низкую облачность, видимость от 300 до 500 м, ветер силой 5–6 метров в секунду и волнение на море от 4 до 5 баллов. Эти условия исключали проведение крупной десантной операции с соответствующей авиационной поддержкой. Войска на побережье находились в состоянии обычной боевой готовности. Не в последнюю очередь именно поэтому Роммель решил использовать эти дни для поездки в ставку фюрера и к родственникам. [5]

Штаб главнокомандующего вооруженными силами союзников Дуайта Д. Эйзенхауэра погода приводила в полное отчаяние. Как писал сам Эйзенхауэр в своих мемуарах, 5 июня в 3:30 *«на наш маленький лагерь обрушился шторм, обладавший силой урагана, а одновременно хлынул проливной дождь, который больше напоминал сплошную стену воды. Даже километровая поездка по бурлящим улицам до штаб-квартиры частей ВМФ была настоящим приключени-*

²⁶ «Долгие рыдания — скрипки осени». (Прим. ред.)

ем, и в таких условиях было просто бессмысленно обсуждать какие-либо другие планы». [6] В Саутвик-Парке, ставке главнокомандующего военно-морскими силами союзников, генерал был поражен сенсационным сообщением английской метеослужбы: с запада, в среде бушующих циклонов движется небольшой антициклон, сулящий примерно 36 часов улучшения погоды на 6 и 7 июня. [7] Генерал Эйзенхауэр почувствовал свой шанс войти в историю. 5 июня в 4:15 утра он отдал окончательный приказ: вторжение должно было состояться следующей ночью. [8]

3 часами позже телефонный звонок разбудил немецкого военного корреспондента в Париже доктора Вильгельма Риттера фон Шрамма. На другом конце линии был, очевидно, в превосходном настроении, начальник штаба Роммеля Ганс Шпайдель, который пригласил фон Шрамма на вечер в Ла-Рош-Гуйон: «Старик отсутствует, — сказал Шпайдель, — и я пригласил еще Эрнста Юнгера и пару друзей». [9] Это была привычная компания, из тех, что часто собирались за столом Шпайделя, в его комнате в старой замковой башне, выстроенной еще во времена норманнов. После ужина хозяин удалился от гостей с Эрнстом Юнгером, Вильгельмом фон Шраммом и доктором Максом Хорстом. Секретное совещание касалось «мирных шагов» Юнгера, и фон Шрамм позже упомянул, что был удивлен, впервые услышав намеки на предстоящее свержение режима. [10] В разгар беседы Шпайделя неожиданно позвали к телефону. [11]

Около 21:15 отдел разведки штаба 15-й армии перехватил следующее сообщение: «*Blessent ton coeur — d'une langueur monotone*»²⁷. Третью и четвертую строку первой строфы стихотворения Верлена.

Это означало начало вторжения. Генерал-полковник фон Зальмут отдал предварительные распоряжения своей 15-й армии, которая располагалась неподалеку от Па-де-Кале, и сразу проинформировал штабы командующего на

Западе и командующего группой армий «Б». Шпайдель немного растерялся [12] и приказал послать в Париж запрос, как нужно реагировать. В штабе Рундштедта на запрос отреагировали прохладно — учитывая предыдущий опыт работы с подобными «сигналами вторжения». Подчиненные подразделения было приказано уведомить в служебном порядке. Шпайдель получил указание ждать. Командующий 7-й армией генерал-полковник Дольман, чьи войска находились в глубоком тылу в Нормандии, вообще ни о чем не узнал.

Успокоенный Шпайдель вернулся к гостям. Лишь около полуночи компания разошлась, и участники встречи отправились назад в Париж. В то же самое время первые самолеты взлетали со своих баз в Англии. Еще через полчаса воздушный десант союзников на парашютах и грузовых планерах высадился на французскую землю на восточном берегу полуострова Котантен и к востоку от Каэна около Довилля. Вторжение началось.

Около 1:35 Шпайделя снова разбудили. [13] Тем временем 7-я армия и 84-й армейский корпус генерала Маркса из-за воздушного десанта были приведены в полную боевую готовность. Существовала вероятность, что все происходящее — обманный маневр союзников, имеющий целью скрыть настоящее время и место высадки. И в самом деле, чтобы запутать немцев, соломенные куклы были сброшены на различных участках Нормандии, кое-где — в сопровождении залпов сигнальных ракет. [14] Поэтому около 2:15 Шпайдель пребывал в твердом убеждении, «что речь не идет о значительной военной операции». [15] Эту оценку разделяли и в штабе Рундштедта. В 3:00 военная авиация союзников начала грандиозную бомбардировку укреплений на побережье, и вскоре после этого первые десантные катера были обнаружены Западной группой ВМФ близ побережья Кальвадоса.

Около 5:00 ни у кого не осталось никаких сомнений в том, что к восточному побережью Нормандии приближаются огромные силы. Вскоре после этого начался обстрел немецких

²⁷ «Ранят мое сердце истомой монотонной». (Прим. ред.)

Обманный маневр. Флот союзников перед высадкой на побережье Нормандии, 6 июня 1944 года

позиций на побережье корабельной артиллерией союзников. В 6:30 первые британские и американские солдаты под командованием старого противника Роммеля в Африке, генерала Бернарда Лоу Монтгомери, высадились на берегу возле Кальвадоса и на полуострове Котантен. Через час Шпайдель проинформировал о событиях ночи своего начальника в Херрлингене. [16]

Без пяти минут десять немецкая радиоразведка перехватила транслируемую Би-Би-Си речь Эйзенхауэра, обращенную к «солдатам, матросам и летчикам союзных вооруженных сил». В драматических выражениях главнокомандующий объявлял о начале вторжения: *«Теперь вы отправляетесь в большой крестовый поход, к которому мы готовились многие месяцы. Глаза мира смотрят на вас; надежды и молитвы свободолюбивых людей всего мира сопровождают вас. Вместе с нашими смелыми союзниками на всех фронтах вы сокрушите немецкую военную машину, неся свободному*

миру избавление от тирании нацистов, ради освобождения всех угнетенных народов и спокойствия для всех нас... Удачи вам всем и молитте у всемогущего Господа благословения ради успеха этого большого и благородного дела». [17]

Часом позже, когда Роммель с большой поспешностью уже отправился из Херрлингена во Францию, в немецких штабах все еще царила полная неясность. Рундштедт в своем рапорте об оценке обстановки в 11:00 по-прежнему сообщал в ставку фюрера, что «до сих пор нет точных сведений о том, существует ли на самом деле угроза нападения, или имеет место отвлекающий маневр». [18]

В итоге Гитлер и Главное командование вермахта в Берхтесгадене остановились на той версии, согласно которой, несмотря на тревожные сообщения флота и авиации, направление удара главных сил противника оставалось пока неизвестным. Одна из созданных Гитлером легенд звучала так: его в день вторжения разбудили слишком поздно, чтобы

Все еще нет окончательной ясности. Американские подразделения в Нормандии, 6 июня 1944 года

можно было во что-то вмешаться и что-то изменить. На самом деле диктатор, проснувшись в 11:00, был немедленно уведомлен о высадке. «С абсолютно непринужденной улыбкой, — вспоминал заместитель начальника главного штаба вермахта Вальтер Варлимонт, — с видом человека, которому представился наконец долгожданный случай поквитаться с противником», [19] Гитлер на первом оперативном совещании того дня подошел к столу с картами и объявил на своем австрийском диалекте: «Итак, это произошло». [20]

Полностью доверяя своей интуиции, Гитлер ожидал теперь вторую операцию по высадке союзных войск. Эта целиком ошибочная оценка ситуации (которую, впрочем, еще долго разделяли Рундштедт и Роммель) вела к распылению сил [21] — после 6 июня немецкие войска на берегу Па-де-Кале, в южной Франции и в Нидерландах еще неделю ждали мнимого второго вторжения, вместо того, чтобы сразу же быть направлены в бой туда, где это было необ-

ходимо. На побережье Нормандии также царил неразбериха. Единственным находившимся здесь подвижным соединением была 21-я танковая дивизия, дислоцированная в 30 км к юго-востоку от Кана. Но ни в штабе дивизии, ни в штабе Роммеля никто не знал, куда какие части следует направить. Более того, в первой половине дня штабы 7-й армии и 84-го армейского корпуса также вмешивались в оперативное руководство. Столкновение компетенций привело к тому, что 21-я танковая дивизия к концу второй половины дня все еще не вступила в сражение.

Слишком много времени военное руководство во Франции и в ставке фюрера провело в тот день в ожидании и в разбирательствах. [22] Драгоценное время утекало сквозь пальцы, пока фельдмаршал фон Рундштедт во второй половине дня наконец-то не осознал всю серьезность положения и не потребовал около двух часов дня от ставки фюрера резервов. Начальник штаба Роммеля Шпайдель в Ла-Рош-

«Итак, это произошло». Гитлер после вторжения. Клессхайм, 6 июня 1944 года

Гюйон метался по коридорам, изрыгая проклятья, [23] однако инициатива уже была упущена.

Около 16:55 Роммель позвонил из Реймса, тревожно интересуясь положением вещей. [24] Ситуация сложилась драматическая. Союзники проломили Атлантический вал и организовали несколько плацдармов на берегу; 5 дивизий уже высадились на сушу, 3 ожидали высадки на воде.

Роммель нетерпеливо запрашивал: «Как готовится наша собственная контратака?» Шпайдель отвечал, что 21-я танковая дивизия ожидает подкрепления. Роммель оглушительно рявкнул в трубку: «Отправляйте дивизию в бой немедленно! Забудьте о подкреплении!» [25]

Даже если Роммель никогда не говорил об этом, его отсутствие в первый день вторжения представляет собой, пожалуй, самый горький момент его военной карьеры. Только «немедленное вмешательство и решительные действия согласно первоначальной концепции Роммеля, — писал военный историк Дитер Озе в своей работе, посвященной вторжению, — принесли бы успех». [26] Но дирижер отсутствовал при увертюре. [27] Когда Роммель наконец около 21:30 прибыл в Ла-Рош-Гюйон, он выглядел, по утверждению адмирала Руге, довольным тем, что все действия совершались быстро и целесообразно. Но то, что происходило 6 июня, на самом деле имело с «быстротой и целесообразностью» [28] очень мало общего —

Предельная ясность. Британские подразделения высаживаются в Нормандии, 6 июня 1944 года

«Вымолить у Господа благословение на это предприятие». Омаха-Бич, 7 июня 1944 года

скорее, все обстояло как раз наоборот. Роммель должен был понять, что всего лишь пожинает плоды собственной многомесячной работы.

Последствия не заставили себя долго ждать. 11 июня американцам и британцам удалось связать части вторжения «Юта», «Омаха», «Голд», «Джуно» и «Суорд». Теперь союзники обладали единым плацдармом длиной приблизительно 100 км и глубиной в 10–15 км. Несмотря на тяжелые потери и смелое сопротивление немецких солдат, факт больше нельзя было игнорировать: вторжение союзников удалось.

Встревоженный и подавленный, Роммель в тот же день посетил в Сен-Жермене главнокомандующего на Западе Герда фон Руншtedта. В беседе с глазу на глаз оба фельдмаршала договорились, что открыто расскажут Гитлеру о безнадежной ситуации. Скоро, говорил Руншtedт, может возникнуть положение, при котором появится нужда в «весьма принципиальных решениях». [29] Что он имел в виду, стало понятно из действий Ганса Шпайделя, который в тот же день встретился с начальни-

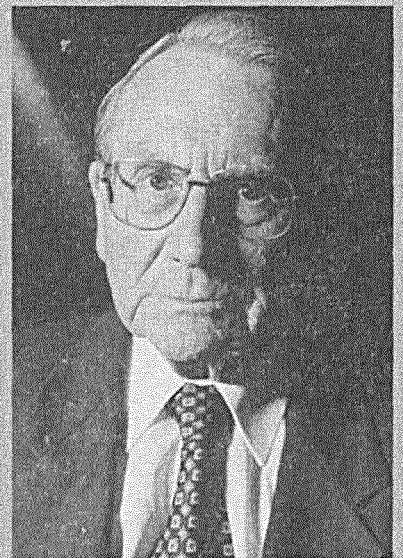
ком штаба Руншtedта генерал-лейтенантом Гюнтером Блюментриттом. В то время как Роммель еще сидел с Руншtedтом, Шпайдель уже находился в кабинете Блюментритта и говорил ему словно бы от имени Роммеля: «Настало время сказать фюреру, что мы не можем больше вести эту войну». [30] Требовалось искать «взаимопонимание» с союзниками на Западе, [31] чтобы продолжать войну на Востоке.

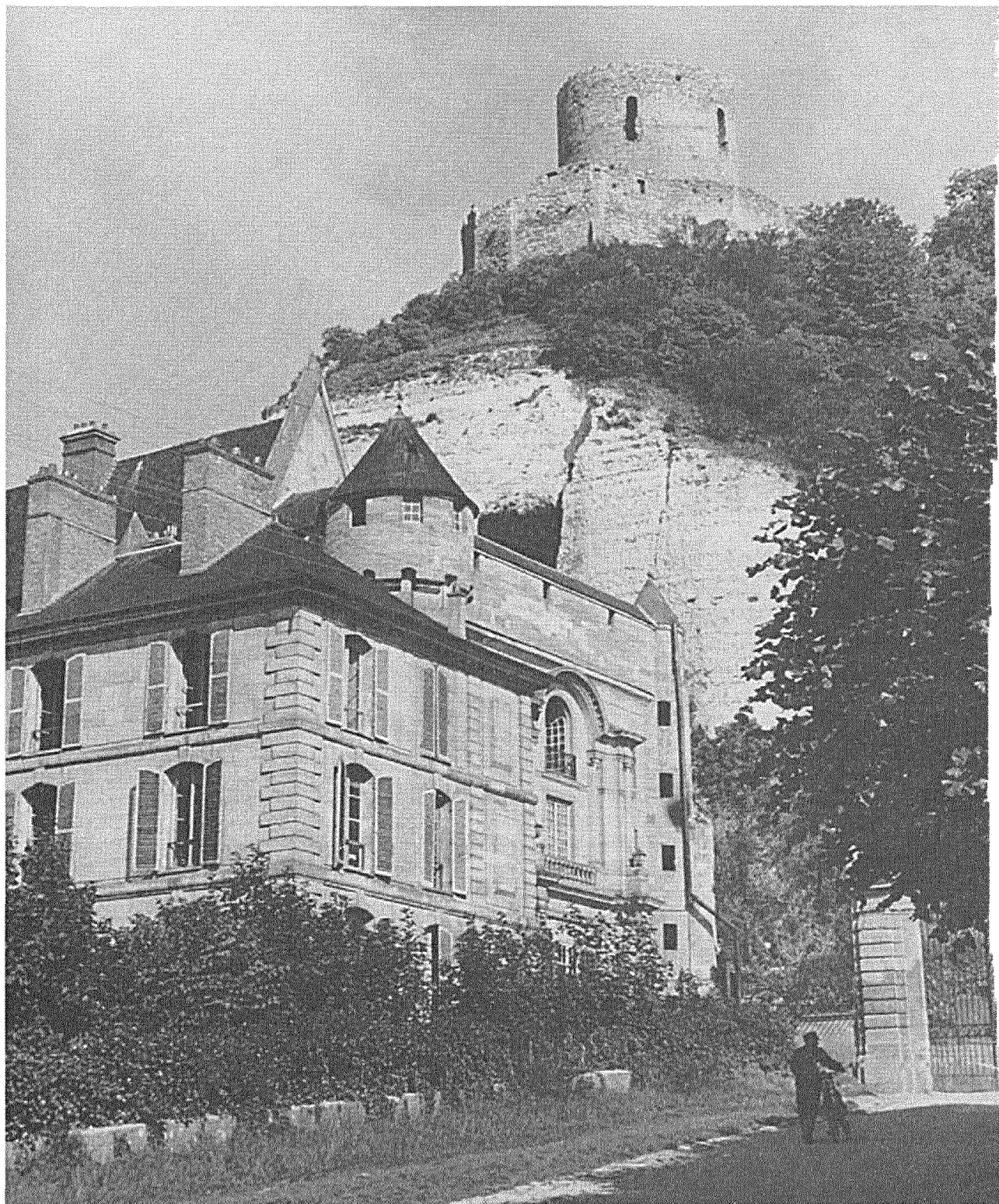
Удивленный Блюментритт из этой беседы впервые узнал, что «в государстве есть группа людей, о которых фюреру не следовало бы знать». [32] Их имена: Бек, фон Витцлебер и Герделер. Шпайдель также упомянул о своей поездке на Троицу к Штрелину и Нейрату. В конце своей речи он таинственно намекнул, что «в самом крайнем случае Гитлера нужно принудить к действиям, если он не согласится на них добровольно». [33] Однако о покушении на убийство Гитлера, писал Блюментритт позже, речи не шло. [34] Для Блюментритта это лежало дальше пределов его воображения.

Гейнц Гудериан, офицер во Франции:

«Вторжение началось так быстро, что мы даже не могли отреагировать с необходимой скоростью, потому что не знали, с какими силами враг, собственно, прибыл. Это удалось выяснить лишь постепенно. Мы сидели к северу от Сены, в резерве, более или менее прикрыто, а затем на следующий день от Роммеля пришло сообщение о высадке. Мы ждали вторжения сверху, но не на побережье, в то время как он общал: «Высадка уже началась. И она идет на побережье!»

Замок Ла-Рош-Гуйон

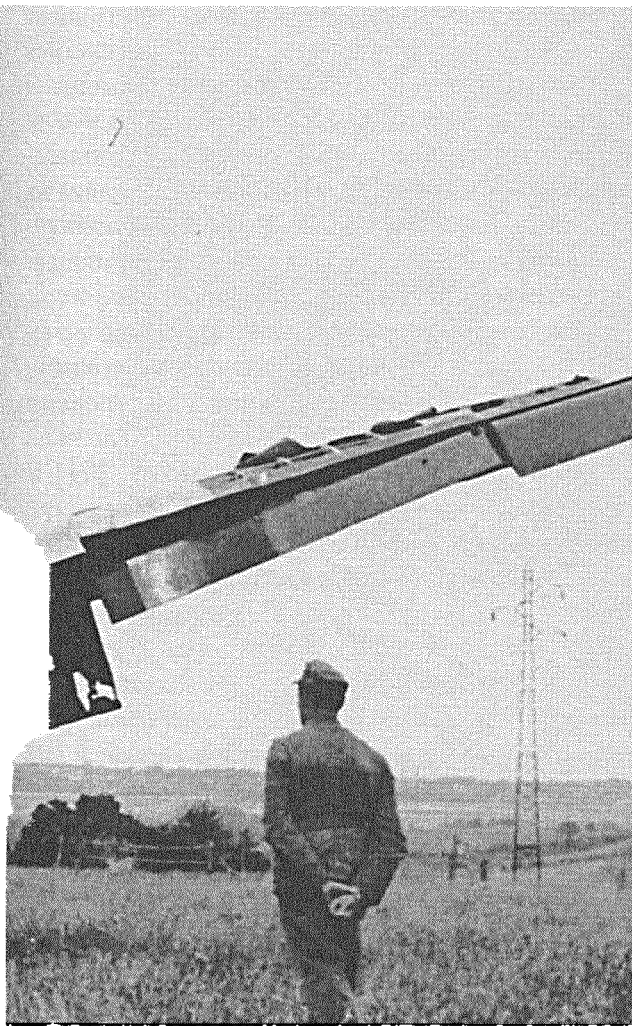
Весомый аргумент — «спаржа Роммеля». Разорванная несущая поверхность крыла планера союзников.
Нормандия, июнь 1944 года

Во второй половине дня 11 июня во время двухчасовой прогулки лесами вокруг замка Ла-Рош-Гюйон Роммель еще раз вернулся мыслями к словам адмирала Руге. Позже он напишет: *«Лучшее решение в нынешнем положении — закончить войну, пока еще есть что обсуждать и с чем разбираться»*. [35]

Теперь Роммель усиленно размышлял над «западным решением», которое занимало его еще в Италии. Увы, как писал Роммель в своих заметках, *«Гитлер не хочет вести переговоры. Это не устраивает его, он желает бороться до последнего дома. Фюрер неоднократно говорил*

об этом, он даже не имеет представления, как это должно быть на деле, однако он будет твердо стоять на своем». [36]

Роммель не хотел больше цепляться за такие надежды. 13 июня он писал домой: *«Вчера я послал сообщение фюреру. Рундштедт сделал то же самое. Это время, когда политика вступает в игру»*. [37] Двумя днями позже он еще более открыто написал жене: *«Мы заходим слишком далеко. Я не могу позволить себе упасть духом, даже если нашим надеждам суждено пойти прахом. Ты, конечно, можешь представить себе, какие тяжелые решения нам суждено при-*

нимать, и, конечно, еще помнишь о нашей ноябрьской беседе 1942 года...» [38] Предчувствия Роммеля, которыми он поделился с женой в поезде во время путешествия в Рим после горького поражения под Эль-Аламейном, стали действительностью.

В то время как Роммель в Ла-Рош-Гюйон все еще обсуждал детали отражения союзников, Цезарь фон Хофаккер отправился из Парижа в Берлин, чтобы обсудить с заговорщиками в Берлине план дальнейших действий. Он больше не тешил себя никакими надеждами. Ни «бедный мир», ни «перемирие» уже не пред-

ставлялись чем-то вероятным. Речь шла «только лишь о том, чтобы оформить неизбежное поражение настолько комфортно, насколько это только возможно, и политически завершить проигранную на фронте войну». [39]

Теперь даже Штауффенберг приходил к мысли о конкретном смысле запланированного покушения, о его «практической политической цели». [40] Это был хороший момент для заговорщиков. Друг Штауффенберга, Хеннинг фон Тресков, оформил общую идею в решительные слова: «Покушение на Гитлера должно произойти, coûte que coûte [любой ценой]. Если оно будет безуспешным, то в Берлине хотя бы пойдут на уступки. Главное — не достигнуть какой-то практической цели, а показать, что немецкие борцы за свободу решились на последний шаг перед миром и перед историей. Рядом с этим все другое не имеет никакого значения». [41]

16 июня Гитлер уступил уговорам Рундштедта и Роммеля и прилетел во Францию. Место встречи с фельдмаршалами была новая, недавно выстроенная ставка фюрера «Волчье логово II» в Маргивале близ Суассона, которую Гитлер посетил в первый и единственный раз. Роммель и Рундштедт прибыли в сопровождении начальников своих штабов на следующее утро около 9:00. [42] Гитлер в одиночестве сидел на табуретке перед столом для карт, бледный и уставший. Его руки нервно играли с очками и несколькими цветными карандашами, в то время как Рундштедт докладывал о прошедших десяти днях с начала вторжения. вывод Рундштедта был однозначен: с имеющимися силами выбить из Франции противника невозможно. Главнокомандующий на Западе требовал выровнять фронт на нескольких участках и гибким боевым руководством спасти то, что еще можно было спасти.

Но Гитлер прибыл не для того, чтобы обсуждать отход. Он непреклонно повторял свой дежурный рецепт последних лет: «Мы не будем хитрить, увиливать и отступать, если необходимо стоять до последнего, держать строй или умирать с достоинством». [43] В бесконечном монологе он уговаривал фельдмаршалов не сво-

рачивать с заданного курса. Посреди беседы он продиктовал представителю министерства печати несколько строк об «оружии возмездия V-1». [44] Накануне долгожданные беспилотные ракетные снаряды были впервые направлены против Лондона. Более 70 бомб нашли свою цель и стали причиной опустошительных разрушений в центре столицы английской метрополии.

После короткого полудника, состоявшего из тарелки риса с овощами, во время которого Гитлер, к удивлению гостей, принимал пилюли и выпил разноцветные микстуры [45] из нескольких ликерных рюмок, обсуждение из-за опасности воздушного налета союзников продолжилось в помещении бункера противовоздушной обороны. Здесь, в самом тесном кругу, Роммель и Рундштедт перевели дыхание и предложили политическое решение в смысле переговоров с Западом. [47] Гитлер отреагировал уклончиво. Перемирие не было бы воспринято «западными союзниками. Уничтожение Германии уже предreshено договорами. Узнай об этом немецкий народ, начнется фанатичное сопротивление». [47]

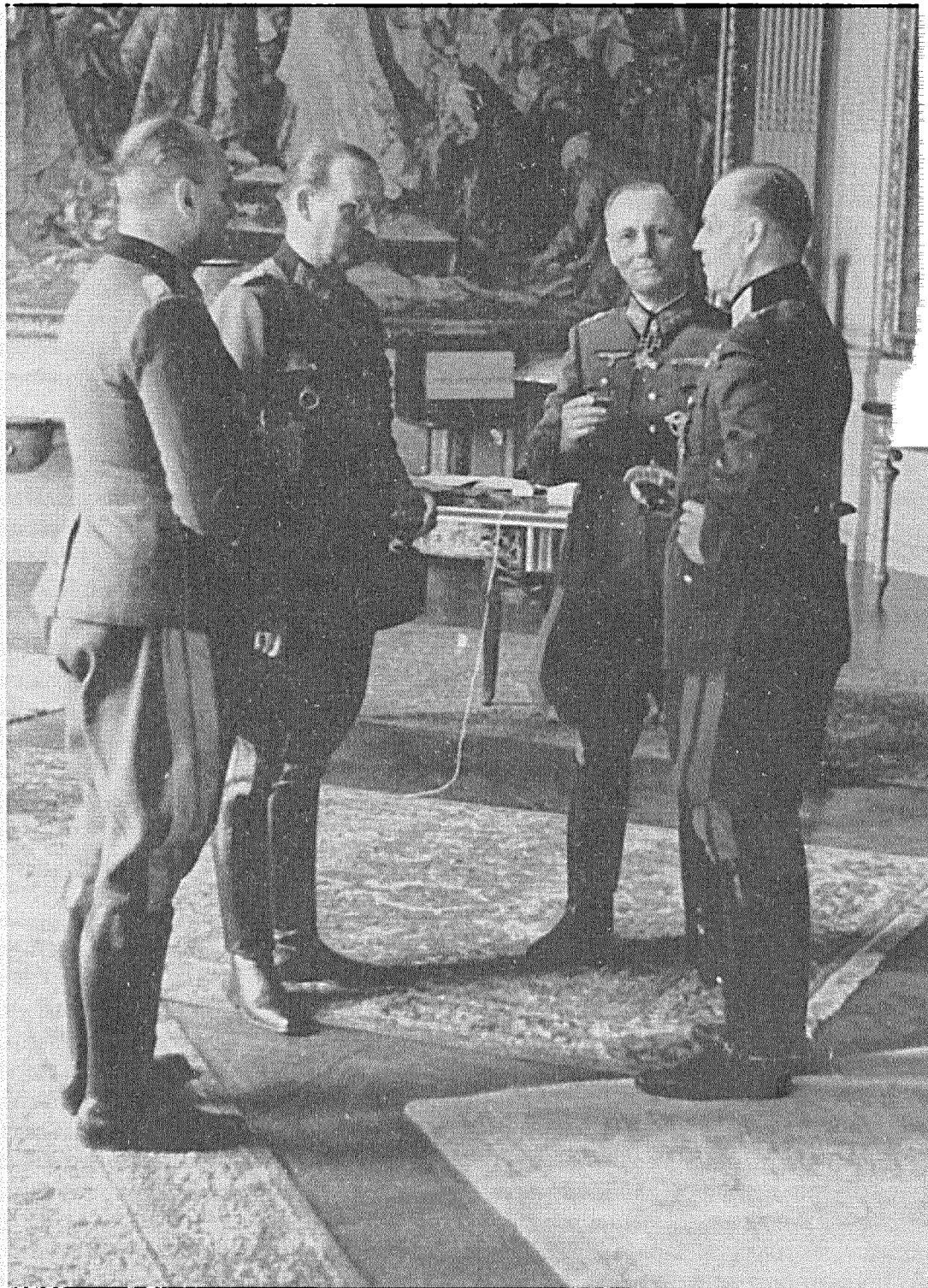
В конце встречи Роммель еще раз вернулся к теме разговора и спросил: «Мой фюрер, как вы, собственно, все же представляете себе продолжение этой войны?» Гитлер показался расстроенным и закончил беседу словами: «Это вопрос, который не относится к вашей компетенции. Вы должны позволить разбираться с этим делом мне». [48]

Вскоре после выступления фельдмаршалов ставку фюрера «Волчьего логова II» сотряс мощный взрыв. Один из снарядов «Фау-1» отклонился от курса и разорвался поблизости. С Гитлера было довольно. В спешке вернувшись в Берхтесгаден, он после прибытия в разговоре с Альбертом Шпеером недовольно сказал про своего прежнего любимца-генерала: «У Роммеля сдали нервы, он стал пессимистом. Сегодня только оптимисты могут чего-то достигнуть». [49] «После таких замечаний, — писал позже Шпеер, — было лишь вопросом времени, когда Роммеля освободят от обязанностей».

Сам Роммель еще не мог предвидеть даже тени тех черных туч, которые уже сгустились над ним. В последний раз он преисполнился — вопреки резкой отповеди при прощании — очарования диктатором. Наверное, и предполагаемый успех чудо-оружия «Фау-1» произвел на него сильное впечатление. Роммель «снова существует, — писал Руге в своем дневнике вечером 17 июня, — и он в хорошем настроении... Упоминает фюрера очень оптимистично и спокойно. Совсем иначе обсуждает положение». [50] Руге удивлялся переменам в настроении Роммеля и способностям Гитлера: «Он должен обладать настоящим магнетизмом». [51] В письме своей жене Роммель также уверенно писал на следующий день: «Вчера видел фюрера... Теперь гляжу в будущее гораздо менее озабоченно, чем неделю назад. Применение оружия „Фау“ стало большим подспорьем. Быстрый прорыв врага к Парижу едва ли возможен. Со снабжением больше нет никаких проблем. Фюрер очень любезен и находится в хорошем настроении. Он хорошо осознает серьезность положения». [52]

Личность Гитлера снова оказала свое магнетическое действие. Последний раз жар надежды вспыхнул в Роммеле. Однако уже на следующее утро он отмечает в дневнике: «Настроение уже не настолько хорошее, как раньше». [53] До 24 июня Роммель, который теперь ежедневно делал выезды на боевые позиции, еще сохранял определенную уверенность. Затем реальность снова настигла его. Сокрушенный впечатлениями от посещения 84-го корпуса северо-восточнее Сен-Ло, он около 23:00 вернулся назад в Ла-Рош-Гюйон. Руге пишет, что фельдмаршал «был очень серьезен, так как печаль понесла чрезвычайно большие потери. Материальное превосходство противника слишком велико».

На следующий день новый начальник штаба командования на Западе полковник Эбергарт Финк нанес визит в Ла-Рош-Гюйон с целью доклада о своем назначении. [54] Финк ценится за свои организаторские способности и был послан своим начальником, генералом

Война заканчивается. С Блюментриттом, Шпайделем (слева направо) и Рундшtedтом (крайний справа), Ла-Рош-Гюйон, 26 июня 1944 года

артиллерии Вагнером, чтобы хоть как-то урегулировать катастрофическое положение со снабжением во Франции. Финк, как и Вагнер, был участником заговора; полковник использовал представившийся случай, чтобы снова прозондировать позицию Роммеля.

Ответ Роммеля оставался неизменным. Он по-прежнему категорически отказывался от покушения на Гитлера. Согласно плану Шпайделя, Роммель должен был еще раз ехать «к Гитлеру, чтобы выдвинуть требование в ультимативной форме». [55] Что конкретно могло произойти в случае бесплодного ультиматума, Роммель к этой дате все еще не мог предвидеть. Но для него больше не существовало никаких сомнений в том, что на невидимых часах стрелки остановились за пять минут до полуночи.

«Вы не хотите видеть, что война проиграна», — жаловался Роммель адмиралу Руге [56] тем же самым вечером во время одной из прогулок по холму за замком. Здесь у Роммеля была любимая скамья между двух живописно раскинувшихся кедров, откуда открывался чудесный вид на долину Сены. В теплом свете заходящего солнца Роммель, сидя на скамье, предавался печальным мыслям. Теперь, охваченный сомнениями, он сам признавался, что Гитлер оказывает на свое непосредственное окружение какое-то магнитное действие. Руге записал слова Роммеля в своем дневнике: Гитлер является «чем-то вроде опьянения. Скоро последуют правильные выводы. Однако от решения он пока что уклоняется». [57] Роммель молча разглядывал живописный ландшафт и, наконец, подвел итог: «Ужасно видеть, как приближается конец».

К этому времени союзники уже перебросили на континент примерно 850 000 солдат и 154 000 транспортных средств. [58] Убийственному огню корабельной артиллерии и воздушным налетам союзников немецкие подразделения не могли противопоставить почти ничего. 150-километровым немецким фронтом время от времени было просто невозможно управлять. Как и предполагал Роммель, приблизительно

8000 союзных самолетов выбомбили все, что только могло представлять угрозу, оставив немецкой стороне обломки и руины. Горькую лепту внес и «хаос управления», который снова и снова вел к тому, что немногочисленные немецкие резервы распылялись еще сильнее. И над всем этим стояло роковое ожидание второго вторжения, которое намертво сковывало целую треть всех сил.

Было лишь вопросом времени, когда же союзники из своих укреплений в Нормандии нанесут сокрушительный удар в глубину Франции и дальше — в Германию. Подобно «натянутой почти до разрыва цепочке», — писал заместитель руководителя штаба оперативного руководства вермахта Вальтер Варлимонт, — немецкие силы окаймляли территорию, захваченную противником в Нормандии. О нападении и „разгроме“ речь уже не шла». [59] Немецкая стратегия окончательно сместилась в сторону обороны.

Чем серьезнее становилось положение, тем настойчивее Гитлер требовал закрепиться, удерживая «каждую полоску земли». [60] Особенно важен в тот момент был портовый город Шербур, который следовало отстоять любой ценой. Чтобы предотвратить угрозу падения города, диктатор потребовал безотлагательно начать контрнаступление. Однако руки Рундштедта и Роммеля были связаны. Недостаток в подразделениях, боеприпасах, бензине и танках делал сколь-нибудь значительную операцию невозможной. Оба фельдмаршала отказались выполнить приказ Гитлера. Когда Рундштедт 26 июня в ставке фюрера попросил разрешения на незначительное спрямление линии фронта, Гитлер сразу же отказал ему в достаточно резкой форме, еще сильнее укрепляясь в собственном недоверии. Его командующие на Западе не смирились — во второй половине дня дошло до открытого столкновения между руководителем Главного командования вермахта Кейтелем и Рундштедтом. В конце телефонного разговора Рундштедт рассерженно кричал в трубку: «Что вы должны делать? Вы должны покончить с войной, идиот!» [61]

Через 24 часа Рундштедт, Роммель, а также командующие силами Люфтваффе и флота во Франции были созваны на оперативное совещание. Гитлер применял свою обычную тактику, призванную еще до беседы ослабить упрямого подчиненного в собственных глазах: совещание было назначено на полдень. [62] В течение пяти часов командующие должны были ждать, пока их не соизволили пригласить в большой зал. Гитлер стоял за столом красного мрамора, на котором были разложены оперативные дежурные карты, и на этот раз в его намерения совершенно четко не входило позволить Рундштедту и Роммелю задать какие-либо неприятные вопросы. Диктатор как обыкновенно с оптимизмом выслушал абсолютно реалистичный доклад о безнадежном положении на Западе и никак не отреагировал на неоднократно прозвучавшие просьбы. [63] Не добившись своей цели, фельдмаршалы спустя 3 часа покинули Бергхоф и направились обратно во Францию.

26 июня 1944 года Роммель в последний раз видел Гитлера. Его впечатление о фюрере было окончательно разбито. Теперь уже ничто не могло заставить его свернуть с пути.

На следующее утро Роммель сидел за завтраком в Ла-Рош-Гуйон. Руге удивлялся, что на этот раз из Роммеля было почти невозможно вытащить хоть какие-нибудь подробности о визите в ставку фюрера. [64] Денщик Роммеля Рудольф Лоистль был очень удивлен, после возвращения из Берхтесгадена впервые услышав от шефа критику в адрес Гитлера: «Этот человек просто не существует. Можно говорить все, что только хочешь, он и глазом не моргнет — просто не станет слушать...» [65] Его восхищение, его благодарность и верность фюреру рассыпались под тяжестью сомнений.

1 июля 1944 года командующий немецкими войсками в Бельгии прибыл в Ла-Рош-Гуйон. Еще в марте генерал Александер фон Фалькенгаузен в Брюсселе безуспешно пытался получить согласие Роммеля для участия в заговоре. На этот раз Фалькенгаузен с облегчением обнаружил, что «фельдмаршал очень ре-

шителен». [66] Это не означало, что Роммель уже согласился с идеей покушения. Но он разделял мнение о том, что катастрофа должна быть предотвращена любой ценой.

В течение этих дней один из штабных офицеров встретился с Роммелем в маленьком лесу за замком. Подполковник Антон Штаубвассер ждал фельдмаршала ночью на его любимой скамье. Роммель подозвал его к себе и начал излагать свои мысли перед Штаубвассером: «Германия проиграла войну. Фюрер должен понимать этот неизбежный факт... Теперь настал час, когда фюрер должен отступить. Он привел немецкий народ к краю пропасти своей политической катастроф и постоянным вмешательством в руководство военными действиями. Теперь мы должны заключить мир. Каждый день, продолжающий эту войну, приводит к дальнейшему опустошению, к человеческим потерям, которые невозможно представить, и это самое настоящее преступление». [67] Роммель все еще делал ставку на союзников.

На следующий вечер адмирал Руге нашел фельдмаршала в большом зале замка. Недавно начался дождь, и Роммель молча смотрел на капли, оставлявшие дорожки на стеклах окон. Снова начался серьезный разговор. Роммель спрашивал сам себя, возможно ли «мирное решение вопроса с Россией или с англо-американцами». Руге отметил в дневнике: «Роммель за западный вариант [решения]. Однако для политических переговоров неплохо было бы иметь еще какой-нибудь козырь в руках. Фельдмаршал очень серьезен». [68] Было лишь вопросом времени — когда же Роммель, наконец, осознает, что необходимо действовать самостоятельно.

2 июля в Париж прибыл адъютант Гитлера, вручивший фельдмаршалу фон Рундштедту Рыцарский крест с Дубовыми листьями. Кроме того, в багаже курьер имел «сильно измятое» собственноручное письмо диктатора для Рундштедта, [69] в котором тот настоятельно рекомендовал адресату отставку по состоянию здоровья. Дни Рундштедта как командующего были сочтены. Преемник ждал его в Бергхофе уже во время оперативного совещания от 29

июня: Ганс Гюнтер фон Клюге. [70] 61-летний фельдмаршал, как и Роммель, был выходцем из буржуазии — его отец получил дворянство только в 1913 году — и считался одаренным военачальником. Честолюбивый и целеустремленный, генерал-фельдмаршал был для Гитлера «*persona gratissima*» [71] и пользовался неограниченным доверием диктатора. Хотя Клюге в 1942 году и находился в сложных отношениях с командующим группой армий «Центр» в России²⁸, его отношение к Гитлеру было трудноопределимым. Как «*тлеющий фитиль*», по словам Фабиана фон Шлабрендорфа, [72] который принадлежал к числу заговорщиков, он снова и снова подпадал под влияние диктатора. В октябре 1943 года Клюге пострадал в результате автомобильной катастрофы при поездке в Минск. После выздоровления его ждало новое задание.

Гитлер был убежден, что сделал правильный выбор. Клюге должен был переломить ситуацию на западе. В Бергхофе он лично ставил задачу свежеепеченному главнокомандующему Западным фронтом перед его отъездом: «*Вторжение удалось лишь благодаря нескольким глупым случайностям. Например, меня не разбудили вовремя, а фельдмаршал Роммель был дома на праздновании дня рождения. Впрочем, и главнокомандующий на Западе действовал недостаточно энергично*».

Клюге удивленно спросил, имеется ли в виду также и Роммель. На это диктатор высказал свое мнение: «*Фельдмаршал Роммель — это командир, которого воодушевляет победа, но при самых незначительных трудностях он становится полным пессимистом. И в нем нет никакой стойкости*». Для Гитлера достижения Роммеля на военном поприще больше не играли никакой роли. Но отправить в отставку героя Африки означало сделать великолепный подарок вражеской пропаганде и вызвать беспокойство в народе — тем более после отстав-

ки Рундштедта. Роммеля можно было оставить, однако его командные полномочия следовало ограничить еще больше.

Гитлер проводил Клюге со словами: «*Если Вы примете Западный фронт, то доставите мне удовольствие. И присмотрите за нашим другом Роммелем. Он должен подчиняться вам!*» [73]

Слова Гитлера возымели действие. Первый визит Клюге [74] в Ла-Рош-Гюйон 3 июля начался со скандала: несмотря на присутствие Шпайделя и других офицеров штаба, он забросал Роммеля упреками о мнимых промахах в обороне и, наконец, отрезал: «*Теперь, Роммель, вам придется привыкнуть к тому, что приказы нужно выполнять*». [75] Роммель не смог промолчать, завязался ожесточенный спор. Клюге отослал присутствовавших в комнате офицеров и попробовал успокоить Роммеля. Клюге, который был младше фельдмаршала [76] на семь лет, потребовал зачитать ему сообщения с фронта. С тем же успехом он мог приказать принести чашку кофе. Когда Роммель отказался, Клюге иронически и в то же время снисходительно сказал, что не доверил бы Роммелю «*командовать даже одной дивизией*». [77] Это уже был удар ниже пояса. Роммель долгое время командовал всеми немецкими силами в Африке, а потому ядовито ответил: «*Зато вы еще ни разу не сражались с англичанами!*» [78] И несмотря на то, что к концу совещания тон беседы стал более формальным и спокойным, упрек Клюге и обвинения в неудачной организации обороны оставили глубокие следы в душе Роммеля.

После отъезда Клюге он составил рапорт, в котором в резкой форме обосновал свою точку зрения относительно неудачной обороны при высадке союзников и отражения их атак. Упомянул Роммель и устаревшую технику, и недостаточную численность войск, и нехватку боеприпасов и снабжения, неудовлетворительное применение сил Люфтваффе и флота, а также слабое руководство и плохое выполнение приказов.

В рапорте Роммель четко обосновал степень и роль каждого из вышеперечисленных факто-

²⁸ 18 декабря 1941 года Клюге сменил фон Бока на посту командующего группой армий «Центр», при этом предложением отстранения Бока тоже была болезнь. (Прим. ред.)

Никогда не сражался против англичан. Фельдмаршал Ганс Гюнтер фон Клюге

ров. Письмо в тот же день было послано в ставку фюрера. Роммель знал, что после его прочтения Гитлер возмутится еще сильнее, но упрек был слишком тяжел, чтобы оставить его без внимания. Теперь Роммель понимал, почему Гитлер оставил его на должности. Вечером у адмирала Руге он делился своей горечью: «От него [Роммеля] требуется лишь громкое имя — записал Руге в своем дневнике, — но от самого имени уже ничего больше не требуется». [79]

Двумя днями позже Роммель посылает свои выкладки Клюге. Сопроводительное письмо, без обращения и обычного гитлеровского приветствия, говорило о том, насколько он все еще был раздражен. Письмо заканчивалось словами: *«Сделанный вами во время вашего визита упрек... и замечание, что я теперь должен лучше выполнять приказы, глубоко ранят меня. Прошу вас сообщить, какие причины побудили вас адресовать мне подобные замечания»*. [80]

Тем временем фельдмаршал Клюге отправился на позиции, чтобы самому составить представление о происходящем. В последнюю секунду офицеры штаба смогли удержать его от того, чтобы предпринять воздушную поездку — по старой привычке, оставшейся еще от России. При полном воздушном превосходстве союзников это означало неминуемую гибель. Но и поездка по улицам стала опасным для жизни предприятием. [81] Неоднократно низколетящие самолеты обстреливали машину фельдмаршала, и Клюге снова и снова приходилось искать убежище в ближайшей траншее. Гораздо позже, чем было запланировано, он прибыл к своей первой цели — командному пункту 84-го армейского корпуса.

Положение было крайне напряженным. Британским и американским подразделениям все еще не удалось начать решающее наступление с плацдарма. Однако атаки становились яростнее день ото дня. Начиная с 3 июля восемь американских дивизий днем и ночью наносили удары по немецким позициям между Карентаном и Портбейлем. Клюге собственными глазами увидел чудовищные последствия работы корабельной артиллерии противника, а также

ударов его военной авиации по почти незащищенным немецким войскам. В этом аду он понял, что Гитлер его обманул. Вместо первоначальной снисходительности Клюге почувствовал глубокое уважение к своим солдатам и офицерам. И он оказался достаточно честен, чтобы признать ошибку. Вернувшись с фронта, он 7 июля посетил Роммеля в Сен-Жермене. Клюге взял назад все без исключения свои упреки и смиренно попросил фельдмаршала о прощении. «Из Савла, — удовлетворенно констатировал Шпайдель, — получился Павел, которому мы снова могли доверять». [82]

Теперь для последнего шага недоставало только согласия Роммеля. Чтобы обсудить это, Цезарь фон Хофаккер в течение нескольких дней каждый вечер после окончания работы посещал генерала Штюльпнагеля в его кабинете в знаменитом отеле «Мажестик», где располагалось армейское руководство. До глубокой ночи они проектировали меморандум, [83] в котором еще раз резюмировали все решающие пункты, и который должен был стать решающим аргументом при беседе с фельдмаршалом.

В воскресенье 9 июля [84] настало время для действий. Хофаккер отправился в Ла-Рош-Гюйон, чтобы говорить с Роммелем о покушении. Он чувствовал, что имеет в руках все козыри. Его отец в Первой мировой войне был генерал-лейтенантом и командовал 26-й королевской Вюртембергской пехотной дивизией, которая вела наступление в составе 14-й армии на Изонцо. Хофаккер был шваб, как и Роммель, однако они не были знакомы.

Начальник штаба Шпайдель подготовил Роммеля к визиту, так что фельдмаршал принимал подполковника с глазу на глаз уже с вопросом: «Что вы должны рассказать мне?» Хофаккер отбросил всякую сдержанность и пошел ва-банк: он рассказал о плане Штауффенберга организовать покушение на Гитлера и подготовить свержение правительства в Берлине. Война на Западе, говорил Хофаккер, после удавшегося покушения должна немедленно прекратиться, но захваченные территории нужно

«Самый интересный час моей жизни». Цезарь фон Хофаккер

будет отстоять. Для этого они и нуждаются в фельдмаршале. [85]

Роммель молча размышлял. Накануне британская 2-я армия начала наступление под Каном. Атака предварялась ураганным минометным огнем, обрушившем на немцев более 80 000 мин, а также ковровой бомбардировкой 2500 тоннами бомб, и продолжилась с «воодушевлением и огромной поддержкой». На многих ме-

стах британцам удалось вклиниться в немецкие позиции, и уже через 24 часа Кан мог быть потерян. Наступление союзников началось, и Роммель рисовал Хофаккеру весьма нерадужный сценарий: *«...снабжение врага примерно через 14 дней создаст потрясающий перевес в войсках и оружии... в лучшем случае мы можем оказывать сопротивление в течение еще 6 недель»*. [86]

До сегодняшнего дня однозначно не установлено содержание беседы с Хофаккером и реакция Роммеля на его слова. Хотя Кейтель на допросе в Нюрнберге 28 сентября 1945 года показал, что Хофаккер признавался в гестапо, что «Роммель, после некоторого размышления, сказал, что на него можно рассчитывать». [87] Правда, имеются другие, противоречащие этому источники [88] — прежде всего Шпайдель, который очень долго настаивал на том, что никто не говорил собственно о покушении, и все было высказано очень туманно.

Однако существует до сих пор неопубликованный документ, неопровержимо доказывающий, что Роммель узнал о покушении в этой беседе и согласился с ним. Речь идет о записи в деле секретаря фюрера от 27 сентября 1944 года, в которой Мартин Борман пишет: «...бывший генерал Штюльпнагель, как и бывший полковник фон Хофаккер, а также казненный племянник Кюге, подполковник Ратгенс и несколько еще живых подсудимых [подтвердили]... фельдмаршал Роммель был абсолютно в курсе; Роммель подтвердил [им], что будет находиться в распоряжении нового правительства после удавшегося покушения». [89]

С облегчением Хофаккер отправился в обратную дорогу. Тем же вечером участники заговора в Париже узнали о сенсационном итоге беседы с Роммелем. «Я, пожалуй, только что пережил самый интересный час в моей жизни», — сообщил Хофаккер своему лучшему другу доктору Готтхарду, барону фон Фалькенгаузену, в отеле «Роял Монк». «Я пошел вабанк, — продолжал Хофаккер, — и рассказал фельдмаршалу чистую правду». [90] Следующими обо всем узнали Штюльпнагель и доктор Фридрих барон фон Тойчерт. «Что значило это сообщение для всех нас, — писал Тойчерт в своих воспоминаниях, — можно представить даже сегодня. После всего этого ослабляющего ожидания казалось, что время слов наконец-то закончилось. Хофаккер попросил меня, чтобы я срочно разработал проект письма в штаб союзников от имени Роммеля. Нужно было справляться своими силами...» [91]

На следующий день Тойчерт поручил военному советнику Вальтеру Баргацки разработку письма «от имени Роммеля фельдмаршалу Монтгомери». После войны Баргацки вспоминал о его необычном содержании: «...согласно указаниям, оно содержало только просьбу хранить все в тайне и касалось условий обращения с нашими войсками после капитуляции». [92]

В это время Хофаккер уже находился на пути в Берлин, чтобы передать сообщение своим товарищам. Так как железнодорожные пути в направлении Парижа были разрушены воздушными налетами союзников, до Меца он решил ехать на автомобиле. За рулем сидел начальник военной администрации в Париже доктор Эльмар Мишель. Он также был участником парижской группы заговора. Хофаккер снова вернулся к беседе с Роммелем. «Генерал-фельдмаршал Роммель, — передавал доктор Мишель позже слова Хофаккера, — полностью разделил наши взгляды и сказал, что готов вести переговоры о перемирии на Западном театре военных действий. Теперь речь шла о том, чтобы убедить генерала-фельдмаршала использовать свою популярность и стать кем-то вроде протектора в новом государстве». [93]

11 июля Хофаккер встретил в Берлине своего двоюродного брата. Клаус, граф фон Штауффенберг, лично прибыл из Берхтесгадена, где он впервые собирался взорвать бомбу во время утреннего совещания с Гитлером. Лишь из-за отсутствия рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера Штауффенберг остановился в последнюю минуту. Тем же самым вечером Хофаккер читал свой доклад Людвигу Беку. Реакция Бека была однозначной. Ганс Бернд Гизевиус, накануне тайно приехавший из Цюриха, позднее вспоминал: «Он [Бек] назвал это бесхарактерностью — то, что Роммель присоединился к нам только сейчас. Когда-то убежденный нацист, он выдвинул... требование, что все трое должны погибнуть при покушении — Гитлер, Геринг и Гимmlер. Исходя из этого, он также предложил не вводить Роммеля в игру сразу, а придержать в рукаве в качестве лишнего козыря. Бек не сомне-

Полностью в курсе. Роммель, июль 1944 года

вался, что сообщение парижского посредника Цезаря фон Хофаккера истинно — но он с недовольством вспоминал, как Роммель несколько месяцев назад обсуждал военное положение совсем с другим настроением». [94]

В 1946 году Гизевиус свидетельствовал перед Международным трибуналом в Нюрнберге: «Итак, было очень важно, присоединялись ли к нашей группе люди, мечтавшие сохранить свою почетную пенсию, или карьеристы, которым снилась былая слава — или же те, кто с самого начала думал о своем долге и своей чести». [95]

Роммеля критиковали напрасно. Пожалуй, можно вспомнить о его «былой славе», но уж о «почетной пенсии» речь точно не шла. Возможно, фельдмаршал и был далек от идеалов Иоахима Феста, говорившего о «строгих императивах» людей 20 июля, их «морали и муках совести» [96] — но при более пристальном рассмотрении фельдмаршала едва ли можно было назвать «нацистским генералом». [97] Во всяком случае, его личное отношение к Гитлеру было долгое время обусловлено — если судить

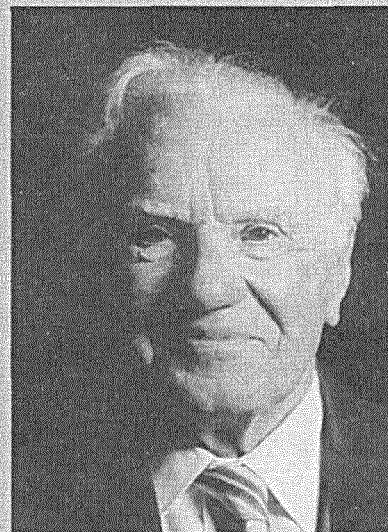
с позиций сегодняшнего дня — сильным уважением, без тени сомнений и критики; и он чувствовал себя расколотым надвое вплоть до последнего часа. Тем тяжелее было решиться выступить против Гитлера, осознать преступления режима и правильно выбрать, на чьей стороне выступить. Роммель не стал «решительным противником Гитлера» [98] — но он, конечно, сильно отдалился от него. Выбор не был скорым, и он слишком поздно присоединился к заговору; однако же не настолько поздно, чтобы не стать в течение этих последних дней одной из самых важных фигур всего предприятия.

Утром после визита Хофаккера [99] Роммель, как обычно, отправился на позиции. Первой целью был 84-й армейский корпус близ Троарна. Лопнувшая шина заставила сделать недолгую паузу. Пока водитель и адъютант Роммеля возились с машиной, Роммель отвел в сторону сопровождавшего его офицера штаба полковника Ганса Латтманна. «Скажите, Латтманн, — спросил фельдмаршал, — что вы все-таки думаете о конце этой войны?» Латтманн знал Роммеля еще с Винер-Нойштадта,

Герберт Энгль, чертежник в штабе Роммеля:

«И мой приятель Маннингер показал мне телеграмму. Я спросил: «Она отправлена?» Он ответил: «Да». Я сказал: «Тогда он уже мертвец».

Abschrift

H. Qu. 15. 7.

Der Oberbefehlshaber
der Heeresgruppe BBetrachtungen zur Lage.

Die Lage an der Front in der Normandie wird von Tag zu Tag schwieriger und nähert sich einer starken Krise. Die eigenen Verluste sind bei der Härte der Kämpfe, dem außergewöhnlich starken Materialeinsatz des Gegners, vor allem an Artillerie und Panzern, und der Wirkung der den Kampfraum unumschränkt beherrschenden feindlichen Luftwaffe derart hoch, dass die Kampfkraft der Divisionen sehr rasch absinkt. Ersatz aus der Heimat kommt nur sehr spärlich und erreicht bei der schwierigen Transportlage die Front erst nach Wochen. Rund 97 000 Mann (darunter 2 360 Offiziere) an Verlusten - also durchschnittlich pro Tag 2 500 bis 3 000 Mann - stehen bis jetzt 10 000 Mann im Ersatz gegenüber (davon rund 6 000 eingetroffen).

Auch die materiellen Verluste der eingesetzten Truppen sind außergewöhnlich hoch und konnten bisher in nur ganz geringem Umfang ersetzt werden, z.B. von rund 225 Panzern bisher 17.

Die neu zugeführten Infanterie-Divisionen sind kampfgeübt und bei der geringen Ausstattung an Artillerie, panzerbrechenden Waffen und Panzernahbekämpfungsmitteln nicht im Stande, feindliche Großangriffe nach mehrstündiger Trommelfeuer und starken Bombenangriffen auf die Dauer erfolgreich abzuwehren. Wie die Kämpfe gezeigt haben, wird bei dem feindlichen Materialeinsatz auch die tapferste Truppe Stück für Stück zerschlagen und verliert damit Menschen, Waffen und Kampfgebiete.

Die Nachschubverhältnisse sind durch Zerstörung des Bahnnetzes, die starke Gefährdung der Strassen und Wege bis 150 km hinter die Front durch die feindliche Luftwaffe derart schwierig, dass nur das Allernötigste herangebracht werden kann, und vor allem mit Artillerie- und Werfermunition überall äußerst gespart werden muss. Diese Verhältnisse werden sich voraussichtlich nicht bessern, da der Kolonnenraum durch Feindeinwirkung immer mehr absinkt und die feindliche Lufttätigkeit bei Inbetriebnahme der zahlreichen Flugplätze im Landekopf voraussichtlich noch wirkungsvoller wird.

- 2 -

Neue nennenswerte Kräfte können der Front in der Normandie ohne Schwächung der Front der 15. Armee am Kanal oder der Mittelmeerfront in Südfrankreich nicht zugeführt werden. Allein die Front der 7. Armee benötigt aber dringend 2 frische Divisionen, da die dort befindlichen Kräfte abgekämpft sind.

Auf der Feindseite fließen Tag für Tag neue Kräfte und Mengen von Kriegsmaterial der Front zu. Der feindliche Nachschub wird von der eigenen Luftwaffe nicht gestört. Der feindliche Druck wird immer stärker.

Unter diesen Umständen muß damit gerechnet werden, dass dem Feind in absehbarer Zeit gelingt, die dünne eigene Front, vor allem bei der 7. Armee zu durchbrechen und in die Weite des französischen Raumes zu stoßen. Auf anliegende Meldungen der 7. Armee und des II. Fallsch. Jg. Korps darf ich hinweisen. Abgesehen von örtlichen Reserven der Panzergruppe West, die zunächst durch die Kämpfe an der Front der Panzergruppe gebunden sind und bei der feindlichen Luftherrschaft nur nachts marschieren können, stehen keine beweglichen Reserven für die Abwehr eines derartigen Durchbruchs bei der 7. Armee zur Verfügung. Der Einsatz der eigenen Luftwaffe fällt wie bisher nur ganz wenig ins Gewicht.

Die Truppe kämpft allerorts heldenmütig, jedoch der ungleiche Kampf neigt dem Ende entgegen. Es ist m.W. nötig, die Folgerungen aus dieser Lage zu ziehen. Ich fühle mich verpflichtet als Oberbefehlshaber der Heeresgruppe dies klar auszusprechen.

(gez) : R o m m e l .

Доклад Роммеля о критическом положении в Нормандии от 15 июля 1944 года

Главнокомандующий группой армий «Б»

15.7

Соображения о положении

Положение на фронте в Нормандии становится тяжелее день ото дня и приближается к сильному кризису. При остроте положения и необычно сильных материальных средствах противника наши собственные потери состоят преимущественно в танках и артиллерии; действие беспрепятственно господствующей над полем боя вражеской авиации настолько сильно, что боевая сила дивизий очень сильно упала. Пополнение с родины поступает очень редко, и из-за тяжелого положения с транспортом достигает фронта лишь спустя недели. При общих потерях в 97 000 человек (в том числе 2360 офицеров) — то есть от 2500 до 3000 человек в день — поступило на пополнение лишь 10 000 человек, в том числе 6000 из числа [вернувшихся] раненых.

Материальные потери действующих частей также необычно высоки и до сих пор могли быть пополнены только в незначительном количестве — например, 17 танков из около 255.

Вновь прибывшие пехотные дивизии не привыкли к боям; при недостаточном оснащении артиллерией, противотанковыми орудиями и средствами ближней борьбы с танками они не в состоянии отразить крупные вражеские атаки с многочасовым непрерывным обстрелом и сильными бомбовыми ударами. Как показали бои, при поступлении к врагу материального пополнения даже храбрейшие войска уничтожаются часть за частью, и при этом теряются люди, оружие и пространство.

Снабжение при разрушении дорожной сети и угрозе дорогам со стороны вражеской авиации на глубину 150 км от линии фронта затруднено настолько, что удастся доставить только самое необходимое; наиболее острое положение сложилось с артиллерийскими и минометными боеприпасами. Эта ситуация не может быть улучшена, поскольку колонны все более оказываются в досягаемости вражеского воздействия; вражеская воздушная активность станет еще более эффективной по мере ввода в строй новых аэродромов на плацдарме.

Новые достойные упоминания силы не могут быть переправлены в Нормандию без ослабления фронта 15-й армии на Канале или Средиземноморского фронта в Южной Франции. Один только фронт 7-й армии крайне нуждается в двух свежих дивизиях, поскольку находящиеся там силы разбиты.

С вражеской стороны на фронт день за днем прибывают свежие силы и военные материалы. Вражеское снабжение не нарушается нашими Люфтваффе. Вражеское давление будет усиливаться.

В этих обстоятельствах необходимо считать, что в обозримом будущем врагу удастся прорвать наш тонкий фронт, прежде всего 7-й армии, и прорваться на простор Франции. Я могу указать на соответствующие донесения 7-й армии и 2-го парашютно-егерского корпуса. Помимо местных резервов танковой группы «Запад», которые сейчас связаны боями на фронте танковой группы и могут двигаться только ночью из-за вражеского господства в воздухе, никаких серьезных резервов для отражения такого прорыва в распоряжении 7-й армии нет. Применение нашей авиации, как и ранее, серьезного значения иметь не будет.

Войска героически сражаются на позициях, однако неравная борьба близится к завершению. По моему мнению, необходимо сделать выводы из этого положения. Я чувствую себя обязанным, как главнокомандующий группы войск, ясно это заявить.

Роммель

был дружен с его семьей, и потому открыто сказал: «Господин фельдмаршал, я понимаю, что войну нам не выиграть. Но, я надеюсь, наших сил еще достаточно для того, чтобы не сдаваться на милость победителя». [100]

Очевидно, вчерашний визит Хофаккера произвел глубокое впечатление на Роммеля. Фельдмаршал принял план заговорщиков: «Я хочу попытаться использовать свой авторитет у западных союзников, чтобы против воли Гитлера заключить перемирие и вместе выступить против России». [101]

12 июля командующий Западным фронтом посетил Ла-Рош-Гюйон. После ужина Роммель раскрыл карты. Он хотел в последний раз в ультимативной форме просить Гитлера, чтобы тот одумался, и лишь затем осуществить план заговорщиков. Ключе отнесся к этому настороженно. [102] По его мнению, еще раз опрашивать всех военачальников было рискованно — никто не знал, сколько времени продержится фронт. Приятели не зря называли его «умный Ганс»²⁹. Однако Роммель больше не обращал внимания на медлящего начальника. Он поручил Шпайделю, чтобы тот ехал в Париж и поставил Штюльпнагеля в известность. [103] Роммель хотел действовать — с Ключе или без.

На следующий вечер Роммель в последний раз гулял с адмиралом Руге на холме за замком. Как всегда после этого, Руге записал в дневник свои мысли: «*Фельдмаршал очень страдает от того груза, который лежит на нас всех. Он спрашивал меня: сможем ли мы подождать 4 недели? Если фронт не может больше держаться, тогда нам нужно политическое решение*».

За этим следовали необычные слова для человека, посвященного в тайну готовящегося покушения и готового совершить государственную измену: «*С другой стороны, фюрер — умный человек и должен сам понять, в чем состоит единственно верное решение*». [104]

Роммель все еще продолжал надеяться, что Гитлер передумает. 15 июля фельдмаршал последний раз отредактировал свои «предлагаемые

к размышлению факты». Шпайдель написал основу первых двух страниц, которые начинались со слов: «*Положение на фронте в Нормандии становится все тяжелее, день ото дня оно приближается к кризису*». Затем следовало беспощадное сообщение о грядущем крахе Западного фронта. В конце Роммель выдвигает ультиматум: «*Войска сражаются героически, однако неравная борьба ведет к неминуемому концу. Необходимо сделать политические выводы из этого положения. Я, как главнокомандующий группы армий, чувствую, что обязан высказать это*». [105] В последний момент Шпайдель убедил фельдмаршала в том, что слово «политические» звучит слишком резко. [106] Он считал, что излишне возбуждать Гитлера в этой ситуации слишком рискованно. Послание Роммеля и без того было достаточно дерзким.

В тот же самый день Ключе отправился в Сен-Жермен, в ставку фюрера. Роммель счел для себя невозможным еще раз непосредственно обратиться к Гитлеру. [107]

После того, как гонец покинул Ла-Рош-Гюйон, Роммель вновь заговорил со Шпайделем: «Я дал ему последний шанс. Если он не сделает никаких выводов, мы будем действовать». [108] Он не мог предвидеть одного: «умный Ганс» предусмотрительно задержал письмо. [109] Гитлер получил его на две недели позже.

15 июля, во второй половине дня, около 15:00, Роммель отправился инспектировать фронт. [110] В 16-й авиаполевой дивизии Люфтваффе он встретил старого знакомого — подполковника Эльмара Варнинга, человека, который помог Роммелю в ночь с 3 на 4 ноября 1942 года в Эль-Аламейне. Из-за сильной жары Варнинг носил африканскую форму цвета хаки, и Роммель обрадовался тому, что встретил «африканца» посреди Франции.

Варнинг не мог не проводить фельдмаршала обратно к машине. В момент прощания он тихо спросил: «Господин фельдмаршал, а что, собственно, здесь должно произойти?» Роммель на мгновение остановился и испытывающее посмотрел на Варнинга. Затем сказал: «Я хочу рассказать вам кое-что. Фельдмаршал

²⁹ «Kluge» по-немецки означает «умный». (Прим. ред.)

«На Дитриха можно положиться в случае реальной опасности». Зепп Дитрих (в центре), 17 июля 1944 года

фон Клюге и я поставили фюреру ультиматум, в котором говорится, что войну уже не выиграть военными средствами и он должен принять политическое решение». Варнинг с сомнением спросил: «А что, если фюрер откажется от этого?» Роммель совершенно спокойно ответил: «Тогда я открою Западный фронт, потому что решение может быть только одно — англо-американцы в Берлине все же лучше, чем русские!» [111]

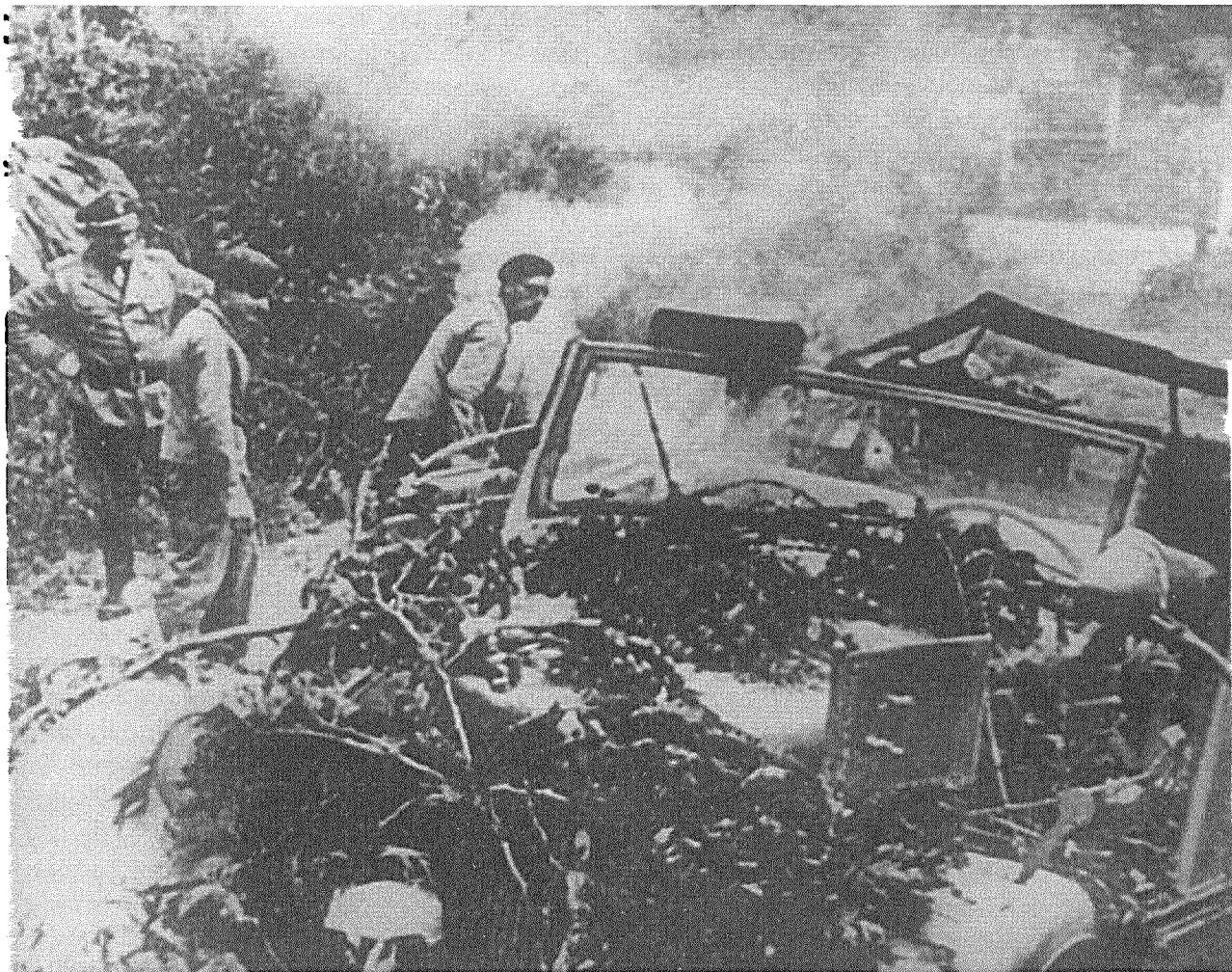
Со следующего дня Роммель начал конкретную подготовку к запланированному перемирию. В частности, важно было провести переговоры с командирами танковых подразделений СС. Роммель хотел узнать, как элитные подразделения Гитлера поведут себя в случае принятия «самостоятельных решений». [112] 17 июля, при посещении фронта к югу от Каэна, представился случай говорить с командирами 1-го и 2-го танкового корпуса СС — обергруппенфюрером Йозефом «Зеппом» Дитрихом и группенфюрером Вильгельмом Биттрихом. Биттрих был щедр на критику высшего руководства вермахта в такой степени, что даже Роммель сказал ему: «Вы ведете опасные речи, господин Биттрих!» [113] Хотя Биттрих и был известен натянутыми отношениями с Гиммлером, Роммель должен был подходить к разговору с ним чрезвычайно осторожно. Только когда Биттрих самостоятельно еще раз вернулся к своему рассказу о коротком перемирии с англичанами для обмена ранеными вопреки приказу, Роммель решился и сказал: «Я тоже хочу установить контакт с англичанами». В конце совещания Роммель отвел генерала СС в сторону и с глазу на глаз открыл ему: «Господин Биттрих, я предоставляю свои услуги новому государственному руководству — при условии, что на фюрера не будет совершено никаких покушений!» [114]

Еще осторожнее Роммель говорил с Зеппом Дитрихом. Сын крестьянина из Нижней Баварии был известен как один из самых старых сторонников Гитлера и пользовался дурной славой из-за своего мужества и безрассудной храбрости. С подразделением Дитриха, «Лейбштандар-

том Адольф Гитлер», Роммель уже имел дело в Италии в 1943 году, и был научен горьким опытом. Но даже соратник Гитлера не мог больше закрывать глаза на положение дел во Франции. Когда Роммель спросил, будет ли Дитрих выполнять его приказы, если они будут идти вразрез с приказами фюрера, то был очень удивлен ответом. Обергруппенфюрер отчеканил по-баварски: «Да, фельдмаршал, вы являетесь моим командующим; я повинуюсь только вам, что бы вы ни приказали». [115] Довольный Роммель на обратном пути в Ла-Рош-Гюйон сообщил новость своему адъютанту: он может полагаться на Дитриха «в случае реальной опасности». [116]

Около 17:00 на командном пункте танковой группы «Запад» Роммель сделал свою последнюю остановку в этот день. Он нашел генерала бронетанковых войск Генриха Эбербаха в его квартире. Без лишних слов Роммель сразу перешел к делу: «Эбербах, я хотел бы услышать от вас достоверную оценку военного положения». Эбербах, шваб, как и Роммель, стал преемником фон Гейра в начале июля. Он лишь дважды видел фельдмаршала до этого дня. По его словам, он тоже не видел шансов предотвратить поражение на западе. Роммель коротко кивнул: «Согласен. Но можете ли вы представить себе, что противник вступит с нами в какие-нибудь переговоры до тех пор, пока Гитлер возглавляет нас?» Роммель был уверен, что Эбербах ответит отрицательно: «Такого быть не может. Гитлеру придется уйти». [117] Очень кратко Роммель набросал приблизительный план перемирия на Западе с тем, чтобы продолжить борьбу на Востоке. Прежде чем Эбербах мог спросить еще о чем-нибудь, Роммель спешно заявил, что ему пора ехать. «*К сожалению, я должен вернуться в свой штаб. Мы скоро обсудим подробности. Но я полагаюсь на вас. Мы должны сотрудничать ради всего немецкого народа, который так долго сражался в этой войне.*» [118]

Прошло уже два дня с тех пор, как Роммель отправил ультиматум. Он больше не мог терять времени и был готов в крайнем случае действовать даже без покушения, на свой собственный риск. [119]

Однозначное знамение. «Хорх-кюбельваген» Роммеля после атаки самолета, 17 июля 1944 года

602-я эскадрилья королевских ВВС, которая носила название шотландского города Глазго, 25 июня перебазировалась во Францию. 6 истребителей «Спитфайр» на территории Ливаро охотились на все, что могло двигаться. Улицы были завалены обгоревшими останками автомобилей и трупами убитых солдат. Около 18:00 двое пилотов «Спитфайра», Жак Ремлинжер и Брюс Оливье, на большой скорости атаковали «Хорх-кюбельваген» Роммеля, который следовал в направлении от Ливаро к Вимутье. [120]

Наблюдавший за воздухом обер-ефрейтор Карл Хульке заметил истребители в ту же самую секунду. Почти автоматически водитель,

обер-фельдфебель Карл Даниэль, нажал на педаль акселератора. Он попытался достигнуть ложбины примерно в 300 метрах впереди, чтобы оказаться в относительно безопасном месте. Роммель по старой африканской привычке привстал, держась руками за ветровое стекло. «Спитфайр» развернулся и с огромной скоростью устремился к цели. Через несколько секунд Ремлинжер поймал машину в перекрестье прицела. Первая же очередь из 20-мм автоматической пушки попала в машину и ударила в спину офицера штаба майора Нойхауса. Но Нойхаусу повезло. Разрывной снаряд отразился от его кожаной кобуры и угодил в левое плечо води-

теля. Мощность взрыва была чудовищной — левая рука Даниэля повисла на одних сухожилиях. Машина потеряла управление. Роммель вылетел сквозь ветровое стекло, упал лицом вниз и сильно ударился головой об асфальт.

Адъютант Роммеля капитан Хельмут Ланг и Хульке выпрыгнули из машины. Роммель лежал неподвижно. Кровь текла из рассеченной брови и носа. «Спитфайр» разворачивался, чтобы атаковать снова. В последнюю секунду Лангу и Хульке удалось оттащить бессильного фельдмаршала в спасительный подлесок.

Только через три четверти часа Ланг смог реквизировать проходящую машину. В Ливаро Роммеля временно поместили в обычный госпиталь, но в тот же день перевезли в лазарет Люфтваффе в Бернае. Первые рентгенограммы показали большую трещину у основания черепа, две трещины в виске и раздробленную челюсть. Только на следующее утро Роммель пришел в сознание. Водитель Даниэль умер ночью от тяжелых ран, несмотря на несколько переливаний крови. Штюльпнагель, который узнал об аварии в Париже, был потрясен и растерянно говорил: «Только этого нам не хватало!» [121]

Раны Роммеля были тяжелы, но врачи вы-

разили надежду, что он сможет полностью оправиться. [122] Неистовые головные боли Роммеля перемежались мыслями о фронте и заговорщиках.

Снова он отсутствовал в решающий момент. Снова история получила толчок к движению в то время, как он был прикован к кровати. Юнгер писал в своих заметках: *«Раны, которые он получил 17 июля 1944 на дороге близ Ливаро, лишили наш план единственных плеч, которым можно было доверить страшный двойной вес войны и гражданской войны — единственного человека, который обладал уважением противника. Это было однозначное знамение».*

Утром 21 июля 1944 года офицер штаба Хельмут Ланг навестил Роммеля в его палате. [123] Роммель, левый глаз которого больше не мог открываться, с надеждой смотрел навстречу своему адъютанту. Однако на этот раз Ланг не принес никаких новостей с фронта. Накануне было совершено покушение на Гитлера в ставке фюрера в Восточной Пруссии. Диктатор остался жив. Тридцатью годами позже Ланг вспоминал реакцию фельдмаршала: Роммель «стал белым, как стена». [124]

Часть десятая

ПРАВДА

20 июля 1944 года в предобеденный час в служебном кабинете начальника военной администрации в Париже Эдуарда Вагнера зазвонил телефон. [1] Трубку снял полковник Эбергарт Финк, один из членов заговора генерала Штюльпнагеля. «Упражнение», — произнесли по телефону и тут же положили трубку.

Финк сразу поднял тревогу. «Упражнение» было первым словом из кода, оговоренного с берлинскими заговорщиками. В скором времени предстояло свержение диктатора. Затем, в 14:00 последовало второе кодовое слово: «Свершилось». Это означало успешное покушение на Гитлера — государственный переворот вот-вот должен был начаться.

Финк срочно отправился в ставку главнокомандующего на Западе в Сен-Жермене. Однако фельдмаршал Клюге, который принял командование группой армий «Б» после ранения Роммеля, в это время отбыл с инспекцией на фронт. Финк информировал не посвященного в ход событий полковника Гюнтера Блюментритта о происходящем в ставке фюрера.

Блюментритт сразу потребовал связаться с Ла-Рош-Гюйоном. У телефона оказался начальник штаба Роммеля Ганс Шпайдель. После короткого приветствия Блюментритт сказал: «В Берлине что-то случилось, — и прибавил приглушенным голосом: — Мертва». [2] Шпайдель сразу всё понял, однако медлил с ответом. Лихорадочно дыша в трубку, он ссылаясь на плохую связь и переспрашивал снова и снова, как будто ничего не мог понять. А затем положил трубку. [3]

Многое говорит о том, что в течение предшествовавших месяцев не только Шпайдель повлиял на Роммеля, но и фельдмаршал оказал влияние на полковника. Во всяком случае, 20 июля Шпайделя покинуло мужество. [4] На Западе все было не так спокойно, как он утверждал позже, при Сен-Ло и Каэне наступил кризис обороны.

В 17:42 Германская информационная служба впервые опубликовала сообщение о покушении на Гитлера. Фюрер, однако, выжил. Вскоре после этого Клюге вернулся с фронта в Ла-Рош-Гюйон. Шпайдель безотлагательно информировал его о ситуации. Около 18:00 Клюге вызвали для важного междугородного разговора. Из Берлина звонил генерал-полковник Людвиг Бек, один из предводителей заговора. Он объяснил, что покушение удалось, и это провозглашает чрезвычайное положение для государства. Он просил Клюге, чтобы тот присоединился к заговору: «Теперь, господин фон Клюге, речь идет о Германии!» [5] Клюге просил дать ему время на размышление и обещал ответить безотлагательно.

У Клюге было два пути. Бек заявил, что покушение удалось — следовательно, ложным является сообщение по радио о том, что диктатор жив. Командующий предусмотрительно вызвал из Парижа генерала Штюльпнагеля к себе в замок к 20:00 для важного разговора. Затем он связался по телефону с командованием сухопутных войск, штаб которого находился в Мауэрвальде, неподалеку от «Волчьего лого-

ва». Тяжело вздохнув, генерал-майор Гельмут Штифф (который также был в числе заговорщиков) ответил на вопрос, мертв ли фюрер: «Нет. Офицер генерального штаба разговаривал с ним через час после покушения». [6]

Даже если теперь Клюге больше не сомневался в том, что покушение потерпело неудачу, в последующие часы он колебался, стоит ли ему на свой страх и риск искать на Западе мира с союзниками. Шансы были ничтожно малы. Поскольку в нём не было роммелевского обаяния, он не ожидал, что вся Западная армия последует за ним. Не только СС, но и силы флота и Люфтваффе считались абсолютно верными Гитлеру. [7] В конце концов, это были немецкие солдаты, а на фронте стреляли в немецких солдат. «Клюге был хорошим солдатом и весьма воспитанным человеком, — так один из членов заговора, Рудольф-Кристоф фон Гернсдорф, охарактеризовал его после войны, — однако для роли революционера и государственного деятеля он просто не подходил».

Когда Штюльпнагель около 20:00 прибыл в сопровождении Хофаккера и Хорста в Ла-Рош-Гюйон, Клюге решил. Еще раз, в той же самой комнате, в которой он выступал перед Роммелем 9 июля, Хофаккер произнес пламенную речь. Но Клюге не был Роммелем. Он кратко прокомментировал речь Хофаккера: «Да, господа, но покушение не удалось!» [8] Комментариев не последовало, и он пригласил Хофаккера к обеду. Плохое настроение угнетало его гостей. Клюге старался завести беседу о своей поездке на фронт. Затем и он замолчал. Никто еще не знал: Штюльпнагель находился в безвыходной ситуации. Перед отъездом он дал команду начать действовать. В тот момент, когда офицеры молча сидели за столом в Ла-Рош-Гюйон, в Париже уже было арестовано более 1200 гестаповцев. Наконец, Штюльпнагель успокоился и попросил Клюге поговорить с глазу на глаз.

Клюге бушевал, когда узнал о необдуманных действиях, и требовал: «Приказ должен быть отменен сейчас же, иначе я ни за что не могу ручаться, ни за что!» [9] Было слишком поздно. Из Парижа сообщили, что силы уже

пришли в движение и остановить их невозможно. [10] Клюге не пришло в голову ничего лучшего, чем продолжить ужин. Наконец, около 23:00 начали убирать со стола. Последний раз Хофаккер воззвал к совести Клюге: «Господин фельдмаршал, вы с вашим словом и вашей честью находитесь в щекотливом положении. Честь всей армии и участь миллионов людей находятся в ваших руках». [11] Клюге молчал. Он давно решил. Заговор на Западе окончательно потерпел неудачу.

Когда 21 июля около часа ночи диктатор по радио обращался к народу, первые заговорщики уже были казнены. Генерал-полковник Людвиг Бек был вынужден совершить самоубийство, граф Штауффенберг и другие офицеры заговора были расстреляны без суда и следствия. Штюльпнагель, прибывший в Париж из Ла-Рош-Гюйон, затаив дыхание, шел в казино отеля «Рафаэль» для того, чтобы услышать речь фюрера. «Очень маленькая клика честолюбивых, глупых, недобросовестных офицеров, — говорил Гитлер, — сплотилась в заговор, чтобы устранить меня...» [12] Безмолвно и прямо стоял Штюльпнагель перед динамиком. Ничто не должно было выдать его. Только присутствующий старший лейтенант граф Арним заметил, что руки генерала сжаты в кулаки, он бледен, и «казалось, что с каждым словом в него вбивают гвозди». [13] Гитлер продолжал хриплым голосом: «Это очень маленький заговор преступных элементов, которых ждет суровая кара». [14] Штюльпнагель только что услышал собственный смертный приговор.

Той же ночью арестованные гестаповцы были освобождены. Штюльпнагель ссылался на мнимый приказ из Берлина, [15] и в самом деле некоторое время все выглядело так, будто произошло недоразумение. День после покушения начинался так, как будто бы ничего не случилось. Для заговорщиков теперь было главным — не бросаться в глаза! Даже если разочарование лежало многотонным грузом на их сердцах, нормальный вид должен был поддерживаться любой ценой. Вальтер Баргацки, который одиннадцатью днями ранее сочинял за-

Am 24.7.1944.

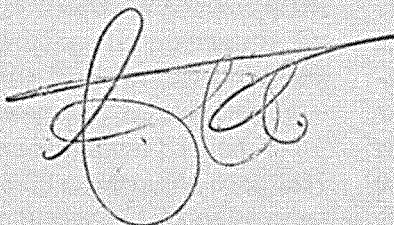
Liebe Lu!

Besten Dank für Deine Briefe vom 17., 20. und 21. Ich bin nun in einem Lazarett und dort recht gut aufgehoben. Man muß natürlich Ruhe halten bis ein Weitertransport möglich ist, was in 14 Tagen etwa der Fall sein wird. Mein linkes Auge ist noch zugeklebt und zugeschwollen, wird aber nach ärztlichem Gutachten doch wieder in Ordnung kommen. Der Kopf macht noch bei Nacht zu schaffen, bei Tage jedoch fühle ich mich wesentlich freier. Zu meinem Unfall hat mich das Attentat auf den Führer besonders stark erschüttert. Man kann Gott danken, daß es so gut abgegangen ist. Kurz zuvor hatte ich noch meine Ansicht über die Lage nach oben gegeben.

Um Daniel tut es mir unendlich leid, denn er war ein hervorragender Fahrer und ein pflichtgetreuer Soldat.

Dir und Manfred recht herzliche Grüße und gute Wünsche.

Dein

Перестраховка. Письмо Роммеля от 24 июля 1944 года

24.7.1944

Любимая Лу!

Благодарю тебя за твои письма от 17-го, 20-го и 21-го. Я в лазарете и хорошо себя чувствую. Конечно, надо сохранять покой, пока не станет возможной транспортировка — которая, видимо, произойдет через 14 дней. Левый глаз пока закрыт и заклеен, но благодаря стараниям врачей тоже придет в порядок. Голова дает о себе знать ночью, но днем я все-таки чувствую себя заметно свободнее. К моему несчастью, сильным потрясением добавилось покушение на фюрера. Можно благодарить Бога, что оно так хорошо обошлось. Незадолго до этого я подавал наверх мой взгляд на положение.

Я бесконечно сожалею о Даниэле — он был великолепным водителем и верным долгу солдатом. Тебе и Манфреду сердечные приветы и добрые пожелания

Твой (подпись)

явление о капитуляции для Роммеля, вспоминает, что писал письмо родителям утром 21 июля, скрывая свои истинные чувства: *«Мои дорогие, мы находимся в тени страшного покушения на фюрера. Пожалуй, это одно из самых больших переживаний, которые выпали на нашу участь. Мы ничего не знаем об этом. Скорее всего, заговор действительно был совсем небольшим. Здесь мы ничего не замечали до тех пор, пока не прозвучало первое сообщение по радио»*. [16]

Роммель узнал о покушении на фюрера от одного из своих офицеров, когда находился в лазарете. От волнения у него ускорился пульс. Он решил перестраховаться. 21 июля отмечено длинной записью в журнале болезни: *«Сообщение о покушении на фюрера потрясло фельдмаршала. Он считает, что должен благодарить провидение, что руководитель немецкого народа остался жив»*. [17]

Через три дня он диктует первое письмо своей жене после ранения: *«После несчастного случая, произошедшего со мной, покушение на фюрера особенно сильно потрясло меня. Можно благодарить Бога, что все сложилось так хорошо»*. [18] Вероятно, Роммель действительно был рад, что Гитлер не погиб таким образом. Все-таки он длительное время отказывался от покушения. Тем не менее, Роммель стал членом заговора против Гитлера, и его позиция не изменилась. Все пути отрезаны, возврата больше нет. Ошибочный шаг, необдуманное слово — все могло стоить жизни.

Хотя врачи предписали ему самый строгий постельный режим, Роммель беспокойно ходил из угла в угол по затемненной больничной палате. Опухшая левая половина лица и налитый кровью глаз создавали ему трудности при разговоре. Он никак не мог успокоиться. К сверлящей неизвестности добавлялось беспокойство о положении на фронте. Сильнее, чем когда-либо раньше, союзники напирала на немецкие войска возле Кана. Крах был лишь вопросом времени — а затем английские и американские подразделения получают дорогу в глубокий немецкий тыл. Военный госпиталь в Бернее находился в непосредственной близости от фронта. Роммель,

который из соображений безопасности был записан под фальшивым именем, опасался попасть противнику в руки в теперешнем своем состоянии. [19] Для англичан фельдмаршал был бы великолепной добычей.

21 июля генерал Штюльпнагель собирался отправиться в Берлин. Он должен был привезти отчет. Когда охрана около 11:00 отсалютовала ему перед большим входом отеля «Маджестик», они не могли предвидеть, что никогда больше не увидят командующего войсками во Франции.

Штюльпнагель выехал на машине в направлении Меца. Примерно во второй половине дня он приказал водителю свернуть с шоссе. Штюльпнагель направился к полю сражения перед Верденом. Здесь он, молодой капитан, во время Первой мировой войны лежал в окопах. Примерно в километре от маленькой деревушки Вашеровилль генерал остановил машину и сказал, что хочет пройти пешком, попросив ждать его на месте. Немного позже тишину пустынной долины разорвал выстрел. *«В определенном смысле, — писал о Штюльпнагеле Эрнст Юнгер, — умело покинуть эту жизнь было его долгом»*. [20]

Однако путь страданий смелого Карла-Генриха фон Штюльпнагеля еще не закончился. Немного позже водитель и его помощник отыскали тело генерала в одном из боковых каналов Мааса. Вода вокруг головы была кроваво-красной, и генерала сначала посчитали мертвым. Однако его вытянули из воды и доставили в военный госпиталь в Вердене. Врачи спасли ему жизнь, но он навсегда лишился зрения. Штюльпнагель выстрелил в себя вслепую.

21 июля была пятница. Поначалу считалось, что генерал Штюльпнагель стал жертвой нападения партизан. Однако заключение врачей не допускало сомнений. 24 часами позже сообщение о попытке самоубийства Штюльпнагеля дошло до Парижа. Попытка самоубийства была равносильна признанию вины. Арест 1200 сотрудников гестапо был не «недоразумением», а заранее продуманной игрой. Штюльпнагель, несомненно, являлся одним из заговорщиков 20 июля.

В Париже царило обманчивое спокойствие. С субботы до ночи воскресенья в отделении СД на авеню Фош продолжались допросы. [21] В ранние утренние часы запутался в своих показаниях первый свидетель, водитель Штюльпнагеля. В штабе бывшего военного командующего водитель сказал, что должен был догадываться о попытке самоубийства хозяина. Но начальник штаба Штюльпнагеля полковник Ганс Отфрид фон Линстов еще перед допросом предупредил его: «Теперь вы должны отправиться на допрос в СД. Пожалуйста, сделайте мне одолжение и не говорите ничего о попытке самоубийства; это наш долг перед нашим генералом».

Но ищейки уже взяли след. Линстов, заговорщик, как и Штюльпнагель, был допрошен в тот же самый день и посажен под домашний арест. Гестапо нащупало сердце заговора в Париже. Отныне заговорщики из окружения Штюльпнагеля падали, как костяшки домино. Цезарь фон Хофаккер мог задержаться в городе, [22] но из-за своей семьи отказался это сделать. Это было смелое, но опасное решение. От Линстова до Хофаккера был только один маленький шаг. А от Хофаккера след вел непосредственно к Роммелю.

Воскресным утром, 23 июля 1944 года, в то время, как в Париже водитель Штюльпнагеля произносил роковые слова, фельдмаршал ехал в машине скорой помощи военного госпиталя «Ле Весине» к востоку от Сен-Жермена. Упрямый шваб настоял на своем, хотя врачи были против. В начале второй половины дня Роммелю нанес визит его старый знакомый — адмирал Руге. Тот для развлечения принес произведение современной беллетристики под заголовком «Воскресный день в замке Денбек». Фельдмаршал читал «веселую» историю об американских супругах, которых весьма сдержанно принимала в замке английская семья. Позднее Руге сухо констатировал: «Он не казался слишком заинтересован, но чтение его немного успокоило». [23]

Роммель думал совсем о другом и, наконец, прервал чтение. «Он заговорил о делах, — запи-

сал Руге в дневнике, — и выразил безотлагательное желание сделать личный доклад фюреру». [24] На следующий день сделана еще одна запись: Роммель «видит решение только в мире с одной стороны, чтобы можно было с полной силой защищаться от другой стороны». [25]

Фельдмаршала все еще не покинула надежда добиться чего-нибудь от Гитлера. О своих планах он рассказывал своему бывшему офицеру Гансу Латтманну, во время визита в Ле-Везинет: «Если я смогу выздороветь, то пойду к фюреру и скажу ему, что он должен уйти, так как немецкий народ отдал слишком много. Уже слишком поздно, и ничего невозможно сделать». [26] Это было, конечно, иллюзорным планом. Все-таки Роммель не планировал смотреть последний акт катастрофы безмолвно.

С момента нападения на Польшу, с сентября 1939 года по июль 1944 года погибли 2 700 000 немецких солдат. [27] В бессмысленном продолжении однозначно проигранной войны солдаты гибли вплоть до капитуляции 8 мая 1945 года, спустя десять месяцев, как и за пять лет до этого.

Едва ли известен более высокопоставленный офицер, который при столь явном перевесе врага не отказался бы посылать своих солдат на верную смерть. На Западе, где обращение солдат союзников с немецкими гражданами было гуманным, продолжение борьбы лишь продлевало страдания людей и стоило миллионов жизней.

23 июля фельдмаршал, наконец, отправил совершенно пессимистичный ультиматум в ставку фюрера. [28] На следующий день Клюге посетил военный госпиталь в Ле-Везине. О чем действительно говорили Клюге с Роммелем — неизвестно. Судя по всему, оба фельдмаршала заранее знали о возможности покушения на Гитлера. Поэтому это было не более, чем дальнейшая защита от риска, когда Клюге после возвращения заявил Блюментритту: «Покушение на Гитлера стало неожиданностью для Роммеля». [29]

В тот момент, когда Клюге во второй половине понедельника прибыл в Сен-Жермен, офи-

цер полиции под конвоем выводил из отеля «Рафаэль» Блюментритта и Линстова. Одновременно выяснилось, что раненый Штюльпнагель содержится в военном госпитале Верден под надзором эсэсовцев. Петля захлестнулась. На следующий день, 25 июля, вмешалось гестапо. К полудню на квартире своего друга был арестован Хофаккер. Немного позже руководитель местного отделения СС Карл-Альбрехт Оберг позвонил фон Блюментритту. «Прибудьте сегодня к трем, — сказал Оберг, — Мы проведем допрос. Я не могу говорить с вами по телефону, важно, чтобы вы присутствовали лично, так как здесь обсуждаются дела и называются фамилии, которые вы должны услышать сами». [30]

Блюментритт, который еще раньше был привлечен к допросам в роли главнокомандующего на Западе, около 15:00 прибыл в отель «Мажестик». Он был поражен. Оберг и руководитель отделения службы безопасности штандартенфюрер доктор Хельмут Кнохен сидели вместе с Хофаккером за круглым столиком в одном из салонов отеля. «Допрос» продолжался вплоть до поздней ночи. Атмосфера была свободной — были куплены сигареты, бутылка ликера, а к вечеру на стол подали роскошную трапезу. Хофаккер взял всю вину на себя и открыто признавался в покушении и планах переворота. Он без всякого сожаления сознался и представил себя и Штюльпнагеля несущими всю ответственность за заговор в Париже. Этим он взял огонь внимания гестапо на себя и прикрыл других заговорщиков. Многие члены парижской группы Сопротивления обязаны жизнью этому мужественному человеку.

О том, что касалось соучастия Роммеля и Клюге, Хофаккер делал различные намеки уже при первом допросе. [31] С одной стороны, гестапо владело различными сведениями о, например, встрече с Роммелем в Ла-Рош-Гюйон 9 июля — но Хофаккер мог надеяться, что фельдмаршал защищен от преследования. Однако после войны Блюментритт вспоминал, как Оберг растерянно сообщил ему, что перед самым его прибытием прозвучало имя Роммеля. [32]

Пациент военного госпиталя Ле-Везине еще не мог предвидеть, что темные тучи уже сгущаются над ним. Выздоровление Роммеля продвигалось медленно, и он скучал. Монотонно шли будни в военном госпитале, и лишь надежный Руге ежедневно являлся, чтобы составить компанию фельдмаршалу. Время от времени Роммель охотился с тапком на надоедливую муху. Руге призывал помнить о том, что врачи позволяли ему делать только осторожные и очень медленные движения. А Роммель отвечал, смеясь: «Я так и делаю!» [33]

Казалось, что фельдмаршалу уже легче. 30 июля Руге записал в дневник: «Если он и выражал радостные мысли, то как-то не совсем обычно». [34] Возможно, ранение было слишком тяжелым?

В течение этих нескольких дней с фельдмаршалом Клюге, преемником Роммеля, никто и ни за что не захотел бы поменяться местами. 31 июля третье наступление американской армии под Авраншем наконец-то увенчалось успехом. Теперь противник получил беспрепятственный выход в открытый немецкий тыл. С горечью обратился Клюге к офицерам своего штаба: *«Господа, прорыв американцев означает начало конца для нас и для немецкого народа. Я больше не вижу возможности остановить вторжение. Подумайте о моих словах, если у вас когда-нибудь будет возможность вспомнить эти дни»*. [35]

Роммель реагировал по-своему. Он знал, что вступление союзников в Париж теперь было вопросом нескольких недель. Он потребовал от врачей отправить его домой. На возражения, что он все еще нуждается в покое, он отвечал гневным протестом. «Он — фельдмаршал, — писал Руге в своих мемуарах, — и сам несет ответственность за свои поступки». [36] Лишь после того, как на следующий день вмешался Ганс Шпайдель, Роммель уступил и отложил отъезд еще на неделю.

Тем временем Цезарь Хофаккер был переведен в Берлин, в пользующуюся дурной славой тюрьму гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Нужно заметить, что допросы здесь велись совсем по-другому. Хофаккеру удалось упро-

Левое веко парализовано. Роммель в военном госпитале «Ле-Везине», июль 1944 года

свить пустить к нему его бывшего сотрудника из администрации Берлинской тюрьмы, который принес ему несколько смен белья. Засохшие кровавые пятна однозначно говорили: Хофаккера пытали. [37]

Показания Хофаккера до сегодняшнего дня считаются исчезнувшими, как и почти все документы гестапо, посвященные заговору 20 июля 1944 года. Существуют лишь так называемые «сообщения Кальтенбруннера», [38] в которых начальник Имперской службы безопасности докладывал Борману и Гитлеру о продолжении допросов Хофаккера. Разумеется, их подробности мало кому сообщались. Тем не менее, показания Хофаккера относительно точно воспроизводят генералы Кейтель, Йодль и Майзель, которые видели протокол допроса и сообщили о его содержании после войны. Их слова подтверждаются уже процитированной протокольной записью. Гестапо спрашивало Роммеля о разговоре с Хофаккером в Ла-Рош-Гюйон, и это сильно обеспокоило фельдмаршала.

1 августа около 17:00 Гитлер вызвал к себе начальника штаба Главного командования вермахта, генерала Альфреда Йодля. *«Фюрер позволил мне, — записал Йодль в своем дневнике, — прочитать сообщение Кальтенбруннера о показаниях подполковника Хофаккера относительно разговоров с Клюге и Роммелем. Если Роммель хочет уйти в отставку, его следует допросить, а затем немедленно ликвидировать».* [39] После войны, на допросе в Нюрнберге Йодль возвращался к этому моменту: *«Фюрер был глубоко поражен изменой фельдмаршала Роммеля... но он не хотел причинять боль немецкому народу, поставив легендарного Роммеля перед судом».* [40]

На следующий день Йозеф Геббельс посетил «Волчье логово». Как нам кажется, Гитлер еще не имел окончательного представления о степени участия Роммеля в заговоре. После разговора с Гитлером Геббельс написал в дневнике: *«Фюрер также считает, что хотя Роммель и не участвовал в подготовке покушения, он, однако, знал о нем. Я должен сказать, что для меня это является самым тяжелым разо-*

чарованием в этом человеке. Но мне давно было известно, что Роммель никогда не был бегуном на длинные дистанции. О политике он имеет просто фантастические представления. Он великолепен, когда нужно действовать; но в тяжелые времена Роммель сдается без всякого внутреннего сопротивления». [41]

После беседы с Гитлером по телефону министр пропаганды дал указание в Берлин начинать разрушение прежнего образа героя. 3 августа пресса впервые опубликовала сведения о ранении Роммеля. Разумеется, было объявлено, что фельдмаршал пострадал в результате автомобильной катастрофы, в результате чего находится не у дел. Роммель не был против официальной версии: *«Такой образ действий вокруг ранения фельдмаршала, по-видимому, имеет целью не допустить скандала вокруг командующего группой армий».* [42]

Самое худшее, чего мог ожидать Роммель, — что он снова попадет в немилость. В день перед его отъездом Роммелю нанес визит Курт Хессе, его старый приятель по Дрездену. Роммель сразу начал рассказывать — сначала о ранении, затем о фюрере и о других делах. Хессе писал позже о встрече с Роммелем: *«В этой беседе прозвучали решающие слова: „Он [Адольф Гитлер] должен уйти прочь. Он — беда Германии“. Я сказал ему на прощание, что надеюсь скоро увидеть его полностью выздоровевшим, на что Роммель ответил: „Надеюсь, будет еще не слишком поздно!“»* [43]

8 августа, когда Роммеля на машине доставили из Парижа в Германию, в Берлине заканчивался первый процесс против восьми человек, обвиненных в заговоре. Наряду с генералом-фельдмаршалом Витцлебенем и графом Йорком фон Вартенбургом, перед судом предстал также генерал-майор Штифф, которому Клюге звонил ранним вечером 20 июля³⁰. Слу-

³⁰ Кроме них перед судом в этот день предстали Гепнер, фон Хаазе, Бернардис, Клаузинг и фон Хаген. Штифф и Йорк фон Вартенбург держались смело и не отрицали своих антинацистских убеждений; напротив, Клаузинг и Бернардис каялись и просили заменить виселицу расстрелом, генерал-полковник Гепнер называл себя «ослом». (Прим. ред.)

Возвращение домой. Перед домом Роммеля в Херрлингене, 1944 года

шание дела проводилось по образцу открытых советских процессов, под унижительной режиссурой председателя суда, доктора Роланда Фрейслера. Все восемь подсудимых были осуждены на смертную казнь через повешение и казнены в тот же самый день. Смертельные муки умирающих в звуке и цвете были засняты для истории кинооператорами. Вечером 8 августа Гитлер демонстрировал эту киносъемку в своей ставке.

Роммель стал бдительней. Он ничего не рассказал жене о недавних событиях, чтобы защитить ее. Насколько превосходно притворялся Роммель, можно понять из того, что Люси Роммель даже после окончания войны не хотела верить, что муж был замешан в покушении на Гитлера. 9 сентября 1945 она представила заявление, в котором оспаривала связь Роммеля с заговором: *«Я хотела бы еще раз подтвердить, что мой муж не участвовал в подготовке или исполнении заговора 20.7.1944, поскольку он отказался, как солдат, ступить на этот путь... Будучи солдатом, он служил своему народу, даже тогда, когда внутри был уже сломлен...»* [44]

Роммель также не хотел, чтобы опасность угрожала его 15-летнему сыну Манфреду, которому дали отпуск со службы в зенитной батарее на время выздоровления его отца. В долгих разговорах с сыном фельдмаршал утверждал, что отказывался от покушения. При этом истинные соображения вмещивались в мысли Роммеля. Он знал Штауффенберга в 1943 году как первого заместителя начальника штаба 10-й танковой дивизии в Тунисе, где тот прослужил месяц. Штауффенберг был ранен в Африке во время воздушного налета настолько тяжело, что потерял правую руку, левый глаз и два пальца левой руки. Сохраняя безусловное уважение к совершившему покушение, рассудительный практик в Роммеле бранился, что заговорщики не нашли для покушения на Гитлера «никого другого, кроме раненного на войне человека». [45]

Однако самая большая забота Роммеля была в помощи жертвам этой бессмысленной

войны. Неоднократно он гневно говорил сыну: «Каждый выстрел, который мы делаем на Западе, попадает в нас самих!» [46] При этом он доверил сыну то, что планировал сделать во Франции: «самим открыть врагу путь в Германию». Получая письма от своих «африканцев» из плена (что происходило довольно часто), Роммель испытывал грусть и думал: «Все же Бог умнее, чем мы — люди». Роммель вспоминал о своем чрезмерном разочаровании, когда немецко-итальянские подразделения капитулировали в Тунисе. «Но теперь, — говорил он Манфреду, — у них по крайней мере есть значительное преимущество: раз они в плену, то их не убьют». [48]

Даже то небольшое, что говорил Роммель, если он говорил о военном положении или политике, представляло опасность. Все его комментарии были слишком критичны, и он мог в ярости сказать что-нибудь неосторожное, если его вовремя не останавливали. Так было в середине августа, когда его посетил крейслайтер Ульма Вильгельм Майер.

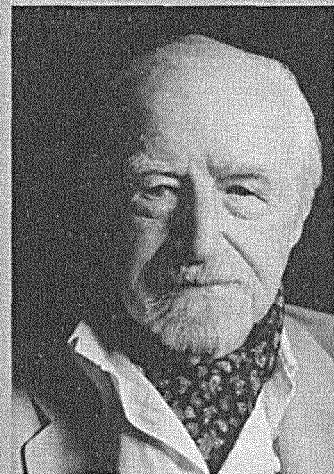
Хотя визит имел официальный характер — местный партийный лидер передавал знаменитому фельдмаршалу приветствия от гауляйтера Баден-Вюртемберга, однако Роммель и Майер знали друг друга со времен учебы, и их беседа быстро стала личной. Роммель досадовал: война проиграна, и Гитлер окружил себя дилетантами. «Фюрер, — говорил Роммель, — не позволил себе посетить Нормандию, а этого ожидали наши солдаты; Черчилль, напротив, посетил побережье вторжения несколько раз». [49] Партийный руководитель попытался его успокоить: «Нужно быть полностью разочарованным, чтобы не иметь доверия к фюреру». [50] Однако теперь Роммель не хотел слышать громкие фразы пропаганды и продолжал, без всякой надежды. «С 1942 года у меня несколько раз была возможность убедиться в душевном нездоровье фюрера», — сухо сказал он. [51] Крейслайтер, по словам Манфреда Роммеля, чуть не упал со стула и стал умолять Роммеля, чтобы тот больше нигде и никогда не повторял такого кощунства. [52]

Мельхиор фон Шлиппенбах, офицер во Франции:

«Каждую неделю один из офицеров штаба Западного фронта ездил к нему домой под Херрлинген, чтобы передать сводки и спросить совета, и я дважды участвовал в этих поездках. Однажды в личной беседе он спросил: „Шлиппенбах, не считаете ли вы, что все было бы гораздо лучше, если бы 20 июля заговорщики добились успеха?“ И я не знал, что должен был ответить, так как не знал, на чьей он стороне. Я ответил очень осторожно, приблизительно так: „Да, если так будет угодно господину фельдмаршалу“. Я ничего не понял тогда. Он использовал эти слова, я помню совершенно точно: „добились успеха“. Что он подразуме-

вал — взятие в плен или действительно покушение или убийство, я не знаю. Он просто сказал „добились успеха“».

Люси Роммель взяла на себя заботы по воздействию на мужа. После того, как Майер ушел, она настоятельно попросила Роммеля держать язык за зубами. [53] Но было слишком поздно. Визит Майера предрешил окончательную судьбу фельдмаршала. Будучи под впечатлением от беседы, крейслайтер обратился к своему другу, бургомистру Хайденхайма доктору Рудольфу Майеру. Если фельдмаршал Роммель больше не верил в окончательную победу, доктор Майер имел совсем другие заботы. «Душевное здоровье фельдмаршала» давало повод для серьезных сомнений. Через голову начальства Майер обратился к надежному члену партии Кронмюллеру. [54] Тот был возмущен. Следовало сообщить наверх.

Теперь Роммель стоял под обстрелом с двух сторон. Компрометирующих фактов на него имелось достаточно, чтобы заслать в концлагерь на всю оставшуюся жизнь. Гестапо тем временем анализировало показания Хофаккера.

Незадолго до визита Майера в дом Роммеля служба безопасности уже начала задавать вопросы, не выражался ли «фельдмаршал Роммель отрицательно относительно ведения войны». [55] 14 августа рейхсфюрер СС Гиммлер читал доклад в ставке фюрера. Запись этого доклада сохранилась. [56] Под пунктом 5 стояли фамилии Клюге и Роммеля. Очевидно, допросы принесли новые данные. Во всяком случае, в этот день приближенный к Гитлеру группенфюрер СС Герман Фегеляйн говорил об «обвинении генерала и фельдмаршала в связи с 20 июля». [57]

Первым под удар попал Клюге. Несчастный случай наложил печать на его участь. 15 августа, через день после доклада Гиммлера в ставке фюрера, сопровождавший конвой Клюге к югу от Фалеза был атакован вражескими самолетами. «Кюбельваген» и радиостанция оказались уничтожены. Около 9:30 был получен последний радиосигнал от Клюге, и лишь к 22:00 он

Эффектная ложь. Роммель с семьей, август 1944 года

прибыл на командный пункт танковой группы Эбербаха. Фельдмаршалу потребовалось около 16 часов, чтобы преодолеть расстояние в 80 км.

Для Гитлера, которому сообщили об исчезновении Клюге, стало ясно: подозреваемый в заговоре фельдмаршал пытался установить контакт с союзниками, чтобы вести переговоры об одностороннем перемирии. 17 августа во Францию неожиданно прибыл генерал-фельдмаршал Вальтер Модель. С собой он привез приказ об отставке Клюге, составленный в очень резкой форме. Модель должен был стать преемником Клюге. 19 августа Клюге отравился цианистым калием. С вечера 20 июля он все

время держал при себе стеклянную ампулу с ядом. [58]

Покончив самоубийством, Клюге оставил письмо для Гитлера, в котором еще раз резюмировал причины, побудившие его сделать то, что он сделал: *«[немецкий] народ так много страдал, что этому наконец-то должен быть положен конец»*. [59] Далее в своем письме Клюге выразил надежду, что его семья не пострадает от ярости диктатора, и закончил словами: *«Я ухожу, чтобы не видеть конца моего фюрера, к которому я относился лучше, чем вы, вероятно, можете предположить»*. [60]

29 августа в Берлине в Народном суде начался процесс над членами парижской органи-

зации Сопротивления. Генерал Штюльпнагель, главный заговорщик в Париже, с белой повязкой на незрячих глазах, предстал перед судьей Фрайслером. Его вид и поведение вызвали глубокое сочувствие. Штюльпнагель категорически отказывался называть фамилии участников заговора. О Роммеле и Клюге он говорил с исключительной неприязнью: «Фельдмаршалы горазды только спорить!» [62] Точно так же он отозвался и о Хофаккере, и о Штауффенберге. «Я уверяю вас, мой фюрер, — сказал Штюльпнагель, бросая взгляд на Гитлера, когда тот перебил его, — сегодня речь идет о моей жизни, через год пойдет о вашей». [63]

Приговор для Штюльпнагеля, Хофаккера, Финка, Линстова и еще четырех подсудимых не мог быть никаким другим: смертная казнь. Однако относительно Роммеля и Клюге Фрай-

слер не мог принять однозначного решения. Он знал о встрече заговорщиков в Берлине от Хофаккера, «высказывавшего пораженческое мнение о положении на Западе и злоупотреблявшего именем фельдмаршала» [64] — но фактических данных было слишком мало. Многие говорили о том, что у Роммеля не было желания искать мира с Советским Союзом, но он стремился к перемирию с Западом. На оперативном совещании в ставке фюрера 31 августа Гитлер вернулся к этому: «Роммель сделал все ошибки, которые только может совершить солдат». [65]

Но как и Клюге, самоубийство которого скрывалось, диктатор не мог привлечь Роммеля к суду. 3 сентября 1944 фельдмаршал был снят с должности командующего группой армий «Б» и переведен в резерв фюрера. Для бы-

«Теперь речь идет о моей жизни». Хофаккер и Линстов перед Народным судом, 29 августа 1944 года

вало офицера это не было чем-то необычным. По своему психологическому состоянию Роммель еще не отдохнул от последствий ранения. Он страдал от сильных головных болей и бессонницы. Опухоль спали, раны зажили, но левое веко оставалось парализованным. Лишь постепенно Роммелю, который регулярно ездил на процедуры в университетскую больницу в Тюбингене, удалось открыть веко. В тот день к нему допустили посетителей, чтобы он мог разглядеть их обоими глазами.

6 сентября в Херрлингене неожиданно появился Ганс Шпайдель. Он был направлен в Ла-Рош-Гюйон как начальник штаба группы армий «Б». На следующее утро его арестовало гестапо и он был доставлен в Берлин. Допрос начался 8 сентября в 9:00 часов утра.

С короткими перерывами допрос продолжался три дня и три ночи. Несмотря на предъявляемые доказательства и угрозы, а также угрозы подумать о жене и детях, Шпайдель до конца отрицал свое соучастие в покушении. [66]

Однако гестапо держало в рукаве страшный козырь. В комнату для допросов ввели скованного человека, тело которого носило следы тяжелых пыток. С ужасом Шпайдель узнал Хофаккера. Единственный из участников процесса против парижской группы, он еще не был казнен. [67] Очевидно, гестаповцы нуждались в дополнительных данных. Наконец, после трехчасовой очной ставки с Хофаккером, Шпайдель признался во всем. Он признал визит Хофаккера 9 июля в Ла-Рош-Гюйон. Теперь в гестапо знали весь план заговора.

Шпайдель энергично отрицал факт своего признания до самой смерти. Но равносильные присяге показания генералов Гейнца Гудериана и Генриха Кирхгайма, сделанные в 1947 году, цитируют слова Ганса Шпайделя. [68] В страхе перед смертью тот признался, наконец, что в тот же самый день предупредил своего начальника фельдмаршала Роммеля о планах Хофаккера. Почему Роммель не обратил внимания на это сообщение, Шпайделю известно не было. И так, сознавшись в своем участии, он все же не выдал Роммеля. [69]

Шпайдель не знал, и не узнал даже после войны, что его признание не было сенсацией для гестапо. То, что Роммель был посвящен в детали покушения, рассказали другие пленники — Штюльпнагель, Хофаккер и зять Клюге, Карл Эрнст Ратгенс. Они рассказали больше, чем Шпайдель: Роммель не только знал о покушении — он согласился с ним и был готов принять участие в работе нового правительства после свержения Гитлера. Шпайдель до смерти страдал от мысли, что подставил своего фельдмаршала под удар. Но на самом деле это было сделано гораздо раньше — и не им.

Второстепенное событие сдвинуло камень с мертвой точки на добрых 2 недели позже: беседа Роммеля с районным руководителем Ульма, в которой он так неблагоприятно высказался о Гитлере и о нынешнем положении вещей. Кронмюллер долго искал путь, как лучше выдать Роммеля. Наконец, 19 сентября 1944 года [70] он послал сообщение о содержании беседы непосредственно Мартину Борману. Секретарь фюрера, кажется, прямо-таки ждал этого. [71] Уже давно он с недоверием следил за карьерой Роммеля. Во времена успехов «парадный генерал» был неприкосновенен. Теперь Роммель созрел для смертельного удара.

27 сентября Борман представил сообщение Кронмюллера лично фюреру в «Волчьем логове». [72] На следующий день он составил четырехстраничную протокольную запись, в которой еще раз обосновал свою точку зрения. Протокольная запись в некоторых частях соответствовала его докладу Гитлеру, и в то же время состояла из нанизанных на одну нить полуправд и тяжких обвинений.

Согласно этой записи, фельдмаршал всем был обязан только своей чрезвычайной славе. *«Я лично, — писал Борман, — никогда не считал Роммеля военным гением, каким его выставляли другие».* Упомянуты были и показания тирольского гауляйтера Хофера, столкнувшегося с Роммелем в северной Италии. Далее Борман писал: *«Я... считаю Роммеля очень тщеславным человеком, который с наслаждением фотографировался с утра до ночи. Однако такие тщеславные».*

Выводы. Август 1944 года

славные люди никогда не являются самыми умелыми, так как действительно умелый человек не имеет необходимости постоянно вертеться перед камерой».

Даже близорукость Роммеля послужила поводом для упрека. *«Роммель из своего тщеславия даже не носит очки; при этом он может читать печатный текст, только если держит бумагу буквально у носа!»* Наконец, Борман закончил: *«Вчера по долгу службы я представил сообщение Кронмюллера фюреру, который затем обсудил ее содержание с фельдмаршалом Кейтелем, рейхсфюрером СС Гиммлером и генералом Бургдорфом. Дальнейшие действия зависят уже от фельдмаршала».*

Формулировка последнего предложения говорит о том, что Гитлер, подстрекаемый Борманом, решил сделать выводы о Роммеле. Фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник Главного командования вермахта, после войны показал на допросе в Нюрнберге, что Гитлер сказал ему: *«Имеются только две возможности: первая — вы предупреждаете Роммеля, вторая — вы арестовываете его и начинаете судебный процесс».* [73]

Предупредить Роммеля — означало предоставить выбор ему самому. *«Он как офицер должен знать, какие выводы надлежит сделать».* [74] Роммель должен был совершить самоубийство. Если бы он отказался, ему пригрозили бы Народным судом. Однако это следовало предотвратить любой ценой. Арестовывать Роммеля было нельзя. Здесь Гитлер и Кейтель оставались едины: *«это был бы просто ужасный скандал в Германии, если бы настолько известный и популярный фельдмаршал был арестован и поставлен перед Народным судом».* [75]

Роммель почувствовал грозящую опасность 6 сентября, когда Шпайдель неожиданно появился у него во второй половине дня. [76] Он видел, как в непосредственной близости от дома Роммеля слонялись два подозрительных человека, которые, как только к ним приближались, исчезали в лесу. Адъютанту фельдмаршала, капитану Герману Альдингеру, удалось задержать обоих и потребовать документы. Новенькие све-

жеотпечатанные паспорта представляли их как инженеров, переведенных из Регенсбурга в Херлинген из-за бомбардировок для строительства здесь новой фабрики по производству вооружения. Альдингеру не оставалось ничего другого, как отпустить задержанных.

То, что ожидало Роммеля в тот день, подтверждается неизвестным до сих пор протоколом одного из допросов послевоенного времени: [77] начиная с 7 сентября два гестаповца из Мюнхена наблюдали за Роммелем круглые сутки. Шпионы были снабжены новыми паспортами, машиной с швабским номером, а также документами VII отдела Инспекции вооружений. Ежедневно данные наблюдений за Роммелем (обозначался псевдонимом «Руммель»³¹) посредством курьера доставлялись в Мюнхен. [78] Оттуда сообщения безотлагательно передавались в Берлин и ложились на письменный стол гауптштурмфюрера Иоахима Хаманна. Этот референт имперской службы безопасности особо «отличился» на территории Советского Союза. «Выездная команда Хаманна» несла ответственность за убийство более чем 70 000 литовских евреев. Теперь он работал в пользующемся дурной славой отделении «А3» IV отдела, занимавшемся борьбой с «внутренней оппозицией» в Германии³². После покушения здесь велась напряженная работа.

После инцидента с гестаповцами Роммель всегда носил пистолет в кармане пальто. [79] Его дом тщательно охраняли. Теперь он со дня на день ожидал ареста. Кроме того, как вспоминает его сын Манфред, он постоянно имел при себе все важные документы, чтобы в случае ареста в любое время подтвердить, что не несет никакой вины за неудачное отражение вторжения. [80] Эта мысль не давала покоя Роммелю с самой весны 1944 года. Именно тог-

³¹ Использование гестаповцами этого слова говорит о многом — по-немецки оно обозначает суматоху, шум, гам, балаган; может переводиться и как «старье», «хлам». (Прим. ред.)

³² IV отдел (Amt IV) Главного управления имперской безопасности (RSHA) — государственная тайная полиция (гестапо). 3-й отдел группы «А» занимался внутренней и внешней (эмигрантской) оппозицией режиму. (Прим. ред.)

да он начал делать копии со всех приказов и разработок, проводившихся в замке Ла-Рош-Гюйон. [81] С тех пор мысль о мнимых ошибках при подготовке к оборонительному сражению на побережье Нормандии стала навязчивой идеей фельдмаршала.

Но Роммель должен был знать, что Гитлер отправил в отставку, пожалуй, не так уж много фельдмаршалов и генералов; куда больше высших офицеров подверглись преследованиям, находились в заключении или были казнены. Из тех немногих сведений, которые доходили до него, Роммель мог составить более или менее ясную картину своего положения: его ранение было подано как автомобильная катастрофа. Клюге совершил самоубийство, Штюльпнагель и Хофаккер приговорены к смерти, Шпайдель арестован; сам же он находится под наблюдением. Все эти признаки однозначно говорили о том, что Роммель также попадет под пристальное внимание службы безопасности. Формально из-за мнимых военных ошибок — хотя причиной тому, несомненно, является его соучастие в заговоре и одобрение государственного переворота.

Роммель делал выводы. Во время долгих прогулок он пытался представить себе, как будет реагировать Гитлер. Он знал, что диктатор никогда не пойдет на процесс в Народном суде. «Это, — объяснял Роммель сыну, — стало бы концом для Гитлера». [82]

1 октября он предпринял последнюю попытку связаться с Гитлером. В письме диктатору Роммель открыто заступался за своего арестованного начальника штаба Шпайделя. Подробно описав заслуги Шпайделя, Роммель подчеркивал его невиновность: «Я не могу представить, какие есть основания для ареста генерал-лейтенанта Шпайделя». [83] Роммель заканчивал письмо словами: «*Мною всегда владела лишь одна мысль — бороться и побеждать для вашей новой Германии. Удачи, мой фюрер! Э. Роммель*».

К этому времени Роммель больше не верил ни в Гитлера, ни в «будущее новой Германии». Уверения в преданности были не более, чем

пустой фразой. Тем не менее, письмо доказывает, насколько расколотым ощущал себя Роммель. Он отчаянно цеплялся за веру в то, что диктатора еще можно образумить. Однако надежда была недолгой. [84] Через некоторое время он снова взялся за оправдательные документы. Убеждение, что без этого Гитлер ему не поверит, снова взяло верх.

В начале октября 1944 года Роммель закончил последнюю главу своих военных мемуаров. Как всегда, Люси сидела у пишущей машинки, перепечатывая конспекты мужа. Речь шла о вторжении в Нормандию. Роммель перечислял все известные и заслуживающие внимания причины, которые привели к поражению, и заключал: «*Несмотря на все это, я полагаю, что мы проиграли... битву, так как наши контратаки были разбиты ураганным огнем корабельной артиллерии и ударами военной авиации союзников*». [85]

Затем Роммель сделал заключительное рассмотрение, в котором он объяснил неудачу войны пренебрежением к африканскому театру военных действий. С хорошим снабжением и большим количеством солдат, писал Роммель, можно было победить британские вооруженные силы и открыть дорогу к Суэцкому каналу и Египту, а также в Восточную Африку, Сирию, Месопотамию и Иран. Миллионы тонн нефти попали бы в руки Германии и ее союзников, а кроме того, взятие портового города Басры в Персидском заливе перекрыло бы пути американского снабжения России. И прежде всего, открылась бы возможность нанести удар в тыл русскому южному фронту. [86]

Полководец в Роммеле все еще не мог отказаться от мысли, что он мог бы выиграть войну для Гитлера. Даже несмотря на то, что все просчеты были видны невооруженным глазом. «*Войну на три фронта, — написано в конце его мемуаров, — мы не могли вынести. На Востоке русские, потеряв множество собственных войск, проломил нашу оборону. Новые фронты на Востоке и на Западе могут быть организованы последними резервами с необычайным трудом. Над нами сгущается тьма*». [87]

Последняя фотография. Университетская клиника Тюбинген, октябрь 1944 года

4 октября в Берлине собрался военный трибунал, который должен был решить судьбу генерал-лейтенанта Ганса Шпайделя. После покушения 20 июля это собрание офицеров высокого ранга было создано, чтобы сохранить вид самостоятельности армии по сравнению с органами СС.

Шеф имперской безопасности обергруппенфюрер Эрнст Кальтенбруннер в этот день лично представлял обвинение. Он считал защитное утверждение Шпайделя, что тот будто бы передал сведения о покушении, полученные от Хофаккера, Роммелю и не знал, что фельдмаршал не обратил внимания на эти сведения, «невероятным». «Если бы Шпайдель сообщил о плане командованию вермахта, — продолжал Каль-

тенбруннер, — то покушение не состоялось бы. Посредством того, что он не воспринял сообщение должным образом, он позволил состояться покушению. Поэтому он виновен, как посвященный в план покушения и его пособник».

Фельдмаршал Кейтель, который руководил заседанием, поторопился добавить, что «фюрер высказал мнение, что в вине Шпайделя нет никаких сомнений».

В помещении господствовало гнетущее молчание. Кейтель попросил присутствующего Генриха Кирхгайма, как младшего по званию генерала, первым зачитать приговор. Кирхгайм промедлил секунду, а затем сказал уверенно, громко и отчетливо: «Свободен от вины и позорений».

Шпайделю повезло. Когда Кейтель начал возмущаться слишком мягким, по его мнению, приговором, генерал-полковник Гейнц Гудериан вступился за Кирхгайма. После жаркого спора шесть присутствовавших офицеров, несмотря на протесты Кальтенбруннера и Кейтеля, зачитали окончательный приговор: «Не виновен». Шпайдель был спасен. [88] Тем не менее, он оставался под стражей еще две недели. 29 апреля 1945 года он попал в плен к французским войскам в швабском городе Урнау.

На участь Роммеля процесс против Шпайделя не повлиял никак. Уже в начале октября Хаманн, пользующийся дурной славой, внезапно появился в Херрлингене лично. Он распорядился, чтобы местное отделение гестапо усилило наблюдение за Роммелем. [89] Теперь фельдмаршал ни в коем случае не мог никуда сбежать.

7 октября 1944 года, утром в субботу, в доме Роммеля в Херрлингене зазвонил телефон. Офицер штаба Роммеля, Хельмут Ланг, снял трубку. У аппарата был фельдмаршал Кейтель. Роммеля вызывали на важное совещание в Берлин. Утром в понедельник особый поезд должен был прибыть за Роммелем в Ульм. Ланг отреагировал самовольно: «Это невозможно в настоящий момент, фельдмаршал еще не оправился после ранения». Со словами «Вы обо мне еще услышите» Кейтель сердито бросил трубку. [90]

Когда Роммель узнал об этом, он впал в один из своих пользующихся дурной славой припадков бешенства. В тот же день он приказал Лангу покинуть дом. Но когда первая ярость Роммеля прошла, он признался, что реакция офицера была не настолько ошибочна, как могло показаться сначала. В тот день он говорил сыну: «Не поступай так с теми, у кого есть власть». [91] Некоторое время Роммель даже размышлял над тем, не отправиться ли ему в Тюбинген, чтобы лечь в университетскую больницу. Наконец он позвонил врачам, чтобы те подтвердили, что он еще не способен на длительные поездки. Затем он связался со ставкой фюрера. Вместо Кейтеля трубку снял генерал Вильгельм Бургдорф, начальник отдела персонала

сухопутных войск. Роммель знал Бургдорфа еще по Дрездену. Бургдорф сообщил Роммелю, что его ждут в Берлине и желают поговорить о его новом назначении.

«К сожалению, — отвечал Роммель, — врач запретил мне возвращаться на службу». [92] Бургдорф предложил прислать к нему «какого-нибудь надежного офицера». [93] Роммель отказался. Он ничуть не успокоился: наоборот, теперь он всерьез опасался за свою жизнь.

В следующую среду, 11 октября 1944 года, адмирал Руге неожиданно известил фельдмаршала о своем скором визите. [94] Роммель чрезвычайно обрадовался возможности снова увидеть старого приятеля из Ла-Рош-Гюйон. Люси устроила для гостя маленький банкет с жарким из косули. После еды господа удалились в кабинет фельдмаршала. За бокалом шампанского Роммель рассказал про вызов из Берлина и о том, что не поехал, сославшись на состояние здоровья. Затем Роммель добавил: «Я знаю, что больше не жилец на этом свете».

Руге решил, что фельдмаршал пошутил, и, переведя разговор на состояние здоровья Роммеля, отметил, что «все же вы выглядите вовсе не так плохо». После этого Роммель помрачнел и сменил тему. Лишь после его смерти Руге понял истинный смысл слов фельдмаршала. На следующее утро фельдмаршал лично проводил Руге до вокзала; больше им не суждено было увидеться.

Двумя днями позже, в пятницу 13 октября, супруги Роммель вновь вышли на долгую прогулку. В Альгее они навестили старого друга Роммеля, Оскара Фарни. Кажется не случайным, что Роммель посетил Фарни только теперь. Ему он доверял. С глазу на глаз Роммель открыл ему, что ожидает преследований из-за покушения 20 июля. Фарни был возмущен: «Гитлер не станет тебя преследовать!» Роммель оставался очень спокойным: «И все же, он хочет устранить меня». [95] Затем он выразил последнее желание, которое, очевидно, лежало у него на душе: «Если что-то произойдет со мной, я прошу тебя позаботиться о моем мальчике». [96]

Когда Роммель с женой вечером вернулись домой, Рудольф Лоистль встретил его тревожным сообщением. Во время их отсутствия позвонил генерал Бургдорф и сообщил, что прибудет в Херрлинген на следующий день между 12:00 и 13:00. [97] Роммель понял, что его часы сочтены, но внешне ничем не выдал этого. Вечером он еще долго сидел и разговаривал вместе со своим адъютантом Германом Альдингером. Роммель говорил о том, что в руководстве вермахта хотят выяснить, почему произошло крушение фронта в Нормандии. «Он попросил меня, — писал позже Альдингер, — чтобы я подготовил карты и он смог показать развитие событий на эскизе». [98] План Роммеля удался. Даже в 1947 году Альдингер говорил в Мюнхене: «Мы все думали, что речь пойдет о Французской кампании. Фельдмаршал много раз говорил мне: „Все ли сделано? Готова ли карта?“» [99]

Около 21:00 того же дня генерал Бургдорф, Эрнст Майзель и майор Антон Эрншпергер прибыли в Ингольштадт. [100] Несколько позже к офицерам присоединился Иоахим Хаманн. Он привез из Берлина шестерых особенно надежных сотрудников гестапо, которые должны были гарантировать безупречное исполнение плана на следующий день. После того, как все подробности предприятия были подробно обсуждены еще раз, господа разошлись по своим гостиничным номерам.

На следующее утро Роммель проснулся очень рано. Когда адъютант Альдингер вошел к нему около 6:30, он увидел, что фельдмаршал уже стоит на террасе. Взгляд Роммеля беспокойно следил за несколькими вражескими бомбардировщиками, следы которых, как меловые линии, выделялись на небе. Манфред уже целую неделю нес службу в зенитном расчете недалеко от Ульма и должен был на выходные приехать домой с утренним поездом. Альдингер должен был сделать несколько покупок в Ульме и вернуться в Херрлинген приблизительно к 10:45. [101]

Тем временем прибыл Манфред Роммель. Очень серьезный, отец принял его со словами: «Вероятно, я буду мертв уже сегодня вечером».

Около 11:00 дюжина гестаповцев в гражданской одежде заняли позиции вокруг дома Роммеля. [102] К людям Хаманна присоединились четверо агентов гестапо из Мюнхена. Они получили приказ «при помощи оружия предотвратить любую попытку побега». [103] На дороге, ведущей к дому Роммеля, гестаповцы поставили телегу, чтобы перекрыть единственный запасной выход. [104] Один из эсэсовцев после войны даже рассказывал, что в тот день автобан Мюнхен-Штутгарт был перекрыт, чтобы Роммель не смог выбраться в последний миг — например, самолетом. [105]

Около 12:00 Бургдорф и Майзель подъехали к усадьбе Роммеля на черном «Мерседесе» с 1,7-литровым двигателем. Оставив машину с водителем у ворот, к входной двери прибывшие прошли пешком. Рудольф Лоистль пригласил гостей в дом. Господа не стали снимать пальто и потребовали немедленной встречи с Роммелем. Фельдмаршал с женой ожидал их в кабинете. Ни о чем не догадываясь, Люси Роммель спросила, хотят ли гости остаться на обед. [106] Генерал Бургдорф отказался и попросил ее покинуть комнату, так как им с Майзелем нужно поговорить с фельдмаршалом о служебных делах.

После того, как Люси Роммель удалилась, Бургдорф объяснил, что у него имеется приказ фюрера «посетить Роммеля в связи с расследованием заговора 20 июля». [107] По воспоминаниям присутствовавших, Бургдорф назвал несколько фактов, обличающих Роммеля. Наиболее тяжелым из них был пересказ беседы с Хофаккером в замке Ла-Рош-Гюйон. [108]

Роммель побледнел. Бургдорф поставил его перед выбором: самоубийство или Народный суд. Роммель встал и молча стал расхаживать по комнате. Затем он остановился и объяснил: «Мне нужно подумать». [109] Генерал молчал. Роммель снова стал ходить по комнате. Затем он присел на мгновение, чтобы через секунду снова вскочить с места. Почти извиняясь, он произнес: «Я любил фюрера и все еще люблю его!» [110]

Манфред Роммель, 15 лет:

«Я пришел утром, получив увольнение на выходные, а мой отец сказал: „Вероятно, я буду мертв уже сегодня вечером“. Он разговаривал со мной, когда они пришли и попросили его побеседовать с ними наедине. Он думал именно о них, это совершенно ясно».

Генерал Майзель, верный слуга режима, после войны в ходе процесса, на котором он давал показания по поводу убийства Роммеля, говорил, что эта фраза вызвала в нем «отвращение». Он, верный Гитлеру Майзель, считал эти слова «лицемерием». [111] То, что участник заговора не смог совсем отвернуться от Гитлера, Майзель не мог даже представить.

Бургдорф попросил фельдмаршала о разговоре с глазу на глаз. Когда Майзель покидал комнату, он услышал, как Роммель говорил Бургдорфу: «...однако с пистолетом у меня может не получиться». [112] Бургдорф сказал Роммелю, что у него с собой есть ампула с цианистым калием. Он успокоил Роммеля: его семья не будет подвергнута преследованиям, и ему будут отданы все воинские почести. Роммель попросил, чтобы ему дали попрощаться с женой и сыном. [113]

Почти наощупь, едва переставляя ноги, Роммель поднялся на второй этаж дома. В спальне он нашел свою жену. По словам Люси Роммель, было «невозможно выразить то, что читалось на его лице». [114] Она с волнением

спросила его: «Что случилось?» Роммель ответил ей, абсолютно отрешенно: «Через четверть часа я уже буду мертв». [115]

Когда немного позже капитан Альдингер поднялся по лестнице, он слышал, как Люси Роммель горько плакала. Дверь была приоткрыта, и он увидел, что в комнате стоит совершенно бледный Роммель. Тем временем Манфред Роммель также пришел к отцу. Альдингер не хотел мешать и ушел в свою комнату. Роммель сам пришел к нему и положил руки ему на плечи. Альдингер служил у Роммеля еще во время Первой мировой войны, и между ровесниками была настоящая дружба. Почти беззвучно Роммель прошептал: «Альдингер, это конец». Слезы текли из глаз верного адъютанта. Роммель коротко рассказал о беседе с генералами и закончил словами: «Я не чувствую себя виноватым. Я не являюсь причастным к этому покушению. Я всю свою жизнь служил Отчеству и старался поступать так, как было лучше. Пусть обо мне помнит мой швабский народ и мои добрые горы». [116]

Plötzlich und unerwartet verschied nach seiner schweren Verwundung vom 17. 7. 1944 im 53. Lebensjahr mein geliebter Mann und der treueste Freund seines Sohnes, unser lieber Bruder, Schwager und Onkel

Generalfeldmarschall Erwin Rommel

Ritter des Ordens Pour le Mérite

Inhaber des Ritterkreuzes mit Eichenlaub, Schwertern und Brillanten, des goldenen Verwundetenabzeichens und anderer hohen Auszeichnungen.

Sein Leben war Dienst am Vaterland.

In tiefer Trauer im Namen aller Angehörigen

Frau Lucie-Maria Rommel

Manfred Rommel, z. Zt. Luftwaffenhelfer.

Herrlingen b. Ulm, am 14. 10. 1944.

Von Beileidsbesuchen wird gebeten, Abstand zu nehmen.

0125

Извещение о смерти. 14 октября 1944 года

На пятьдесят третьем году жизни, после тяжелого ранения 17.7.1944 г. нас внезапно и неожиданно покинул мой любимый муж и вернейший друг своего сына, наш дорогой брат, дядя и родственник генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель, кавалер ордена Pour le Merite, обладатель Рыцарского креста с Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами, Золотого знака за ранение и других высоких отличий.

Его жизнь была служением Отечеству.

С глубокой печалью от имени всех родственников:

госпожа Люси-Мария Роммель,
Манфред Роммель, временный помощник Люфтваффе.

Херрлинген близ Ульма, 14.10.1944.
Просьба воздержаться от траурных визитов

На смертном ложе

Когда Роммель снова спустился на первый этаж, он, кажется, успокоился. Манфред и Альдингер помогли ему надеть кожаное пальто. Роммель нашел в кармане бумажник и спросил: «Должен ли брать я с собой это?» Альдингер еле слышно прошептал: «Это уже неважно». [117] Роммель забрал с собой жезл фельдмаршала и шапку. По старой привычке он взял с собой еще и запасной ключ от входной двери. Затем, помедлив секунду, он вложил ключ сыну в руку.

Втроем они прошли к машине. Роммель сел позади, справа от Бургдорфа. Двери захлопнулись, и «Мерседес», взревев мотором, уехал прочь.

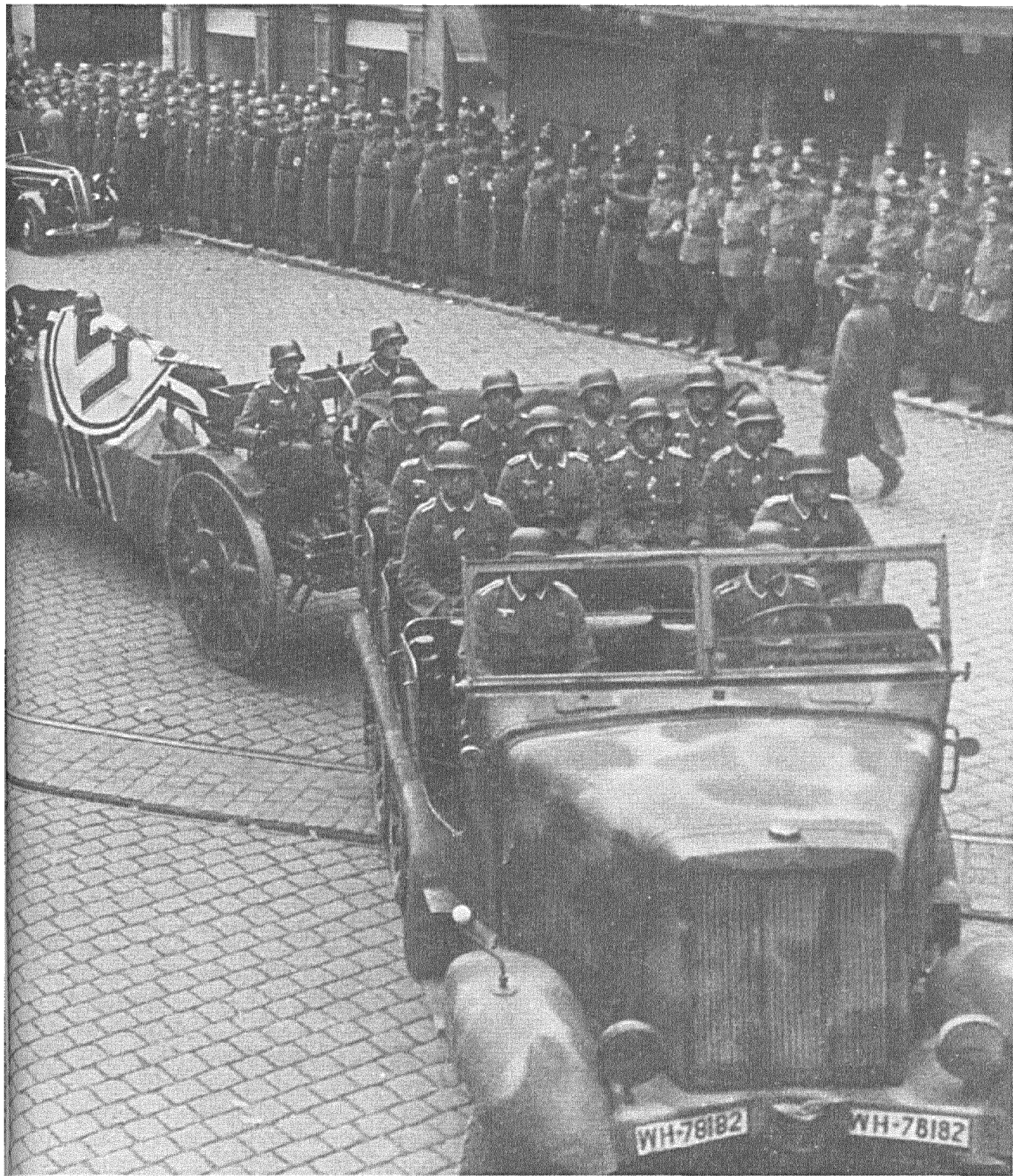
Приблизительно через 500 метров машина свернула с дороги и остановилась среди зарослей в старом гравийном карьере. Бургдорф по-

просил генерала Майзеля и водителя Генриха Доозе, чтобы те покинули машину, а после этого отошел в сторону сам. Примерно через пять минут Бургдорф позвонил всем обратно к машине. Позже Доозе описывал, какая картина открылась его глазам: «Я видел Роммеля на заднем сидении автомобиля, без сознания, при смерти. Он еле слышно всхлипывал — не хрипел, не стонал, а именно всхлипывал. Это было ужасно». [119]

Теперь следовало как можно скорее ехать в Ульм. Смерть Роммеля переросла в трагифарс. Взвизгнув шинами, машина затормозила перед военным госпиталем в университете Вагнера. Два вызванных санитара отнесли тело Роммеля в операционную. [120] Неосведомленному врачу, доктору Фрицу Брайдерхоффу, сообщили, что Роммель во время поездки пережил сер-

Фальшь на высшем уровне. Ульм, 18 октября 1944 года

* 42 Telegramm				Deutsche Reichspost	
Aus dem Felde 45/44 a. 18. 10. 44 15.34 Uhr					
Aufgenommen			Übermittelt		
Tag	Monat	Jahr	Zeit	Tag	Zeit
16.	10.	44	19.00 Uhr	16.10.44	19.30
von: Ulm			durch: Herrlingen Schindler		
Amt: Herrlingen			An Frau Lucie Rommel Herrlingen bei Ulm Donau.		
<p>Nehmen Sie zu dem schweren Verluste den Sie durch den Tod Ihres Gatten erlitten haben mein aufrichtiges Beileid entgegen. Der Name des Generalfeldmarschall Rommel wird für immer mit den Heldenhaften Kämpfen in Nordafrika verbunden sein.</p> <p style="text-align: right;">Adolf Hitler.</p>					
Für sonstige Rückfragen			C 187 Ds A 3 (14) 29		

Письмо Гитлера с выражением соболезнований. 16 октября 1944 года

Германская Имперская Почта.

Телеграмма фюрера госпоже Люси Роммель.

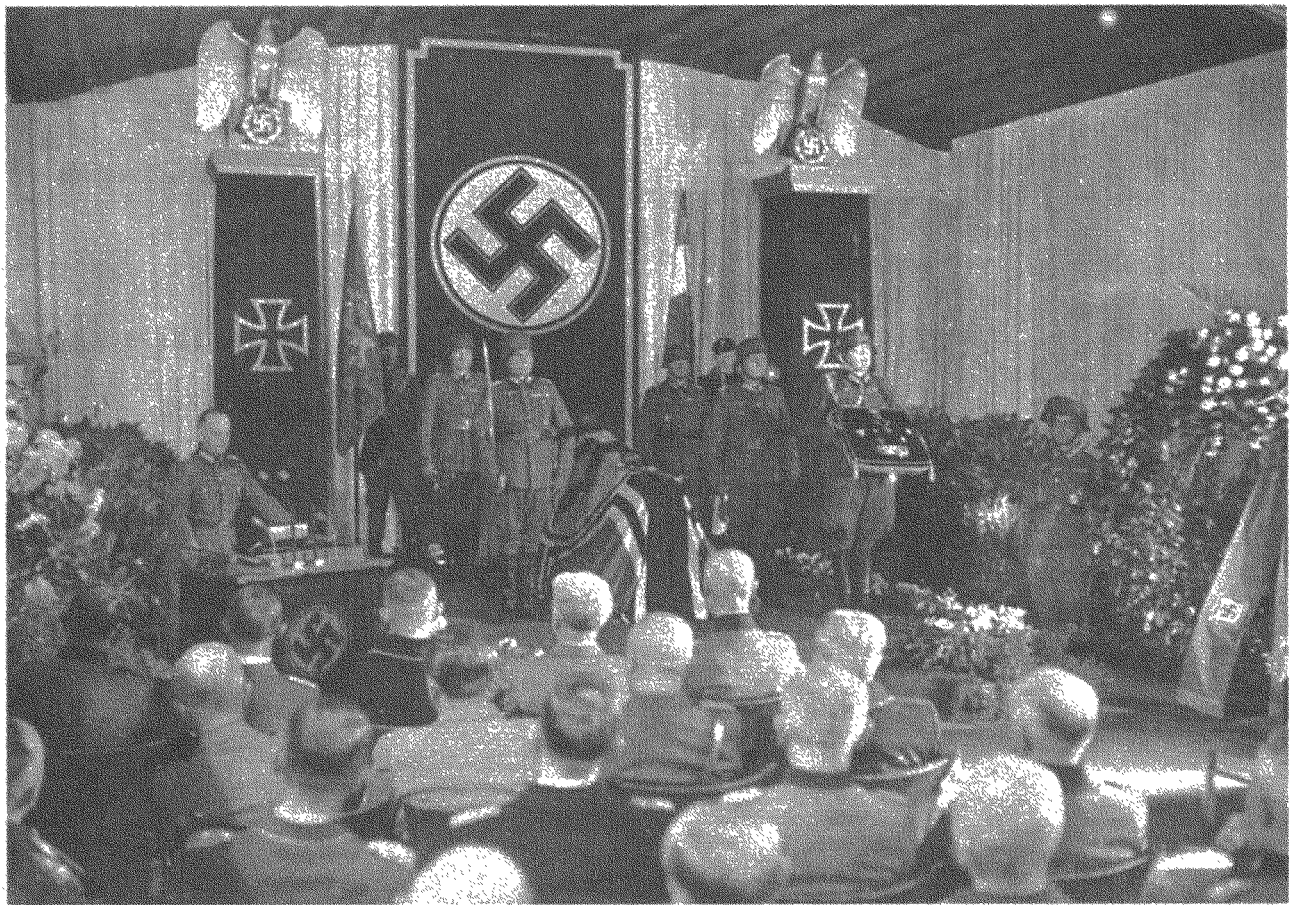
Херрлинген близ Ульма на Дунае.

Принято: 16.10.44, 19:00 — Ульм, Шиндлер, отделение Херрлинген.

Передано: 16.10.44 — Херрлинген, Шиндлер.

Примите мое искреннее сочувствие в связи с тяжелой потерей, которую Вы понесли из-за смерти супруга. Имя генерала-фельдмаршала Роммеля навсегда будет связано с героической борьбой в Северной Африке.

Адольф Гитлер

«Его сердце принадлежало фюреру». Рундштедт держит траурную речь. Ульм, 18 октября 1944 года

дечный приступ. Брайдерхофф немедленно сделал инъекцию кормедола прямо в сердце, но это не принесло результата. [121] Затем генерал Бургдорф отправился к городскому коменданту Ульма и по телефону сообщил фельдмаршалу Кейтелю об исполнении акции. [122]

Внезапно появившийся гауптштурмфюрер Хаманн появился в операционной и попросил доктора Брайдерхоффа о конфиденциальной беседе.

Речь шла о свидетельстве о смерти для Роммеля. Брайдерхофф отказался давать медицинское алиби убийству. Во всяком случае, в свидетельстве о смерти стоит подпись другого известного в Ульме врача — надежного члена партии. В качестве причины смерти он отметил: «Остановка сердца вследствие несчастного слу-

чая, связанного с исполнением служебных обязанностей». [123]

Тем временем в операционной медицинская сестра позаботилась о мертвце. Она стерла белую пену со рта Роммеля, привела в порядок китель, повязала на шею сорванный Рыцарский крест и украсила смертное ложе несколькими цветами, срезанными прямо у здания больницы. [124]

Инсценированный акт равнодушной скорби был проведен 18 октября в ратуше Ульма. Катафалк Роммеля укрыли боевым имперским флагом. Маршальские жезлы, шлем и шпага Роммеля лежали сверху. На подушке сверкали ордена и регалии его земной славы; среди них — Железный крест с Дубовыми листьями и Рыцарский крест с бриллиантами. Гитлер и его

приближенные, само собой, остались в стороне от церемонии. Но простые жители Ульма пришли, чтобы попрощаться с фельдмаршалом, и их было больше, чем кто-либо мог предположить. Лишь немногие заметили, что Манфред Роммель и его мать стоят, как каменные статуи. Им не осталось ничего другого, кроме как почтить присутствием эту торжественную мессу, исполненную фальши.

По распоряжению Гитлера в Ульм был направлен генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт. Старик, конечно, не знал, при каких обстоятельствах погиб во Франции его бывший подчиненный. Тем не менее, он чувствовал себя не в своей тарелке. Слишком мало связывало его с Роммелем, чтобы играть теперь такую роль

при его погребении. Торжественная речь была деревянной и официальной. [125] Фальшь сквозила в словах: *«Неутомимый борец был исполнен национал-социалистским духом, который стал для него источником энергии и составлял основу его действий. Его сердце принадлежало фюреру»*. [126] Первое предложение было пустой фразой, едва ли характеризовавшей Роммеля. Но во втором предложении Рундштедт высказал истинную правду. Сердце Роммеля действительно «принадлежало фюреру». Тем важнее осознавать тот факт, что этот человек нашел в себе силу и мужество выступить против Гитлера в те дни, когда приказы диктатора противоречили совести фельдмаршала. И в этом — другая правда Эрвина Роммеля.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сын Роммеля Манфред после войны обучался праву, был активным членом Христианско-демократического союза, стал обер-бургомистром Штутгарта и известным политиком в старой ФРГ. В ночь на четверг 18 октября 1977 года в тюрьме Штутгарт-Штаммхайм совершили самоубийство террористы RAF Андреас Баадер, Гудрун Энслин и Ян Карл Распе³³. В последующие дни разгорелся ожесточенный спор вокруг того, где они должны быть захоронены. Когда 20 октября семья Энслин обратилась к Манфреду Роммелю как обер-бургомистру с просьбой о захоронении на городском кладбище Штутгарта Дорнхальденфридхоф, он ответил по своему обыкновению быстро и без бюрократизма: «Со смертью заканчивается всякая вражда». Это вызвало жестокие нападки в его адрес со стороны собственной партии, однако Манфред Роммель не отступил от своей человеческой позиции. [1]

Во многих отношениях поведение Манфреда напоминало его отца. В решительные моменты своей жизни Эрвин Роммель действовал независимо от любого внешнего влияния, руководствуясь только собственным убеждением. Противодействуя приказу Гитлера о казнях, он старался действовать человечно, препятствуя любому исполнению преступных приказов. То, что он служил системе, которая требовала от него исполнения подобных приказов и была

очевидно преступной, в тот момент он не осознавал.

При Эль-Аламейне Роммелю потребовалось 24 часа, чтобы вопреки приказу Гитлера распорядиться об отходе. Он сознательно делал то, что считал нужным, чтобы спасти жизнь своих солдат, но строго из военных соображений: плененная армия не смогла бы более сражаться. Потом он постоянно укорял себя за то, что ему потребовалось целых 24 часа, чтобы решиться на отход.

Само по себе любое из решений Роммеля не было чем-то необычным. Ему придавалось такое значение лишь потому, что в то время другие немцы не делали ничего подобного. В действительности не является решающим, знал ли Роммель о подготовке покушения на Гитлера и одобрил ли его. Также неважно, как бы он взаимодействовал затем с новым правительством Германии в случае удачи государственного переворота. Одно это еще не делает из него участника Сопротивления.

Однако крайне маловероятно и в целом ничем не подтверждается мнение, что Роммель имел собственный план завершения войны. К этому выводу приводит долгий путь. После Эль-Аламейна Роммель более не верил в окончательную победу. В последующие месяцы он пришел к убеждению, что единственным выходом из грозящего стране краха является сепаратный мир с западными союзниками. Это, однако, не означало, что Роммель хотел продолжать истребительную войну Гитлера на Востоке. Речь

³³ Существует мнение, что это самоубийство было инсценировано — точно так же, как самоубийство Роммеля. (Прим. ред.)

шла о том, чтобы эффективно защитить восточные границы Германии. О том, что произойдет, если Красная Армия вступит на немецкую землю, у него не было никаких иллюзий³⁴.

Если осенью 1943 года Роммель считал это решение неотложным, то в начале 1944 года он надеялся, что Германия успешной обороной сможет удержать относительно сильную позицию, с которой можно будет вести переговоры о более-менее приемлемом мире с англичанами и американцами. Только перед высадкой союзников он вновь смирился с действительностью. Неоднократно он пытался говорить с Гитлером о необходимости сепаратного мира, однако во время последней встречи диктатор просто не дал Роммелю сказать ни одного слова.

Три фактора подталкивали Роммеля к участию в Сопروتивлении. В первую очередь это была забота о Германии — именно она, а не воинский дух говорил в нем, когда он думал о грядущем поражении. Следом шли осознание преступности режима, а также — не в последнюю очередь — позиция тех людей, которые выходили на него от различных кругов и группировок немецкого Сопротивления в 1944 году.

Под конец он составил совершенно неисполнимый план: Роммель хотел по собственной инициативе открыть союзникам Западный фронт. И он не ожидал удачи покушения, даты которого Хофаккер во время совещания 9 июля в Ла-Рош-Гуйон просто не знал. Роммель принял самостоятельное решение. И решился осуществить его — с помощью покушения или без него. Роммель начал подготовку с холодной головой. На его стороне было военное руководство на Западе. Он рассчитывал на благожелательность Монтгомери. То, от чего вечером 20 июля воздержался не веривший в успех Ключе, должен был сделать Роммель.

Если бы план Роммеля осуществился, его

³⁴ Данное высказывание автора не оставляет никаких сомнений в том, что дело доктора Геббельса все еще живо, а его рассказы о «зверствах большевизма на немецкой земле» до сих воспринимаются в Федеративной Республике как истина, не вызывающая сомнений. (Прим. ред.)

результатом был бы глубокий прорыв союзных войск к границам Рейха. Режим был бы потрясен, и переворот мог бы оказаться более успешным. Миллионы человеческих жизней были бы спасены. Увы, воздушный налет 17 июля 1944 года положил конец этим расчетам, похоронив неожиданный план Эрвина Роммеля.

Риск для него был не меньше, чем при покушении на Гитлера. Он даже думал о перевозке семьи во Францию, чтобы в день мятежа спасти ее от мести Гитлера. [2] Роммель отказался от этой попытки, так как она могла вызвать подозрение. Позднее высказывалась мысль, что 14 октября 1944 года он, опасаясь за семью, предпочел самоубийство явке в Народный суд, упустив таким образом шанс нанести удар по авторитету диктатора. Это не соответствует действительности. В этот час у Роммеля был только один выбор: умереть от собственной руки или быть убитым. [3] Гитлер не мог позволить Роммелю предстать перед Народным судом. В личных вопросах Роммель был бескомпромиссным — даже если бы речь шла о его семье.

Отношение Роммеля к Гитлеру не было столь однозначным. Он некритично почитал диктатора со времени службы в его главной квартире в Польше в 1939 году. При этом для Роммеля до того времени не было тайной, что правление Гитлера оборачивается бесправием для немецких и австрийских евреев. Роммель сделал свой выбор и решительно отказал в сочувствии преследуемым людям. Видимые успехи режима перевешивали для него теневые стороны нацизма. Это был плохой компромисс. Должен ли он был сделать дальнейшие выводы?

Развязывание Второй мировой войны было для него неожиданностью. В планировании истребительной войны против СССР Роммель участия не принимал. О нападении 22 июня 1941 года он узнал в пустыне под Тобруком.

Африка всегда оставалась второстепенным ТВД. Однако несомненно, что после прорыва в Палестину вслед за армией «Африка» пришли бы сподвижники Адольфа Эйхмана — со всеми

вытекающими отсюда чудовищными последствиями. Однако об этом Роммель не знал. [4] С убийствами евреев он столкнулся лишь позднее, поскольку в течение долгого времени находился в Африке буквально «под пулями». Только в феврале 1944 года он узнал от обер-бургомистра Штутгарта Штрелина всю правду. Роммель решительно отверг это преступление. Он до конца с большим или меньшим успехом пытался убедить себя, что Гитлер не являлся его виновником. Он все еще доверял диктатору. Хотя после Эль-Аламейна его зависимость от Гитлера уже не была безграничной, он до последнего часа не мог освободиться от этого чувства.

Со своей стороны, Гитлер с самого начала использовал наивного шваба. Слава Роммеля, миф о нем были частью системы. Невольно и

сам того не ведая, Роммель стал составной частью преступного режима. Это бросает на его достижения полководца тень преступления, в котором нет его персональной вины. Лично он преступных приказов не отдавал.

В деревне Фридерсдорф возле Франкфурта-на-Одере в сельской церкви есть старая эпитафия похороненному там подполковнику Фридриха Великого Иоганну-Фридриху-Адольфу фон Марвитцу. Во время Семилетней войны он отказался выполнить приказ своего короля и в порядке репрессалий сжег замок Хубертусбург. За это он должен был заплатить отставкой. Марвитц умер 14 декабря 1781 года. В эпитафии говорится: «Выбрал немилость там, где повинование не принесло бы чести».

Это было бы верно и для Эрвина Роммеля.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ

Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Abt. IV, Kriegsarchiv, München Bay (Баварский высший государственный архив, отд. IV, Военный архив, Мюнхен)	HSTA, Abt. IV
Bundesarchiv Filmarchiv, Berlin (Фильмотека Бундесархива, Берлин)	BAFA
Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg (Бундесархив — Военный архив, Фрейбург)	BAMA
Deutsches Rundfunkarchiv, Frankfurt a.M. (Архив германского радиовещания, Франкфурт-на-Майне)	DRA
Hauptstaatsarchiv Stuttgart (Высший государственный архив, Штутгарт)	HSTAS
Imperial War Museum, London (Имперский военный музей, Лондон)	IWM
Institut für Zeitgeschichte, München (Институт современности, Мюнхен)	IFZ
Microform Ltd., Wakefield («Майкроформ, лтд.», Уэйкфилд)	DI
National Archives, Washington (Национальный архив, Вашингтон)	NA
Staatsarchiv München (Государственный архив, Мюнхен)	STAM
Stadtarchiv Schwäbisch Gmünd (Государственный архив Швабии, Гмюнд)	StaGd
Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen Ludwigsburg (Центральный фонд юридического управления, Людвигсбург)	ZST

ПРИМЕЧАНИЯ

Все цитаты приведены в соответствии с современным написанием

ПРЕДИСЛОВИЕ

- [1] *«Im Dauerregen ...»* — Heine, Frank, «Gedenktafeln gestern früh entfernt», in: Goslarsche Zeitung, 29.5.2001.
- [2] *Generaloberst Heinz Guderian* — Vgl. G. Meyer, Zur Erinnerung, Aufsatz.
- [3] *«die Tafeln hätten...»* — Zit. nach: «Die Tafeln werden abgehängt», in: Goslarsche Zeitung, 6.5.2001.
- [4] *«Die deutsche Bundeswehr...»* — Zit. nach: «Gedenktafel für Feldmarschall Rommel», in: Goslarsche Zeitung, 20.11.1961.
- [5] *«Gebot der Selbsterhaltung»* — Zit. nach: Richter, Timm C., Die Wehrmacht und der Partisanenkrieg, in: R.-D. Müller, Wehrmacht, S. 848.
- [6] *«Wobei er freilich nicht...»* — «Gedenktafel für Feldmarschall Rommel», a. a. O.
- [7] *die schon für Goebbels aus Afrika berichtethatten* — Vgl. H. G. v. Eisebeck, Afrika Korps; L. Koch, Rommel; E. Theil, Rommels verheizte Armee.
- [8] *«Krieg ohne Hass»* — E. Rommel, Krieg; englische Ausgabe: B. H. Liddell Hart, Rommel Papers.
- [9] *«Jede öffentliche Kritik ...»* — Zit. nach: W. Heckmann, Rommels Krieg, S. 121.
- [10] *«20. Juli — Porträts des Widerstands...»* — R. Lill, 20. Juli.
- [11] *«Lexikon des Widerstandes...»* — P. Steinbach, Lexikon.
- [12] *«halb Italien...»* — Giordano, Ralph, «Kein Vorbild», in: Die Woche, 14.6.1996.
- [13] *«die völlige Verwilderung...»* — Heinemann, Winfried, Rezension, in: Militärgeschichtliche Zeitschrift, 59, Heft 2/2000, S. 555 ff.
- [14] *«Tötungsmaschine»* — Zit. nach: «Staatsminister Naumann: Wehrmacht war eine „Tötungsmaschine“», in: Welt am Sonntag, 14.2.1999.
- [15] *«maßgeblich an der Ermordung...»* — Jusos in der SPD, Hrsg., Flugblatt, undatiert, Goslar.
- [16] *«(Kriegs-) Verbrecher[n]...»* — Dorle Meyer, Leserbrief, in: Goslarsche Zeitung, 26.1.2001.
- [17] *«War [Rommel] ein überzeugter...»* — Zit. nach: R. Stumpf, Erwin Rommel, Aufsatz, S. 47.
- [18] *«nicht richten...»* — Krause, Tilman, «Wie geht das zusammen?», in: Die Welt, 19.1. 2002.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВПЕРЕД!

- [1] *«Ich bin geboren...»* — Handschriftl. Lebenslauf Erwin Rommels vom 28. März 1919, in: Anlageheft zum Personalschein Rommel 1910 bis 1944, IWM, «Rommel file», AL 451.
- [2] *Aufnahme beim Königlich Württembergischen 6. Infanterieregiment* — Vgl. ebd. Здесь имеется информация об основных этапах военной карьеры Эрвина Роммеля (служба, обучение, продвижение, награды и т.д.), но личное дело отсутствует.
- [3] *«einst die reiche Tochter...»* — Rommel, Erwin, Brief an Helene Rommel vom 3.8.1914, Sammlung Rommel.
- [4] *auf den Namen Gertrud getauft* — Vgl. ebd.
- [5] *seinen Beruf nicht aufzugeben* — Vgl. G. u. H. Pan, Interview, sowie Rommel, Erwin, Brief an Walburga Stemmer, undatiert, im Privatbesitz der Familie Pan.
- [6] *«Sollte ich... fallen...»* — Rommel, Erwin, Brief an Helene Rommel vom 3. 8.1914, a.a.O.
- [7] *«Zwischen ihr und ihm...»* — S. Westphal, Erinnerungen, S. 193.
- [8] *«Er besaß Führercharisma...»* — H. Speidel, Zeit, S. 207.
- [9] *die höchste preußische Tapferkeitsauszeichnung* — Vgl. Krafft von Dellmensingen, Konrad, Tagebuch, 26.11.1917, BayHStA, Abt. IV, NL 160; H. Möller, Geschichte, S. 281.
- [10] *mit mehreren Stoßtrupps begann der Aufstieg* — Описание действий Роммеля при штурме горы Матажур даны в книге: Infanterie greift an, S. 264–343, а также: Th. Sproesser, Geschichte, S. 252–293.
- [11] *mit dem Pour le Merite ausgezeichnet* — О взятии высоты 1114 долгое время после войны шел горячий спор. Шпрёссер и Роммель ставили под сомнение взятие высоты Шёрнером. Ясно как минимум, что взятие вершины

горы 1114 вечером 24 октября не означало конца борьбы за высоту; в последующие дни за эти позиции продолжались ожесточенные бои. Поэтому представление Шёрнера к «Pour le Merite» в этой ситуации представляется несколько поспешным (Vgl. H. Möller, Geschichte, S. 292 ff.; K. Krafft v. Dellmensingen, Schlachten, Bd. 12a, S. 64-67, 93 ff. u. Bd. 12b, S. 291 f.; ders., Tagebuch, a.a.O., 24.-26.10.1917; Th. Sproesser, Geschichte, S. 275 ff, 288 u. Nachtrag zu den Bänden 12a und 12b, DI 5; E. Rommel, Infanterie, S. 274-277).

[12] «Württembergisches Gebirgsbataillon...» — E. Rommel, Infanterie, S. 337.

[13] «Um 11.40 Uhr...» — Ebd., S. 340.

[14] «Von der Tat der Erstürmung...» — K. Hesse, Wandlung, unveröffentl. Manuskript, S. 1.

[15] «Vergießt Schweiß statt Blut» — Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 34.

[16] «Er war ausgesprochen hart...» — K. Hesse, Wandlung, a. a. O., S. 23.

[17] einen «modernen Hannibal» — Vgl. G. Schmückle, Pauken, S. 40.

[18] Bericht über die Verleihung des Pour le Merite — Vgl. Rüge, Friedrich, Tagebuch, 25.7.1944, BAMA N 379, sowie Th. Sproesser, Geschichte, S. 288.

[19] «durch seinen schneidigen, selbständigen Entschluss...» — H. Möller, Geschichte, S. 280 ff.

[21] Pour le Merite, der Leutnant Schnieber — Vgl. ebd., sowie E. Rommel, Infanterie, S. 280 u. 295.

[22] «Ich verspreche...» — Krafft v. Dellmensingen, Konrad, Tagebuch, 3.11.1914, a.a.O.

[23] «Der Bericht der [12.] Division...» — Ebd., 26. 11.1914.

[24] «manche Zurücksetzung erfahren...» — S. Westphal, Erinnerungen, S. 122.

[25] vertiefte Rommels Vorurteil — So Manfred Rommel in einer mündl. Auskunft an den Verf.

[26] Aufstand der «Roten Räte» — Vgl. M. Rommel, Trotz, S. 21, sowie Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt, Niederwerfung, S. 57 u. 174 f.

[27] Kapp-Putsch im März 1920 — Vgl. K.-J. Herrmann, Auswirkungen, Aufsatz, S. 79-88, sowie Bericht König vom 17. u. 18.3.1919, StAGd, RS 4/217.

[28] «Je mehr... die uns feindlich gesinnte Welt...» — Th. Sproesser, Geschichte, S. 1.

[29] Die Nachricht traf... sie schwer — Vgl. G. u. H. Pan, Interview.

[30] zwei Themen: den Krieg und die Mathematik — Vgl. Pfister, Eberhard von, Interviewabschrift vom 19.11.1981, Sammlung Stark; s. a. G. Schmückle, Pauken, S. 12 f, und M. Rommel, Trotz, S. 18 f

[31] «kein großer Denker» — K. Hesse, Wandlung, a. a. O., S. 1.

[32] «ein schlichter Mann...» — Ebd., S. 23.

[33] «Naivität» — E. Jünger, Strahlungen, S. 13.

[34] «einzigartigen Leistungen...» — Zit. nach: «Der neue Batl.-Kommandeur», in: Goslarsche Zeitung, 20.10.1933.

[35] einhellige Zustimmung der Offiziere — Vgl. Volkmann, Hans-Erich, Von Blomberg zu Keitel — Die Wehrmachtführung und die Demontage des Rechtsstaates, in: R.-D. Müller, Wehrmacht, S. 47 ff.

[36] «ein übler Haufen...» — P. Schyga, Erwin Rommel, unveröffentl. Manuskript, S. 1; s. auch ders., Goslar, S. 115-127.

[37] die CA-Männer waren bewaffnet — Vgl. H. D. Cramer, Schicksal, S. 25 f. u. 87 f.

[38] Prügeleien mit Soldaten — Vgl. P. Schyga, Goslar, S. 140; W. Wagenrühr, Interview, sowie M. Rommel, Interview II.

[39] Maschinengewehrposten im Treppenhaus — Vgl. Friese, Dr. Dieter, unveröffentl. Leserbrief an die Goslarsche Zeitung, 19.2.2000. Существуют свидетельства, что генерал Офен еще в 1938 году покупал в магазине, принадлежащем евреям. Vgl. auch H. D. Cramer, Schicksal, S. 24.

[40] dass Rommel... scharf verurteilte — So Manfred Rommel in einer mündl. Auskunft an den Verf.

[41] die Beseitigung der CA-Führung — Vgl. P. Hoffmann, Stauffenberg, S. 132.

[42] Abrechnung mit den CA-Männern — Vgl. H. Höhne, Zeit, S. 218.

[43] «Bei diesem Anlass...» — Zit. nach: Krausnick, Helmut, Vorgeschichte und Beginn des militärischen Widerstandes, in: Europäische Publikation, in: Vollmacht, S. 243.

[44] Annäherung Rommels an Hitler und den Nationalsozialismus — Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 7.5.1975, DI 3/10.

[45] «Huldigung des Bauerntums» — «Wie Goslar den Führer begrüßt», in: Goslarsche Zeitung, 28.9.1934, sowie «Huldigung des Bauerntums», ebd., 1.10.1943.

[46] «Das Deutsche Volk...» — Zit. nach: Mitteilungen, Aufsatz, S. 6 f.

[47] noch lebten 50 Juden — Vgl. H. D. Cramer, Schicksal, S. 17 f.

[48] Antisemitismus der Regierung — So Manfred Rommel in einer mündl. Auskunft an den Verf.

[49] hervorragende Beurteilungen — Vgl. Militärische Personalakte zu Generalfeldmarschall Erwin Rommel, BAMA, Pers VI/XV.

[50] *Versetzung als Lehrgangleiter* — Vgl. Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 13.1.1935, NA RG 242 T84/275. В этом письме Роммель также упоминает, что до осени он по поручению министерства Рейхсвера должен был подготовить проект реорганизации так называемых «лагерей Крюгера» (военно-учебных лагерей СА) в «местные спортивные школы». Согласно устным рассказам (интервью с В. Вагенфюром) Роммель в 1935 действительно временами бывал в таком лагере в Бланкенбурге (Гарц). Личный архив Роммеля не дает никаких указаний на такое необычное занятие. Но, во всяком случае, в начале 1937 года ему пришлось выполнять сходное задание — присоединение «Гитлерюгенда» к структуре вооруженных сил. Это говорит о том, что начальство Роммеля в это время не рассматривало его как близкого к партии и тем более как убежденного национал-социалиста; в конце концов, в обоих случаях речь идет о противопоставлении интересов вермахта интересам нацистской партии.

[51] *Erst 1937 kam wieder Bewegung in sein Leben* — Согласно различным биографиям Роммеля (Vgl. D. Irving, Rommel, S. 42 f., также R. G. Reuth, Erwin Rommel, S. 22), он будто бы был на партийном съезде в Нюрнберге в 1936 году, где якобы был прикомандирован к «эскорту Гитлера». Гитлер во время поездки изъявил желание передвигаться без большой колонны. Тогда Роммель остановил машину, которая следовала за Гитлером, и пригрозил партийцам, что при необходимости выкатит на дорогу броневик, чтобы помешать их проезду. Гитлера приятно поразило его поведение — и он в первый раз обратил на Роммеля внимание. В основе этой истории лежит легко обнаруживаемая путаница. Впервые она была изложена в 1951 году в автобиографической книге офицера за поручений при Роммеле (H.-W. Schmidt, With Rommel, S. 85 f.). Шмидт приводит содержание разговора, который Роммель имел со своим будущим начальником штаба Альфредом Гаузе в 1941 году во время поездки в пустыне. В действительности описанный случай имел место — однако речь шла не о Нюрнберге 1936 года, а о Польше 1939-го (см примечание 71 к части десятой настоящей работы). Охрану фюрера в 1936 году осуществляла Служба Имперской безопасности — ей и были подведомственны все вопросы, касающиеся порядка движения и машин, участвующих в поездках фюрера (см. P. Hoffmann, Security, S. 80–125). Роммель, конечно же, бывал в Нюрнберге — хотя бы на показательных маневрах вермахта. В какой мере он мог при этом контактировать с диктатором или быть им замечен, нам неизвестно.

[52] *vom Reichskriegsministerium mit der heiklen Mission betraut* — Vgl. B. v. Schirach, Hitler, S. 232 ff., sowie Fritsch, Werner von, Ernennungsschreiben, Februar 1937, in: Militärische Personalakte zu Generalfeldmarschall Erwin Rommel, a. a. O. Der Verf. dankt Dr. Michael Buddrus, I FZ Berlin. О двойной игре Роммеля в качестве представителя вермахта при Гитлерюгенде см.: K.-H. Jahnke, Deutsche Jugend.

[53] *Rommel begann einen zweistündigen Vortrag* — Vgl. B. v. Schirach, Hitler, S. 232 f.

[54] *Im Mai 1938* — В работах: B. v. Schirach, Hitler, а также H. Lauterbacher, Erlebt эти события ошибочно датируются 1937 годом.

[55] *Nach Abschluss eines solchen Vertrages...»* — H. Lauterbacher, Erlebt, S. 123.

[56] *erklärte die Abmachung für ungültig* — Vgl. ebd. sowie Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 8.5.1938, a.a.O. Anders bei B. v. Schirach, Hitler, S. 233 f. Ширах утверждал, что с самого начала был недоверчивым и подписал лишь часть предложенной системы договоров.

[57] *wandte sich der Reichs-Jugendführer direkt an Hitler* — Vgl. H. Lauterbacher, Erlebt, S. 124, sowie B. v. Schirach, Hitler, S. 234.

[58] *«Rommel... [sei] keineswegs als Nazi anzusehen»* — Bormann, Martin, Aktenvermerk vom 28.9.1944, S. 4, BAMAN 117/29.

[59] *Adjutant der Luftwaffe* — Vgl. N. v. Below, Adjutant, S. 13.

[60] *Nationalpolitischen Lehrgang für höhere Offiziere* — Laut Anlageheft zum Personalnachweis Rommel, a.a.O., fand dieser Lehrgang vom 29.11.-2.12.1938 statt. Роммель всего трижды бывал на так называемых национально-политических курсах. Интересны сохранившиеся стенограммы за 1-й курс (от 15–23 января 1937 года). Среди прочих на них выступали Фрик, Геббельс, Гесс, Розенберг, Штелльрехт и Гиммлер. Напечатано: Nationalpolitischer Lehrgang der Wehrmacht vom 15. bis 23. Januar 1937, Berlin 1937. Два доклада обнаруживаются в публикациях международного военного суда (Publikation des Internationalen Militär Gerichtshofs, Bd. XXIX, 1992-PS — Штелльрехт и 1992(A)-PS — Гиммлер). В своем докладе Гиммлер среди прочего подробно касался концентрационных лагерей. Если исходить из молчаливого одобрения слушателями-военными, то сообщение Гиммлера следовало бы расценивать как циничное искажение и бесстыдное приукрашивание условий в концентрационных лагерях.

[61] *«Gestern sprach der Führer...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 2.12.1938, a. a. O.

[62] *«Der Führer ja!...»* — Thamer, Hans-Ulrich, Die Erosion einer Säule. Wehrmacht und NSDAP, in: R.-D. Müller, Wehrmacht, S. 421.

[63] *Rommel musste sich rechtfertigen* — Rommel, Erwin, Briefe an das Oberkommando des Heeres vom 29. und 30.12.1938, DI 5.

- [64] *«Ich habe mich streng...»* – Ders., Brief an das Oberkommando des Heeres vom 29.12.1938, a. a. O.
- [65] *Trümmer der ausgebrannten Synagoge* – Vgl. M. Rommel, *Trotz*, S. 27.
- [66] *Eine Haltung, die in Deutschland damals weit verbreitet war* – Zur Reaktion in Deutschland auf das Pogrom vom 9. November 1938 Vgl. D. Bankier, *Meinung*, S. 118–122, sowie H. J. Döschler, *«Reichskristallnacht»*, S. 118 ff.
- [67] *sah die «ganze Judenfrage»* – So Manfred Rommel im Interview II.
- [68] *«Ich bin es gewesen...»* – Zit. nach: K. Hesse, *Wandlung*, a.a.O., S. 10.
- [69] *«Da kannst Du Dich drauf verlassen...»* – Zit. nach: M. Rommel, Interview II.
- [70] *«Wie es wohl mit der Lage werden mag?...»* – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 31.8.1939, NA RG 242 T 84/274.
- [71] *In 14 Tagen sei alles vorbei* – Vgl. H. Linge, *Untergang*, S. 177.
- [72] *«Polen hat nun heute nacht...»* – Zit. nach: M. Domarus, *Hitler II 1939–1940*, S. 1315.
- [73] *«Was sagst Du zu den Ereignissen...»* – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 2.9.1939, a.a.O.
- [74] *«Es ist mit der Möglichkeit zu rechnen...»* – Brief an «Herrn General Frommel [sic!]» vom 20.7.1940, Reichssicherheitshauptamt Amt IV B 2, NA RG 242 T 84/273.
- [75] *auf «Lützows wilder verwegener Jagd»* – A. Stahlberg, *Pflicht*, S. 138.
- [76] *Mit 16 Offizieren* – Vgl. H. Linge, *Untergang*, S. 175.
- [77] *Immer in zweiter Reihe* – Vgl. Ufa-Tonwoche 471, 14. 9. 1939, sowie 472, 20. 9. 1939, BAFA.
- [78] *«Hitler gestattete ihm...»* – H. Linge, *Untergang*, S. 175 f.
- [79] *«Bin viel mit dem Führer zusammen...»* – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 9.9.1939, RG 242 T 84/273.
- [80] *«Abends ist immer lange Besprechung...»* – Ebd. vom 10. 9. 1939, a. a. O.
- [81] *«Der Führer ist allerbesten Stimmung...»* – Ebd. vom 12.9.1939, a. a. O.
- [82] *«Der Führer ist loser Stimmung...»* – Ebd. vom 23.9.1939, a. a. O.
- [83] *«mangelnde[n] Bereitschaft des Heeres...»* – Zit. nach: W. Warlimont, *Hauptquartier*, S. 76, Anm. 42. Zum Verhältnis Hitler und Rommel s. a. H. Linge, *Untergang*, S. 180 f.
- [84] *«Herrn General Rommel zur freundlichen Erinnerung...»* – Zit. nach: Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 17.2. 1940, a.a.O.
- [85] *mit «Heil Hitler» grüßte* -Vgl ebd. vom 13.2.1940, a.a.O.
- [86] *«Mir tut das nicht weh...»* – Ebd. vom 3.3.1940, a. a. O.
- [87] *Schlacht gegen Frankreich* – Все имеющиеся описания действий Роммеля во Франции в целом не противоречат друг другу: K.-H. Frieser, *Blitzkrieg*, S. 331–341. Vgl. A. Tschimpke, *Gespensterdivision*, sowie H. E. v. Manteuffel, *Panzerdivision*, Aufsatz.
- [88] *«Diegleichen Schliche...»* – Zit. nach: G. Schmückle, *Pauken*, S. 37.
- [89] *«seine Panzerdivisionen waren...»* – K. Hesse, *Wandlung*, a.a.O., S. 11.
- [90] *«Daspsychologische Schockelement»* – H. Frieser, *Blitzkrieg*, S. 341.
- [91] *Nie wieder sollte es ihm so gehen* – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 1.6.1940, a. a. O. Rommel пишет в письме Люси после разговоров с Гитлером и Шмидтом: «Нужно поспешить, иначе дела пойдут как при Толмейне».
- [92] *«Das ist recht bitter...»* – Ebd. vom 27. 8. 1940, a. a. O.
- [93] *«Lieber General Rommel...»* – Ebd. vom 26. 12.1940, a. a. O.
- [94] *«Sie können sich denken...»* – Ebd.
- [95] *«... Dass der Führer bei all der Arbeit...»* – Ebd. vom 27. 12.1940, a. a. O.
- [96] *«Hitler habe das Tagebuch...»* – Zit. nach: G. Schmückle, *Pauken*, S. 38.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МАЯТНИК

- [1] *«Imperium Romanum»* – Vgl. G. Schneider, *Mussolini*, S. 47–53 u. 139–142.
- [2] *durch die «Wegnahme Gibraltars...»* – Zit. nach: A. Hillgruber, *Hitlers Strategie*, S. 257.
- [3] *«... dann ist Englands letzte Hoffnung getilgt...»*
- [4] *«...»* – Halder, Franz, *Kriegstagebuch*, 31.7.1940, zit. nach: W. Warlimont, *Hauptquartier*, S. 129.
- [5] *130 000 italienische Soldaten* – Zum Feldzug O'Connors Vgl. C. Barnett, *Wüsten-Generale*, S. 13–66.
- [6] *Winston Churchill am 12. Februar* – Vgl. W. Churchill, *Memoiren*. Hitlers Angriff, S. 87 f.
- [7] *dass an ebenjenem 12. Februar Erwin Rommel* – Zu Rommels Feldzug in Nordafrika Vgl. u. a.: E. Rommel, *Krieg*; R. Stumpf, *Die deutsch-italienische Operation*; unveröffentl. Manuskript; ders., *Der Krieg im Mittelmeerraum 1942/43*:

Die Operationen in Nordafrika und im mittleren Mittelmeer, in: Militärgeschichtliches Forschungsamt, Das Deutsche Reich; V. Kühn, Mit Rommel; H.-D. Aberger, Die 5.(lei.)/21. Panzer-Division; A. v. Taysen, Tobruk.

[8] «... *ich glaube, dass durch...*» — Zit. nach: Hitler, Brief an Mussolini vom 5.2.1941, zit. nach: R. Stumpf, Die deutsch-italienische Operation, unveröffentl. Manuskript, S. 25.

[9] *Die Einweisung durch den Oberbefehlshaber* — Vgl. F. Halder, Kriegstagebuch, Bd. II, 7.2.1942, S. 273 ff.; ders., Hitler, S 33 f.; P. Bor, Gespräche, S. 186 ff.

[10] *«Du kannst Dir vorstellen...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 6. 2.1941, NA RG 242 T 84/274.

[11] *«Wir werden bis zum Nil vorstoßen...»* — Zit. nach: H.-W. Schmidt, With Rommel, S.U.

[12] *«Die ersten deutschen Truppen...»* — Zit. nach: V. Kühn, Mit Rommel, S. 16.

[13] *«dass der Führer hochofreut sei...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 3.3.1941, a.a.O.

[14] *Rommel verbreitete Optimismus* — Vgl. N. v. Below, Adjutant, S. 264.

[15] *«voll des Lobes über diesen General...»* — Zit. nach: ebd.

[16] *«er werde bald Ägypten...»* — Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 93; Vgl. F. Halder, Kriegstagebuch, Bd. II, 20. 3.1941, S. 323 f., sowie E. Rommel, Krieg, S. 20.

[17] *«leitet in vorderster Linie den Angriff»* — Deutsche Wochenschau, 16.4.1941, DW 554, BAFA.

[18] *«Beim Führer ist sichergestellt...»* — Schmundt, Rudolf, Brief an Erwin Rommel vom 19.2.1941, NA RG 242 T 84/276.

[19] *offensichtlich auf Bitten Rommels* — Vgl. Hesse, Kurt, Brief an Erwin Rommel vom 6.3.1941, NA RG 242 T 84/276. Хессе писал: «Думаю, что с этим подкреплением наличные пропагандистские силы смогут полностью удовлетворить интересы господина генерала».

[20] *Niemand sollte übersehen* — Эта готовность Роммеля «сотрудничать с современными средствами массовой информации» была для армейского офицера чем-то необычным. Так, генерал-лейтенант Фридрих Паулюс, посещавший Роммеля в апреле 1941 года в Северной Африке, после возвращения удивлялся, что «Роммель ради известности окружил себя военными и фотокорреспондентами». (W. Görlitz, Paulus, S. 46) Генерал танковых войск Гейнц Гудериан писал в сочельник своей жене: «Я ни в коем случае не хотел бы окружать себя пропагандой а-ля Роммель».

[21] *«General Rommel ist in Tripolis angekommen»* — Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 22.2.1941, Teil II, Bd. 9, S. 153.

[22] *«General Rommel erhält...»* — Zit. nach: ebd., 21.3. 1941, S. 198.

[23] *«Seit 31.3. sind wir im Angriff...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 3.4.1941, a. a. O.

[24] *Hauptaufgabe des deutschen Afrika-Korps...»* — Keitel, Wilhelm, «Der Führer hat am 2.4. entschieden», Funkspruch, 3.4.1941, DI 5.

[25] *Am Abend war auch der italienische General* — Zur Auseinandersetzung mit Garibaldi Vgl. E. Rommel, Krieg, S. 25 f.

[26] *«unerwarteten Erfolgen»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 4.4.1941, a. a. O.

[27] *ohne sich... rückversichert zu haben* — Кроме того, укрепления Тобрука были продемонстрированы немецкому военному атташе в Риме Энно фон Ринтелену во время его поездки в Ливию в 1939 году. (Vgl. E. v. Rintelen, Mussolini, S. 62 f.). Во время Африканского похода Роммель основывал свои действия на этой информации. Однако позднее укрепления Тобрука подверглись реконструкции, о чем немцы не знали (Vgl. H. Engl, Interview).

[28] *«Bis zum Kilometerstein 13...»* — В тот же день Роммель встречался с генерал-майором Генрихом Кирхгеймом; вскоре после этого Кирхгейм разговаривал с Притвицем и спросил у него: «Роммель сообщил вам, что до 13-го километра находятся итальянские дозоры?» «Да, он это знает», — ответил Притвиц (цит по: V. Kühn, Mit Rommel, S. 28 f.).

[29] *«Los, der Feind baut ab!»* — Zit. nach: H.-D. Aberger,... nur ein Bataillon, S. 101.

[30] *«Keep Going — Fill up in town...»* — Foto «Weißes Haus», Sammlung Stark.

[31] *«Nach zwei [Kilometer] Fahrt...»* — Все цитаты из ЖБД 8-го пулеметного батальона взяты у: H.-D. Aberger, ...nur ein Bataillon, S. 104–120.

[32] *Etwa 700 von 900 Mann* — Vgl. ebd. S. 119.

[33] *«dass ein deutscher General...»* — H.-W. Schmidt, Interview; Vgl. auch H.-W. Schmidt, With Rommel, S. 41-45.

[34] *«Schuld des Misserfolges...»* — Zit. nach: Oblt. Kurt Pfeiffer, Bericht für Generalmajor Johannes Streich, 29.4.1941, Abschrift von Urschrift, in: H.-D. Aberger,...nur ein Bataillon, S. 120 ff.

[35] *«Ich habe Ihnen die Qualifikation...»* — Zit. nach: Streich, Johannes, Erinnerungen an Afrika, maschinenschriftl. Manuskript, DI 3/8.

[36] *«Afrika-Korps meldet...»* — F. Halder, Kriegstagebuch, Bd. II, 9.5.1941, S. 405.

- [37] «Lassen Sie nicht den Kopf hängen...» — Zit. nach: Oblt. Kurt Pfeiffer, Bericht, a. a. O.
- [38] «Als Hauptmerkmale zeigen sich...» — Keitel, Bodewin, Aktennotiz, 26.6.1941, in: Militärische Personalakte zu Generalfeldmarschall Erwin Rommel, BAMA, Pers VI/XV.
- [39] *einen Geleitzug von fünf Frachtern* — Vgl. J. Piekalkiewicz, Der Wüstenkrieg, S. 110.
- [40] «Sehen Sie, Milch, da ist Tobruk!...» — Zit. nach: Erhard Milch, unveröffentl. Memoiren, Auszug, undatiert, o. S., in: DI 5.
- [41] «Selten habe ich militärisch» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 25.4.1941, a. a. O.
- [42] «Nun meldet er [Rommel] selbst...» — F. Halder, Kriegstagebuch, Bd. II, 15.4. 1941, S. 367.
- [43] *Generalleutnant Friedrich Paulus* — Zur Reise von F. Paulus nach Nordafrika Vgl. W Görnitz, Paulus, S. 44 ff., sowie F. Halder, Kriegstagebuch, Bd. II, S. 377 f.
- [44] «diesen verrückt gewordenen Soldaten...» — Ebd., 23.4. 1941, S. 378.
- [45] «Lage Nordafrika unerfreulich...» — Ebd., 11. 5.1941, S. 407.
- [46] «Befehlshaber der deutschen Truppen in Nordafrika» — Ebd., 12. 5. 1941, S. 408.
- [47] «Dem Führer... kommt es nur darauf an...» — Zit. nach: ebd., 19.5.1941, S. 420.
- [48] *Rommels Lage war konsolidiert* — То, что Роммелю как одному из 50 командующих генералов Вооруженных сил удалось противостоять ОКХ — важный признак заметного сдвига внутри военной верхушки, ползучего перехода власти из рук ОКХв пользу ОКВ, увенчавшийся наконец возвращением Браухича в декабре 1941 года.
- [49] *General Sir Alexander Cunningham* — Vgl. C. Barnett, Wüsten-Generale, S. 81-121.
- [50] «Die-Zeit eines Seydlitz oder Ziethen» — Zit. nach: K. Hesse, Wandlung, unveröffentl. Manuskript, S. 12.
- [51] «Das dröhnte dann innen drin...» — W.-D. Wagner-Manslau, Interview.
- [52] «eine kompromisslose, harte...» — Gause, Alfred, Die Führungsmethoden Rommels in Afrika, maschi-nenschriftl. Manuskript, 1957, S. 6, DI 5.
- [53] «Niemand fühlte sich verlassen...» — Ebd. S. 3; Vgl. hierzu Lattmann, Hans, Brief aus Frankreich vom 23. 6.1944. Offizier штаба Роммеля позднее писал его жене: «Его сердце оставалось чутким вопреки всем жестокостям войны». (DI 3/10).
- [54] «Rommel selbst ist bei den Truppen...» — Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 8.9.1941, Teil II, Bd. 1, S. 379.
- [55] «Volkshelden» — Ср. здесь и далее: 28.11.1942, Teil II, Bd. 2, S. 385: «Я выступаю после докладов с Кейтелем и Йодлем и настоятельно советую, если сражение в Северной Африке будет решено, сделать Роммеля национальным героем. Армии он категорически необходим. Люфтваффе имеет своих звезд, флот тоже; армия ждет от своих вождей выдающихся примеров, но они слишком уж лаконичны. Мы не можем популяризировать пехоту, потому что не видим выдающихся примеров со стороны пехоты и не можем внедрить их в народное сознание».
- [56] «Lieber General Rommel...» — K., Richarda, Brief an Erwin Rommel vom 21.6.1941, NA RG 242 T 84/273.
- [57] «Die Wehrmacht ist in Russland einmarschiert» — Zit. nach: H.-W. Schmidt, Interview.
- [58] «Führerweisung Nr. 32» — Vgl. K. Klee, Der Entwurf, Aufsatz, S. 127–141.
- [59] «Wie ich jetzt... erfahren habe...» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 7.7.1941, a.a.O.
- [60] «Rommels charakterliche Fehler...» — F. Halder, Kriegstagebuch, Bd. III, 6. 7.1941, S. 48.
- [61] «Der Begleitwagen...» — Berndt, Ingemar, Radiokommentar zum Rommel-Feldzug in Afrika, 1943, DRAB 005162643.
- [62] *Unter Aufhebung aller entgegenstehenden Befehle...»* — Zit. nach: S. Westphal, Erinnerungen, S. 138.
- [63] «Das ist eine Falle...» — Zit. nach: ebd., S. 138 f.
- [64] *betrat Rommel den Befehlsbus* — Vgl. ebd., S. 139 f., sowie F. Hauber, Interview.
- [65] «Erfolg hatte» — R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a. a. O., S. 645.
- [66] «Mit diesem Häuflein» — S. Westphal, Erinnerungen, S. 146.
- [67] *beruhte auf «absoluter Überraschung»* — Zit. nach: R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a.a.O., S. 575.
- [68] «Die Lage entwickelt sich günstig...» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie vom 17. 1. 1942, a.a.O.
- [69] «Abwehrsieg» — Zit. nach: M. Domarus, Hitler, Bd. II, S. 1825.
- [70] *Dankbar ernannte er Rommel* — Hitler trug dem Generalleutnant Walther K. Nehring, der von Russland nach Libyen versetzt wurde, beim Abflug am 7. Februar 1942 auf: «Sagen Sie dem Generalobersten, dass ich ihn bewundere!» (Nehring, Walther K., Begleitwort, in: C. B. Burdick, Unternehmen, S. 9).
- [71] «Ich kann Ihnen nicht sagen...» — Zit nach: S. Eade, The End, S. 17.
- [72] *pauschal nur noch «Rommel»* — C. Luyt, Interview.
- [73] «militärisches Geschick...» — M. Howard, The Battle, unveröffentl. Manuskript, S. 3.

- [74] «*wie gefährlich es sei...*» — Zit. nach: H. Picker, Hitlers Tischgespräche, 9.7.1942, S. 434.
- [75] «*Es besteht akute Gefahr...*» — Zit. nach: H. G. v. Eisebeck, Afrika Korps, S. 126.
- [76] «*Rommel wird vom ganzen...*» — Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 30.1.1942, Teil II, Bd. 3, S. 219.
- [77] «*Wir stehen fest, und wo wir stehen...*» — Zit. nach: M. Domarus, Hirlers, Bd. II, S. 1831.
- [78] «*Wir sind alle furchtbar stolz...*» — Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 203.
- [79] «*den Namen unseres geliebten Helden...*» — Zit. nach: ebd.
- [80] «*die Gegner Atem schöpften*» — R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a. a. O., S. 595.
- [81] «*Ist es nicht wunderbar...*» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 25.1.1942, a. a. O.
- [82] «*dass die Offensive...*» — S. Westphal, Erinnerungen, S. 161.
- [83] «*Unser Plan, die britischen Truppen...*» — Tagesbericht, 26.5.1942, DI 9/6.
- [84] «*absoluten Tiefpunkt...*» — Zit. nach: R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a. a. O., S. 617.
- [85] «*voller Sorge*» — E. Rommel, Krieg, S. 131.
- [86] «*Nurselten...*» — Ebd., S. 140.
- [87] «*neben Soldaten aus dem Senegal*» — В своих воспоминаниях (S. 160) Э. Вестфаль упоминает также один еврейский батальон; никаких других указаний на его существование не имеется (Vgl. R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a. a. O., S. 620, Anm. 139).
- [88] «*An die Truppen von Bir Hacheim!*» — Zit. nach: M.-P. Koenig, Bir-Hakeim, S. 275.
- [89] «*General Koenig... in seinen Memoiren*» — Ebd., S. 276.
- [90] «*für die Ehre eines freien Frankreich*» — В истории «Свободной Франции» Бир-Хакейм знаменовал собой поворотный пункт. 18 июня 1942 года Шарль де Голль писал об этой битве так: «*Le monde a reconnu la France, quand a Bir Hakim un rayon de sa gloire renaissance est venu caresser le front sanglant de ses soldats*». ³⁵ (Zit. nach: R. Holmes, Bir Hacheim, S. 6).
- [91] «*In dem eingeschlossenen Kessel...*» — Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 10.6.1942, Teil II, Bd. 4, S. 484 f.
- [92] «*Der Führer hat angeordnet...*» — Oberkommando der Wehrmacht, Fernschreiben an Panzerarmee Afrika, 9.6.1942, BAMA RW 4/V659D.
- [93] «*Als am 11. juli*» — Vgl. R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a. a. O., S. 620.
- [94] «*Waffenstillstandsvertrag*» — См. соответствующий пункт германо-французского соглашения о перемирии от 22 июня 1940 года в: W. Heckmann, Rommels Krieg, S. 339.
- [95] «*die Behandlung von Freischärlern...*» — Zit. nach: J. Piekalkiewicz, Der Wüstenkrieg, S. 174. Шарль де Голль реагировал в тот же день и заявил через «Би-Би-Си», что в случае убийства французских солдат также будет вынужден предавать смерти немецких солдат, которые попадут в руки его войск. Уже вечером Берлин сдал назад и объявил, что люди де Голля будут рассматриваться как настоящие солдаты. (Vgl. R. Holmes, Bir Hacheim, S. 135 f.).
- [96] «*nicht zur Ausführung*». — Vgl. W. Heckmann, Rommels Krieg, S. 340 f.
- [97] «*Laut Siegfried Westphal*» — Vgl. S. Westphal, Erinnerungen, S. 162.
- [98] «*ihn sogleich zu verbrennen*» — Ebd., S. 181; zum so genannten Kommando-Befehl Vgl. W. Hubatsch, Hitlers Weisungen, S. 206–209.
- [99] «*Da ist eine Sache, die ich betonen muss...*» — I. Levy, Interview.
- [100] «*Voller Abscheu*» — Zit. nach: G. Schreiber, Kriegsverbrechen, S. 31.
- [101] «*blieben vor Schlimmerem bewahrt*» — Подробнее о судьбе евреев в Ливии см.: Picciotto Fargion, Liliana, Italien, in: W. Benz, Dimension, S. 199–228; United, Judenverfolgung; G. Schneider, Mussolini.
- [102] «*gelegentliche Übergriffe...*» — E. Rommel, Krieg, S. 232.
- [103] «*diese Meldungen seien...*» — Tax. nach: S. Westphal, Erinnerungen, S. 173.
- [104] «*In dankbarer Würdigung Ihrer Führung...*» — Zit. nach: M. Domarus, Hitler, Bd. II, S. 1893.
- [105] «*Der Krieg geht trotzdem weiter*» — Zit. nach: H. Leipzig, Interview.

³⁵ «Мир признал Францию, узнав о Бир-Хакейме, и наша возрожденная слава обласкала окровавленные лбы солдат» (фр.). В немецком оригинале книги процитировано без перевода. (Прим. ред.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГОНКА

- [1] «*Es war das erste Mal...*» – H. L. Ismay, The Memoirs, S. 254.
- [2] «*Das war einer der schwersten Schläge...*» – W. Churchill, Memoiren. Sturmflut, S. 442.
- [3] *umfangreiche Waffenlieferungen* – Vgl. ebd. S. 443; R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum 1942/43: Die Operationen in Nordafrika und im mittleren Mittelmeer, in: Militärgeschichtliches Forschungsamt, Das Deutsche Reich, S. 630 f.
- [4] *die alliierte Landung* – Vgl. ebd., S. 631 f. u. 713 ff.
- [5] «*Wir haben trotz schwerster Verluste...*» – Rommel, Erwin, Ansprache in Frontbericht, 20/21.6.1942, von Lutz Koch, DRA 2894996.
- [6] «*dass kaum ein General so...*» – Zit. nach: H. Picker, Tischgespräche, 22.6.1942, S. 374.
- [7] «*Schnelligkeit ist jetzt das Wesentliche.*» – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 23.6.1943, NA RG 242 T 84/274.
- [8] «*Die Göttin des Schlachtenglücks...*» – Zit. nach: R.G.Reuth, Entscheidung, Anhang, Dok. 13, S.250f.
- [9] «*Wir sind immer noch in Bewegung...*» – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 27.6.1942, a. a. O.
- [10] «*Nach Alexandria noch 150 km!*» – Ebd., 29.6.1942.
- [11] *flog auch der «Duce»* – Vgl. E. v. Rintelen, Mussolini, S. 172; G. Ciano, Tagebuch, 29.6.1942, S. 452.
- [12] «*Eine kleine Bahnstation...*» – Zit. nach: R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a. a.O., S. 649.
- [13] «*Kämpfe um letzte Stellungen...*» – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 3.7.1942, a. a. O.
- [14] «*in die dritte Dimension*» – E. Rommel, Krieg, S. 219–223.
- [15] «*Lange darf es nicht mehr weitergehen...*» – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 18.7.1942, a.a.O.
- [16] «*Der Verzicht auf dieses Unternehmen...*» – A. Kesselring, Soldat, S. 174.
- [17] *am 21. Mai endgültig ab* – Vgl. R. G. Reuth, Entscheidung, S. 163–171.
- [18] *schon Ende Mai 1942* – Vgl. N. v. Below, Adjutant, S. 311.
- [19] *blieb Rommel... nur noch die Wahl* – Vgl. R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a. a.O., S. 646 f.
- [20] *Bernard Law Montgomery* – Vgl. N. Hamilton, The making of; ders., The man behind, sowie ders., Final years.
- [21] «*Ich sagte voraus...*» – B. L. Montgomery, Memoiren, S. 130 f.
- [22] *innerhalb weniger Stunden* – Vgl. F. H. Hinsley, British Intelligence, S. 373–380.
- [23] *die wohl wichtigste Nachricht* – Vgl. ebd., S. 408 f.
- [24] *seine Funkaufklärungskompanie* – 10 июля 1942 года большая часть 621-й роты радиоразведки была уничтожена в районе Тейл-эль-Эйса в ходе наступления австралийцев (Vgl. H.-O. Behrendt, Rommels Kenntnis, S. 204–211).
- [25] *einen amerikanischen Diplomaten* – Начиная с зимы 1941 года абвер имел возможность читать расшифрованные сообщения, отсылаемые в Вашингтон американским военным атташе в Каире полковником Боннером Франком Феллерсом. Сообщения Феллерса стали для Роммеля важным источником информации. После 29 июля 1942 года этот «великолепный источник» иссяк – вероятно, британская секретная служба заподозрила утечку информации и предупредила о ней американцев (Vgl. ebd., S. 176 f. u. 202 f.).
- [26] *fünf Konvois zusammengestellt* – Vgl. F. H. Hinsley, British Intelligence, S. 415.
- [27] *den italienischen Marine-Code C38m* – Vgl. ebd., S. 22 u. 383 ff.
- [28] «*Betrachtet man...*» – E. Rommel, Krieg, S. 178.
- [29] «*Hitzedurchfall*» – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 2. 8. 1942, a. a. O.
- [30] «*Ich selbst bin sehr müde und schlapp.*» – Ebd.
- [31] «*Oberbefehlshaber] hat etwas Schnupfen...*» – Armbruster, Wilfried, Tagebuch, 19.8.1942, DI 1/8.
- [32] *Am Tag darauf* – Vgl. Tagesberichte, 20.-22. 8.1942, DI 9/6.
- [33] «*erniedrigten Blutdruck...*» – Rommel, Erwin, Funkspruch an das Oberkommando der Wehrmacht, 21.8.1942, BAMA RH 19VIII/26.
- [34] *eine schwere Gelbsucht überstanden* – Vgl. Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 8.8.1941, a.a.O.
- [35] «*Auf Grund des vorstehenden Befundes...*» – Rommel, Erwin, Funkspruch an das Oberkommando der Wehrmacht, 21.8.1942, a.a.O.
- [36] *zwei Tage darauf* – Vgl. Tagesbericht, 24. 8.1942, a. a. O.
- [37] *Nasendiphtherie* – Vgl. E. Rommel, Krieg, S. 206, Anm. 1. Zu Diphterieerkrankungen unter den deutschen Truppen in Nordafrika Vgl. R. Valentin, Ärzte im Wüstenkrieg, S. 117.
- [38] *will sich erinnern* – R. Kolleth, Interview.

- [39] *ein Funkspruch aus dem Führerhauptquartier* — Keitel, Wilhelm, Funkspruch an Erwin Rommel, 24.8.1942, BAMA RH 19 VIII/26.
- [40] *«Wunderheilung»* — R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a.a.O., S. 676.
- [41] *«... dass nach dem fachärztlichen Urteil...»* — Rommel, Erwin, Funkspruch an Wilhelm Keitel, 26.8.1942, BAMA RH 19 VIII/26.
- [42] *Die Entscheidung war gefallen* — Der Besuch Kesselrings ist wiedergegeben und zit. nach: S. Westphal, Erinnerungen, S. 168 f.
- [43] *«Herr Professor, der Entschluss...»* — Zit. nach: E. Rommel, Krieg, S. 210, Anm. 1.
- [44] *«Ich vermute nicht nur...»* — Zit. nach: Rahn, Rudolf, Brief an das Bundesarchiv-Militärarchiv vom 6.3.1972, BAMA N 117/24.
- [45] *große Mengen unangetasteten Treibstoffs* — Vgl. H. G. v. Eisebeck, Das Deutsche Afrika Korps, S. 175 f.
- [46] *«Trotz meiner Zusicherung...»* — A. Kesselring, Soldat, S. 176 f.
- [47] *einer tieferen, menschlicheren Einsicht gewichen* — Год спустя Роммель комментировал огромные жертвы при штурме крепости Тобрук следующим образом: «потери, к сожалению, стали нетерпимыми». В записках Роммеля, над которыми он начал работать с 1943 года, появляется новый мотив *«...смелость, если она противоречит военной целесообразности, является глупостью; для военного начальника она равносильна безответственности»* (E. Rommel, Krieg, S. 297).
- [48] *«Falls die Schlacht beginnt...»* — Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 273.
- [49] *«Wir sitzen bis weit nach Mitternacht...»* — Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 30.9.1942, Teil II, Bd. 5, S. 599.
- [50] *«kam Rommelauf seine Bedenken...»* — N. v. Below, Adjutant, S. 318; Vgl. E. Rommel, Krieg, S. 236 f.
- [51] *auf eine neue «Wunderwaffe»* — Zit. nach: Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 7.6.1975, DI 3/10.
- [52] *hatte Goebbels spontan* — Vgl. E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 2.10.1942, Teil II, Bd. 4, S. 40.
- [53] *«Heute stehen wir 100 Kilometer...»* — Zit. nach: M. Domarus, Hitler, Bd. II, S. 1925.
- [54] *«Er ist ein nationalsozialistischer Heerführer...»* — Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 1.10.1942, Teil II, Bd. 4, S. 38.
- [55] *«Rommel hat auf ihn einen sehr...»* — Zit. nach: ebd., 4. 10.1942, S. 65.
- [56] *«dass die Wehrmacht sich unter gar keinen Umständen...»* — Zit. nach: H. Picker, Hitlers Tischgespräche, 1.7.1942, S. 400.
- [57] 23. Oktober 1942 — Zur 3. Schlacht von El Alamein Vgl. R. Stumpf, Der Krieg im Mittelmeerraum, a.a.O., S. 698 ff.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОВИНОВЕНИЕ

- [1] *Besuch in Wiener Neustadt* — Zu Gertrud Stemmers Besuch bei Rommel Vgl. H. Pan, Interview.
- [2] *Beginn der britischen Großoffensive* — Vgl. Tagesbericht, 24.10.1942, DI 10/2.
- [3] *Kesselring den Oberbefehl* — Vgl. ebd. und E. Rommel, Krieg, S. 315 f.
- [4] *«vor der sehr schweren Frage...»* — Zit. nach: H. Heiber, Lagebesprechungen, S. 274.
- [5] *«Es handelt sich einwandfrei...»* — S. Westphal, Erinnerungen, S. 175. В работе Шгумпфа (Stumpf, Reinhard, Der Krieg im Mittelmeerraum 1942/43: Die Operationen in Nordafrika und im mittleren Mittelmeer, in: Militärgeschichtliches Forschungsamt. Das Deutsche Reich, S. 700, Anm. 299) идет спор о правильности сделанных в этой цитате обобщений Вестфала, основанных на воспроизведенной по памяти телеграмме.
- [6] *Am 25. Oktober gegen 17.00 Uhr* — Vgl. Tagesbericht, 25. 10.1942, a.a.O.
- [7] *«Ich habe die Führung...»* — Rommel an die Командирующие Generale und Kommandeure, Funkspruch, 25.10.1942, NA RG 242 T 313/471.
- [8] *drei «Verbrauchssätze»* — Vgl. Tagesbericht, 25.10.1942, a.a.O., sowie E. Rommel, Krieg, S.248.
- [9] *Schon hatte die Supermarina* — Vgl. F. H. Hinsley, British Intelligence, S. 422–430.
- [10] *«Von der Angst...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 27.10.1942, NA RG 242 T 84/274.
- [11] *«Ob ich die Schlacht...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 28.10.1942, a. a. O.
- [12] *«Viel Hoffnung bleibt mir nicht...»* — Rommel, Erwin, Zweiter Brief an Lucie Rommel vom 28.10.1942, a.a.O.
- [13] *wanderte er unruhig* — Vgl. E. Rommel, Krieg, S. 257, sowie Tagesbericht, 29.10.1942, a.a.O.
- [00] *Tanker «Louisiano»* — Vgl. ebd.
- [14] *«Supercharge»* — Vgl. Stumpf, Reinhard, Der Krieg im Mittelmeerraum 1942/43, a.a.O., S. 704.

- [15] «*Uns bleibt auch nichts erspart.*» — Zit. nach: H.-O. Behrendt, Rommels Kenntnis, S. 251. Zur Meldung des Comando Supremo Vgl. Tagesbericht, 29.10.1942, a. a. O.
- [16] *die Rücknahme der Truppen* — Vgl. Tagesbericht, 29. und 30. Oktober 1942, a. a. O.
- [17] «*Hinter einer starken Feuerwalze...*» — Zit. nach: Stumpf, Reinhard, Der Krieg im Mittelmeerraum 1942/43, a.a.O., S. 704.
- [18] «*notdürftig*» — Zit. nach: ebd.
- [19] «*An der Front...*» — E. Rommel, Krieg, S. 265.
- [20] «*Unsere Vernichtung...*» — Ebd., S. 266.
- [21] *den Rückzug einzuleiten* — Vgl. Tagesbericht, 2.11.1942, a. a. O., sowie E. Rommel, Krieg, S. 266 f.
- [22] «*Die Kraft der Armee...*» — Abschrift der Zwischenmeldung vom 2.11.1942, NA RG 242 T 84/276.
- [23] «*die Krise der Schlacht...*» — Zit. nach. Warlimont, Walter, in: P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. II, S. 891.
- [24] «*Armee bereitet sich darauf vor...*» — Rückzugsbefehle, 2.11.1942, BAMA, RH 19 VIII/34.
- [25] «*Wie in der 2. Zwischenmeldung...*» — Zit. nach: P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. II, S. 894 f., Anm. 1. Однако Гельмут Грайнер и Вальтер Варлимонт упоминают в своих комментариях к «Военному дневнику» следующую, более позднюю радиограмму от того же числа, в которой Роммель без особого волнения распорядился начать отступление. Автор предполагает, что в цитируемом тексте речь уже идет о заключительном донесении за день. Трудно было бы представить, почему жесткая реакция Гитлера следующим утром должна была коснуться только предполагаемого полного донесения — если Роммель уже несколько часов назад сообщил об отступлении. Во всяком случае, британская разведка той же ночью зафиксировала только промежуточное сообщение (см. выше), а также известное цитируемое сообщение (Vgl. F. H. Hinsley, British Intelligence, S. 448).
- [26] *gegen zwei Uhr nachts in Rom* — Vgl. L. Jodl, Jenseits, S. 63.
- [27] *Gegen drei Uhr* — Vgl. A. Schulz, Drei Jahre, S. 133 ff. (Вильгельм Борнер здесь по ошибке спутан с Богиславом фон Бонином), sowie ders., Interview.
- [28] «*Im Süd- und Mittelabschnitt...*» — Morgenmeldung, 3.11.1942, NA RG 242 T 313/471.
- [29] «*ein unsicheres Gefühl...*» — E. Rommel, Krieg, S. 267.
- [30] «*...Habe den Versuch gemacht...*» — Rommel, Erwin, Zweiter Brief an Lucie Rommel vom 3.11.1942, a.a.O.
- [31] *mit seinem Lagevortrag* — Vgl. B. v. Lossberg, Wehrmachtsführungsstab, S. 120 ff.
- [32] *bekam Hitler einen Wutanfall* — Vgl. zu diesem Vorfall N. v. Below, Adjutant, S. 321; W. Warlimont, Im Hauptquartier, S. 280 f.; P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. II, S. 894 ff.
- [33] «*Mit mir verfolgt das deutsche Volk...*» — Hitler in einem Funkspruch an Generalfeldmarschall Rommel, 3.11.1942, BAMA RH 19 VJII/26.
- [34] *Wenn ich geweckt worden wäre...*» — Zit. nach: Scheidt, Wilhelm, Gespräche, in: Echo, Aufsatz.
- [35] «*Führungsblickgespräch*» — L. Jodl, Jenseits, S. 63.
- [36] *Dr. Wilhelm Borner* — Vgl. P. Borner, Interview, sowie ders. in Mitteilungen an den Verf.
- [37] «*In weniger als 60 Minuten...*» — Zit. nach: P. Borner, Interview; Vgl. Warlimont, Walter, in: P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. II, S. 897.
- [38] «*Sie wissen, was Sie zu tun haben.*» — Zit. nach: P. Borner, Interview.
- [39] *erst gegen 13.30 Uhr* — Vgl. E. Rommel, Krieg, S. 268, sowie Tagesbericht, 3.11.1942, a.a.O.
- [40] *ein zweites Mal gesendet* — Vgl. F. Winterbotham, Aktion, S. 96. История с испорченной «Энигмой» отсутствует в работе Хинсли (F. H. Hinsley, British Intelligence, S. 449). Содержание радиограммы из штаб-квартиры фюрера уже в 11.05 часов было передано Йодлем в Рим, чтобы уведомить «Дуче» (handschriftl. Notiz auf Blatt 2 des Funkspruchs an Generalfeldmarschall Rommel, 3.11.1942, a. a. O.). Роммель в своем ответе на «радиограмму от 11:30 3.11», сделанном в тот же день (Rommel an Hitler, Funkspruch Nr. 133, 3.11.42, NA RG 242 T 313/471), отмечает необычайно долгое прохождение радиограммы — она прибыла в Африку фактически только в 13:30.
- [41] «*Die Armee ist zum Tode verurteilt.*» — Zit. nach: S. Westphal, Erinnerungen, S. 176.
- [42] «*Wir waren alle wie vor den Kopf geschlagen...*» — E. Rommel, Krieg, S. 269.
- [43] «*immer wieder unbedingten Gehorsam verlangt*» — Ebd.
- [44] «*Es geschieht weiterhin...*» — Rommel an Hitler, Funkspruch Nr. 133, a. a. O.
- [45] «*dass alles nur irgend Menschenmögliche...*» — Rommel an die Kommandierenden Generale und Kommandeure, Funkspruch, 3.11.1942, NA RG 242 T 313/471.
- [46] «*In uns stieg eine maßlose Erbitterung...*» — E. Rommel, Krieg, S. 269.
- [47] «*Was aus uns wird...*» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 3.11.1942, a. a. O.
- [48] «*Ob meine Soldaten...*» — Rommel, Erwin, Brief an Gertrud Pan (задним числом датировано 4 ноября 1942 года — вероятно, ошибочно), im Privatbesitz der Familie Pan.

- [49] *Trotz «größter Bedenken»* — Kriegstagebuch Deutsches Afrika-Korps, 3.11.1942, 14.28 Uhr, BAMA RH 24-200/59.
- [50] *«Begleiten Sie bitte...»* — Zit. nach: Warning, Elmar, Gesprächsnotiz vom 11.12.1976, DI 3/10; s. a. ders., Brief an David Irving vom 31.1.1977, ebd.; Vgl. auch Warning, Elmar, Interviewabschrift, 1982, Sammlung Stark.
- [51] *«... einer der denkwürdigsten Tage...»* — E. Rommel, Krieg, S. 267.
- [52] *«Rommel und Westphal hochgradig überanstrengt...»* — Zit. nach: S. Westphal, Erinnerungen, S. 177.
- [53] *«Der hat uns das alles eingebracht.»* — Zit. nach: ebd.
- [54] *«die Verantwortung für die Nichtausführung des Befehls...»* — A. Kesselring, Soldat, S. 183.
- [55] *«Niederschrift...»* — Niederschrift (Stichwort) über die Unterredung Generalfeldmarschall Kesselring mit Generalfeldmarschall Rommel am 4.11. [1942] 9:00 Uhr auf dem Gefechtsstand des A.O.K., DI 11/2
- [56] *«Mit der Ariete...»* — E. Rommel, Krieg, S. 274.
- [57] *verfluchte den «Haltebefehl» als «Wahnsinn»* — Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 333; Vgl. auch V. Kühn, Mit Rommel, S. 157, sowie S. Westphal, Erinnerungen, S. 177.
- [58] *Gegen Mittag funkte Rommel* — Vgl. Abschrift der Tagesmeldung, 4.11.1942, NA RG 242 T 3313/471.
- [59] *«Kein unbedingtes Halten...»* — Zit. nach: Stumpf, Reinhard, Der Krieg im Mittelmeerraum 1942/43, a.a.O., S. 708 u. Anm. 329.
- [60] *«Armee entzieht sich Umfassung...»* — Zit. nach: ebd., S. 708 u. Anm. 330.
- [61] *großen persönlichen Risiko* — Роммель в этот момент должен был сказать полковнику Фрицу Байерляйну, офицеру своего штаба: *«Полковник Байерляйн, я передаю вам командование Германским Африканским корпусом. Вы знаете, что это значит. Если за совершаемое сейчас неповиновение мы предстанем перед военным судом, мы должны держаться этого решения»*. Приведено по: V. Kühn, Mit Rommel, S. 158.
- [62] *«Ich kann mich nach allen Erfahrungen...»* — E. Rommel, Krieg, S. 276.
- [63] *«irgendwo in Afrika...»* — Zit. nach: Tagesbericht, 4.11.1942 (Einschub nach dem 8.11.1942), a. a. O.
- [64] *«So wie sich die Lage entwickelt...»* — Hitler an Rommel, Abschrift des Funkspruchs, 4.11.1942. NARG 242 T 84/276.
- [65] *«Er musste vorn stehen bleiben...»* — Zit. nach: Heiber, Lagebesprechungen, S. 274.
- [66] *Über 70 000 deutsche* — Vgl. H. G. v. Eisebeck, Afrika Korps, S. 149 und 188.
- [67] *«Lassen Sie die Glocken läuten!»* — Zit. nach: W. Churchill, Memoiren, Die Befreiung, S. 218.
- [68] *«Das ist nicht das Ende...»* — Zit. nach: S. Eade, The End, S. 214.
- [69] *«the turningpoint in the Hinge of Fate»* — Zit. nach: W. Churchill, a.a.O., S. 219.
- [70] *«sehr englische Perspektive»* — M. Howard, The Battle, unveröffentl. Manuskript, S. 11.
- [71] *Wendepunkt des Krieges* — Zur alliierten Invasion in Französisch Nordafrika Vgl. Stumpf, Reinhard, Der Krieg im Mittelmeerraum 1942/43, a.a.O., S. 710–720.
- [72] *«Wie mag der Krieg weitergehen...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 14.11.1942, a.a.O.
- [73] *«in den Bergen der Cyrenaika...»* — Vgl. Tagesbericht, 10.11.1942, a.a.O.
- [74] *Der «Hohe Herr» sei «sehr ungnädig...»* — Zit. nach: E. Rommel, Krieg, S. 298.
- [75] *«Der Führer ließ mir sagen...»* — Zit. nach: ebd., S. 298 f.; Vgl. Tagesbericht, 15.11.1942, a.a.O.
- [76] *«Möge der Allmächtige...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 15.11.1942, a.a.O.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ТРАВЛЯ

[1] *300 000 deutsche... Soldaten* — M. Kehrig, Stalingrad, Anlage 14, S. 671. Нижеследующая краткая информация о Сталинграде основывается на этом источнике с добавлением данных, приведенных в: J. Wieder, Stalingrad и W. Görlitz, Paulus³⁶.

³⁶ Следует уточнить, что в немецких документах до сих пор не найдено точных данных о количестве войск, попавших в окружение под Сталинградом. Округленная цифра в 300 тысяч (широко использовавшаяся в советской историографии) — верхняя оценка, встречающаяся в первоначальных донесениях Паулюса. Наиболее вероятные цифры — 270–280 тысяч, включая сюда румын, хорватов и других союзников, оказавшихся непосредственно в сталинградском котле. Кроме того, в отдельный котел в районе Распопинской попали три румынские дивизии из состава 4-го и 5-го румынских армейских корпусов — еще около 30 тысяч человек, капитулировавшие уже 24 ноября. Следует отметить, что приводимая автором трактовка событий под Сталинградом принадлежит Манфреду Керигу и является достаточно новой и нетрадиционной для германской историографии. В частности, Кериг вслед за Видером, но при этом опираясь на новые документы, весьма нелюбезно оценивает роль Манштейна в катастрофе 6-й армии. (Прим. ред.)

- [2] «Ausbruch nach Westen» — Zit. nach: M. Kehrig, Stalingrad, S. 176 u. 180.
- [3] «Erbitte Handlungsfreiheit...» — Zit. nach: ebd., Anlage, Dokument 6, S. 560.
- [4] «Engelszungen» — Zit. nach: ebd., S. 183 f.
- [5] «Meuterei» — Zit. nach: ebd.
- [6] «Die 6. Armee ist vorübergehend...» — Zit. nach: ebd., S. 183 f.
- [7] «Mein Führer!...» — Zit. nach: ebd., Anlage, Dokument 10, S. 562.
- [8] «unter allen Umständen [zu] halten» — Zit. nach: ebd., Anlage, Dokument 11, S. 562.
- [9] «Übernehme 26.11. Befehl...» — Zit. nach: ebd., S. 225.
- [10] «... vor dem eigenen Gewissen...» — Zit. nach: ebd., Anlage, Dokument 15, S. 567.
- [11] «Wir haben uns nicht den Kopf...» — Zit. nach: ebd., S. 246.
- [12] *In der Lagebesprechung* — Vgl. H. Kotze, Heeresadjutant, S. 139; J. Wieder, Stalingrad, Anlagen, Dokument: General Zeitler, der Chef des Generalstabes des Heeres ringt mit Hitler um die Rettung der Stalingrader Armee, S. 357 f.; M. Kehrig, Stalingrad, S. 238.
- [13] *Paulus stellte Gehorsam über das Leben seiner Soldaten.* — Vgl. J. Wieder, Stalingrad, S. 158. Видер пишет: «Ужасное жертвоприношение свыше четверти миллиона людей явилось непосредственным ударом по всему немецкому народу. Дело вышло за рамки военных событий. Речь шла о гораздо более всеобъемлющих факторах, и мне представлялось, что в могилах Сталинграда была вместе с павшими погребена и гуманность. Лишь нравственно оправданное политическое решение могло бы указать выход из создавшегося положения и предотвратить худшее. Но не оказалось выдающегося полководца, который отважился бы разорвать оковы чисто солдатского повиновения и, руководствуясь подлинным сознанием ответственности, действовал бы вопреки приказам самостоятельно, как должен действовать человек, повинующийся одному лишь непреходящему закону нравственности»³⁷.
- [14] «Was wird, wenn die Armee...» — Zit. nach: M. Kehrig, Stalingrad, S. 259.
- [15] «Drum haltet aus...» — Zit. nach: ebd. S. 277.
- [16] *am 28. November gegen 12.00 Uhr* — Vgl. zum Aufenthalt Rommels im Führerhauptquartier: Tagesbericht, 28.11.1942, DI 10/2; Sonderprotokoll: Reise des OB ins Führerhauptquartier und nach Rom vom 28.11.1942 abends bis 2.12. morgens, Anlage zum Kriegstagebuch AOK D-I PzA, NA RG 242 T 313/472; E. Rommel, Krieg, S. 314 f.; Rüge, Friedrich, Tagebuch, 27.7.1944, BAMA N 379; F. Rüge, Invasion, S. 230; W. Warlimont, Hauptquartier, S. 324 f.; S. Westphal, Erinnerungen, S.185 f., sowie M. Rommel, Interview I.
- [17] *das Kommando in Libyen* — Vgl. Tagesbericht, 27.11.1942, a. a. O.
- [18] «dass er dauernd mit falschen Zahlen...» — Zit. nach: Tagesbericht, 15.11.1942, a.a.O.
- [19] «Räumungdes... Kriegsschauplatzes» — E. Rommel, Krieg, S. 314.
- [20] «Sie schlagen genau dasselbe vor...» — Zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 230.
- [21] «... wenn es den Alliierten gelingt...» — E. Rommel, Krieg, S. 315.
- [22] «vernünftige[n] Diskussion» — Ebd., S. 314.
- [23] «70 000» — Zit. nach: Rüge, Friedrich, Tagebuch, 27.07.1944, a. a. O.
- [24] «wie man mit Gewehren...» — Zit. nach: M. Rommel, Interview I; Vgl. S. Westphal, S. 185 f.
- [25] «Wie ein begossener Pudel» — H. Linge, Untergang, S. 21.
- [26] «Unsere Nerven sind...» — Zit. nach: M. Rommel, Interview I.
- [27] «die schnellste Zuführung von Waffen...» — Zit. nach: Sonderprotokoll, a. a. O., S. 2.
- [28] «seines besonderen Vertrauens» — Zit. nach: ebd., S. 3.
- [29] «Es müsse gehalten werden...» — Zit. nach: Tagesbericht, 28.11.1942, a.a.O.
- [30] «Mein Mann war vollkommen erschüttert.» — Zit. nach: L. Koch, Rommel, S. 99.
- [31] *aus Wiener Neustadt nach Württemberg* — So Manfred Rommel in einer pers. Mitlg. an den Verf.; Vgl. Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 28.12.1942, NA RG 242 T 84/274.
- [32] *den Gabes-Plan vorzutragen* — Vgl. Sonderprotokoll, a.a.O., S. 3 f.
- [33] «ihm dann die feindliche Luftwaffe zu nahe...» — Zit. nach: ebd., S. 4.
- [34] *Im Protokoll der Besprechungen* — Vgl. ebd., S. 7 f. (Flak-Geschütze), sowie S. 9 («Gualdi»).
- [35] *nicht das erste Mal* — Vgl. Tagesbericht, 16.11.1942, a.a.O. Несколько подводных лодок, на которых предполагалось доставить «спирт»³⁸ армии Роммеля, тоже «были направлены в Тунис».

³⁷ Перевод цитаты приведен по русскому изданию: И. Видер. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М.: Прогресс, 1965. С. 158. (Прим. ред.)

³⁸ Жаргонное обозначение горючего, принятое в немецкой армии. (Прим. ред.)

- [36] «*Beim gemeinsamen Mittagessen...*» — Zit. nach: Milch, Erhard, Unveröffentl. Memoiren, Auszug, undatiert, o. S., in: DI 6. Vgl. zu Gцrings «burschikoser» Art: E. Rommel, Krieg, S. 317. Мильх описывает здесь состоявшийся накануне визит Муссолини, во время которого Геринг пустился в рассуждения об Африканской кампании; он упрекал Роммеля за то, что тот «бросил итальянцев под Эль-Аламейном на произвол судьбы». Сам «дуче» был поражен такой бесцеремонностью и отреагировал на него, обратившись к Роммелю: «Мне о подобных вещах ничего не известно, а ваше отступление было произведено мастерски, господин маршал!»
- [37] «*... Rommel hat absolut seine Nerven verloren.*» — Zit. nach: H. Heiber, Lagebesprechungen, S. 59; Vgl. D. Irving, Rommel, S. 351.
- [38] «*Stehet*» — Vgl. H. Heiber, Lagebesprechungen, S. 275, sowie E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 3.8.1944, Teil II, Bd. 13, S. 210. «*Pessimist*» — Zit. nach: E. Rommel, Krieg, S. 312.
- [39] «*den Treibstoffmangel ausdrücklich zu begrüßen*» — Vgl. P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. 2, S. 1093.
- [40] «*Es wäre vielleicht richtiger gewesen...*» — Zit. nach H. Heiber, Lagebesprechungen, S. 60.
- [41] «*mit Pauken und Trompeten verlieren würde*» — Zit. nach: S. Westphal, S. 185. Vgl. H. v. Luck, Gefangener, S. 152 f. Ханс фон Люк в целом верно передает настроение Роммеля в эти дни, хотя многие подробности приведенной им беседы вызывают сомнения, а само описание носит заметно преувеличенный характер.
- [42] «*englisch-deutsches Taschenwörterbuch*» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 11. 12.1942, a.a.O.
- [43] «*Bald liegt die Schule hinter Dir*» — Rommel, Erwin, Brief an Manfred Rommel vom 8.12.1942, NA RG 242 T 84/274.
- [44] «*bis zum letzten Mann...*» — Zit. nach: Tagesbericht, 19.12.1942, a.a.O.
- [45] «*bis zum Außersten verteidigt...*» — Zit. nach: G. Ciano, Tagebücher, S. 508.
- [46] «*Am 8. Januar erfuhr Kesselring*» — Vgl. Cavallero, Ugo, Tagebücher, 8.1.1943, DI 2/6.
- [47] «*Ich will hier unerörtet lassen...*» — A. Kesselring, Soldat, S. 192.
- [48] «*unternahm er einen letzten Versuch*» — Vgl. Tagesbericht, 10.1.1943, a. a. O.
- [49] «*Aber Kesselring kam Rommel zuvor.*» — Vgl. Tagesbericht, 12.1.1943, a.a.O. «Доклад [Берндта] фюреру был отложен на вечер, — записал Геббельс по этому поводу в своем дневнике. — Это не дело, что обер-лейтенант резерва докладывается в штаб-квартире фюрера раньше генерал-фельдмаршала, в данном случае Кессельринга, да еще со стенаниями и жалобами. Фюрер был первоначально не очень любезен; однако он заметил, что доклад Берндта был хотя бы проведен в правильной военной форме. (Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 23.1.1943, Teil II, Bd. 7, S. 176). Позднее Роммель писал о возвращении Берндта своей жене: «Кессельринг имел при фюрере влияние, несопоставимое с его рангом». (Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 19.1.1943, a. a. O.)
- [50] «*dass dies dem Grundgedanken der Verteidigung widerspräche*» — A. Kesselring, Soldat, S. 202.
- [51] «*Ich komme von dem Verdacht nicht los...*» — Ebd.
- [52] «*Afrika solle nur das Beste...*» — Zit. nach: Tagesbericht, 12.1.1943. Vgl. zu dieser Besprechung: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 14.1.1943, Teil II, Bd. 7, S. 111 ff.
- [53] «*die Gesamtführung in Tunesien...*» — Zit. nach: Tagesbericht, 22.1.1943, a. a. O.
- [54] «*mehrmals ohnmächtig geworden*» — Vgl. Tagesbericht, 14.11.1942, a.a.O.
- [55] «*Jedenfalls unterzog sich Rommel... unverzüglich einer Untersuchung*» — Vgl. Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 20.1.1943, a. a. O.
- [56] «*Rommel anderweitig zu verwenden*» — Zit. nach: Bradley, Tätigkeitsbericht, 22.2.1944.
- [57] «*Der Führer entschloss sich...*» — Zit. nach: ebd. Vgl. in diesem Zusammenhang P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. II, S. 62.
- [58] «*gesundheitslich in der Lage sei...*» — Zit. nach: Tagesbericht, 22.1.1943, a. a. O. Vgl. auch Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 24.1.1943, a. a. O.
- [59] «*zu einem von ihm zu benennenden Termin...*» — Zit. nach: Tagesbericht, 26.1.1943, a. a. O. Vgl. in diesem Zusammenhang P. E. Schramm, Kriegstagebuch, a.a.O.
- [60] «*Ich bin so deprimiert...*» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 25.1.1943, a. a. O.
- [61] «*der Zustand des Marschalls...*» — Berndt, Ingemar, Brief an Lucie Rommel vom 8. 2.1943, NA RG 242 T 84/274.
- [62] «*210 000 alliierte Soldaten*» — Vgl. H. v. Eisebeck, Afrika Korps, S. 214 u. 223 f.
- [63] «*Kartenhaus*» — Zit. nach: W. Warlimont, Hauptquartier, S. 327.
- [64] «*An seinem Rundfunkempfänger*» — Vgl. Tagesbericht, 30.1.1943, a. a. O.
- [65] «*Kommst Du nach Deutschland...*» — Zit. nach: M. Domarus, Hitler, Bd. II, S. 1976.
- [66] «*Bin entschlossen, den Befehl...*» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 8.2.1943, a.a.O.
- [67] «*Unternehmen Frühlingwind*» — Vgl. zu den Kämpfen in Tunesien E. Rommel, Krieg, S. 347–377; K. Macksey,

Rommel, S. 173-187; E. Theil, Rommels verheizte Armee; E Kurowski, Endkampf, sowie die Tagesberichte 14.2. bis 9.3.1943, a.a.O.

[68] «O[berbefehlshaber] entschließt sich...» — Zit. nach: Tagesbericht, 18.2.1942, a. a. O.

[69] «Es [geht mir] wie einem alten Kavalleriegaul...» — Zit. nach: Berndt, Ingemar, Brief an Lucie Rommel vom 8.2.1943, a.a.O.

[70] *Rommel kam dem falschen Spiel* — Vgl. Tagesbericht, 24.2.1943, a.a.O.

[71] «Ein weiteres Verbleiben...» — E. Rommel, Krieg, S. 367.

[72] *Das «sei... eine hundertprozentig...»* — Стенографическая запись беседы Гитлера с Йодлем 4 марта 1943 года цит. по: H. Heiber, Lagebesprechungen, 4./5.3.1943, S. 143 ff, in: DI 7.

[73] «Dass er [Rommel] sich jetzt...» — Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 394.

[74] «Tag für Tag...» — Zit. nach G. Sereny, Albert Speer, S. 430.

[75] «Die Zurückführung beider Armeen...» — O.B. Süd, Funkspruch an O.B. Heeresgruppe Afrika, 9. 3.1943, NA RG 242 T 313/416. 165–166

[76] «nunmehr sofort seine Kur anzutreten» — Zit. nach: Tagesbericht, 7. 3.1942, a. a. O.

[77] *heimlich in Rom mit Kesselring zu treffen* — Vgl. ebd.

[78] «Draußen ist Frühling...» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 3.3.1943, a.a.O.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ИНТЕРМЕЦЦО

[1] *am 10. März 1943* — Vgl. Tagesbericht, 10. 3.1943, DI 10/2.

[2] «*schien durch die Katastrophe...*» — E. Rommel, Krieg, S. 372.

[3] «*dass man nach Niederlagen...*» — Zit. nach: ebd.

[4] *so flehte er Hitler an* — Хайнрих Эбербах в 1944 году во Франции узнал от Роммеля дополнительные подробности разговора с Гитлером: «Он [Роммель] со слезами на глазах просил его [Гитлера] спасти Германский Африканский корпус от сдачи в Тунисе. Он указывал, что наши солдаты в Тунисе из верности и любви к фюреру совершили непосильное человеку. Гитлер, однако, ответил, что перенапряжение последних месяцев лишило его [Роммеля] власти над нервами, и необходимо сдерживаться. Тогда он узнал, что люди для Гитлера не имеют значения» (Eberbach, Heinrich, Bericht über den Umsturzplan des Feldmarschalls Rommel vom 15. 5.1979, S. 2, BAMA MSG 1/1079).

[5] «*spontan*» — Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 12.3.1943, Teil II, Bd. 7, S. 535.

[6] «*Denn wie immer auch die Nachwelt...*» — Hitler, Brief an Mussolini vom 14.3.1943, DI 7.

[7] «*in Ungnade gefallen...*» — Zit. nach: B. H. Liddell Hart, Rommel Papers, S. 425.

[8] «*Meine Gedanken und Sorgen...*» — Rommel, Erwin, Brief an Generaloberst Hans-Jürgen von Arnim vom 12.3.1943, NA RG 242 T 84/283.

[9] «*Es gab eben Männer...*» — E. Rommel, Krieg, S. 276.

[10] «*Mir wurde es klar...*» — Ebd., S. 315.

[11] *Bis zum 31. März* — Tagesbericht, 13.–30.3.1943, a.a.O.

[12] *quälten ihn die zahlreichen Briefe* — Vgl. R. Munniger, Interview.

[13] *48 Panzer und 300 Geschütze* — Vgl. J. Piekalkiewicz, Der Wüstenkrieg, S. 277.

[14] «*Rommelgerät dadurch in...*» — Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 7.5.1943, Teil II, Bd. 8, S. 224.

[15] «*weitere Kriegsführung sehr wertvoll...*» — Zit. nach: ebd., 10.5.1943, S. 266 f.

[16] *Kommando im Osten* — Vgl. ebd., 14.1.1943, Teil II, Bd. 7, S. 111 ff.

[17] «*Er will ihn sich aufsparen...*» — Ebd., 10. 5.1943, Bd. 8, S. 266 f.

[18] «*Noch kein besonderer Auftrag...*» — Tagesbericht, 9. 5.1943, DI 11/5.

[19] «*Die Gesundheit des Generalfeldmarschalls...*» — Zit. nach: M. Domarus, Hitler, Bd. II, S. 2014.

[20] «*und doch... könnte ich heulen...*» — Ebd.

[21] «*Der derzeitige letzte Kommandierende General...*» — Cramer, Hans, Telegramm an Erwin Rommel vom 11.5.1943, Faksimile in DI 6.

[22] «*Munition verschossen...*» — Zit. nach: J. Piekalkiewicz, Der Wüstenkrieg, S. 286.

[23] *130 000 deutsche* — Zahlen zit. nach: V. Kühn, Mit Rommel, S. 206.

[24] *eine «Art stellvertretender O[berfehlshaber] d[es] H[eer]es]*» — Rüge, Friedrich, Tagebuch, 25.6.1944, BAMA N 379.

- [25] «*In Italien ist nur der Duce...*» – Zit. nach: Junge, Rolf, Brief an Karl Dönitz vom 15.5.1943, BAMA RM 7/260.
- [26] «*Es ist beabsichtigt...*» – Zit. nach: D. Bradley, Tätigkeitsbericht, 17. 5.1943.
- [27] «*Kritisch sind die nächsten 8 – 14 Tage.*» – Zit. nach: Junge, Rolf, a.a.O.
- [28] «*Ich befinde mich hier...*» – Zit. nach: A. Stahlberg, Pflicht, S. 337.
- [29] «*Plötzlich blickte er auf...*» – Zit. nach: B. H. Liddell Hart, Rommel Papers, S. 427.
- [30] «*Hitler ist nicht mehr ganz normal*» – Zit. nach: ebd., S. 428.
- [31] «*am 15. Juli darauf vorbereitet* – Vgl. D. Bradley, Tätigkeitsbericht, 15.7.1943.
- [32] «*Italiener-Hasser*» – Vgl. Richthofen, Wolfram von, Tagebuch, 27.7.1943, in: DI 6; W. Warlimont, Hauptquartier, S. 353.
- [33] «*Ich erfahre, dass man...*» – Tagesbericht, 18.7.1943, a. a. O.
- [34] «*als d[em] einzige[n] Führer...*» – Zit. nach: W. Warlimont, Hauptquartier, S. 352.
- [35] «*ganz in die Reihe gebracht*» – Zit. nach: ebd., S. 355.
- [36] «*mit allen Mitteln*» – Zit. nach: ebd.
- [37] «*Ist der Rommel schon weg?*» – Zit. nach: H. Heiber, Lagebesprechungen, S. 153 f.
- [38] «*Duce ist in Schutzhaft genommen...*» – Zit. nach: Tagesbericht, 25.7.1943, a.a.O.
- [39] «*Am 26. Juli ließ er die Vorbereitungen* – Vgl. P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. III, S. 837.
- [40] «*I. A. OKW/Auffrischungsstab München*» – Ebd., S. 851.
- [41] «*Hausarrest*» – Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 412.
- [42] «*Damit... ist ein einwandfreier Beweis...*» – P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. III, S. 854.
- [43] «*soeben ohne Zwischenfälle...*» – Zit. nach: ebd., S. 860.
- [44] «*Sie müssen freundlich...*» – Zit. nach: «Auftrag an Hauptmann Rathje», Protokoll, 30.7.1943, DI 11/5.
- [45] «*noch dreimal am grünen Tisch* – Vgl. hierzu u. a. E. Kuby, Verrat, S. 230 ff.
- [46] «*in Bologna am 15. August* – Zum Treffen in der Villa Federzoni Vgl. P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. III, S. 949–952; E. v. Rintelen, Mussolini, S. 241 f.; W. Warlimont, Hauptquartier, S. 386 f.; R. Lehmann, Leibstandarte, S. 295–299; G. Schreiber, Die italienischen Militärinternierten, S. 74.
- [47] «*Mir sind somit endlich die Wege geöffnet.*» – Tagesbericht, 15. 8. 1943, a.a.O. 186–187
- [48] «*Ich stelle wiederholt fest...*» – Tagesbericht, 11. 8. 1943, a. a. O.
- [49] «*Nicht viel, wenn die Feldmarschälle...*» – Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 420.
- [50] «*Also doch Verrat!*» – R. Rahn, Ruheloses Leben, S. 340.
- [51] «*Um 20.00 Uhr löste General Jodl* – Vgl. P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. III, S.1077.
- [52] «*möglichst lange die allgemeine Linie...*» – Zit. nach: P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. III, S. 1093. Донесение от Кессельринга с оценкой обстановки поступило в 01:00 12 июля 1943 года и в журнале боевых действий ОКВ датировано еще 11-м числом.
- [53] «*Jedenfalls befahl Hitler am Tag darauf* – Vgl. ebd., S. 1096.
- [54] «*Die zahlenmäßig gewaltige* – Vgl. G. Schreiber, Die italienischen Militärinternierten, S. 101 ff.
- [55] «*Welch schimpfliches Ende für eine Armee*» – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 10.9.1943, a.a.O.
- [56] «*1. bündnistreue italienische] Soldaten...*» – Zit. nach: P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. III, S. 1107. Vgl. Oberkommando der Wehrmacht, Fernschreiben vom 7.9.1943 und 8.9.1943, IFZ MA240, 5518753-737.
- [57] «*wohl seit einiger Zeit vorhergesehen* – Vgl. H. Heiber, Lagebesprechungen, S. 187.
- [58] «*Fachkräfte[n] für die Rüstungswirtschaft...*» – P. E. Schramm, Kriegstagebuch, Bd. III, S. 1085.
- [59] «*von über 600 000 Soldaten und Offizieren* – О дальнейшей участи итальянских солдат, а также местного гражданского населения см.: G. Schreiber, Die italienischen Militärinternierten, S. 235; ders., Kriegsverbrechen; L. Klinkhammer, Stragi naziste; ders., Zwischen Bündnis; F. Andrae, Auch gegen Frauen.
- [60] «*dass unter allen Umständen...*» – Generalkommando Witthöft, Besondere Anordnungen für die Versorgung Nr. 2, 12.9.1943, VII., BAMA RM 7/265. Vgl. G. Schreiber, Die italienischen Militärinternierten, S. 242 f.
- [61] «*den Kriegsgefangenen... Verpflegung...*» – Generalkommando Witthöft, Besondere Anordnungen für die Versorgung Nr. 4, 19.9.1943, II. A 1. a, a. a.O.
- [62] «*Wahrscheinlich ausgelöst* – Vgl. Shelah, Menachem, Die Ermordung italienischer Kriegsgefangener, September bis November 1943, in: H. Heer, Vernichtungskrieg, S. 191–207.
- [63] «*Dort, wo ital[ienische] Truppen...*» – Oberkommando der Wehrmacht, Fernschreiben vom 10.9.1943, BAMA RM 7/950.
- [64] «*Auf Befehl des Führers...*» – Zit. nach: H. Rothfels, Akten, S. 537.
- [65] «*blutige Folgen*» – G. Schreiber, Die italienischen Militärinternierten, S. 110.

- [66] «*In erster Linie...*» – Ebd.
- [67] «*Grundsätzliche Richtlinien...*» – Oberkommando der Wehrmacht, Grundsätzliche Richtlinien über die Behandlung der Soldaten der ital. Wehrmacht und Miliz, 15.9.1943, BAMA RW 4/508 a.
- [68] «*[Ich] musste mich erbrechen...*» – Rommel, Erwin, Brief an Manfred Rommel vom 24.9.1943, NA RG 242 T 84/275.
- [69] *für eine Stunde einen Spaziergang* – Vgl. Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 24. 9.1943, a.a.O.
- [70] *Immer wieder irrtümlich...* – Vgl. G. Schreiber, Kriegsverbrechen, S. 49 f.
- [71] «*Irgendwelchesentimentalen Hemmungen...*» – Oberbefehlshaber, Heeresgruppe B, Aufruf, 23.9.1943, RH 27–24/26. Аналогичный приказ был издан в тот же день в Южной Италии фельдмаршалом Кессельрингом (Oberbefehlshaber Sud, Fernschreiben an Deutsches Marinekommando Rom, 23.9.1943, BAMA RM 7/1333). Если учесть, что ранее Кессельринг отказывался признавать необходимыми какие-либо меры, предпринятые его соперником (Vgl. A. Kesseling, Soldat, S. 256), то вполне возможно, что появление этих документов было заранее запланировано в штаб-квартире фюрера.
- [72] *den Partisanen angeschlossen* – Разоружение и депортация итальянских солдат в зоне командования Роммеля была закончена достаточно быстро. Разумеется, Роммель не мог не отреагировать на все возрастающую активность партизан на занятой им территории. Как раз 23 сентября он писал своей жене: «*Vorlesse Venetien erscheinen, wie du schon aus den Berichten OKW, banditische Gruppen*» (Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 23.9.1943, a. a. O.).
- [73] «*Auseinandersetzung mit den Exverbündeten...*» – G. Schreiber, Kriegsverbrechen, S. 49 f.
- [74] *des kleinen Ortes Boves* – Vgl. zum Hergang des Massakers von Boves: C. Gentile, Documenti, in: II presente, S. 75–130; G. Schreiber, Kriegsverbrechen, S. 129–132; R. Lehmann, Leibstandarte, S. 316–319.
- [75] «*und in ihre Häuser zurückkehren würden*» – Zit. nach: C. Gentile, Documenti, a. a. O., S. 87.
- [76] «*ursprünglich sich widersetzenden Truppenteile...*» – Zit. nach: G. Schreiber, Kriegsverbrechen, S. 132 f.
- [77] «*So bedauerlich die Folgen...*» – Zit. nach: R. Lehmann, Leibstandarte, S. 318 f.
- [78] «*2 Angehörige der LSCAH...*» – Generalkommando II. SS-Panzerkorps, Ic-Morgenmeldung an Heeresgruppe B/Ic, 21.9.1943, BAMA RS 2-2/21, Teil 2.
- [79] *am Lago Maggiore zwei... Leichen* – Zum Hergang des Massakers am Lago Maggiore: Vgl. Liliana Picciotto Fargion, Italien, in: W. Benz, Dimension, S. 199–228; C. Gentile, Documenti, a.a.O.; R. Lehmann, Leibstandarte, S. 320 f.; Staatsanwaltschaft am Landgericht Osnabrück, Anklageschrift gegen Hans Friedrich Röhwer et al., 20.3.1967, ZSt 518 AR-Z 16/59.
- [80] *und war entsetzt* – So Manfred Rommel in einer mündl. Mitteilung an den Verf.
- [81] *Anfang Oktober eingesetzte Untersuchungskommission* – Vgl. die Zeugenaussagen von Theodor Wisch, 1.12.1964, Bd. XI, Dr. Gerhard Franz, 2.11.1964, Bd. IX, und Christian Markus Jochum, 5.4.1966, Bd. XV, alle ZSt 518 AR-Z 16/59.
- [82] *reagierte Rommel ungewöhnlich scharf* – Vgl. Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 7.6.1975, DI 3/10; Vgl. B. H. Liddell Hart, Rommel Papers, S. 429.
- [83] «*Es muss Zeit gewonnen...*» – Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 425.
- [84] «*bewegliche Kampfführung*» – Zit. nach: W Warlimont, Hauptquartier, S. 395.
- [85] *war beschlossene Sache* – Vgl. S. Westphal, Erinnerungen, S. 233.
- [86] *Rommel war entrüstet* – Vgl. Kriegstagebuch Heeresgruppe B, 17.10.1943, NA RG 242 T 84/280.
- [87] «*Italien... den Zusammenbruch...*» – Zit. nach: H. Heiber, Lagebesprechungen, S. 275.
- [88] «*bezüglich der Kampfführung...*» – Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 427.
- [89] «*Herr Feldmarschall, es ist wohl nun Zeit...*» – Zit. nach: Tempelhoff, Hans-Georg v., Interviewabschrift, 1982, Sammlung Stark.
- [90] «*Mit dem Rommel...*» – Zit. nach: Hitzfeld, Maximilian, Brief an Kurt Hesse vom 21.2.1965, BAMA N558/V133.
- [91] «*bezüglich des weiteren Kriegsverlauf...*» – Zit. nach: Bormann, Martin, Brief an Heinrich Himmler vom 27.9.1944, BAMA N 117/29.
- [92] «*Rommel ist leider in seinen Ansichten...*» – Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, 27.10.1943, Teil II, Bd. 10, S. 180.
- [93] «*dass der vom Führer genehmigte Befehl...*» – Zit. nach: Kriegstagebuch Heeresgruppe B, 19.10.1943, a.a.O.
- [94] *aus der Fernschreibzentrale zurückzuholen.* – S. Westphal, Erinnerungen, S. 234.
- [95] *Etwa 19.30 Uhr abends wurde* – Kriegstagebuch Heeresgruppe B, a. a. O.
- [96] «*Vielleicht habe ich nicht sehr große Hoffnungen...*» – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 26.10.1943, NA RG 242 T 84/275.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ОГОНЬ В СОЛОМЕ

- [1] *neue Aufgabe übertragen worden* — Vgl. N. v. Below, Adjutant, S. 353; im Folgenden zit. nach: A. Speer, *Erinnerungen*, S. 263 f.
- [2] *am ersten Tag der Invasion 14 674 Einsätze* — Vgl. D. Ose, *Entscheidung*, S. 119.
- [3] *«Stimmung gedrückt...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 9.11.1943, NA RG 242 T 84/275.
- [4] *«Seydlitz bei Rossbach»* — Zit. nach: Rundstedt, Gerd von, Brief als Antwort auf Fragebogen der Historical Division, 2.12.1949, DI 3/11.
- [5] *«Es fällt mir schwer...»* — Zit. nach: E. Franz, An Rommels Seite, in: *Frontsoldat*, Aufsatz, S. 26.
- [6] *«Wenn alles zusammenbricht...»* — Zit. nach: S. Westphal, *Erinnerungen*, S. 206.
- [7] *«Bubi»* — Zit. nach: Hesse, Kurt, Gesprächsnotiz vom 11.10.1975, DI 3/10.
- [8] *«Mehr als ein Divisionskommandeur...»* — Zit. nach: K. Hesse, *Wandlung*, unveröffend. Manuskript, S. 5.
- [9] *«alten, müden Mann»* — Zit. nach: ebd.
- [10] *«Ich sehe block.»* — Zimmermann, Bodo, Bericht für die Historical Division, S. 14, BAMA M T/121.
- [11] *«Nun will ich mit aller Macht...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 19.12.1943, a.a.O.
- [12] *Schlüssel für einen annehmbaren Frieden* — Vgl. Salewski, Michael, *Die Abwehr der Invasion als Schlüssel zum «Endsieg?»*, in: R. D. Müller, *Wehrmacht*, S. 210–223.
- [13] *«Eine solche Katastrophe...»* — D.D. Eisenhower, *Kreuzzug*, S. 267.
- [14] *«Alles ist an der Küste einzusetzen...»* — *Kriegstagebuch LI. Armee Korps*, Anlage, 14.9.1943, DI 7.
- [15] *«HKL [Hauptkampflinie] ist der Strand.»* — Zit. nach: ebd., S. 14.
- [16] *«Alles Liebe und Gute für 1944!...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 29.12.1943, a.a.O.
- [17] *zwischen Zuidersee und Loiremündung* — Vgl. D. Ose, *Entscheidung*, S. 60 f.
- [18] *«ein Korallenriff von Hindernissen...»* — Zit. nach: ebd., S. 69.
- [19] *«Können wir nicht Porzellanminen machen?»* — Zit. nach: Tempelhoff, Hans-Georg von, Gesprächsnotiz vom 1.7.1975, DI 3/10; Vgl. auch F. Rüge, *Invasion*, S. 90.
- [20] *«Tag und Nacht...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 27.12.1943, a.a.O.
- [21] *Salmuth habe «keine Ahnung...»* — Zit. nach: Salmuth, Hans von, maschinenschriftl. Manuskript, 166 f, DI 4/1.
- [22] *«Das ist ein ganz grober Kerl...»* — Zit. nach: Rüge, Friedrich, *Tagebuch*, 4.2.1944, BAMA, N 379.
- [23] *«Er ist Choleriker...»* — Zit. nach: H.-J. Jacobsen, *Marcks*, S. 160.
- [24] *Panzer von 256 sogar auf 1299* — Vgl. D. Ose, *Entscheidung*, S. 73 f.
- [25] *kaum ins Gewicht fielen* — Vgl. ebd., S. 114.
- [26] *«Die Aussicht, dass...»* — H. Boberach, *Meldungen*, Bd. 17, S. 6510 f.
- [27] *nicht recht glauben könne* — Vgl. W. Warlimont, *Hauptquartier*, S. 435; zur Datierung des Besuchs von Warlimont s. *Tagesbericht*, 6.2.1944, DI 11/6.
- [28] *«Wenn man auch...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 6.2.1944, a.a.O.
- [29] *«befriedigt über den Stand...»* — *Kriegstagebuch Heeresgruppe B*, 11.3.1944, zit. nach: F. Rüge, *Invasion*, S. 97 f.
- [30] *«Hier gibt es viel zu tun...»* — Rommel, Erwin, Brief an Manfred Rommel vom 14.3.1944, a. a. O.
- [31] *«In Verbindung mit Rommels Mangel...»* — Geyr von Schweppenburg, Leo, *Invasion ohne Maske*, Vorenwurf, vermutlich 1960, S. 5, DI 3/12.
- [32] *handlungsunfähig geworden* — Vgl. D. Ose, *Entscheidung*, S. 151.
- [33] *«Wenn ich jetzt mein Kommando niederlege...»* — Geyr von Schweppenburg, Leo, Brief an Erwin Rommel vom 6.7.1944, zit. nach: B. H. Liddell Hart, *Rommel Papers*, S. 467, Rückübersetzung aus dem Engl.
- [34] *«Schöpfer der Panzerwaffe», General Guderian* — Vgl. H. Guderian, *Erinnerungen*, S. 297 ff. *mit dem breiten Säbel* — Vgl. D. Ose, *Entscheidung*, S. 54 f.
- [35] *«Die Entscheidung des Kampfes...»* — Rommel, Erwin, Brief an Hitler vom 16.3.1944, DI 1/5.
- [36] *nach Berchtesgaden einbestellt* — Vgl. Heider, Paul, *Reaktionen in der Wehrmacht auf Gründung und Tätigkeit des Nationalkomitees «Freies Deutschland» und des Bundes Deutscher Offiziere*, in: R.-D. Müller, *Wehrmacht*, S. 614–634; s. a. A. Stahlberg, *Pflicht*, S. 359 ff.
- [37] *«dass jeder Soldat des Heeres...»* — Heider, Paul, a.a.O., S. 623.
- [38] *Nur ein Einziger war unter ihnen* — Фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен, противник режима и один из лидеров армейского Сопротивления, 30 марта 1942 года был уволен в отставку по состоянию здоровья, и поэтому не присутствовал на данном мероприятии. Vgl. Pommerin, Reiner, *«Erwin von Witzleben — Der designierte Oberbefehlshaber»*, in: K. v. Klemperer, *Deutschland*, S. 328–343.

- [39] *«Es ist selbstverständlich...»* – Bericht über den Lagevortrag Hitlers, 20.3.1944, zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 267 f.
- [40] *alle seine Argumente* – Vgl. F. Rüge, Invasion, S. 105.
- [41] *am Himmel erscheinen* – Vgl. Salmuth, Hans von, a.a.O., S. 168 f.
- [42] *«Befriedigt über das Erreichte...»* – Tagesbericht, 21.3.1944, zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 105.
- [43] *auf Rommels Anliegen einzugehen* – Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 55.
- [44] *zu stützen und aufzurichten* – Vgl. H. Speidel, Zeit, S. 162.
- [45] *«Bis dahin muss das Verfügungsrecht...»* – Zit. nach: D. Ose, Entscheidung, S. 54.
- [46] *«War heute bei Rundstedt...»* – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 10.4. 1944, a. a. O.
- [47] *«persönlich sehr nett», aber «sehr ernst...»* – Rüge, Friedrich, Tagebuch, 16.4.1944, a. a. O.
- [48] *«...Fürden Westen...»* – F. Rüge, Invasion, S. 125.
- [49] *«der im Gespräch unter vier Augen...»* – Zit. nach: Meise, Dr. Wilhelm, Brief an W. M. James jr. vom 21.3.1964, DI 7.
- [50] *«kurze ernste Worte auf den Führer»* – F. Rüge, Tagebuch, 20.4.1944, a. a. O.
- [51] *«Er war bester Stimmung...»* – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 19.5.1944, a.a.O.; Vgl. auch F. Rüge, Invasion, S. 158, und ders., Tagebuch, 15.5.1944, a.a.O.
- [52] *stets in der Ichform* – Дневные сводки 1944 года записаны Хельмутом Лангом. В сентябре-октябре 1944 года, когда Роммель уже надеялся, что его не свяжут с покушением 20 июля 1944 года, он снова нашел эти сводки и переписал их. Все опасные пассажи старых сообщений с критическими отзывами о Геринге и других функционерах режима были сожжены. Во всяком случае, Ланг мог пропустить большую часть сообщений через сито. (s. DI 11/7). «Кастрированные» сводки находятся в ВАМА, N 117/22.
- [53] *«Ich bin froh...»* – Lang, Hellmuth, Tagesbericht, 13.4.1944, DI 11/7.
- [54] *«Es geht um die entscheidende Schlacht...»* – Rommel, Erwin, Antrag an OB West, 23.4.1944, als Anlage zu Rommel, Erwin, Brief an Schmudt vom 23.4. 1944, beide DI 1/5.
- [55] *«Wir werden von Tag zu Tag stärker...»* – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 12.5.1944 a.a.O.
- [56] *«In Hinblick auf unsere starken Anlagen...»* – Deutsche Wochenschau 715, 17.5.1944, BAFA.
- [57] *zum Abendessen empfangen wurde* – Vgl. F. Rüge, Invasion, S. 158; ders., Tagebuch, 16.4.1944, a.a.O.
- [58] *«scharf oppositionelle Haltung»* – O. Abetz, Problem, S. 287.
- [59] *Ähnlich offen äußerte sich Rommel* – Vgl. F. Rüge, Invasion, S. 164.
- [60] *«Den Krieg... können wir nicht mehr gewinnen.»* – Zit. nach: Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 5.12.1976, DI 3/10.
- [61] *dass er nicht mehr an den «Endsieg» glaube* – Vgl. ebd.
- [62] *«[Berndts] Bericht ist zwar einigermaßen alarmierend...»* – E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil II, Bd. 12, 6. 6.1944, S. 407.
- [63] *«Was aber noch bestürzender ist...»* – Ebd., Teil II, Bd. 13, 3.8.1944, S. 208 f.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. СОПРОТИВЛЕНИЕ

- [1] *nach Riga in Lettland deportiert* – Vgl. M. Zelzer, Weg, S. 223 ff.; P. Sauer, Schicksale, S. 282 ff.
- [2] *bei Lublin im besetzten Polen* – Vgl. ebd., S. 290 ff.
- [3] *den deportierten Juden wirklich geschah* – Vgl. W. Nachtmann, Strölin, S. 238.
- [4] *des Lagers Belzec ermordet* – Vgl. W. Benz, Dimension, S. 49; s. a. P. Longerich, Politik, S. 504-51.
- [5] *Massenmord lehnte er entschieden ab* – Vgl. W. Nachtmann, Strölin, S. 239.
- [6] *nicht mehr in Einklang mit der Führung* – Vgl. ebd., S. 298-317 u. 322 ff.
- [7] *bis zu seinem Tode im Jahr 1963 treu* – Vgl. ebd., S. 335 f.
- [8] *die Grundsätze der Idee verraten* – Vgl. ebd.
- [9] *«Wiederherstellung des Rechtsstaates...»* – K. Strölin, Stuttgart, S. 34.
- [10] *«Generalkommando zur besonderen Verfügung Nr. 64»* – Vgl. W. Nachtmann, Strölin, S. 28 f.
- [11] *SS-Obergruppenführer ehrenhalber* – Vgl. Raberg, Frank, Konstantin von Neurath, in: M. Kißener, Führer, S. 506–576.
- [12] *dass der Krieg verloren war* – Vgl. Strölin, Karl, Aussage vom 25.3.1946, in: Internationaler Militär Gerichtshof, Prozess, Bd. X, S. 67 f.

- [13] *die Frage nach einem Ausweg* — Vgl. ders., «Zusammenarbeit mit dem früheren Reichsaußenminister Freiherr von Neurath», Anlage 3, Nachlass Paul Hahn, HSTAS M 660/156 Bü 59.
- [14] *«die Rettung Deutschlands...»* — Zit. nach: ders., Aussage vom 25.3.1946, a.a.O.
- [15] *«dass Rommel nach seiner ganzen Stellung...»* — Ebd.
- [16] *Dr. Carl Goerdeler* — Vgl. W. Nachtmann, Strölin, S. 330 f.; K. Strölin, Stuttgart, S. 35 ff; ders., Verräter, S. 32 f.; ders., «Zusammenarbeit mit Paul Hahn», Anlage 1, Nachlass Paul Hahn, a. a. O.; ders., «Zusammenarbeit mit Oberbürgermeister Dr. Goerdeler», Anlage 2, Nachlass Paul Hahn, a.a.O. HSTAS M 660/156 Bü 59.
- [17] *Strölin für seine Absichten zu gewinnen* — Vgl. R. Scholtysek, Bosch, S. 475.
- [18] *Planungen offen gelegt hatte* — Vgl. Strölin, Karl, «Zusammenarbeit mit Oberbürgermeister Dr. Goerdeler, Anlage 2, a.a.O.; ders., Stuttgart, S. 35; ders., Verräter, S. 32.
- [19] *Rommel als Staatsoberhaupt einzusetzen* — Vgl. W. Nachtmann, Strölin, S. 332.
- [20] *erscheint eher unwahrscheinlich* — Vgl. R. Scholtysek, Bosch, S. 475. Напротив, здесь подходит рассказ Манфреда Роммеля о смерти Роммеля от 25. 5.1945, в: Südkurier, 8. 9.1945. Манфред Роммель сообщал в нем о последних часах жизни отца. Он отчетливо описывал, как узнал от отца, что генералы Бургдорф и Майзель среди прочего потому конфронтировали с ним, что он «был в списке обер-бургомистра Герделера министром-президентом». Но был ли этот список фальсификацией гестапо, или Герделер действительно внес имя Роммеля после того, как Штрелин информировал его о разговоре в феврале 1944 года (s. K. Strölin, Anlage 2, a. a.O.) — выяснить уже невозможно.
- [21] *«keinen Geist und keine Erkenntnis»* — Zit. nach: D. Graf v. Schwerin, Köpfe, S. 363.
- [22] *«Mit dem Strölin ist auch nichts anzufangen.»* — Zit. nach: R. Scholtysek, Bosch, S. 476.
- [23] *nach Württemberg zu übersiedeln* — Vgl. Rommel, Erwin, Briefe an Lucie Rommel vom 4.8.1943, 10.9.1943, 26.9.1943, NA RG 242 T 84/ 275.
- [24] *behilflich zu sein* — Vgl. W. Nachtmann, Strölin, S. 332.
- [25] *Bleibe für die Rommels* — Authentisches zum Fall Rommel, maschinenschriftl. Manuskript, 28.9.1944, Rommel-Museum.
- [26] *in seinen Amtsräumen im Rathaus* — Vgl. Strölin, Karl, Verteidigungsschrift, in: Spruchkammerverfahren, 1948, S. 16–18, STAL EL 903/4 Bü 264.
- [27] *unhaltbaren Zustände im Land* — Rommel, Lucie, Brief an Karl Strölin vom 10.8.1947, IFZ ZS 579.
- [28] *an ihren Mann weiterzuleiten* — Vgl. Strölin, Karl, Verteidigungsschrift, a. a. O.
- [29] *14. bis 18. Dezember* — Vgl. Tagesberichte, 14.-18.12.1944, BAMA N 117/22.
- [30] *von «Massenerschießungen im Osten» sprach* — Zit. nach: Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 5.12.1976, DI 3/10.
- [31] *9. Februar 1944* — Vgl. F. Rüge, Tagebuch, 9.2.1944, BAMA N 379.
- [32] *auf diesem ruhigen Posten befand* — So Manfred Rommel in einer mündl. Auskunft an den Verf.
- [33] *Grausamkeiten der SS und der Polizei* — Vgl. Clark, Christopher, Johannes Blaskowitz — Der christliche General, in: R. Smelser, Militärelite, S. 35 ff.
- [34] *«Mit Heilsarmee-Methoden führe man keinen Krieg»*. — Zit. nach: H. Kotze, Heeresadjutant, S. 68.
- [35] *in Gaskammern im Osten* — Vgl. W. Nachtmann, Strölin, S. 333; so auch Manfred Rommel in einer mündl. Auskunft an den Verf.
- [36] *«Gerechtigkeit unentbehrliche Grundlage...»* — Zit. nach: Rüge, Friedrich, Tagebuch, 11.6.1944, a.a.O.
- [37] *zunächst abwartend verhielt* — Vgl. Strölin, Karl, «Zusammenarbeit mit Generalfeldmarschall Rommel», Anlage 4, Nachlass Paul Hahn, a. a. O.
- [38] *nach dem Krieg behauptet hat* — Vgl. K. Strölin, Stuttgart, S. 35 f.; ders., Verräter, S. 32 f.; deutlich zurückhaltender geschildert in: ders., «Zusammenarbeit mit Generalfeldmarschall Rommel», Anlage 4, Nachlass Paul Hahn, a. a. O.
- [39] *«dass er sich für die Rettung...»* — K. Strölin, Verräter, S. 33; ders., «Zusammenarbeit mit Generalfeldmarschall Rommel», Anlage 4, Nachlass Paul Hahn, a. a. O. Роммель также дословно сказал ему: «Я верю, что смогу сделать этот шаг для спасения Рейха».
- [40] *«Macht verdirbt; totale Macht verdirbt total.»* — Zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 109 f.
- [41] *«Damals... hatte ich noch nicht den Eindruck...»* — Zit. nach: W. v. Schramm, Aufstand, S. 48.
- [42] *dass das «allerdings schwierig sein werde...»* — Zit. nach P. Hoffmann, Widerstand S. 298; der genaue Wortlaut s. Foreign Relations, Diplomatie Papers, S. 512.
- [43] *in Kontakt zum Residenten* — A. W. Dulles, Verschwörung, S. 174.
- [44] *schlechter platziert wurde als Frau Gause* — So Manfred Rommel in einer mündl. Auskunft an den Verf.; Vgl. ders., Gesprächsnotiz vom 5.12.1976, a. a.O.

- [45] *«Lass uns einen Schlusstrich...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 17.3.1944, a. a. O.
- [46] *empfahl dem Führerhauptquartier* — Vgl. Rommel, Erwin, Brief an Rudolf Schmundt vom 23.4.1944, DI 1 /5.
- [47] *Generalleutnant Dr. Hans Speidel* — Vgl. H. Speidel, Invasion; ders., Zeit; s. a. Krautkrämer, Elmar, Generalleutnant Dr. Hans Speidel, in: G. R. Überschär, Hitlers, Bd. 2; *«Da war das Schicksal dazwischengetreten»*, in: Der Spiegel, Nr. 5/78, sowie I. Saame, Richtigstellung, unveröffentl. Manuskript.
- [48] *den Vorwurf revisionistischer Kreise* — Vgl. hierzu und zur Rolle David Irvings: W. Mönch, Entscheidungsschlacht, S. 160–167.
- [49] *Speidel selbst verschwieг* — Dr. Manfred Rommel bat darum, an dieser Stelle festzuhalten, dass er nicht daran glaubt, Speidel habe seinen Vater in der Haft belastet.
- [50] *«werde [ich] aus Rommel den Helden...»* — Zit. nach: Geyr von Schweppenburg, Leo, Abschrift der Eidesstattlichen Erklärung vom 27.4.1960, DI 3/12.
- [51] *Empfang für Speide* — Vgl. H. Speidel, Zeit, S. 164.
- [52] *Neurath zu bewegen* — Vgl. ebd.; s. a. Strölin, Karl, *«Zusammenarbeit mit Generalfeldmarschall Rommel»*, Anlage 4, Nachlass Paul Hahn, a.a.O.
- [53] *eine Art «Hassliebe»* — Zit. nach: H. Bücheier, Stülpnagel, S. 291.
- [54] *«Meine erste Abgrenzung...»* — H. Speidel, Zeit, S. 165.
- [55] *«Nazigeneral» würde jetzt «mitmachen»* — D. Graf von Schwerin, Köpfe, S. 362 ff.
- [56] *das «Rätsel Rommel»* — Vgl. F. v. Teuchert, ohne Titel, unveröffentl. Manuskript, S. 7.
- [57] *Pariser Widerstandsgruppe zu informieren* — Ebd.
- [58] *«... Aufgabe vorgezeichnet.»* — Bargatzky, Walter, Persönliche Erinnerungen, unveröffentl. Manuskript, S. 6.
- [59] *«...Anschlagsversuche auf Hitler»* — Vgl. H. Speidel, Invasion, S. 84; zur Datierung Vgl. Rüge, Friedrich, Tagebuch, 12. 5.1944, a. a.O.
- [60] *«er wolle Hitler nicht zum Märtyrer gemacht wissen»* — Zit. nach: H. Speidel, Invasion, S. 84. Шпайдель писал далее, что Роммель планировал *«лишить Гитлера власти с помощью подконтрольных танковых соединений, чтобы он предстал перед военным судом и ответил за свои преступления перед немецким народом и человечеством. Народ, избравший его, и должен его судить»*. Это были мысли Герделера. Ничто не указывает на то, что практик Роммель в это время с кем-то говорил об аресте Гитлера. Такое предприятие было бы для него авантюрой (Vgl. W. Heinemann, Rommel, unveröffentl. Manuskript, S. 10).
- [61] *Gespräch unter vier Augen* — Vgl. H. Bücheier, Stülpnagel, S. 289 f.
- [62] *vor der drohenden Invasion zu handeln* — Беседа Шпайделя со Штрелином цит. по: H. Speidel, Invasion, S. 85 f.; Vgl. auch ders., Aussage, zit. in: Strölin, Karl, Spruchkammerverfahren, a.a.O.
- [63] *Gesprächstermin mit Hitler* — Vgl. Tagesbericht, 3.6.1944, a. a. O.
- [64] *«Vor allem lag [Rommel] daran...»* — Ebd.
- [65] *«die Heranziehung von weiteren...»* — Ebd.
- [66] *«Lang, seie Se bloß still!...»* — Zit. nach: Bücheier, Stülpnagel, S. 297.
- [67] *«die Gezeiten in den folgenden Tagen...»* — Zit. nach: F. Rüge, Tagebuch, 4.6.1944, a.a.O.
- [68] *den 8. telefonisch bestätigt* -Vgl. Tagesbericht, 5.6.1944, a. a.O.
- [69] *Am darauffolgenden Tag* — Vgl. Kirchheim, Hildegard, Gesprächsnotiz vom 6.11.1975; s. a. Loistl, Rudolf, Gesprächsnotiz vom 6.6.1976, beide DI 3/10.
- [70] *«Herr Feldmarschall wird am Telefon verlangt.»* — Zit. nach: Kirchheim, Hildegard, a. a. O.
- [71] *«Schwerpunktangriff»* — D. Ose, Entscheidung, S. 104.
- [72] *«Ob es sich um den Beginn der Invasion handelt...»* — Tagesbericht, 6.6.1944, a. a. O.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. МАГНЕТИЗМ

- [1] *«die Gestalt des Generals Erich Marcks»* — Vgl. O. Jacobsen, Marcks, S. 156 f. Наряду с оценкой Маркса имеется еще более необычная оценка обстановки, сделанная обер-ефрейтором Вальтером Зорге, который в поданном 18 января 1944 года в Главное командование вермахта представлении предсказал ход вторжения. Vgl. W. Mönch, Entscheidungsschlacht, S. 124 ff.
- [2] *Pas de Calais* — Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 88 f.
- [3] *«Ich habe so den >Animus<...»* — Zit. nach O. Jacobsen, Marcks, S. 161.
- [4] *«Wie ich die Engländer kenne...»* — Zit. nach ebd., S. 163.

- [5] *Reise in das Führerhauptquartier und die Heimat* – Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 244.
- [6] *«wurde unser kleines Lager...»* – D.D. Eisenhower, Kreuzzug, S. 299.
- [7] *etwa 36 Stunden Wetterbesserung* – Vgl. ebd. sowie D. Ose, Entscheidung, S. 101, Anm. 2.
- [8] *Am 5. Juni um 4.15 Uhr* – Vgl. D. D. Eisenhower, Kreuzzug, S. 300.
- [9] *«Der Alte ist weg...»* – Zit. nach Schramm, Wilhelm von, Gesprächsnotiz vom 18.10.1975, DI 3/10.
- [10] *Umsturz des Regimes* – Vgl. ebd.
- [11] *Mitten im Gespräch* – Vgl. Horst, Max, Gesprächsnotiz vom 7.11.1975, DI 3/10.
- [12] *Speidel war verunsichert* – Vgl. Staubwasser, Anton, Brief an David Irving, Mai 1976, BAMA N 117/30.
- [13] *Gegen 135 Uhr wurde Speidel wieder geweckt* – Vgl. Kriegstagebuch Heeresgruppe B, 6.6.1944, BAMA RH 19-IX/93.
- [14] *um die Deutschen zu verwirren* – Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 111 u. Anm. 47.
- [15] *«dass es sich zunächst nicht um eine größere Aktion handelt»* – Zit. nach: ebd., S. 110 f.
- [16] *die Ereignisse der Nacht* – Vgl. Tagesbericht, 6.6.1944, BAMA 117/22.
- [17] *«Ihr begeht Euch nun auf den großen Kreuzzug...»* – Zit. nach: H.-J. Jacobsen, Weltkrieg, S. 340.
- [18] *«bisher noch kein Bild gewonnen...»* – Zit. nach: D. Ose, Entscheidung, S. 104.
- [19] *«Mit einem völlig unbeschwerten Lächeln...»* – W. Warlimont, Hauptquartier, S. 456 f.
- [20] *«Also, – anganga is.»* – Zit. nach: ebd.
- [21] *Zersplitterung der Kräfte* – Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 112 f., sowie W. Mönch, Entscheidungsschlacht, S. 165 f.
- [22] *«Abwarten» und «Klarheit verschaffen»* – Ebd., S. 107.
- [23] *Zwar rannte Rommels Stabschef* – So Fritz Hierl in einer mündl. Auskunft vom 29.9.2001.
- [24] *er zögerte aber, selbst die Initiative zu ergreifen* – Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 114.
- [25] *«Lassen Sie die Division sofort angreifen...»* – Zit. nach: D. Irving, Rommel, S. 503; Vgl. Kriegstagebuch Heeresgruppe B, 6.6.1944, a. a. O.
- [26] *nur ein «sofortiges Eingreifen...»* – D. Ose, Entscheidung, S. 114.
- [27] *Aber der Dirigent* – Эрнст Юнгер записал 6 июня 1944 об отсутствии Роммеля в своем дневнике: *«Это является косметической увертюрой к большой битве»*. (E. Jünger, Strahlungen, S. 528).
- [28] *«zeigte er sich... sehr erfreut...»* – F. Rüge, Invasion, S. 167.
- [29] *«die zu grundsätzlichen Entschlüssen zwingt»* – Zit. nach ebd., S. 126. Zur Datierung s. Tagesbericht, 11.6.1944, a.a.O.
- [30] *«Die Zeit ist gekommen...»* – Zit. nach: B. H. Liddell Hart, Jetzt, S. 521
- [31] *ein «Einvernehmen» finden* – Zit. nach: Blumentritt, Günther, Handschriftl. Aufzeichnungen in engl. Kriegsgefangenschaft, Januar 1946, S. 16, DI 4/2.
- [32] *«dass sich im Reich...»* – Zit. nach: ebd., S. 17.
- [33] *«dass man im äußersten Notfall»* – Zit. nach ebd.
- [34] *«Ermordung Hitlers»* – B. H. Liddell Hart, Jetzt, S. 521, 261
- [35] *«Die beste Lösung...»* – Zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 178.
- [36] *«Hitler .., wolle nicht verhandeln...»* – Zit. nach: ebd.
- [37] *«Ich habe gestern...»* – Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 13.6.1944, zit. nach: B. H. Liddell Hart, Rommel Papers, S. 491, Rückübersetzung aus dem Engl.
- [38] *«Mir geht es so weit gut...»* – ders., Brief an Lucie Rommel vom 15.6.1944, zit. nach: ebd.
- [39] *Weder ein «Sieg-Friede...»* – Zit. nach: H.-A. Jacobsen, Spiegelbild, S. 136.
- [40] *«da ein praktischer politischer Zweck...»* – Zit. nach: F. v. Schlabrendorff, Offiziere, S. 109.
- [41] *«Das Attentat auf Hitler...»* – Zit. nach: D. Grafv. Schwerin, Köpfe, S. 383.
- [42] *Rommel und Rundstedt* – Vgl. Tagesbericht, 17.6.1944, a.a.O.
- [43] *«Hier gibt es kein Ausweichen...»* – Zit. nach: D. Ose, Entscheidung, S. 134.
- [44] *die «kriegsentscheidende Wirkung» der «Vergeltungswaffe VI»* – Zit. nach: H. Speidel, Invasion, S. 113.
- [45] *Pillen und verschiedenfarbige Medizin* – Vgl. H. Speidel, Zeit, S. 181.
- [46] *fassten sich Rommel und Rundstedt ein Herz* – Vgl. Blumentritt, Günther, a. a. O., S. 18 f.
- [47] *werde «von den Westalliierten nicht angenommen...»* – Zit. nach: D. Ose, Entscheidung, S. 135.
- [48] *«Das ist eine Frage...»* – Zit. nach: Jodl, Alfred, Aussage vom 5.6.1941, in: Internationaler Militär Gerichtshof, Prozess, Bd. XV, S. 441.
- [49] *«Rommel hat seine Nerven verloren...»* – Zit. nach: A. Speer, Erinnerungen, S. 366 f.
- [50] *Rommel ist «wieder da...»* – Rüge, Friedrich, Tagebuch, 17.6.1944, BAMA N 379.

- [51] «Muss regelrechten Magnetismus haben.» — Ebd.
- [52] «Sah gestern den Führer...» — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 18.6.1944, zit. nach: B. H. Liddell Hart, Rommel Papers, S. 492, Rückübersetzung aus dem Engl.
- [53] «Stimmung nicht mehr so gut.» — Rüge, Friedrich, Tagebuch, 18.6.1944, a. a. O.
- [54] Antrittsbesuch in La Roche-Guyon — Vgl. H. Bücheier, Stülpnagel, S. 292.
- [55] «noch einmal zu Hitler zu fahren...» — Zit. nach: H. Speidel, Invasion, S. 126.
- [56] «Sie wollen nicht sehen...» — Zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 190 f.
- [57] Hitler sei «immer in einer Art Rausch...» — Zit. nach: Rüge, Friedrich, Tagebuch, 25.6.1944, a. a. O.
- [58] 850 000 Mann und 154 000 Fahrzeuge — Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 150; Angaben zum Zeitpunkt: 30. Juni 1944.
- [59] «den Landeraum des Gegners...» — W. Warlimont, Hauptquartier, S. 464.
- [60] an jedem «Fußbreit Boden» — Zit. nach: D. Ose, Entscheidung, S. 134.
- [61] «Was ihr machen sollt?...» — Zit. nach: Blumentritt, Günther, a. a. O., S. 19.
- [62] Die Lagebesprechung — Vgl. Bericht über die Fahrt O. B. H.Gr.B. zur Besprechung im Führerhauptquartier am 29.6.1944, 18.00 Uhr, BAMA N 117/23.
- [63] Und die mehrfach vorgetragene Bitte — Vgl. H. Speidel, Invasion, S. 127; s. a. Rundstedt, Gerd von, Aussage vom 12. 8.1946, in: Internationaler Militär Gerichtshof, Prozess, Bd. XXI, S. 38.
- [64] Rüge wunderte sich — Vgl. F. Rüge, Invasion, S. 197.
- [65] «Der Mann ist einfach nicht da...» — Zit. nach: Loistl, Rudolf, Gesprächsnotiz vom 6. 6.1976, DI 3/10.
- [66] «war er sehr aufgeschlossen...» — Zit. nach: W. v. Schramm, Aufstand, S. 48.
- [67] «Deutschland hat den Krieg verloren...» — Zit. nach: Staubwasser, Anton, Abschrift von Zweitschrift, Eidesstattliche Erklärung, Dachau, 20.7. 1946, DI 3/10.
- [68] «Rommel für die westliche [Lösung]...» — Rüge, Friedrich, Tagebuch, 2.7.1944, a. a. O.
- [69] Handschreiben des Diktators für Rundstedt — Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 159.
- [70] Sein Nachfolger... Hans Günther von Kluge — Zu Kluge Vgl. R. G. Grafv. Thun-Hohenstein, Kluge, Aufsatz, S. 288–324; Steinbach, Peter, Hans Günther von Kluge. Ein Zauderer im Zwielficht, in: Smelser, Militärelite, S. 288–324; ders., «Kinder, Ihr habt mich!», Zur Verstrickung des Generalfeldmarschalls Günther von Kluge in den militärischen Widerstand, in: B. v. Zur Mühlen, Paris, S. 104–129; sowie D. Ose, Entscheidung, S. 165 ff.
- [71] «persona gratissima» — Zit. nach: H. Guderian, Erinnerungen, S. 303.
- [72] Wie ein «glimmender Docht» — Zit. nach: W. v. Schramm, Aufstand, S. 60. О близости Ключе к Сопротивлению см. высказывание Карла Эрнста Ратгенса, сохранившееся в приговоре Народного суда: «...Ратгенс сообщил, что в середине 1943 года он по возвращении с фронта посетил своего дядю, генерала-фельдмаршала фон Ключе... В этом разговоре он сообщил своему дяде о плане „арестовать“ фюрера во время посещения фронта и далее управлять от его имени для изменения хода войны. Фон Ключе добавил, что его начальник штаба Тресков [sic!] все время приставал к нему» (Urteil gegen Karl Heinrich von Stülpnagel, Caesar von Hofacker und andere vom 30.8.1944, in: J. Zarusky, Widerstand, Microfiche 1 L 301/44, 1 L 309/44, MF 0708).
- [73] «Wenn Sie im Westen sind...» — Zit. nach: W. v. Schramm, Aufstand, S. 65.
- [74] Kluges erster Besuch — Vgl. H. Speidel, Invasion, S. 131 f.
- [75] «nun müsse auch [Rommel sich] daran gewöhnen...» — Zit. nach Rommel, Erwin, Brief an Günther von Kluge vom 5.7.1944, zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 276.
- [76] Kluge verlangte — Vgl. Rüge, Friedrich, Tagebuch, 4.7.1944, a. a. O.
- [77] «dass er ja eigentlich bisher nur eine Division geführt habe» — Zit. nach: ebd.
- [78] «Und Sie haben noch nie...» — Zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 199.
- [79] «Er [Rommel] müsse...» — Zit. nach: Rüge, Friedrich, Tagebuch, 3.7.1944, a. a. O.
- [80] «Ihr zu Beginn Ihres Besuches gemachter Vorwurf...» — Rommel, Erwin, Brief an Günther von Kluge vom 5.7.1944, a. a. O.
- [81] ein lebensgefährliches Unternehmen — Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 168.
- [82] «Aus dem Saulus...» — H. Speidel, Invasion, S. 132.
- [83] entwarfen sie eine Denkschrift — Vgl. H. Bücheier, Stülpnagel, S. 296; F. v. Pölnitz, Aufzeichnungen, unveröffentl. Manuskript, S. 3.
- [84] Am Sonntag, den 9. Juli — У Ройта (R. G. Reuth, General, S. 113 f.) упоминается «сопровождающий», которого Хофаккер в то воскресенье 9 июля 1944 года должен был сопровождать. Здесь Ройт касается записи разговора Дэвида Ирвинга с родственником Шпайделя, доктором Максом Хорстом Der. Max Horst, vom 7.11.1975 (DI 3/

10). Ройт говорит, что Хорст сообщил Ирвингу 1 марта 1976 года, что его посещение Ла-Рош-Гуйон было в воскресенье (см. рукописную запись Ирвинга по исправленной записи беседы: Max Horst, a. a. O., S. 3). Возможно, что Хофаккер неоднократно бывал в Ла-Рош-Гуйон с Роммелем, и Хорст сопровождал его в другой раз (Vgl. W. Bargatzky, *Erinnerungen*, unveröffentl. Manuskript, S. 8).

[85] *Und dafür werde der Feldmarschall gebraucht.* — Vgl. G. v. Falkenhausen, *Erinnerungen*, unveröffentl. Manuskript, S. 17 f.

[86] *«... der Nachschub des Feindes ...»* — H.-A. Jacobsen, *Spiegelbild*, S. 101; Vgl. ebd., S. 136; Urteil gegen Karl Heinrich von Stülpnagel, Caesar von Hofacker und andere vom 30.8.1944, a. a. O.

[87] *dass «Rommel, nach einigem Nachdenken...»* — Keitel, Wilhelm, Vernehmung Nürnberg vom 28.9.1945, NA RG 238.

[88] *andere, widersprüchliche Quellen* — Ирвинг (D. Irving, Rommel, S. 548 ff.) проводил точку зрения, что Роммель во время разговора с Хофаккером ничего не узнал о запланированном покушении и не мог заявить свою отрицательную позицию (Vgl. Ose, Dieter, Erwin Rommel, in: R. Lill, 20. Juli, S. 253–268; R. Stumpf, Rommel, Aufsatz, S. 49; ders., *«Ich werde die Konsequenzen ziehen»* — Generalfeldmarschall Erwin Rommel, in: B. v. Zur Mühlen, 20. Juli, S. 143; W. Heinemann, Rommel, unveröffentl. Manuskript, S. 10 f.; ders., Caesar von Hofacker — Stauffenbergs Mann in Paris, in: K. v. Klemperer, *Deutschland*, S. 121; H. Bücheier, Stülpnagel, S. 296 f.; R. G. Reuth, Rommel, S. 113 f.; D. Fräser, Rommel, S. 503 f. und letztlich auch R. Giordano, *Traditionslüge*, S. 317. Anders P. Hoffmann, Stauffenberg, S. 367 f.; F. Hiller v. Gaertringen, *«Sie sollen jetzt schweigen, Herr Präsident»* — Oberstleutnant d. R. Caesar von Hofacker, in: B. v. Zur Mühlen, Paris, S. 41–59). Аргументация Ирвинга исходит из следующего: Хофаккер, «романтический... неумный фантаст», по определению Ирвинга, определенно исказил содержание беседы с Роммелем, чтобы мотивировать своих соучастников — и тем самым обнародовал ложную, вводящую в заблуждение версию. Этот подход, по мнению автора, содержит две существенные ошибки. Прежде всего, он исходит из полной лживости Хофаккера. Да, Хофаккер действительно был исключительно несерьезным человеком, который как мотор Сопrotивления в Париже не мог представлять интереса, чтобы с его чрезмерно оптимистичными оценками перспектив переворота браться за дело. Но версия Ирвинга объясняет появление только одной части сообщения о разговоре с Роммелем. И почему Хофаккер впоследствии изложил свою ложную версию о содержании и результате разговора с Роммелем и в гестапо? Если его подвергали пыткам в гестапо, то нелепо все же думать, что он в интересах государства оклеветал Роммеля. Правильнее предположить, что попытки втянуть Роммеля в борьбу против Гитлера сталкивались с трудностями, и участие в Сопrotивлении наверняка не было среди его приоритетов.

[89] *«... der ehemalige General Stülpnagel...»* — Vormann, Martin, Aktenvermerk vom 28.9.1944, S. 2, BAMA N 117/29. В преддверии следующей главы здесь необходимо сделать краткий обзор тех источников, которые согласно утверждают, что Хофаккер (не указывая дату) говорил о предстоящем скоро покушении, и Роммель, во-первых, согласился с ним, а во-вторых — согласился после переворота встать на службу нового правительства. После возвращения из Ла-Рош-Гуйон Хофаккер в Париже разговаривал со многими участниками Сопrotивления. Свидетельства: G. v. Falkenhausen, *Erinnerungen*, unveröffentl. Manuskript, S. 17 f.; F. v. Teuchert, o. X, unveröffentl. Manuskript, S. 7 f.; W. Bargatzky, *Erinnerungen*, unveröffentl. Manuskript, S. 6; ders., *Hotel*, S. 129 f.; E. Michel, *Erinnerungen*, unveröffentl. Manuskript, S. 8 f. В Берлине Хофаккер информировал Бека и других участников Сопrotивления. Свидетельства: Gisevius, Hans Bernd, Aussage vom 25.4.1946, in: Internationaler Militär Gerichtshof, Prozess, Bd. XII, S. 269; ders., *Ende*, S. 346. После 20 июля Хофаккер был арестован гестапо и допрошен. Хотя протоколы допросов и исчезли, сохранились различные свидетельства об их содержании: Keitel, Wilhelm, Vernehmung Nürnberg vom 28.9.1945, a. a. O.; Jodl, Alfred, Vernehmung Nürnberg vom 2.10.1945, NA RG 238; Maisei, Ernst, Aussage vom 13. 11.1946, vom 5.11.1947, sowie Vernehmung vom 4.7.1949, in: Spruchkammerverfahren Maisei, Ernst, STAM Ka 1112. К этим источникам относится протокольная запись Бормана, который ссылается на высказывания фон Штюльпнагеля, Хофаккера, Ратгенса и других. Показания Ганса Шпайделя на заседании Суда чести вновь подтверждают, что Роммель в разговоре с Хофаккером узнал о предстоящем покушении. (Vgl. Kirchheim, Heinrich, *Eidesstattliche Erklärung* vom 16.9.1947, in: I. Saame, *Richtigstellung*, unveröffentl. Manuskript, Anlage 1; Guderian, Heinz, *Eidesstattliche Erklärung* vom 16.9.1947, in: ebd., Anl. 2). Ср. в связи с этим сообщения Люси и Манфреда Роммеля о последнем разговоре с фельдмаршалом перед его смертью: Rommel, Lucie, *Erklärung*, 14.7.1945, in: *Südkurier*, 16.10.1945, sowie Rommel, Manfred, *Erklärung* vom 4.5.1945, in: ebd., 8 9 1945. Об оценке общего положения вещей см. различные записи Геббельса в: E. Fröhlich, *Tagebücher von Joseph Goebbels*, Teil II, Bd. 13, S. 208 f., 210, (3. 8.1944); S. 430 f. (7.9.1944); Teil II, Bd. 14, S. 268 f. (24.11.1944).

[90] *«Ich bin aufs Ganze gegangen...»* — Zit. nach: G. v. Falkenhausen, *Erinnerungen*, a. a. O., S. 17.

[91] *«Was diese Nachricht für uns bedeutete...»* — Zit. nach: F. v. Teuchert, ohne Titel, a. a. O., S. 8.

- [92] *weisungsgemäß [enthielt es] nur die Bitte...* — W. Bargatzky, Erinnerungen, a. a. O., S. 6.
- [93] *«Generalfeldmarschall Rommel... habe sich voll zur Verfügung gestellt...»* — E. Michel, Erinnerungen, a.a.O., S. 8f.
- [94] *«Er nennt es eine Charakterlosigkeit...»* — H.B. Gisevius, Ende, S. 346.
- [95] *«Also, es ist eben immer ein sehr großes Problem...»* — Ders., Aussage vom vom 25.4.1946, a. a. O.
- [96] *den «strengen Imperativen... ihrer Moral...»* — J. Fest, Staatsstreich, S. 331.
- [97] *«Nazigeneral»* — Zit. nach: D. Graf v. Schwerin, Köpfe, S. 363.
- [98] *wurde nicht zum «entschlossenste[n] Gegner Hitlers»* — K. Hesse, Wandlung, unveröffend. Manuskript, S. 22.
- [99] *Am Morgen nach dem Hofacker-Besuch* — Vgl. Bericht über die Fahrt des O. B. H. Gr. B zum LXXXVI. Korps, Panzergruppe West und I. SS-Panzerkorps am 10. Juli 1944, BAMA N 117/23.
- [100] *«Herr Feldmarschall, dass wir den Krieg...»* — Zit. nach: Lattmann, Hans, Gesprächsnotiz vom 15.6.1975, DI 3/10.
- [101] *«Ich will versuchen...»* — Zit. nach: ebd.; Vgl. W Heinemann, Rommel, unveröffentl. Manuskript, S. 11.
- [102] *Kluge verhielt sich abwartend.* — Vgl. H. Speidel, Invasion, S. 134 f.
- [103] *Er beauftragte Speidel* — Vgl. ebd., S. 135.
- [104] *«Andererseits Führer großer Mann...»* — Rüge, Friedrich, Tagebuch, 13.7.1944, a. a. O.
- [105] *«Die Truppe kämpft allerorts heldenmütig...»* — Rommel, Erwin, Betrachtungen zur Lage, 15.7.1944, zit. nach: D. Ose, Entscheidung, Anlage 15, S. 334 f.
- [106] *das Wort «politische» zu streichen* — Vgl. H. Speidel, Invasion, S. 138 f.; s. a. F. Rüge, Invasion, S. 216, sowie Tempelhoff, Hans-Georg von, Gesprächsnotiz vom 1.6.1975 und 18.10.1975, DI 3/10.
- [107] *Rommel selbst war es verboten* — Vgl. E Rüge, Invasion, S. 211.
- [108] *«Ich habe ihm jetzt die letzte Chance gegeben...»* — Zit. nach: H. Speidel, Invasion, S. 139.
- [109] *Der «kluge Hans» würde das Schreiben vorsorglich zurückhalten.* — Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 199; s.a. W. v. Schramm, Aufstand, S. 265 f.
- [110] *Am Nachmittag des 15. Juli* — Vgl. Bericht vom 15. 7.1945 über die Fahrt des O.B.H. Gr. B. zur 346. Inf.Div., 16. Lw.F.Div. und 21. Pz.Div., BAMA N 117/23.
- [111] *«Dann mache ich die Westfront auf...»* — Zit. nach: Warning, Elmar, Gesprächsnotiz vom 11.12.1976, DI 3/10; Vgl. ders., Brief an David Irving vom 31.1.1977, ebd.; Vgl. auch Warning, Elmar, Interviewabschrift, 1982, Sammlung Stark.
- [112] *Im Fall «selbständiger Entschlüsse»* — Zit. nach: H. Speidel, Invasion, S. 136.
- [113] *«Sie führen eine gefährliche Sprache...»* — Zit. nach: H. Bücheier, Stülpnagel, S. 297 f.
- [114] *«Herr Bittrich, ich würde mich ja...»* — Zit. nach: ebd.
- [115] *«Sie, Feldmarschall, sind mein Oberbefehlshaber...»* — Zit. nach: Lang, Hellmuth, Eidesstattliche Versicherung vom 27.5.1950, DI 11/7; s. a. B. Ceppa, Interview.
- [116] *Auf Dietrich «werde er sich im Ernstfall verlassen können».* — Zit. nach: Lang, Hellmuth, a. a. O.
- [117] *«So kann es nicht weitergehen...»* — Zit. nach: Eberbach, Heinrich, Bericht über den Umsturzplan des Feldmarschalls Rommel vom 15. 5.1979, S. 1 f., BAMA MSG 1/1079.
- [118] *«Ich muss jetzt leider zu meinem Stab...»* — Zit. nach: ebd.
- [119] *auf eigene Faust zu handeln* — Источники о намерении Роммеля предложить союзникам прекращение огня и сделать возможным проход вражеских войск необходимо еще раз обобщить с точки зрения значимости плана: после посещения 9 июля 1944 года Хофаккер сообщил Фридриху фон Тойчерту о разговоре с Роммелем: *«Во всяком случае он [Роммель], кажется, решил сделать это, если планы в Рейхе сорвутся. Также говорилось об установлении контакта [с союзниками]».* (Zit. nach: F. v. Teuchert, o.T, a. a. O., S. 8.) В заключение разговора Хофаккера и Тойчерта последний сообщил Вальтеру Баргацки о разработке плана подписания капитуляции, *«который Роммель хочет предложить фельдмаршалу Монтгомери»* (zit. nach: W. Bargatzky, Erinnerungen, a.a.O., S. 6.). 10 июля Роммель встретил Ханса Латтманна и якобы сообщил ему: *«Я хочу попытаться, на основе моей репутации среди союзников, заключить пакт с Западом вопреки воле Гитлера, при условии, что они позволят нам совместно с ними выступить против русских»* (Zit. nach: H. Lattmann, Gesprächsnotiz vom 15.6.1975, a. a. O.) 15 июля Роммель направил свои «Соображения о положении» Гитлеру и в тот же вечер сказал Элмару Варнингу, что в случае, если диктатор не согласится на ультиматум, то он «откроет фронт Западу» (zit. nach: E. Warning, Gesprächsnotiz, a. a. O.). Спустя два дня, 17 июля, Роммель сказал Вильгельму Биттриху: *«Я уже пытался установить контакт с англичанами»* (Zit. nach: H. Bücheier, Stülpnagel, S. 297 f.). В заключение он посетовал на лояльность Зеппа Дитриха (Vgl. H. Lang, Eidesstattliche Versicherung vom 27. 5.1950, a. a. O.) и сказал Хайнриху Эбербаху: *«На Западе мы ищем прекращения огня или с боями отступаем до линии Зигфрида»* (Zit. nach: H. Eberbach, Bericht über den Umsturzplan, a.a.O.) Во время отпуска в Херрлингене Роммель говорил о своем плане с сыном Манфредом (Vgl. Rommel, Manfred, The last days, in: B. H. Liddell Hart, Rommel Papers, S. 497 f.; ders., Gesprächsnotiz vom 7.6.1975, DI 3/10; ders., Interview I; s. hierzu auch H. Speidel, Invasion, S. 136 f.). Хотя все указанные

данные и содержатся только в послевоенных источниках и даже относятся частично к «устной истории» (Oral History), автор все же считает их достойными доверия — особенно если учесть, что 9 июля 1944 года Роммель согласился с заговорщиками и изъявил готовность стать на службу новому правительству. 15 июля 1944 года Гитлер в необычно открытой форме потребовал сделать выводы из грозящего поражения на Западе, а Роммель уже в Аламейне показал, что в крайнем случае готов принимать решения вопреки воле Гитлера.

[120] *Gegen 18.00 Uhr entdeckten* — Vgl. Clostermann, L'Histoire, S. 47 f., 49 ff.; s. a. D. Tidy, South African Air Aces, Aufsatz; J. Remlinger, Interview. Ремлингер сказал в интервью, что пилоты лишь после войны узнали, что в этот день они атаковали машину Эрвина Роммеля.

[121] *«Das fehlte gerade noch!»* — Zit. nach: F. v. Pölnitz, Aufzeichnungen, unveröffentl. Manuskript, S. 4.

[122] *Rommels Verletzungen waren schwer* — Vgl. Tagesbericht, 18.7.1944, a. a. O.

[123] *«Der Treffer, den er am 17. Juli 1944...»* — E. Jünger, Strahlungen, S. 13.

[124] *«wurde bleich wie eine Wand»* — Lang, Hellmuth, Gesprächsnotiz vom 8.6.1975, DI 3/10.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ПРАВДА

[1] *20. Juli 1944* — Vgl. dazu im Weiteren: W. v. Schramm, Aufstand, sowie P. Hoffmann, Widerstand, S. 581–592.

[2] *«Tot.»* — Zit. nach: W. v. Schramm, Aufstand, S. 88; Vgl. Dümmler, Hans, Gesprächsnotiz vom 20.10.1975, DI 3/10.

[3] *Speidel begriff sofort* — So Winrich Behr in einer mündl. Auskunft an den Verf.

[4] *An diesem 20. Jul* — Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 197.

[5] *«Herr von Kluge, es geht...»* — Zit. nach: P. Hoffmann, Widerstand, S. 583.

[6] *«Nein. Mein Generalstabsoffizier...»* — Zit. nach: W. v. Schramm, Aufstand, S. 110; Vgl. H. Bücheier, Stülpnagel, S.

[7] *galten als weitgehend hitlertreu* — Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 194 f.

[8] *«Ja, meine Herren,...»* — Zit. nach: W. v. Schramm, Aufstand, S. 130.

[9] *«Der Befehl muss auf der Stelle...»* — Ebd., S. 133.

[10] *«nicht mehr abgebremst werden»* — Zit. nach: ebd.

[11] *«Herr Feldmarschall, Sie stehen...»* — Zit. nach: ebd.

[12] *«Eine ganz kleine Clique...»* — Zu. nach: M. Domarus, Hitler, Bd. II, 1941–1945, S. 2128.

[13] *«dass die Knöchel weiß wurden...»* — Zit. nach: W. v. Schramm, Aufstand, S. 172.

[14] *«Es ist ein ganz kleiner Klüngel...»* — Zit. nach: M. Domarus, a. a. O.

[15] *Stülpnagel berief sich* — Vgl. P. Hoffmann, Widerstand, S. 591 f.

[16] *«Meine Lieben, wir stehen...»* — W. Bargatzky, Hotel, S. 139.

[17] *«Die Mitteilung vom Attentat...»* — Tagesbericht, 21.7.1944, BAMA N 117/22.

[18] *«Zu meinem Unfall...»* — Rommel, Erwin, Brief an Lucie Rommel vom 24.7.1944, zit. nach: B. H. Liddell Hart, Rommel Papers, S. 493. Обратный перевод с английского.

[19] *Rommel... befürchtete, in seinem Zustand* — Vgl. Tagesbericht, 21.7.1944, a.a.O.; F. Rüge, Invasion, S. 225 f.

[20] *«Ingewissen Lagen...»* — Zit. nach: H. Bücheier, Stülpnagel, S. 318.

[21] *«Sie müssen jetzt zum SD...»* — Zit. nach: W. v. Schramm, Aufstand, S. 251.

[22] *Noch hielt sich auch Caesar von Hofacker in der Stadt auf.* — Vgl. G. v. Falkenhausen, Erinnerungen, unveröffentl. Manuskript, S. 28.

[23] *«Es interessierte ihn nicht übermäßig...»* — F. Rüge, Invasion, S. 227.

[24] *«Er sprach dann über [die] Lage...»* — F. Rüge, Tagebuch, 23.7.1944, BAMA N 379.

[25] *«sieht Lösung nur im Frieden...»* — Ebd., 24.7.1944.

[26] *«Wenn ich jetzt wieder gesund bin...»* — Zit. nach: Lattmann, Hans, Gesprächsnotiz vom 5.6.1975, DI 3/10.

[27] *waren 2 700 000 deutsche Soldaten gefallen* — Vgl. R. Overmans, Verluste, S. 321.

[28] *Rommels Ultimatum* — Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 199; s. a. W. v. Schramm, Aufstand, S. 265 f.

[29] *«Rommel drückte seine Überraschung aus...»* — Zit. nach: B. H. Liddell Hart, Jetzt, S. 529.

[30] *«Wir machen ein Verhör...»* — Blumentritt, Günther, Combined Services Detailed Interrogation Center Report, GRGG 1347, 19.8.1945, DI 4/4.

[31] *Was die Mitwisserschaft von Rommel und Kluge betraf* — Vgl. W. Bargatzky, Erinnerungen, unveröffentl. Manuskript, S. 15 f.

[32] *dass Oberg ihm fassungslos berichtet hatte* — Vgl. Blumentritt, Günther, a.a.O.

- [33] *«Das habe ich ja auch getan.»* — Zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 231.
- [34] *«äußerte er zum ersten Mal den Gedanken...»* — Ebd., S. 232.
- [35] *«Meine Herren, der Durchbruch der Amerikaner...»* — Zit. nach: D. Ose, Entscheidung, S. 221.
- [36] *«Er sei Feldmarschall...»* — Zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 232 f.
- [37] *Hofacker war gefoltert worden.* — So Alfred v. Hofacker in einer mündl. Auskunft an den Verf.
- [38] *in den so genannten Kaltenbrunner-Berichten* — Vgl. H.-A. Jacobsen, Spiegelbild.
- [39] *«Führer lässt mich die Meldung lesen...»* — Jodl, Alfred, Tagebuch, 1.8.1944, BAMA N 6922.
- [40] *«Der Führer war tief getroffen...»* — Jodl, Alfred, Vernehmung Nürnberg vom 2. 10.1945, обратный перевод с английского, NA RG 238.
- [41] *«Auch der Führer ist der Überzeugung...»* — Zit. nach: E. Fröhlich, Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil II, Bd. 13, 3.8.1944, S. 210.
- [42] *«Die Art und Weise...»* — Zit. nach: Tagesberichte, 28.7.-4.8.1944, a.a.O.; s. a. F. Rüge, Invasion, S.235.
- [43] *«Bei dieser Unterredung fiel das entscheidende Wort...»* — Zit. nach: K. Hesse, Wandlung, unveröffentl. Manuskript, S. 22.
- [44] *«Ich möchte nochmals feststellen...»* — Rommel, Lucie, Erklärung vom 9.9.1945, HSTAS, M 660/156, Nachlass Hahn, Paul Gustav.
- [45] *«nicht einen anderen gefunden hat...»* — Zit. nach: Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 5.12.1976, DI 3/10.
- [46] *«Jeder Schuss, den wir im Westen abgeben...»* — Zit. nach: ders, Gesprächsnotiz vom 7.6.1975, a. a. O.
- [47] *«dem Feind die Wege [nach] Deutschland...»* — Zit. nach: ders., Gesprächsnotiz vom 5.12.1976, a.a.O.
- [48] *«Jetzt erst erkenne er...»* — Zit. nach: M. Rommel, Interview I.
- [49] *«Der Führer... hätte sich nie...»* — Zit. nach: Kronmüller, Brief an Martin Bormann vom 19.9.1944, Abschrift, BAMA N 117/29.
- [50] *«Man müsste ja vollends verzweifeln...»* — Zit. nach: Manfred Rommel in einer mündl. Auskunft an den Verf.
- [51] *«habe seit 1942...»* — Zit. nach: Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 7.6.1975, a. a. O.
- [52] *«fiel beinahe vom Stuhl...»* — Ebd., teilw. Rückübersetzung aus dem Engl.
- [53] *«seine Zunge im Zaum zu halten»* — Zit. nach: ebd., Rückübersetzung aus dem Engl.
- [54] *Kronmüller war empört* — Vgl. Kronmüller, a. a. O.
- [55] *ob «der Feldmarschall Rommel...»* — Zit. nach: Walkenhorst, Heinrich, Bericht über das Treffen mit Kreisleiter Wilhelm Maier vom 16.10.1944, BAMA N 117/29.
- [56] *Der Notizzettel für den Vortrag-* Himmler, Heinrich, Vortragsnotiz vom 14.8.1944, NA RG 424 T 175.
- [57] *«Belastung weiterer Generale...»* — Kreipe, Werner, Tagebuch, 14. 8.1944, DI 8.
- [58] *Die Glasphiole mit dem Gift* — Vgl. D. Ose, Entscheidung, S. 247. Гласфиоль приводит свидетельство генерал-майора Ганса-Георга фон Темпельхофа, который ночью с 20 на 21 июля 1944 года был свидетелем телефонного разговора между Клюге и его зятем, майором медицинской службы Удо фон Эшем. В этом разговоре Клюге просил Эша достать ему ампулу с ядом; s. a. Tempelhoff, Hans-Georg von, Gesprächsnotiz vom 18.10. 1975, DI 3/10.
- [59] *«Das [deutsche] Volk hat so namenlos gelitten...»* — Kluge, Hans von, Brief an Hitler vom 18.8.1944; zit. nach: D. Ose, Entscheidung, Anlage 18, S. 339 f.
- [60] *«Ich scheide von Ihnen...»* — Ebd.; Vgl. auch S. 248.
- [61] *Aufrecht und ungebrochen* — Vgl. H. Bücheier, Stülpnagel, S. 332 f.
- [62] *«Die Feldmarschälle stehen außer Debatte!»* — Zit. nach: W. Bargatzky, Erinnerungen, a. a. O., S. 14.
- [63] *«jetzt geht es um mein Leben...»* — Zit. nach Heinemann, Winfried, Caesar von Hofacker — Stauffenbergs Mann in Paris, in: K. v. Klemperer, Deutschland, S. 122.
- [64] *Hofacker «trug dort defätistisch seine Meinung... vor...»* — Zit. nach: Urteil gegen Karl Heinrich von Stülpnagel, Caesar von Hofacker und andere vom 30.8.1944, in: J. Zarusky, Widerstand, Microfiche 1 L 301/44, 1 L 309/44, MF 0708; Vgl. auch H.-A. Jacobsen, Spiegelbild, S. 101: *«Высказывания Хофаккера, в которых он несправедливо обвинил генерал-фельдмаршала Клюге и генерал-фельдмаршала Роммеля...»* *«Несправедливо»* — это явно целевое утверждение, чтобы фраза о безвыходном военном положении в официальном отчете РСХА не ассоциировалось с оценками Роммеля и Клюге. Между тем, в действительности именно Роммель и Клюге уже во вторую неделю июля однозначно придерживались мнения, что Западный фронт рухнет в ближайшее время. О Клюге см.: Vgl. Hoffmann, Stauffenberg, S. 406 f.
- [65] *«[Rommel] hat nun das Schlimmste getan...»* — Zit. nach: H. Heiber, Lagebesprechungen, S. 275.
- [66] *hatte Speidel... jede Mitwisserschaft... geaugnet* — Vgl. H. Speidel, S. 209 u. 215 f.
- [67] *Es war Caesar von Hofacker.* — Vgl. ebd., S. 217.

[68] *eidesstattliche Versicherung der ehemaligen Generale* — Kirchheim, Heinrich, Eidesstattliche Erklärung vom 16.9.1947, in: I. Saame, Richtigstellung, unveröffentl. Manuskript, Anl. 1; Guderian, Heinz, Eidesstattliche Erklärung vom 16.9.1947, ebd., Anl. 2.

[69] *hatte er Rommel zwar belastet* — Ганс Шпайдель в течение всей жизни утверждал, что не выдал Роммеля во время допросов. Поскольку данный вопрос является предметом затяжного спора, необходимо произвести оценку имеющихся в нашем распоряжении источников. Начиная по крайней мере с разговора 14 апреля 1944 года с обер-бургомистром Штутгарта Карлом Штрелином, Шпайдель находился в контакте с кружком гражданского Сопротивления — конкретно с Штрелином и фон Нейратом и через них — с Герделером. Этот контакт должен был в последующие месяцы только укрепиться. Вскоре после встречи в Ла-Рош-Гюйон Шпайдель вступил в контакт с различными представителями военного Сопротивления в Париже. Через своего родственника доктора Макса Хорста Шпайдель вошел в контакт с Штюльпнагелем, Хофаккером, Вагнером, Финком и другими. Однозначно установлено, что Шпайдель в это время был ознакомлен с планами переворота и покушения на Гитлера (Vgl. H. Speidel, *Invasion*, S. 84). 9 июля 1944 года Хофаккер конкретно информировал в Ла-Рош-Гюйон Шпайделя и Роммеля о скоро предстоящем покушении — не называя даты. Шпайдель в разговоре Роммеля и Хофаккера не участвовал. 7 сентября 1944 года Шпайдель был арестован и подвергся непрерывному трехдневному допросу. Наконец, произошла очная ставка с Цезарем фон Хофаккером. Шпайдель писал о том, что Хофаккер на очной ставке «по-рыцарски отказался от обвиняющих фельдмаршала и меня показаний» (Speidel, Hans, Brief an Heinrich Kirchheim vom 24.11.1947, in: I. Saame, a.a.O., Anlage 3). 4 октября 1944 года на заседании Суда чести в Берлине обер-группенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер выдвинул обвинение против генерал-лейтенанта Шпайделя: Шпайдель во время посещения Хофаккера «узнал о плане покушения 20 июля 1944 года». Шпайдель «сообщил об этом генерал-фельдмаршалу Роммелю». Когда Роммель категорически отказался передавать далее это сообщение, «долгом Шпайделя было без колебаний донести о плане покушения. Он однако отказался от этого...» (zit. nach: Kirchheim, Heinrich, Eidesstattliche Erklärung, a.a.O., sowie Guderian, Heinz, Eidesstattliche, a.a.O.). Шпайдель, со своей стороны ничего не признавший на заседании Суда чести, в 1950 году под присягой сообщил о заседании Суда чести, что «группенфюрер СС Кальтенбруннер неверно изложил положение дел» (Speidel, Hans, Eidesstattliche Erklärung vom 3.2.1950, a. a. O., Anl. 6). При допросе в Нюрнберге Вильгельм Кейтель и Альфред Йодль также говорили о показаниях Шпайделя. Йодль отвечал американцам на допросе в связи с убийством Роммеля: *«Вопрос: Вы видели подготовленный доклад о расследовании [о Роммеле]? Ответ: Я читал показания майора резерва Люфтваффе [Хофаккера]. Этот майор посетил Роммеля, и я читал его свидетельские показания»*. *Вопрос: Это все, что вы читали? Ответ: Я читал также показания фон Шпайгеля [sic!], начальника штаба Роммеля. Там говорилось, что он не знал о содержании разговора [между Роммелем и Хофаккером]*» (Zit. nach: Jodl, Alfred, Vernehmung Nürnberg vom 2.10.1945, Rückübersetzung aus dem Engl., a.a.O.) То есть Вильгельм Кейтель был такого же мнения о Шпайделе. Это существенно, поскольку Кейтель председательствовал на Суде чести над Шпайделем и был знаком с выдвинутыми против него обвинениями. В Нюрнберге Кейтель сказал на допросе: *«Да, я в это время [сентябрь-октябрь 1944 года] верил в это [виновность Роммеля], так как существовала некоторая связь между фельдмаршалом Кюге и фельдмаршалом Роммелем; кроме того, была связь между Штюльпнагелем и Роммелем через этого офицера связи [Хофаккера], что позднее подтвердил начальник штаба Роммеля [Шпайдель]*». И далее в протоколе: *«Вопрос: Выдвигал ли генерал Шпайгель [sic!] свидетельство против Роммеля как преступника [неясно]? Ответ: Он был начальником штаба Роммеля. Он не был [предполагается: не присутствовал при разговоре Роммеля и Хофаккера]. Во всяком случае, подтвердил, что этот человек [Хофаккер] один или два раза общался с Роммелем. Начальник [штаба] не присутствовал при разговоре с офицером из Парижа [Хофаккером]. Гитлер по своему недоверию истолковал это так, что Шпайгель [sic!] что-то знал. Вопрос: Вы давали Бургдорфу указание обратить против Роммеля те или иные показания Шпайгеля [sic!]? Ответ: Нет, только не Шпайгеля [sic!]*» (Zit. nach: Keitel, Wilhelm, Vernehmung Nürnberg vom 28.9.1945, Rückübersetzung aus dem Engl., NA RG 238.) Явно не предусматривалось обращать против Роммеля показания Шпайделя — видимо, потому, что они были недостаточны для чего-то серьезного. Это подтверждает и сообщение Эрнста Майзеля, который 14 октября 1944 года сопровождал Бургдорфа к Роммелю в Херрлинген: *«Генерал Бургдорф ознакомил Роммеля и с другими обвиняющими его показаниями [кроме Хофаккера], и хотя я не знаю имен свидетелей обвинения, но определенно знаю, что генерал Шпайдель среди них отсутствовал»* (Maisei, Ernst, Aussage vom 13.11.1946, S. 2, Aussage vom 5.11.1947, S. 1, in: Maisei, Ernst, Spruchkammerverfahren, STAM Ka 1112). Есть указания на то, что 14 октября 1944 года при зачитывании в Херрлингене обвиняющих Роммеля показаний Майзель выходил из комнаты, и Бургдорф оставался с Роммелем наедине — так что разговор о Шпайделе вполне мог иметь место. Вскоре после окончания войны Манфред Роммель в комментарии к первому «Зюдкуррьер» говорил об этом, пытаясь пролить свет

на обстоятельства смерти своего отца. Манфред Роммель описал там и последний разговор с отцом перед его смертью. Отец проинформировал его о миссии прибывших генералов Бургдорфа и Майзеля. Среди прочего Манфред Роммель писал: «Его [Эрвина Роммеля] прежний начальник штаба, генерал-лейтенант Шпайдель, который был арестован несколько недель назад, показал, что мой отец был руководящим участником [событий] 20 июля 1944 года, и только ранение удержало его от непосредственного участия» (Rommel, Manfred, Erklärung vom 4.5.1945, zit. nach: Südkurier, 8.9.1945). 16 октября 1945 года в «Зюдкуррьер» вышли две другие заметки, которые давали сообщению Манфреда Роммеля иное направление. В одном Люси Роммель писала: «Моему мужу посланниками Гитлера было показано... что в списке обер-бургомистра д-ра Герделера он был имперским президентом. Также генерал пехоты фон Штюльпнагель, генерал-лейтенант д-р Шпайдель и подполковник резерва фон Хофаккер дали обвинительные показания. Мой муж ответил... генералам Бургдорфу и Майзелю, что он не верит, так как его обогали; и это может быть только результатом известных методов давления». В другой заметке Ганс Шпайдель возражал против того, как Манфред Роммель представил обстоятельства дела. Шпайдель писал: «Я не давал гестапо таких показаний — в том числе по смыслу; напротив, я отрицал всякое участие генерал-фельдмаршала в 20 июля как полностью абсурдное. Такие показания могли обвинить только меня самого» (Rommel, Lucie, Erklärung vom 14.7.1945, sowie Speidel, Hans, Erklärung vom 9.7.1945, zit. nach: Südkurier vom 16.10.1945). Если исходить из того, что все свидетельства — кроме слов Кальтенбруннера и Шпайделя — соответствуют истине, и никто из свидетелей не был заинтересован в том, чтобы обвинить или оправдать Шпайделя (о чем нет конкретных данных), остается вопрос: были ли показания Шпайделя фальсифицированы гестапо, или же они соответствовали тому, что он действительно говорил? Против фальсификации говорит содержание дела. Несомненно, время от времени гестапо применяло против подсудимых физические и психологические пытки; несомненно, при дознании и следствии против заговорщиков 20 июля отсутствовали какие-либо государственно-правовые нормы; возможно, чиновники гестапо использовали вымышленные протоколы допросов третьих лиц, чтобы подтолкнуть своих жертв к показаниям. Однако неизвестны случаи, чтобы обвиняемый сталкивался в суде с собственным фальсифицированным показанием (Vgl. P. Hoffmann, Widerstand; ders., Stauffenberg; J. Fest, Staatsstreich; K. v. Klemperer, Deutschland; D. Graf v. Schwerin, Köpfe). Это было бы нелепо, поскольку подобное ложное показание можно было бы опротестовать перед судом. Это говорит о том, что послевоенные утверждения Шпайделя не соответствуют истине (ср. F. v. Schlabrendorff, Offiziere, S. 141 f. Шлабрендорф заявил перед судом, что его собственные показания получены с помощью тяжелых пыток; поэтому он был оправдан, но все же не освобожден). Наконец, Шпайдель приводил и аргумент, который должен был служить ответом на приведенные выше показания Кальтенбруннера, и который можно рассматривать как полностью противоречивый. Такое заявление, согласно Шпайделю, обвиняло бы его самого. Аргумент не принимает во внимание, что Шпайдель принуждался к признанию — которое было бы получено после трехдневного непрерывного допроса в гестапо, причем под угрозой находилась семья Шпайделя. Наконец, производилась очная ставка с Хофаккером, который обвинял его. Кроме того, Шпайдель должен был бы не более и не менее как признать себя одним из заговорщиков, выдавая Роммеля как причастного к заговору. Обвинение против Шпайделя основывалось на параграфе 139 Уголовного кодекса: «Недонесение о государственной измене» (Vgl. Kirchheim, Heinrich, Eidesstattliche Erklärung, a. a. O.). Здесь также в принципе полагался смертный приговор; но известны примеры, когда в менее тяжелых случаях было возможно оправдание (Vgl. H.-A. Jacobsen, Spiegelbild, S. 550 f. u. 560). В действительности приговор Суда чести гласил «невиновен, но не свободен от подозрения» (Kirchheim, Heinrich, Eidesstattliche Erklärung, a. a. O.). Однако утверждение, что Шпайдель «предал» Роммеля (Vgl. D. Irving, Rommel, S. 583 ff.) и тем самым преопределил его убийство, ложно. Против Роммеля существовали и иные улики, достаточные для его умерщвления и в том случае, если Шпайдель и ничего не сказал бы. Роммель до самой смерти нисколько не сомневался в «лояльности и добрых намерениях своего ближайшего сотрудника» (Vgl. Rommel, Manfred, Brief an den Verf. vom 30.5.2002).

[70] *Schließlich schickte er am 19. September* — Vgl. Kronmüller, a. a. O.

[71] *Der Sekretär des Führers* — Различные авторы считают случай во время Польского похода 1939 года причиной неприязни Бормана к Роммелю (ср.: D. Irving, Rommel, S. 583). Во время поездки Главной квартиры из Цопота в захваченную Гдыню Роммель из соображений безопасности сократил колонну фураера до двух автомобилей. Борман, находившийся в третьей машине, пытался проехать за своим фураером. Однако Роммель был непреклонен и заявил: «Остановиться. Я приказываю это как комендант Главной квартиры фураера. Здесь не прогулка детского сада». За этим последовала громкая перепалка между Роммелем и Борманом (Ср. H. Linge, Untergang, S. 180 f.; W. Wärlimont, Hauptquartier, S. 51 f., und Puttkammer, Jesco von, Gesprächsnotiz vom 29. 5.1977, DI 3/10).

[72] *legte Bormann seinem «Führer»... den Bericht... vor* — Vgl. Bormann, Martin, Aktenvermerk vom 28.9.1944, S. 4, BAMA N 117/29.

- [73] *«Es gibt nur zwei Möglichkeiten...»* – Zit. nach: Keitel, Wilhelm, a.a.O., S. 11.
- [74] *«Er als ein Offizier...»* – Ebd., S. 10.
- [75] *«Es wäre einfach ein entsetzlicher Skandal...»* – Ebd., S. 11.
- [76] *Am 6. September* – Vgl. Rommel, Lucie, Bericht über den Tod des Generalfeldmarschall Erwin Rommel vom 9.9.1945, S. 1 ff., HSTAS, M 660/156, Nachlass Hahn, Paul Gustav.
- [77] *ein bislang unbekanntes Vernehmungprotokoll* – Vgl. S. Ebenbeck, Hans, Vernehmungsprotokoll vom 27., 28.6 und 4.7. 1949, in: Spruchkammerverfahren Maisei, Ernst, a.a.O., sowie ders., Aussage zum Ableben des Generalfeldmarschall Rommel vom 15.11.1945, ebd.
- [78] *die Beobachtungen über Rommel* – Vgl. K. Stang, Kollaboration, S. 174 f. (Der Verf. dankt Dieter Pohl für den Hinweis auf die Arbeit von Stang).
- [79] *Pistole in der Manteltasche* – Vgl. Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 5.12.1976, a.a.O.
- [80] *hatte er ständig alle wichtigen Dokumente* – Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 7.6.1975, a.a.O.
- [81] *von allen Befehlen und Ausarbeitungen... Abschriften* – So Rolf Munninger in einer mündl. Auskunft an den Verf.
- [82] *«Das... wäre für Hitler das Ende.»* – Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 7.6.1975, a. a. O.
- [83] *«Ich kann mir nicht vorstellen...»* – Rommel, Erwin, Brief an Adolf Hitler vom 1.10.1944, BAMA N 117/32.
- [84] *Doch die Hoffnung hielt nicht lange vor.* – Nach Rommels Tod nahm Hellmuth Lang den Brief auf Bitten von Lucie Rommel an sich. Vgl. Lang, Hellmuth, Eidesstattliche Versicherung vom 27.5.1950, DI 11/7.
- [85] *«Trotz allem glaube ich...»* – E. Rommel, Krieg, S. 386.
- [86] *hätte sich dann die Möglichkeit eröffnet* – Vgl. ebd., S. 386 ff.
- [87] *«Die Belastung an drei Fronten...»* – Ebd., S. 401. Кажется, что последняя фраза в записках чересчур лирична для «сухаря» Роммеля. На самом деле она происходит из «Гипериона» Фридриха Гельдерлина. (Vgl. R. Stumpf, Rommel, Aufsatz, S. 50, Anm. 28). Ганс Шпайдель любил Гельдерлина (Vgl. H. Speidel, Zeit, S. 40, 216, 262, 303 u. 384). Шпайдель мог сказать эти слова своему начальнику при личной встрече.
- [88] *Speidel war gerettet.* – Vgl. H. Speidel, Zeit, S. 228 f.
- [89] *dass «die Überwachung straffer gestaltet werden müsse...»* – Zit. nach: Ebenbeck, Hans, Aussage zum Ableben des Generalfeldmarschall Rommel vom 15. 11.1945, S. 2, a.a.O.
- [90] *«Das ist im Augenblick nicht möglich...»* – Zit. nach: Lang, Hellmuth, Gesprächsnotiz vom 8.6.1975, DI 3/10.
- [91] *«So einfach mach ich es den Herren nicht.»* – Zit. nach: Rommel, Manfred, Gesprächsnotiz vom 5.12. 1976, a.a.O.
- [92] *habe «sein Arzt ihm bis auf Weiteres verboten...»* – Zit. nach: F. Rüge, Invasion, S. 238.
- [93] *«einen zuverlässigen Offizier schicken»* – Rommel, Lucie, Bericht über den Tod des Generalfeldmarschall Erwin Rommel vom 9. 9.1945, a. a.O., S. 3.
- [94] *Admiral Rüge zu Besuch* – Vgl. F. Rüge, Invasion, S.237f.
- [95] *«Doch, er will mich beseitigen.»* – Zit. nach: Speidel, Hans, ohne Titel, Erlebnisbericht über das Jahr 1944, maschinenschriftl. Manuskript, undatiert, S. 23, BAMA N 558/77.
- [96] *«Wenn mir etwas passieren sollte...»* – Zit. nach: H. Speidel, Invasion, S. 177.
- [97] *am nächsten Tag zwischen 12.00 und 13. 00 Uhr* – Vgl. Loistl, Rudolf, Gesprächsnotiz vom 6.6.1976, DI 3/10.
- [98] *«Er bat mich... Karten bereitzulegen* – Aldinger, Hermann, Aussage vom 27., 28.6. und 4.7.1949, Blatt 2, in: Ernst Maisei, Spruchkammerverfahren, a.a.O.
- [99] *« Wir waren der Auffassung...»* – Ebd.
- [100] *trafen die Generale Burgdorf, Ernst Maisei und Major Anton Ehrnsperger... ein* – Vgl. Ehrnsperger, Anton, Vernehmungsprotokoll vom 7. 7.1961, S. lf., DI 3/4.
- [101] *Aldinger hatte einige Besorgungen...zu erledigen* – Vgl. Aldinger, Hermann, Aussage vom 27., 28.6. und 4.7.49, Blatt 3, a.a.O.
- [102] *ein Dutzend Gestapoleute in Zivil* – Vgl. Schneider, Hans, Aufzeichnung vom 25., 26.2.1948, in: Spruchkammerverfahren Maisei, Ernst, a.a.O.; Ehrnsperger, Anton, Vernehmungsprotokoll vom 7. 7. 1961, S. 1, Rückseite, a.a.O.
- [103] *«jeden Fluchtversuch mit Waffengewalt zu verhindern»* – Ebenbeck, Hans, Aussage zum Ableben des Generalfeldmarschall Rommel vom 15. 11.1945, S. 3, a. a.O.
- [104] *einen Leiterwagen so in eine Einfahrt geschoben* – Vgl. Doose, Heinrich, Aussage vom 27., 28.6. und 4.7.1949, Blatt 2, in: Maisei, Ernst, Spruchkammerverfahren, a. a.O.
- [105] *ein Teilstück der nahe liegenden Autobahn* – Vgl. Doose, Heinrich, Aussage vom 30. 5.1945, S. 3, BAMA N 117/29.
- [106] *In einem Anflug rührender Ahnungslosigkeit* – Vgl. Maisei, Ernst, Aussage vom 13. 11.1946, S. 2, sowie Aussage vom 5.11.1947, S. 1, a.a.O.

- [107] *«wegen seiner Beteiligung an den Vorbereitungen zum 20 Juli»* – Vgl. Maisei, Ernst, Vernehmung vom 4.7.1949, Blatt 5, a.a.O.
- [108] *vor allem Hofackers Bericht* – Vgl. Maisei, Ernst, Aussage vom 13.11.1946, S. 2, Aussage vom 5.11.1947, S. 1 f., sowie Vernehmung vom 4.7.1949, Blatt 5, a.a.O.
- [109] *«Ich werde die Konsequenzen ziehen.»* – Zit. nach: Maisei, Ernst, Aussage vom 13.11.1946, S. 2, a.a.O.
- [110] *«Ich habe den Führer geliebt...»* – Zit. nach: Maisei, Ernst, Aussage vom 5. 11.1947, S. 1, Rückseite, sowie Vernehmung vom 4.7.1949, Blatt 6, a. a.O.
- [111] *Er... hielt dies für eine «Heuchelei».* – Vgl. Maisei, Ernst, Aussage vom 5.11.1947, S. 2, a. a. O.
- [112] *«Aber mit der Pistole...»* – Zit. nach: ebd.
- [113] *Seine Familie würde nicht verfolgt... werden* – Vgl. Aldinger, Hermann, Aussage vom 27., 28.6. und 4.7.1949, Blatt 4, a.a.O.
- [114] *« Was ist denn los?»* – Rommel, Lucie, Bericht über den Tod des Generalfeldmarschall Erwin Rommel vom 9.9.1945, a.a.O., S. 2, Rückseite.
- [115] *wie Lucie Rommel «bitterlich weinte»* – Vgl. Aldinger, Hermann, Aussage vom 27., 28.6. und 4.7.1949, a.a.O., Blatt 4.
- [116] *«Ich fühle mich unschuldig...»* – Zit. nach: ebd., Blatt 4 f.
- [117] *«Vollkommen bedeutungslos.»* – Ebd., Blatt 5.
- [118] *Er zögerte einen Moment* – So Manfred Rommel in einer mündl. Auskunft an den Verf.
- [119] *«Ich sah Rommel hinten im Wagen sitzend...»* – Doose, Heinrich, Aussage vom 30.5.1945, a. a. O., S. 2.
- [120] *schleppten die Leiche Rommels* – Vgl. Doose, Heinrich, Aussage vom 27., 28.6. und 4.7.1949, a. a. O., Blatt 3.
- [121] *Breiderhoff reagierte sofort* – Vgl. Jehle, Erika, Brief an Lucie Rommel vom 24.6.1949, in: Maisei, Ernst, Spruchkammerverfahren, a. a. O.
- [122] *meldete über Telefon den Vollzug* – Vgl. Keitel, Anton, Vernehmungsprotokoll vom 7.7.1961, a.a.O., S. 3,
- [123] *«Herzschlag als Folge eines... Dienstunfalls»* – Totenschein, Faksimile in: K. Wendt, Finale, S. 170; Vgl. auch Kandier, Josef Dr., Aussage vom 27.1.1962, DI 8.
- [124] *Im OP kümmerte sich inzwischen eine Krankenschwester* – Vgl. Jehle, Erika, Brief an Lucie Rommel vom 24. 6.1949, a. a.O. Раз за разом повторяется утверждение (Vgl. R. Stumpf, Erwin Rommel, Aufsatz, S. 45), что венок на могилу Роммеля, посланный лично Гитлером, был доставлен на вокзал Ульма уже 14 октября 1944 года; никаких доказательств этому не найдено.
- [125] *Seine Rede war hölzern und unpersönlich.* – Vgl. S. Westphal, Erinnerungen, S. 289 f.
- [126] *«Der unermüdliche Kämpfer war erfüllt...»* – Zit. nach: L. u. M. Rommel, Generalfeldmarschall Rommel, S. 42.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

- [1] *bei seiner menschlichen Entscheidung* – Vgl. M. Rommel, Trotz allem, S. 267 ff.
- [2] *seine Familie nach Frankreich* – So Manfred Rommel in einer mündl. Mitteilung an den Verf.
- [3] *nur die Wahl* – В. Кейтель показал на суде в Нюрнберге: «Бургсдорф [sic!] имел от Гитлера личное указание, чтобы он воспрепятствовал самоубийству с помощью огнестрельного оружия и предложил яд, чтобы смерть можно было объяснить повреждением мозга вследствие автомобильной катастрофы». См.: W. Görlitz, Keitel, S. 332
- [4] *Mit all den schrecklichen Konsequenzen.* – 30 ноября 1941 года Гитлер сказал великому муфтию Иерусалима: «Цель немцев состоит [в случае, если удастся план соединения армий, наступающих на Кавказ и Египет] только в том, чтобы уничтожить в арабском пространстве еврейство, живущее под защитой британской власти» (Zit. nach: A. Hillgruber, Staatsmänner, S. 331–336).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Abt. IV, Kriegsarchiv, München

Bundesarchiv Außenstelle Ludwigsburg

Bundesarchiv Filmarchiv, Berlin

Bundesarchiv Koblenz

Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg

В частности, наследственный фонд № 117 представляет собой дополнительно собранную коллекцию, содержащую 32 документа, ставшие существенной основой работы об Эрвине Роммеле. Наряду с частной корреспонденцией и отдельными документами фонд содержит также военные записи Роммеля.

Bundesarchiv Zentralnachweisstelle, Aachen

Centro di Documentazione Ebraica Contemporanea, Milano

Deutsche Dienststelle, Berlin

Deutsches Rundfunkarchiv, Frankfurt a. M.

Die Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik (BstU) Berlin

Gedenkstätte Deutscher Widerstand, Berlin

Hauptstaatsarchiv Stuttgart

Imperial War Museum, London

Institut für Zeitgeschichte, München

Instituto Nazionale per la Storia del Movimento di Liberazione in Italia, Milano

Microform Ltd., Wakefield

Речь идет о приблизительно 11 000 листов обширной коллекции документов, собранных британским автором Дэвидом Ирвингом при подготовке материалов для книги «The Trail of the Fox», Лондон 1977. Материалы находятся на микрофильмах и также свободно доступны в Институте истории современности, Мюнхен. (97049/1-11 / The Life & Campaigns of Field-Marshal Erwin Rommel).

National Archive of Australia, Sydney

National Archive of New Zealand, Wellington

National Archive of South Africa, Pretoria

National Archives, Washington

После окончания войны американская оккупационная администрация конфисковала у семьи Роммеля все материалы фельдмаршала. В их числе оказалась и практически вся частная корреспонденция Роммеля, его военные и личные документы, а также обширная коллекция фотографий. Позднее эти документы были возвращены семье Роммеля, однако их копии существуют на микрофильмах в Национальном архиве США (RG 242 T 84/Rommel Collection Roll 272-284).

Österreichisches Staatsarchiv, Wien

Robert-Bosch-Archiv, Stuttgart

Rommel-Museum, Herrlingen

Service Historique de l'Armée de Terre (S.H.A.T.), Vincennes

Sonderarchiv, Moskau

Staatsarchiv Ludwigsburg

Staatsarchiv München

Staatsarchiv Sigmaringen

Stadtarchiv Goslar

Stadtarchiv Kißlegg im Allgäu

Stadtarchiv Schwäbisch Gmünd

Stadtarchiv Stuttgart

Stadtarchiv Weingarten

Stato Maggiore della Marina-Ufficio Storico, Roma

Verband Deutsches Afrika-Korps e.V., Landesverband München

ЧАСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ (ВЫБОРОЧНО):

Buchinger, Dr. Otto, Bad Pyrmont
 Engl, Heribert, München
 Munniger, Rolf, Stuttgart
 Rommel, Manfred, Stuttgart
 Schmidt, Ernst Heinrich, Dürmersheim
 Stark, Hans-Günther, Wessling
 Völker, Rolf Werner, Stuttgart

ЛИТЕРАТУРА

- Aberger, Heinz-Dietrich; Taysen, Adalbert von; Ziemer, Kurt, ...nur ein Bataillon, Essen 1972.
 Aberger, Heinz-Dietrich, Die 5. (lei.)/21. Panzer-Division in Nordafrika 1941–1943, Reutlingen 1994.
 Abetz, Otto, Das offene Problem. Ein Rückblick auf zwei Jahrzehnte deutscher Frankreichpolitik, Köln 1951.
 Agar-Hamilton, J.A. I.; Turner, L. C. F., Crisis in the Desert. May-July 1942, Cape Town 1952.
 Alexander of Tunis, Harold, The Alexander Memoirs 1940–1945, London 1962.
 Andrae, Friedrich, Auch gegen Frauen und Kinder, München 1995.
- Bankier, David, Die öffentliche Meinung im Hitler-Staat, Berlin 1995.
 Bargatzky, Walter, Hotel Majestic. Ein Deutscher im besetzten Frankreich, Freiburg im Breisgau 1987.
 Barnett, Corelli, Wüsten-Generale, Hannover 1961.
 Bedeschi, Giulio, Fronte d’Africa: c’ero anch’io, Milano 1979.
 Behrendt, Hans-Otto, Rommels Kenntnis vom Feind im Afrikafeldzug. Freiburg im Breisgau 1980.
 Below, Nicolaus von, Als Hitlers Adjutant 1937–1945, Mainz 1980.
 Benz, Wolfgang, Dimension des Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus, München 1991.
 Bleistein, Roman, Dossier: Kreisauer Kreis. Dokumente aus dem Widerstand gegen den Nationalsozialismus, Frankfurt/M. 1987.
 Boberach, Heinz, Hrsg., Meldungen aus dem Reich 1938–1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS, Bd. 1–17, Herrsching 1984.
 Boca, Angelo del, Gli Italiani in Libia. I. Tripoli bei suol d’amore 1860–1922. II. Dal Fascismo a Gheddafi, Roma-Bari 1986.
 Bor, Peter, Gespräche mit Halder, Wiesbaden 1950.
 Bradley, Dermot; Schulze-Kossens, Richard, Hrsg., Tätigkeitsbericht des Chefs des Heerespersonalamtes General der Infanterie Rudolf Schmundt, Osnabrück 1984.
 Brown, James Ambrose, Retreat to Victory. A Springbok’s Diary in North Africa: Gazala to El Alamein 1942, Cape Town 1991.
 Bryant, Arthur, Kriegswende 1939–1943, Düsseldorf 1957.
 Buchheit, Gert, Ludwig Beck. Ein preußischer General, München 1964.
 Bücheier, Heinrich, Karl-Heinrich von Stülpnagel. Soldat, Philosoph, Verschwörer, Berlin 1989.
 Bück, Gerhard, Hrsg., Das Führerhauptquartier 1939–1945, Leoni am Starnberger See, o. J.
 Burdick, Charles B., Unternehmen Sonnenblume. Der Entschluß zum Afrika-Feldzug, Neckargmünd 1972.
- Caccia Dominioni, Paolo, Alamein 1933–1962, Milano 1992.
 Carell, Paul, Sie kommen!, Gütersloh 1960.
 Carrel, Paul, Die Wüstenfüchse. Mit Rommel in Afrika, Hamburg 1958.
 Carver, Michael, El Alamein. Der Wendepunkt des Zweiten Weltkriegs, Tübingen 1963.
 Chabod, Federico, L’Italia Contemporanea (1918–1948), Torino 1961.
 Chalfont, Alun, Montgomery. Rommels Gegenspieler, München 1977.
 Churchill, Winston S., Memoiren. Der Zweite Weltkrieg. Der Eiserne Vorhang, Stuttgart 1954.
 Churchill, Winston S., Memoiren. Der Zweite Weltkrieg. Der Ring schließt sich. Von Teheran bis Rom, Stuttgart 1953.

- Churchill, Winston S., Memoiren. Der Zweite Weltkrieg. Der Sturm zieht auf, Hamburg 1949.
- Churchill, Winston S., Memoiren. Der Zweite Weltkrieg. Die große Allianz. Amerika im Krieg, Stuttgart 1951.
- Churchill, Winston S., Memoiren. Der Zweite Weltkrieg. Die große Allianz. Hitlers Angriff auf Russland, Stuttgart 1951.
- Churchill, Winston S., Memoiren. Der Zweite Weltkrieg. Englands größte Srunde, Hamburg 1950.
- Churchill, Winston S., Memoiren. Der Zweite Weltkrieg. Schicksalswende. Die Befreiung Afrikas, Stuttgart 1952.
- Churchill, Winston S., Memoiren. Der Zweite Weltkrieg. Schicksalswende. Die Sturmflur aus Japan, Stuttgart 1952.
- Churchill, Winston S., Memoiren. Der Zweite Weltkrieg. Triumph und Tragödie, Bern 1953.
- Ciano, Galeazzo Feice Renzo de, Tagebücher 1939–1943, Bern 1946.
- Close, Bill, A View from the Turret. A History of the 3rd Royal Tank Regiment in the Second World War, Tewkesbury 1998.
- Clostermann, Pierre, Le Grand Cirque. Souvenirs d'un pilote de chasse francais dans la R.A.F, France 1948.
- Clostermann, Pierre, L'Histoire vecue. Un demi-siecle de secrets d'Etat, France 1998.
- Colville, John, Downing Street Tagebücher 1939–1945, Berlin 1988.
- Craig, William, Die Schlacht um Stalingrad. Der Untergang der 6. Armee. Kriegswende an der Wolga, München 1974.
- Cramer, Hans Donald, Das Schicksal der Goslarer Juden 1933–1945. Eine Dokumentation, Goslar 1986.
- Creveld, Martin van, Supplying War. Logistics from Wallenstein to Patton, Cambridge 1977.
- Dämmert, Herbert; Kurowski, Franz, Adler ruft Führerhauptquartier! Führungsfunk an allen Fronten 1939–1945, Ulm 1985.
- Demeter, Karl, Das deutsche Offizierskorps in Gesellschaft und Staat 1650–1945, Frankfurt/M. 1962.
- Dietrich, Otto, 12 Jahre mit Hitler, München 1955.
- Dirks, Carl; Janßen, Karl-Heinz, Der Krieg der Generäle. Hitler als Werkzeug der Wehrmacht, Berlin 1999.
- Domarus, Max, Hitler – Reden und Proklamationen 1932–1945, Bd.1 u. 2, München 1965.
- Dönhoff, Marion Gräfin, Um der Ehre willen. Erinnerungen an die Freunde vom 20. Juli, Berlin 1994.
- Döscher, Hans Jürgen, Hrsg., «Reichskristallnacht». Die Novemberpogrome 1938 im Spiegel ausgewählter Quellen, Bonn 1988.
- Duffy, Christopher, Friedrich der Große. Ein Soldatenleben, Zürich 1991.
- Dulles, Allen Welsh, Verschwörung in Deutschland. Germany's Underground, Kassel 1949.
- Eade, Charles, Hrsg., The End of the Beginning. War Speeches by the Right Hon. Winston S. Churchill, Hants 1943.
- Edge, Spence; Henderson, Jim, No Honour no Glory, Auckland 1983 Eisenhower, Dwight D., Kreuzzug in Europa, Amsterdam 1948.
- El Sadat, Anwar, Geheimtagebuch der Ägyptischen Revolution, Düsseldorf-Köln 1957.
- Enever, Ted, Britain's best kept Secret. Ultras Base at Bletchley Park, Stroud 1999.
- Eppler, John W, Rommel ruft Kairo. Aus dem Tagebuch eines Spions, Gütersloh 1959.
- Eschbach, H., Jagd auf Rommel. Himmelfahrtskommandos britischer Ranger, Rastatt 1986.
- Esebeck, Hanns Gert von, Das Deutsche Afrika Korps, München 1980.
- Europäische Publikation e.V., Hrsg., Vollmacht des Gewissens, Frankfurt/M. 1960.
- Fargion, Liliana Picciotto, Il libro della memoria. Gli Ebrei deportati dall' Italia (1943–45), Milano 1991.
- Falin, Valentin, Zweite Front. Die Interessenkonflikte in der Anti-Hitler-Koalition, München 1995.
- Feice, Renzo de, Mussolini l'Alleato. L'Italia in guerra 1940–1943, Torino 1990.
- Fest, Joachim, Staatsstreich, Der lange Weg zum 20. Juli, Berlin 1997.
- Feuersenger, Marianne, Im Vorzimmer der Macht. Aufzeichnungen aus dem Wehrmachtführungsstab und. Führerhauptquartier 1940–1945, München 1999.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatie Papers: 1944, Vol. I, Washington 1966.
- Forty, George, Afrika Korps at War, 1. The Road to Alexandria, Hershaw 1998.
- Forty, George, Afrika Korps at War, 2. The Long Road Back, Hershaw 1998.
- Fräser, David, Rommel. Die Biographie, Berlin 1995.
- Frieser, Karl-Heinz, Blitzkrieg-Legende. Der Westfeldzug 1940, München 1996.
- Fröhlich, Elke, Hrsg., Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I, Aufzeichnungen 1924–1941, Bd. 1–4, München 1987, Bd. 6–9, München 1998.

- Fröhlich, Elke, Hrsg., Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil II, Diktate 1941–1945, 15 Bde., München 1995–1996.
- Gersdorff, Rudolf-Christoph von, Soldat im Untergang, Frankfurt/M. 1977.
- Gilbert, Adrian, The Imperial War Museum Book of the Desert War 1940–1942, London 1992.
- Giordano, Ralph, Die Traditionslüge. Vom Kriegerkult in der Bundeswehr, Köln 2000.
- Giorgerini, Giorgio, La battaglia die convogli nel Mediterraneo, Milano 1977.
- Gisevius, Hans Bernd, Bis zum bitteren Ende. Vom 30. Juni 1934 zum 20. Juli 1944, Berlin 1964.
- Görlitz, Walter, Generalfeldmarschall Keitel, Verbrecher oder Offizier? Erinnerungen, Briefe, Dokumente d. Chefs OKW, Göttingen 1961.
- Görlitz, Walter, Paulus und Stalingrad. Lebensweg und Nachlaß des Generalfeldmarschalls Friedrich Paulus, Bonn 1964.
- Griesmayr, Gottfried; Würschinger, Otto, Idee und Gestalt der Hitlerjugend, Leoni am Starnberger See 1979.
- Guderian, Heinz, Erinnerungen eines Soldaten, Stuttgart 1998.
- Guingand, Sir Francis de, Operation Victory, London 1947.
- Gundelach, Karl, Die deutsche Luftwaffe im Mittelmeer 1940–1945, Frankfurt/M. 1981.
- Halder, Franz, Hitler als Feldherr, München 1949.
- Halder, Franz, Kriegstagebuch, tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres, 1939–1942, bearb. von Hans-Adolf Jacobsen, 3 Bde., Stuttgart 1962–1964.
- Hamilton, Nigel, Monty. The Making of a General 1887–1942, Feltham 1981.
- Hamilton, Nigel, Monty. The Man behind the Legend, Feltham 1987.
- Hamilton, Nigel, Monty. Final Years of the Field-Marshal, 1944–1976, New York 1987.
- Hammerstein, Kunrat von, Spährtrupp, Stuttgart 1963.
- Heckmann, Wolf, Rommels Krieg in Afrika. «Wüstenfüchse gegen Wüstenratten», Bergisch Gladbach 1976.
- Heer, Hannes; Naumann, Klaus, Hrsg., Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944, Hamburg 1999.
- Heiber, Helmut, Hrsg., Lagebesprechungen im Führerhauptquartier. Protokollfragmente aus Hitlers militärischen Konferenzen 1942–1945, Stuttgart 1962.
- Hesse, Kurt, Der Geist von Potsdam, Mainz 1965.
- Hildebrand, Hans H., Deutschlands Admirale 1849–1945, Bd. 2, Osnabrück 1989.
- Hildebrand, Karl Friedrich, Die Ritter des Ordens Pour le Merke, Bd. 1 u. 2, Osnabrück 1998/99.
- Hiller von Gaertringen, Friedrich, Hrsg., Die Hassell-Tagebücher 1938–1944. Aufzeichnungen vom andern Deutschland, Berlin 1988.
- Hillgruber, Andreas, Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940–1941, München 1982.
- Hillgruber, Andreas, Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen 1939–1941, Frankfurt/M. 1967.
- Hinsley, Francis H., British Intelligence in the Second World War, Bd. 2, London 1981.
- Hoffmann, Peter, Claus Schenk Graf von Stauffenberg und seine Brüder, Stuttgart 1992.
- Hoffmann, Peter, Hitlers personal Security. Protecting the Führer, 1921–1945, Washington 2000.
- Hoffmann, Peter, Widerstand gegen Hitler und das Attentat vom 20. Juli 1944, Konstanz 1994 Hoffmann, Peter, Widerstand. Staatsstreich. Attentat. Der Kampf der Opposition gegen Hitler, München 1970.
- Höhne, Heinz, Canaris. Patriot im Zwielficht, München 1984.
- Höhne, Heinz, Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS, Hamburg 1966.
- Höhne, Heinz, Die Zeit der Illusionen. Hitler und die Anfänge des Dritten Reiches; 1933 bis 1936, Düsseldorf/Wien/New York 1991.
- Holmes, Richard, Bir Hacheim: Desert Citadel, London 1971 Hörne, Alistair, The lonely Leader. Monty 1944–1945, London 1995.
- Horrocks, Sir Brian, A full Life, London 1960.
- Hubatsch, Walther, Hrsg., Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht, Frankfurt/M. 1962.

Internationaler Militär Gerichtshof Nürnberg, Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg 14. November 1945 – 1. Oktober 1946, Bd. I–XLII, Nürnberg 1949.

Irving, David, Goebbels. Mastermind of the Third Reich, London 1996.
Irving, David, Göring, München 1987.
Irving, David, Hitlers Krieg. Götterdämmerung 1942–1945, München 1986.
Irving, David, Rommel. Eine Biographie, Augsburg 1989.
Ismay, Hastings Lionel, The Memoirs of Lord Ismay, London 1960.

Jacobsen, Hans-Adolf Hrsg., 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, Darmstadt 1959.
Jacobsen, Hans-Adolf, Hrsg., Spiegelbild einer Verschwörung. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt, 2 Bde., Stuttgart 1984.
Jacobsen, Otto, Erich Marcks. Soldat und Gelehrter, Göttingen 1971.
Jahnke, Karl Heinz; Buddrus, Michael, Hrsg., Deutsche Jugend 1933–1945. Eine Dokumentation, Hamburg 1989.
Joachimsthaler, Anton, Korrektur einer Biographie. Adolf Hitler 1908–1920, München 1989.
Jochmann, Werner, Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944, Hamburg 1980.
Jodl, Luise, Jenseits des Endes. Leben und Sterben des Generaloberst Alfred Jodl, Zürich 1976.
John, Hartmut, Das Reserveoffizierskorps im Deutschen Kaiserreich, Frankfurt/M. 1981.
Jünger, Ernst, Strahlungen, 2 Bde., Stuttgart 1988.

Kehrig, Manfred, Stalingrad. Analyse und Dokumentation einer Schlacht, Stuttgart 1974.
Kern, Erich, Generalfeldmarschall Schörner. Ein Deutsches Soldatenschicksal, Rosenheim 1993.
Kershaw, Ian, Hitler 1889–1936, Stuttgart 1998.
Kershaw, Ian, Hitler 1936–1945, Stuttgart 2000.
Kesselring, Albert, Soldat bis zum letzten Tag, Bonn 1953.
Kißener, Michael; Scholtyseck, Joachim, Hrsg., Die Führer der Provinz. NS-Biographen aus Baden und Württemberg, Konstanz 1997.

Klemperer, Klemens von; Syring, Enrico; Zitelmann, Rainer, Hrsg., Für Deutschland. Die Männer des 20. Juli, Frankfurt/M. 1994.

Klietmann, Kurt-Gerhard, Auszeichnungen des Deutschen Reiches 1936–1945. Eine Dokumentation ziviler und militärischer Verdienst- und Ehrenzeichen, Stuttgart 1982.

Klietmann, Kurt-Gerhard, Die Waffen-SS – eine Dokumentation, Osnabrück 1965.

Klinkhammer, Lutz, Stragi naziste in Italia. La guerra contro i civili (1943–44), Roma 1997.

Klinkhammer, Lutz, Zwischen Bündnis und Besatzung. Das nationalsozialistische Deutschland und die Republik von Salò 1943–1945, Tübingen 1993.

Koch, Lutz, Rommel. Der Wüstenfuchs, München 1978.

Koenig, Marie-Pierre, Bir-Hakeim. 10 juin 1942, Paris 1971.

Kotze, Hildegard von, Hrsg., Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel, Stuttgart 1974.

Krafft von Dellmensingen, Konrad, Schlachten des Weltkrieges. Der Durchbruch am Isonzo. Die Schlacht von Tolmein und Flitsch. 24. bis 27. Oktober 1917, Berlin 1926.

Krafft von Dellmensingen, Konrad, Schlachten des Weltkrieges. Der Durchbruch am Isonzo. Die Verfolgung über den Tagliamento bis zum Piave, Berlin 1926.

Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt des Heeres, Hrsg., Die Niederwerfung der Räteherrschaft in Bayern 1919. Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps, Bd. 4, Berlin 1939.

Krumpelt, Ihno, Das Material und die Kriegsführung, Frankfurt/M. 1968.

Kuby, Erich, Verrat auf Deutsch. Wie das Dritte Reich Italien ruinierte, Hamburg 1982.

Kühn, Volkmar, Mit Rommel in der Wüste. Kampf und Untergang des Deutschen Afrika-Korps, 1941–1943, Stuttgart 1975.

Kurowski, Franz, Endkampf in Afrika. Der Opfergang der Heeresgruppe Rommel in Tunesien 1942/43, Leoni am Starnberger See 1983.

Kurowski, Franz, Erwin Rommel. Der Mensch, der Soldat, der Generalfeldmarschall, Bochum 1987.

Kurowski, Franz, Deutsche Kommandotrupps 1939–1945. «Brandenburger» und Abwehr im weltweiten Einsatz, Stuttgart 2000.

Landsborough, Gordon, Tobruk Commando. The Raid to destroy Rommel's Base, London 1989.

- Lang, Jochen von, Der Sekretär. Martin Bormann: Der Mann, der Hitler beherrschte, München 1987.
- Lauterbacher, Hartmann, Erlebt und mitgestaltet. Kronzeuge einer Epoche 1923–1945. Zu neuen Ufern nach Kriegsende, Preußisch Oldendorf 1984.
- Leber, Annedore, Das Gewissen entscheidet. Bereiche des deutschen Widerstandes von 1933–1945 in Lebensbildern, Frankfurt/M. 1957.
- Lehmann, Rudolf; Tiemann, Ralf, Die Leibstandarte, Bd. 1–5, Osnabrück 1987.
- Lettow-Vorbeck, Paul von, Mein Leben, Biberach a. d. Riss 1957.
- Lewin, Ronald, Rommel as Military Commander, London 1968.
- Lichem, Heinz von, Rommel 1917. Der «Wüstenfuchs» als Gebirgssoldat, München 1975.
- Liddell Hart, Basil Henry, Jetzt dürfen sie reden. Hitlers Generale berichten, Zürich 1948.
- Liddell Hart, Basil Henry, Deutsche Generale des Zweiten Weltkrieges. Aussagen, Aufzeichnungen und Gespräche, München 1965.
- Liddell Hart, Basil Henry, Hrsg., The Rommel Papers, New York 1953.
- Liddell Hart, Basil Henry, Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bd. I und II, Düsseldorf 1972.
- Lill, Rudolf; Oberreuther, Heinrich, Hrsg., 20. Juli – Porträts des Widerstands, München 1989.
- Lill, Rudolf; Oberreuther, Heinrich, Hrsg., 20. Juli – Porträts des Widerstands, Düsseldorf 1994.
- Linge, Heinz, Bis zum Untergang. Als Chef des Persönlichen Dienstes bei Hitler, München 1980.
- Longerich, Peter, Hrsg., Hitlers Stellvertreter. Führung der Partei und Kontrolle des Staatsapparates durch den Stab Heß und die Partei-Kanzlei Bormann, Paris 1992.
- Longerich, Peter, Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung, München 1998.
- Lossberg, Bernhard von, Im Wehrmachtführungsstab, Hamburg 1950.
- Luck, Hans von, Gefangener meiner Zeit. Ein Stück Weges mit Rommel, Herford 1991.
- Luftwaffen-Kriegsbericht-Kompanie, Balkenkreuz über Wüstensand, Berlin 1943.
- Macksey, Kenneth, Rommel, Battles and Campaigns, Stuttgart 1982.
- Maiziere, Ulrich de, In der Pflicht. Lebensbericht eines deutschen Soldaten im 20. Jahrhundert, Hamburg 1997.
- Manchester, William, Winston Churchill. Allein gegen Hitler 1932–1940, Berlin 1990.
- Mather, Carol, When the Grass stops growing. A War Memoir, London 1999.
- Matloff, Maurice; Snell, Edwin M., The War Department-Strategy Planing for Coalition Warfare 1941–1942, Washington 1953.
- McGuirk, Dal, Afrikakorps. Seif Portrait, UCA 1992.
- Meier-Welcker, Hans, Aufzeichnungen eines Generalstabsoffiziers 1939–1942, Freiburg 1982.
- Mellenthin, Friedrich Wilhelm von, Panzer Battles, Stroud 1955.
- Mennel, Rainer, Der nordafrikanisch-italienische Kampfraum 1943–1945, Osnabrück 1983.
- Meyer, Hans R., Sand in den Augen. Die Afrika Soldaten, Heusenstamm 1997.
- Meyer-Krahmer, Marianne, Carl Goerdeler – Mut zum Widerstand. Eine Tochter erinnert sich, Leipzig 1998.
- Militärgeschichtliches Forschungsamt, Hrsg., Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933–1945, Herford 1985.
- Militärgeschichtliches Forschungsamt, Hrsg., Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 6: Der globale Krieg: Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Wechsel der Initiative 1941–1943, Stuttgart 1990.
- Möller, Hans, Geschichte der Ritter des Ordens «Pour le Merite» im Weltkrieg, Berlin 1935.
- Mönch, Winfried, Entscheidungsschlacht «Invasion» 1944?, Stuttgart 2001.
- Montanari, Mario, Le operazioni in Africa Settentrionale, Roma 1989.
- Montanelli, Indro; Cervi, Mario, Storia d' Italia. L' Italia della disfatta, Milano 1979.
- Montgomery, Brian, A Field-Marshal in the Family, London 1973.
- Montgomery of Alamein, Bernard Law, El Alamein to the River Sangro, Cape Town 1948.
- Montgomery, Bernard Law, Memoiren, München 1958.
- Moorehead, Alan, Afrikanische Trilogie 1940–1943, Hamburg 1948.
- Müller, Rolf-Dieter; Volkmann, Hans-Erich, Hrsg., Die Wehrmacht. Mythos und Realität, München 1999.
- Nachtmann, Walter, Karl Strölin. Stuttgarter Oberbürgermeister im «Führerstaat», Tübingen 1995.
- Nehring, Walther K., Die Geschichte der deutschen Panzerwaffe, Augsburg 1995.

Nel, Elizabeth, Mr. Churchills Secretary, New York 1958.
 Nozza, Marco, Hotel Meina. La prima strage di ebrei in Italia, Milano 1993.

Ose, Dieter, Entscheidung im Westen 1944. Der Oberbefehlshaber West und die Abwehr der alliierten Invasion, Stuttgart 1982.

Overmans, Rüdiger, Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg, München 1999.
 Owen, David Lloyd, The Desert my dwelling Place, London 1957.

Picker, Henry, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, Stuttgart 1976.
 Piekalkiewicz, Janusz, Der Wüstenkrieg in Afrika, München 1985.
 Piekalkiewicz, Janusz, Rommel und die Geheimdienste in Nordafrika 1941–1943, Augsburg 1998.
 Plato, Anton Detlev von, Die Geschichte der 5. Panzerdivision 1938 bis 1945, Halle 1978.
 Poepfel, Hans, Die Soldaten der Wehrmacht, München 1999.
 Pogue, Forrest C; George C. Marshall, Ordeal and Hope 1931–1942, New York 1967.
 Pohl, Dieter, Holocaust. Die Ursachen, das Geschehen, die Folgen, Freiburg im Breisgau 2000.
 Prantl, Heribert, Hrsg., Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse, Hamburg 1997.

Rahn, Rudolf, Ruheloses Leben. Aufzeichnungen und Erinnerungen, Düsseldorf 1949.
 Reisch, Max, Mausefalle Afrika, Neckargmünd 1962.

Reschin, Leonid, Feldmarschall im Kreuzverhör. Friedrich Paulus in sowjetischer Gefangenschaft 1943–1953, Berlin 1997.

Reuth, Ralf Georg, Entscheidung im Mittelmeer, Koblenz 1985.

Reuth, Ralf Georg, Erwin Rommel. Des Führers General, München 1987.

Reuth, Ralf Georg, Goebbels. Eine Biographie, München 2000.

Rintelen, Enno von, Mussolini als Bundesgenosse. Erinnerungen des deutschen Militärattaches in Rom 1936–1943, Tübingen 1951.

Ritter, Gerhard, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Stuttgart 1956.

Roberts, Andrew, Churchill und seine Zeit, München 1994.

Rommel Lucie u. Manfred, Generalfeldmarschall Rommel. Zum ehrenden Gedenken, Stuttgart o. J.

Rommel, Erwin, Infanterie greift an. Erlebnis und Erfahrung, Potsdam 1941.

Rommel, Erwin, Krieg ohne Hass, Brenz 1950 Rommel, Manfred, Trotz allem heiter. Erinnerungen, Stuttgart 1998.

Rothfels, Hans, Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945, Göttingen 1966.

Rothfels, Hans, Die deutsche Opposition gegen Hitler, Tübingen 1969.

Rüge, Friedrich, In vier Marinen. Lebenserinnerungen als Beitrag zur Zeitgeschichte, München 1979.

Rüge, Friedrich, Rommel und die Invasion. Erinnerungen, Stuttgart 1959.

Saint Hillier, Bernard, Bir Hakeim 1942. Sur les traces de la lere legion romaine. «Prima nomine et virtute», France 1992.

Sanderson, Louis Gustavo Scott, Variety is the Spiee of Life, London 1995.

Sauer, Paul, Die Schicksale der jüdischen Bürger Baden-Württembergs während der nationalsozialistischen Verfolgungszeit 1933–1945, Stuttgart 1969.

Scheurig, Bodo, Ewald von Kleist-Schmenzin. Ein Konservativer gegen Hitler. Biographie, Frankfurt/M. 1994.

Schirach, Baidur von, Ich glaubte an Hitler, Hamburg 1967.

Schirmer, Alois, Chronik einer Truppen Kameradschaft. Divisions-Nachr.-Kompanie z.b.V. Afrika, Giengen 1990.

Schirmer, Alois, Chronik einer Truppen Kameradschaft. Nordafrika 1941–1943, Giengen 1998.

Schlabrendorff, Fabian von, Begegnungen in fünf Jahrzehnten, Tübingen 1979.

Schlabrendorff, Fabian von, Offiziere gegen Hitler, Berlin 1984.

Schlie, Ulrich, Albert Speer. Alles was ich weiß, München 1999.

Schmettow, Matthias Graf von, Hrsg., Gedenkbuch des deutschen Adels, Limburg 1967.

Schmidt, Heinz-Werner, With Rommel in the Desert, London 1980.

Schmitz, Peter; Thies, Klaus-Jürgen, Die Truppenkennzeichen der Verbände und Einheiten der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939-1945, Bd. 3, Osnabrück 1991.

Schmückle, Gerd, Ohne Pauken und Trompeten. Erinnerungen an Krieg und Frieden, Stuttgart 1982.

- Schneider, Gabriele, Mussolini in Afrika. Die faschistische Rassenpolitik in den italienischen Kolonien 1936–1941, Köln 2000.
- Schoen, Wolfgang; Hillesheim, Holger, Hrsg., Vier Kriegsherren gegen Hitler, Berlin 2001.
- Scholtyssek, Joachim, Robert Bosch und der liberale Widerstand gegen Hitler 1933 bis 1945, München 1999.
- Schramm, Percy Ernst, Hrsg., Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht, Bd. I–IV, Frankfurt/M. 1965.
- Schramm, Wilhelm von, Aufstand der Generale. Der 20. Juli in Paris, München 1964.
- Schreiber, Gerhard, Deutsche Kriegsverbrechen in Italien. Täter, Opfer, Strafverfolgung, München 1996.
- Schreiber, Gerhard, Die italienischen Militärintendanten im deutschen Machtbereich. 1943 bis 1945; verraten – verachtet – vergessen, München/Wien 1990.
- Schreiber, Gerhard, Revisionismus und Weltmachtstreben. Marineführung und deutsch-italienische Beziehungen 1919–1944, Stuttgart 1978.
- Schroeder, Christa, Er war mein Chef. Aus dem Nachlaß der Sekretärin von Adolf Hitler, München 1985.
- Schulz, Alfons, Drei Jahre in der Nachrichtenzentrale des Führerhauptquartiers, Stein a. Rhein 1997.
- Schwerin, Detlef Graf von, «Dann sind's die besten Köpfe, die man henkt». Die junge Generation im deutschen Widerstand, München 1991.
- Schweyher, Karl, 1941–1943. Libyen – Ägypten – Tunesien, Netphen 1994.
- Schyga, Peter, Goslar 1945. Von der nationalen Stadt des Nationalsozialismus, Bielefeld 1999.
- Seckendorf, Martin; Keber, Günter, Hrsg., Europa unterm Hakenkreuz, Bd. 6, Berlin 1992.
- Senger und Etterlin, Frido von, Krieg in Europa, Berlin 1960.
- Serényi, Gitta, Albert Speer. Das Ringen mit der Wahrheit und das deutsche Trauma, München 1995.
- Simpkins, Bertie G., Rand light Infantry, CapeTown 1965.
- Smelser, Ronald; Syring, Enrico, Hrsg., Die Militärelite des Dritten Reiches, Frankfurt/M. 1995.
- Smelser, Ronald; Syring, Enrico; Zitelmann, Rainer, Hrsg., Die braune Elite. 22 biographische Skizzen, Bd. I, Darmstadt 1989.
- Smelser, Ronald; Syring, Enrico; Zitelmann, Rainer, Hrsg., Die braune Elite. 21 weitere biographische Skizzen, Bd. 2, Darmstadt 1993.
- Smith, Dennis Mack, Mussolini, Milano 1981.
- Smith, Michael, Station X. The Codebreakers of Bletchley Park, London 1988.
- Speer, Albert, Erinnerungen, Frankfurt/M. 1969.
- Speer, Albert, Spandauer Tagebücher, Frankfurt/M. 1994.
- Speidel, Hans, Aus unserer Zeit. Erinnerungen, Wien 1977.
- Speidel, Hans, Invasion 1944. Ein Beitrag zu Rommels und des Reiches Schicksal, Frankfurt/M. 1949.
- Speidel, Hans, Zeitbetrachtungen. Ausgewählte Reden, Mainz 1969.
- Sproesser, Theodor, Die Geschichte der Württembergischen Gebirgsschützen, Stuttgart 1933.
- Stahlberg, Alexander, Die verdammte Pflicht. Erinnerungen 1932 bis 1945, Berlin 1994.
- Stang, Knut, Kollaboration und Massenmord. Die litauische Hilfspolizei, das Rollkommando Hamann und die Ermordung der litauischen Juden, Frankfurt/M. 1996.
- Steinbach, Peter, Hrsg., Albrecht von Kessel. Verborgene Saat. Aufzeichnungen aus dem Widerstand 1933 bis 1945, Berlin/Frankfurt/M. 1992.
- Steinbach, Peter; Tuchel, Johannes, Hrsg., Lexikon des Widerstandes 1933–1945, München 1944.
- Stockhorst, Erich, Fünftausend Köpfe. Wer war was im Dritten Reich, Baden 1967.
- Strölin, Karl, Stuttgart im Endstadium des Krieges, Stuttgart 1950.
- Strölin, Karl, Verräter oder Patriot? Der 20. Juli 1944 und das Recht auf Widerstand, Stuttgart 1952.
- Taysen, Adalbert von, Tobruk 1941. Der Kampf in Nordafrika, Freiburg 1976.
- Theil, Edmund, Rommels verheizte Armee. Kampf und Ende der Heeresgruppe Afrika von El Alamein bis Tunis, München 1979.
- Tippeiskirch, Kurt von, Geschichte des Zweiten Weltkriegs, Bonn 1956.
- Trizzino, Antonio, Die verratene Flotte. Tragödie der Afrikakämpfer, Kiel 1993.
- Tschimpke, Alfred, Die Gespenster Division. Mit der Panzerwaffe durch Belgien und Frankreich, München 1940.
- Tungay, Ronald W., The Fighting Third, Cape Town 1947.

Überschär, Gerd R., Hrsg., Hitlers militärische Elite, Bd. 1: Von den Anfängen des Regimes bis Kriegsbeginn, Darmstadt 1998.

Überschär, Gerd R., Hrsg., Hitlers militärische Elite, Bd. 2: Vom Kriegsbeginn bis zum Weltkriegsende, Darmstadt 1998.

Ulrich, Bernd; Vogel, Jakob; Ziemann, Benjamin, Hrsg., Untertan in Uniform. Militär und Militarismus im Kaiserreich 1871–1914. Quellen und Dokumente, Frankfurt/M. 2001.

Umbreit, Hans, Der Militärbefehlshaber in Frankreich 1940–1944, Boppard a. Rhein 1968.

United Restitution Organisation, Judenverfolgung in Italien, den italienisch besetzten Gebieten und in Nordafrika, Frankfurt/M. 1962.

Valentin, Rolf, Ärzte im Wüstenkrieg. Der Sanitätsdienst im Afrikafeldzug 1941–1943, Koblenz 1984.

Verein Württemberg. Gebirgsschützen e.V., Hrsg., Bilder zur Geschichte der Württembergischen Gebirgsschützen, Stuttgart 1928.

Vivian, Cassandra, Alamein, Cairo 1992.

Voss, Rüdiger von; Neske, Günther, Der 20. Juli. Annäherung an den Geschichtlichen Augenblick, Augsburg 1984.

Wagner, Elisabeth, Hrsg., Der Generalquartiermeister. Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des Generalquartiermeisters des Heeres General der Artillerie Eduard Wagner, München 1963.

Warlimont, Walter, Im Hauptquartier der Wehrmacht 1939–1945, Bonn 1964.

Wendt, Kurt, Finale der Invasion. Warum?, 2. Teil, Hamburg 1985.

Wedemeyer, Ruth von, In des Teufels Gasthaus. Eine Preußische Familie 1918–1945, Brendow 1999.

Wegner, Bernd, Hitlers politische Soldaten: die Waffen-SS 1939–1945. Leitbild, Struktur und Funktion einer nationalsozialistischen Elite, Paderborn 1997.

Westemeier, Jens, Joachim Peiper (1915–1976). SS-Standartenführer. Eine Biographie, Osnabrück 1996.

Westphal, Siegfried, «Macht als, Jungs!», Bad Wiessee 1960.

Westphal, Siegfried, Erinnerungen, Mainz 1975.

Westphal, Siegfried, Heer in Fesseln. Aus den Papieren des Stabschefs von Rommel, Kesselring und Rundstedt, Bonn 1950.

Wieder, Joachim; Einsiedel, Heinrich Graf von, Hrsg., Stalingrad und die Verantwortung der Soldaten, München 1993.

Wilks, John and Ellen, Rommel and Caporetto, Barnsley 2001.

Winterbotham, Frederick, Aktion Ultra. Deutschlands Code-Maschine half den Alliierten siegen, London 1976.

Wistrich, Robert, Wer war Wer im Dritten Reich. Anhänger, Mitläufer, Gegner aus Politik, Wirtschaft, Militär, Kunst und Wissenschaft, München 1983.

Yorck von Wartenburg, Marion, Die Stärke der Stille. Erinnerungen an ein Leben im Widerstand, München 1984.

Young, Desmond, Rommel, Wiesbaden 1950.

Zacharias, Ellis M., Secret Missions, The Story of an Intelligence Officer, New York 1946.

Zarusky, Jürgen; Mehringer, Hartmut, Hrsg., Widerstand als Hochverrat 1933–1945. Die Verfahren gegen deutsche Reichsangehörige vor dem Reichsgericht, dem Volksgerichtshof und dem Reichskriegsgericht, Microfiche, München 1994–1998.

Zeller, Eberhard, Geist der Freiheit, Der 20. Juli, München 1952.

Zelzer, Maria, Weg und Schicksal der Stuttgarter Juden. Ein Gedenkbuch, Stuttgart 1964.

Zur Mühlen, Bengt von, Der 20. Juli in Paris. Verlauf – Hauptbeteiligte – Augenzeugen, Berlin 1995.

Zur Mühlen, Bengt von, Die Angeklagten des 20. Juli vor dem Volksgerichtshof, Berlin 2001.

СТАТЬИ В СБОРНИКАХ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ВЫБОРОЧНО)

Eggebrecht, Axel; Zahn, Peter von, Hrsg., SS-Bericht über den 20. Juli. Aus den Papieren des SS-Obersturmbannführers Dr. Georg Kiesel [sic], in: Nordwestdeutsche Hefte, 1, 2/1947.

Franz, Ernst, An Rommels Seite, in: Der Frontsoldat erzählt, 1954.

Gause, Alfred, Der Feldzug in Nordafrika im Jahre 1941, in: Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1962.

- Gentile, Carlo, Settembre 1943. Documenti sull'attività della divisione «Leibstandarte-SS-Adolf Hitler» in Piemonte, in: *II presente e la storia*, Nr. 47, 6/1995.
- Gerber, Johannes, Die Versorgung des DAK nach Übersee aus moderner logistischer Sicht, in: *Die Oase*, 5/1960.
- Grimston, Jack; Woodhead, Michael, Rommels Letters reveal Secret second Family, in: *The Sunday Times*, 12.12.2000.
- Guderian, Heinz G., Kritik und Aussprache zu Friedrich Rüge «Rommel und die Invasion», in: *Europäische Wehrkunde*, 2/80.
- Hering, Burkhardt, Mit Rommel bei Tobruk, in: *Die Oase*, 1955.
- Herrmann, Klaus-Jürgen, Auswirkungen des Kapp-Lüttwitz-Putsches am 16./17. März 1920 in der Oberamtsstadt Gmünd in Württemberg: Hauptmann Erwin Rommel und die Rathausbesetzung, in: *Gmünder Studien* 6, Beiträge zur Stadtgeschichte, 2000.
- Höhne; Heinz, «Da war das Schicksal dazwischen getreten». Die Legenden und Verdrängungen des Generals Hans Speidel, in: *Der Spiegel*, 5/1978.
- Höhne, Heinz, Feldmarschall Rommel. Ende einer Legende, in: *Der Spiegel*, 34/1978.
- Klee, Karl, Der Entwurf zur Führer-Weisung Nr. 32 vom 11. Juni 1941, in: *Wehrwissenschaftliche Rundschau*, 1956.
- Knab, Jakob, Verklärung und Aufklärung. Von den Heldenmythen der Wehrmacht zur Traditionspflege der Bundeswehr, in: *Sicherheit und Frieden*, Jg. 17, 12/1999.
- Kroener, Bernhard R., Die Deformation des Menschen im Krieg, in: *Die Welt*, 4.11.1999.
- Lang, Hellmuth, Anekdoten zum großen Soldaten, in: *Deutsche Soldatenzeitung*, 9/61.
- Lingen, Kerstin von, Konstruktion von Kriegserinnerungen: Der Prozeß gegen Generalfeldmarschall Albert Kesselring vor einem britischen Militärgericht in Venedig (1947) und das Bild vom Krieg in Italien, in: *Militärgeschichtliche Zeitschrift*, 59, 2/2000.
- Ludwig, Joachim, Generaloberst Johannes Blaskowitz im Zweiten Weltkrieg, in: *Militär Geschichte*, 1/1995.
- Manteuffel, Hasso E. von, Die 7. Panzerdivision im Zweiten Weltkrieg. Einsatz und Kampf der «Gespenster-Division». 1939–1945, Privatdruck, 1965.
- Meyer, Georg, Generaloberst Guderian. Zur Erinnerung an seinen 100. Geburtstag, in: *Militärgeschichtliche Beiträge*, Militärgeschichtliches Forschungsamt, 1988.
- Meyer-Welcker, Hans, Untersuchungen zur Geschichte des Offizierskorps, in: *Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte*, Bd. 4, Militärisches Forschungsamt, Stuttgart 1962.
- Mitteilungen der Vereinigung ehemaliger Goslarer Jäger e.V., 10/1935; darin: Ansprache des Bataillonskommandeurs Oberstleutnant Rommel.
- Mönch, Winfried, Die alliierte Invasion, in: *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, Nr. 53, Militärgeschichtliches Forschungsamt, 1994.
- Mönch, Winfried, Die Panzerkontroverse, in: *Wehrwissenschaftliche Rundschau*, Bd. 31, 6/1982.
- Nyary, Josef, Nirgends hat der Prophet so wenig Ansehen wie in seiner Heimat, in: *Welt am Sonntag*, 31.12.2000.
- Ranft, Gerrit-Richard, Oberleutnant Erwin Rommel 1917, in: *Pallasch*, Zeitschrift für Militärgeschichte, 8/2000.
- Rommel, Manfred, Ein Leben in Bildern, in: *Welt am Sonntag*, 27.9.1981.
- Rommel, Manfred, Mein Vater Erwin Rommel, in: *Schwäbischer Heimatkalender*, 1991.
- Rommel, Manfred, Mein Vater hat sich nicht herausgeredet, in: *Stuttgarter Zeitung*, 14.11.81 Rommel, Manfred, Rommel und der Führerbefehl, in: *Die Oase*, Nr. 5, 8/58.
- Rommel, Manfred, Von der Absurdität des Rassenwahns, in: *Das Beste Readers Digest*, 11 /2000.
- Roth, Günter, Gedenktage und Geschichtserkenntnis. Zum Nutzen biographischer Untersuchungen, in: *Militär Geschichte*, 3/1991.
- Rudioff, Gerhard, Das Ärmelband «Afrika», in: *Orden und Ehrenzeichen*, 06/2000.
- Rüge, Friedrich, Rommel und die Invasion, in: *Europäische Wehrkunde*, 10/79.
- Rüge, Friedrich, Warum Rommel die Invasion nicht aufhalten konnte, in: *Stuttgarter Zeitung*, 2.6.1984.
- Scheidt, Wilhelm, Gespräche mit Hitler, in: *Echo der Welt*, 14.10.1949.
- Schmückte, Gerd, Hände weg von Rommel, in: *Welt am Sonntag*, 21.2.1999.
- Schramm, Wilhelm von, Vom Generalstabschef zum Staatsmann, in: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 18.6.1960.
- Stumpf, Reinhard, Erwin Rommel und der Widerstand, in: *Militär Geschichte*, 3/1991.
- Thun-Hohenstein, Romedio Galeazzo Graf von, Generalfeldmarschall Günther von Kluge, in: *Militärgeschichtliche Beiträge*, 8/1994.
- Tidy, Douglas, South African Air Aces of World War II, Nr. 3 Squadron Leader J. J. le Roux, DFC and two Bars, in: *Military History Journal*, Vol. 1, Nr. 4.

- Weichold, Eberhard, Die deutsche Fühlung und das Mittelmeer unter dem Blickwinkel der Seestrategie, in: Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1959.
 Westphal, Siegfried, Der Feldzug in Nordafrika 1942 bis zum bitteren Ende, in: Panzer, 4/1962.
 Wilhelm, Hans-Heinrich, Ein banausenhafter Troupier, in: Süddeutsche Zeitung, 15.2.79.
 Young, Desmond, Rommel – Kämpfer und Gentleman, in: Die Weltwoche, 3.3.1950.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ (ВЫБОРОЧНО))

- Bargatzky, Walter, Persönliche Erinnerungen an die Aufstandsbewegung des 20. Juli 1944 in Patis, maschinenschriftl. Manuskript, 20.10.1945, IFZ ZS/A 29 Bd. 1.
 Falkenhausen, Gotthart von, Erinnerungen an die deutsche Widerstandsbewegung, Juli/August 1945, maschinenschriftl. Manuskript, bei: Dr. Bernhard Freiherr von Falkenhausen, Essen.
 Heinemann, Winfried, Rommel und der Widerstand, Vortragsmanuskript, Militärgeschichtliches Forschungsamt, 23.11.87, bei: Dr. Ernst Heintich Schmidt, Dürmersheim.
 Hesse, Kurt, Wandlung eines Mannes und eines Typus, maschinenschriftl. Manuskript, 7. 7.1948, BAMA N 558/77.
 Howatd, Sir Michael, The Battle of El Alamein, Vortragsmanuskript, April 1998, bei: Dr. Ernst Heinrich Schmidt, Dürmersheim.
 Michel, Elmar, Pariser Erinnerungen, maschinenschriftl. Manuskript, undatiert, IFZ ZS 272.
 Pölnitz, Friderike von, Aufzeichnungen der Sekretärin von General Stülpnagel über den 20. Juli 1944, maschinenschriftl. Manuskript, aufgezeichnet nach Kriegsende 1945, bei: Friderike Freifrau von Pölnitz, München.
 Saame, Ina; Brunner, Christa; Speidel, Hans H., Richtigstellung, undatiert, bei: Hans H. Speidel, Potsdam.
 Schyga, Peter, Erwin Rommel in Goslar 1933 bis 1935, maschinenschriftl. Manuskript, im Besitz des Verf.s.
 Stumpf, Reinhard, Die deutsch-italienische Opetation in Nordafrika 1941–1942, Buchmanuskript, 1992, bei: Dr. Ernst Heinrich Schmidt, Dürmersheim.
 Teuchert, Friedrich von, o. T., Manuskript über den 20. Juli 1944 in Paris, Januar 1946, bei: Luitpold von Btaun, München.

ИНТЕРВЬЮ (ВЫБОРОЧНО)

- Behr, Winrich, Düsseldorf, 19.4.2001.
 Boeselager, Philipp von, Kreuzberg, 11.7.2001.
 Borner, Dr. Peter, Walchensee, 13.8.2001.
 Carver, Michael, Wickham (GB), 14.9.2001.
 Ceppa, Bruno, Ochsenhausen, 8.2.2001.
 Engl, Heribert, München, 4.4.2001.
 Guderian, Heinz, Bonn, 11.7.2001.
 Halm, Heinz Günther, Bad Münster, 8. 5.2001.
 Hauber, Friedrich, Hamburg, 11.5.2001.
 Kielmansegg, Johann Graf von, Bonn, 12.7.2001.
 Kolleth, Rose, Salzburg (A), 2. 3. 2001.
 Leipzig, Hellmut von, Otavi (Namibia), 18.6.2001.
 Levy, Isaac, London (GB), 12.8.2001.
 Luyt, Clive, Kapstadt (CA), 22.6.2001.
 Messmer, Pierre, Paris (F), 13. 11.2001.
 Munninger, Rolf, Stuttgart, 17.4.2001.
 Mussolini, Romano, Rom (I), 30.10.2001.
 Pan, Helga, Kempten, 26.1.2001.
 Pan, Joseph, Kempten, 26.1.2001.
 Plümacher, Heinz, München 10.4.2001.
 Remlinger, Jacques, Cubrial (F), 28.3.2002.
 Rommel, Manfred, Stuttgart, 23.2.2001 (Interview I).

Rommel, Manfred, Stuttgart, 18.10.2001 (Interview II).
Schlippenbach, Melchior von, München, 27.4.2001.
Schmidt, Heinz-Werner, Durban (CA), 28.7.2001.
Schmückle, Gerd, München, 20.4.2001.
Schnez, Albert, Bonn, 10.11.2001.
Schulz, Alfons, Bonn, 12.7.2001.
Wagenführ, Walter, München, 21.12.2001.
Wagner-Manslau, Wolf-Dietrich, München, 3.1.2001.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Bechtermünz Verlag, Augsburg 150, 151.
Bildarchiv Preussischer Kulturbesitz, Berlin 136, 139, 160, 221, 238, 250, 251, 254, 256, 275.
Bundesarchiv Koblenz 47, 50, 59, 62, 66, 76, 91, 101, 108, 114, 152, 185, 203, 206, 209 u., 210, 235, 332.
Bundesarchiv Militärarchiv, Freiburg 93, 192.
Hauptstaatsarchiv Stuttgart 25, 26.
Mit freundlicher Genehmigung von Dr. Ernst Heinrich Schmidt, Durmersheim 167.
Mit freundlicher Genehmigung von Dr. Manfred Rommel, Stuttgart 16, 17, 27, 29, 30, 38, 231, 309, 315, 319, 331.
Mit freundlicher Genehmigung von Hans-Günther Stark, Wessling 120.
Mit freundlicher Genehmigung von Heinrich Bücheier, Bad Sobemheim 241.
Mit freundlicher Genehmigung von Karl Höffkes, Dorsten 34, 37, 80, 141, 156, 171, 172 o., 172 u., 178, 199, 209 o.l., 209 o.r., 209 M.I., 209 M. r., 219, 243, 245, 260, 262, 267, 284, 305, 327, 328, 330.
Mit freundlicher Genehmigung von Karl Hulke, Aussernzell 276.
Staatsbibliothek Bildarchiv, München 44, 84, 88, 105, 113, 125, 182, 214, 222, 227, 252, 288, 303, 310.
Süddeutscher Bilderdienst, München 12, 13, 64, 94, 97.
Ullstein Bilderdienst, Berlin 176.
Verlag Heidenheimer Zeitung, Heidenheim 54.
Alle übrigen Abbildungen stammen aus Privatbesitz.

БЛАГОДАРНОСТИ

С особой благодарностью я должен отметить участие доктора Эрнста Хайнриха Шмидта, бывшего руководителя Военного музея в Раштатте, а до того — уполномоченного министерства в Ведомстве по изучению военной истории и руководителя проекта восстановления «Музея поля сражения в Эль-Аламейне», который как консультант сопровождал эту книгу и всю серию. Его большим военно-историческим знаниям я обязан более глубоким пониманием военного ремесла. Он сделали неоценимый вклад в возможность приблизиться к личности Роммеля.

Я сердечно благодарен крупнейшему немецкому эксперту по Североафриканскому театру военных действий доктору Райнхарду Штумпфу. Остается пожелать, чтобы его работа о Войне в пустыне была опубликована и стала доступна широкой общественности.

Я благодарю председателя Федерального союза ветеранов Немецкого Африканского корпуса Ганса-Гюнтера Штарка, который с неустанной выносливостью и товарищеским участием с самого начала поддерживал этот проект.

Я благодарю доктора Манфреда Роммеля за многие содержательные беседы. Он своим ясным взглядом на вещи и критическими замечаниями к рукописи весьма помог мне понять его отца.

Я благодарю Рольфа Муннингера и Рольфа Вернера Фолькера, которые столь же сердечно, сколь прилежно сообщали мне свои познания об Африканском походе и тем самым дали возможность получить важные сведения об Эрвине Роммеле.

Я благодарю Винриха Бера за дружеский прием в своем доме и информативные беседы, а также за критический отзыв о главе, посвященной пребыванию Роммеля во Франции в 1943–1944 годах.

Также я благодарю его и графа Генриха фон Айнзиделя за важные дополнения по теме Сталинграда.

Я благодарю доктора Хайнца-Людвига Борхерта (отделение Федерального архива в Людвигсбурге), Луитпольда фон Брауна (Мюнхен), Хайнриха Бюхайера (Инцигкофен), доктора Михаэля Буддруса (Институт современной истории, Берлин), Маргарете Айхельманн (Берлин), Хериберта Энгля (Мюнхен), доктора Манфреда Керига, Курта Эрдманна, Барбару Кисов (Федеральный военный архив, Фрейбург), доктора Вольфганга Эчманна (Военно-исторический музей, Вена), доктора права барона Бернхарда фон Фалькенгаузуна (Эссен), доктора Дитера Фризе (Гослар), доктора Карла-Хайнца Фризера, доктора Герхарда П. Гросса (Военно-историческое исследовательское ведомство, Потсдам), доктора Ахима Фукса (Баварский главный государственный архив, 3-й отдел, военный архив), доктора Клауса-Юргена Херманна (городской архив Швабиш-Гмюнда), Альфреда фон Хофаккер-Иккинга, Карла-Хайнца Хёффкеса (Гешер), Хайнер Кале (Музей Роммеля, Херрлинген), доктора Лутца Клинкхаммера (Немецкий исторический институт, Рим), Штефана Кюмайера (Берлин), Михаэля Ланга (Мёгглинген), Хорста-Гюнтера Ланге (Гослар), доктора Йорга Ляйста (Ванген-им-Альгой), Уве Ломанн (городской архив Вайнгартена), доктора Хартмута Мерингера, доктора Дитера Поля, Веронику Енерт, Ульрику Талеи, Херманна Вайсса (Институт современной истории, Мюнхен), Франца Мёгле-Хофаккера (Главный государственный архив, Штутгарт), Сибиллу Петер (Мюнхен), Берит Пистора (Федеральный архив, Кобленц), баронессу Фридерике фон Пёльнитц (Мюнхен), Вальтера Роллера (Немецкий архив радио, Франкфурт), Франка Заломона (Немецкое общество ухода за военными захоронениями, Кассель), Рудольфа Шнайдера (Штаухитц), доктора Петера Шигу (Ганновер), Ганса Х. Шпайделя (Потсдам), доктора Альфреда Таузендпфунда (Государственный архив, Мюнхен), Адальберта фон Тайзена, доктора Кристофа Тепперберга, Петера Броучека, доктора Герхарда Артля (Военный архив, Вена), доктора Йоханнеса Тухеля (Памятники германского Сопротивления, Берлин), Ганса-Гюнтера Фойгта (Федеральный киноархив, Берлин), Зигфрида Вестфаля (Мюнхен), профессора доктора Берно Вишманна (Бад-Зобернхайм).

Я благодарю редакторов серии Вольфганга Ландгребера (WDR), доктора Томаса Фишера (SWR), Сильвию Гутманн (NDR), Анетту Канцлер и Мартина Хюбнера (MDR). Интенсивная совместная работа с документацией была для меня чрезвычайно полезной для понимания проблематики.

Моя благодарность в особенности моим сотрудникам, которые более года занимались проектом. Я благодарю Томаса Штелера, который деликатно помог узнать ранее неизвестные обстоятельства из жизни Эрвина Роммеля. Особо я хотел бы поблагодарить Петера Кремера, который с необычайной оперативностью и большим талантом находил в архивах и частных собраниях совершенно необычные результаты. Он был одним из столпов этого проекта.

Я благодарю доктора Сесилию Пти (Италия), Кирсти Вуд (Англия) и Марка Блезингера (Франция) за их ценное сотрудничество.

Я благодарю Филиппа Альцманна, который из интереса к теме вышел далеко за пределы прямых обязанностей начальника производства и получил важные сведения о природе Ливии.

Я благодарю доктора Кристиана Августина, Коринн Байарт, Карла-Антон Кенигса, Хубертуса цу Лёвенштайн, Андреа Гремельс и Ванессу Утманн за их участие.

Наконец, совершенно отдельно я хотел бы принести сердечные благодарности Ульрике Нидер-Фаренхольц. Она всегда профессионально и заинтересованно заботилась о продвижении проекта и внесла тем самым большой вклад в его осуществление.

Моя благодарность также техническому отделу издательства, в особенности Харальду Беккеру и Хельге Шёрниг, а также верстальщику Михаэлю Хемпелю, которые до последнего момента продолжали работу над книгой.

Я благодарю Лионеля фон дем Книзебека, без которого этой книги не было бы, и особенно сердечно — доктора Дорис Янсен, которая многое сделала для установления важных для написания данной книги контактов.

Наконец, я от всего сердца благодарен лектору доктору Антье Таффельт, которая месяцами днем и ночью с высокой профессиональной компетентностью и человеческим пониманием и готовностью словом и делом помогала мне в работе.

Мюнхен, февраль 2002 года

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
Часть первая ВПЕРЕД!	10
Часть вторая МАЯТНИК	35
Часть третья ГОНКА	67
Часть четвертая ПОВИНОВЕНИЕ	81
Часть пятая ТРАВЛЯ	96
Часть шестая ИНТЕРМЕЦЦО	112
Часть седьмая ОГОНЬ В СОЛОМЕ	133
Часть восьмая СОПРОТИВЛЕНИЕ	150
Часть девятая МАГНЕТИЗМ	164
Часть десятая ПРАВДА	195
ПОСЛЕСЛОВИЕ	223
ПРИЛОЖЕНИЯ	226

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Реми Морис Филип
МИФ РОММЕЛЯ
Легенда Африканского корпуса

Редактор В. Леонидов
Художественный редактор О. Адашкина
Корректор В. Иванов

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0150205 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Минская фабрика цветной печати».
ЛП № 02330/0056853 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220024, Минск, ул. Корженевского, 20.

На основе многочисленных материалов из архивов, частных собраний и фондов автором создан портрет «Лиса Пустыни», добившегося блестящих побед над британскими войсками в Северной Африке.

Текст снабжен большим количеством фотографий, картами, схемами и приложениями.

ISBN 978-5-17-045303-0

9 785170 453030